ISSN 2309–6608

Министерство образования и науки Украины

Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина

Харьковское областное историко-археологическое
общество

ХАРЬКОВСКИЙ
ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
ЕЖЕГОДНИК

ДРЕВНОСТИ
2017

СТАТЬИ
ПУБЛИКАЦИИ
ЗАМЕТКИ
РЕЦЕНЗИИ
ХРОНИКА

ВЫПУСК 15

Издается с 1994 года

Харьков
2017

УДК 930.26
Д 73

Утверждено к печати решением
Ученого совета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(протокол № 17 от 26.12.2016 г.)

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, профессор **С. И. Посохов**, *главный редактор* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук **В. С. Аксенов** (ХИМ имени Н. Ф. Сумцова)
канд. ист. наук, доцент **С. И. Берестнев** (ХГАФК)
д-р ист. наук, профессор **Н. Н. Болгов** (НИУ «БелГУ», РФ)
канд. ист. наук, доцент **Ю. В. Буйнов** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **С. В. Дьячков**, *зам. глав. редактора* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **С. А. Кариков** (НУГЗУ, Харьков)
канд. ист. наук, доцент **В. В. Колода** (ХНПУ имени Г. С. Сковороды)
канд. ист. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *отв. секретарь* (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **А. П. Мартемьянов** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
д-р ист. наук, профессор **А. П. Медведев** (ВГУ, РФ)
д-р ист. наук, профессор **А. Д. Пряхин** (ВГУ, РФ)
д-р ист. наук, профессор **И. П. Сергеев** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **В. В. Скирда** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
д-р ист. наук, профессор **Д. Слапек (**УМКС, Люблин, Польша**)**
д-р ист. наук, профессор **С. Б. Сорочан** (ХНУ имени В. Н. Каразина)
канд. ист. наук, доцент **И. Б. Шрамко** (ХНУ имени В. Н. Каразина)

Адрес редакционной коллегии:
площадь Свободы, 6, к. 4–89, г. Харьков, 61022, Украина.
Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина.
Тел.: +38 (057) 707-53-37
E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;
сайт: https://khiao.wordpress.com/drevnosti/
http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive

Древности 2017 : Харьковский историко-археологический ежегодник. — 2017. — Вып. 15. — 248 с.

Материалы ежегодника «Древности» посвящены актуальным проблемам исследования древней и средневековой истории. В сборнике представлен широкий круг публикаций по истории, археологии, историографии и музейному делу. Значительное место занимают исследования разнообразных археологических памятников и публикации новых находок.

Свидетельство о государственной регистрации КВ № 577 от 12.04.1994

© Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, оформление, 2017
© Харьковское историко-археологическое общество, оформление, 2017

ISSN 2309–6608

Міністерство освіти і науки України
Харківський національний університет
імені В. Н. Каразіна
Харківське обласне історико-археологічне
товариство

ХАРКІВСЬКИЙ
ІСТОРИКО-АРХЕОЛОГІЧНИЙ
ЩОРІЧНИК

СТАРОЖИТНОСТІ
2017

СТАТТІ
ПУБЛІКАЦІЇ
НОТАТКИ
РЕЦЕНЗІЇ
ХРОНІКА

ВИПУСК 15
Видається з 1994 року

Харків
2017

УДК 930.26
Д 73

Затверджено до друку рішенням
Вченої ради Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна
(протокол № 17 від 26.12.2016 р.)

Редакційна колегія:

д-р іст. наук, професор **С. І. Посохов**, ***головний редактор*** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук **В. С. Аксьонов** (ХІМ імені М. Ф. Сумцова)
канд. іст. наук, доцент **С. І. Берестнєв** (ХДАФК)
д-р іст. наук, професор **М. М. Болгов** (НДУ «БєлДУ», РФ)
канд. іст. наук, доцент **Ю. В. Буйнов** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **С. В. Д'ячков**, ***заст. головного редактора*** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **С. А. Каріков** (НУЦЗУ, Харків)
канд. іст. наук, доцент **В. В. Колода** (ХНПУ імені Г. С. Сковороди)
канд. іст. наук, доцент **С. Д. Литовченко**, *відп. секретар* (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **О. П. Мартем'янов** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор **О. П. Медвєдєв** (ВДУ, РФ)
д-р іст. наук, професор **А. Д. Пряхін** (ВДУ, РФ)
д-р іст. наук, професор **І. П. Сергеєв** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **В. В. Скирда** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
д-р іст. наук, професор **Д. Слапек (**УМКС, Люблін, Польща**)**
д-р іст. наук, професор **С. Б. Сорочан** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)
канд. іст. наук, доцент **І. Б. Шрамко** (ХНУ імені В. Н. Каразіна)

Адреса редакційної колегії:

майдан Свободи, 6, к. 4–89, м. Харків, 61022, Україна. Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна. *Тел.:* +38 (057) 707-53-37
E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;
сайт: https://khiao.wordpress.com/drevnosti/
http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive

Старожитності 2017 : Харківський історико-археологічний щорічник. — 2017. — Вип. 15. — 248 с.

Матеріали щорічника «Старожитності» присвячено актуальним проблемам дослідження стародавньої та середньовічної історії. У збірці надається низка публікацій з історії, археології, історіографії та музейної справи. Значне місце відведено дослідженням різноманітних археологічних пам'яток і публікаціям нових знахідок.

Свідоцтво про державну реєстрацію КВ № 577 від 12.04.1994

© Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна, оформлення, 2017
© Харківське історико-археологічне товариство, оформлення, 2017

ISSN 2309–6608

The Ministry of Education and Science of Ukraine
V. N. Karazin Kharkiv National University
Kharkiv Historical & Archaeological Society

KHARKIV
HISTORICAL & ARCHAEOLOGICAL
ANNUAL

ANTIQUITIES
2017

ARTICLES
PUBLICATIONS
NOTES
REVIEWS
CHRONICLE

VOLUME 15
Published since 1994

Kharkiv
2017

УДК 930.26
Д 73

Approved for publishing by solution of
Academic Council of V. N. Karazin Kharkiv National University
(protocol № 17 dated 26.12.2016)

Editorial Board:

S. I. Posokhov, Professor, *Editor-in-Chief* (V. N. Karazin KhNU)
V. S. Aksyonov, Doctor (M. F. Sumtsov KhHM)
S. I. Berestnev, Doctor (HDAFK)
N. N. Bolgov, Professor (NRU "BelSU", RF)
Yu. V. Buynov, Doctor (V. N. Karazin KhNU)
S. V. Dyachkov, Doctor, *Sub-Editor-in-Chief* (V. N. Karazin KhNU)
S. A. Karikov, Doctor (NUCPU, Kharkiv)
V. V. Koloda, Doctor (H. S. Skovoroda KhNPU)
S. D. Litovchenko, Doctor, *Executive Secretary* (V. N. Karazin KhNU)
O. P. Martemyanov, Doctor (V. N. Karazin KhNU)
A. P. Medvedev, Professor (VSU, RF)
A. D. Pryakhin, Professor (VSU, RF)
I. P. Sergeev, Professor (V. N. Karazin KhNU)
V. V. Skirda, Doctor (V. N. Karazin KhNU)
D. Slapek, Professor (UMCS, Lublin, Poland)
S. B. Sorochan, Professor (V. N. Karazin KhNU)
I. B. Shramko, Doctor (V. N. Karazin KhNU)

Address of the Editorial Board:
Svobody sq., 6, office 4–89, Kharkiv, 61022, Ukraine.
V. N. Karazin Kharkiv National University. *Tel.:* +38 (057) 707-53-37
E-mail: antiquites.journal@karazin.ua; khiao1995@gmail.com;
website: https://khiao.wordpress.com/drevnosti/
http://periodicals.karazin.ua/drevnosti/issue/archive

Antiquities 2017 : Kharkiv Historical & Archaeological Annual. — 2017. — Vol. 15. — 248 p.

The materials of the yearbook "Antiquities" are devoted to the actual problems of the study of ancient and medieval history. The collection contains a wide range of publications on history, archeology, historiography and museum work. A significant place is occupied by research of various archaeological monuments and publications of new finds.

Certificate of state registration KV № 577 from 12.04.1994

© V. N. Karazin Kharkiv National University, design, 2017
© Kharkiv Historical & Archaeological Society, design, 2017

Статьи

ИСТОРИЯ

А. Г. Чередниченко

О направлении миграций древнейших индоевропейцев

Очевидно, что решение узловых проблем этнокультурной истории вообще и индоевропеистики в частности, возможно только на основе сбалансированного комплексного подхода, при учете данных различных гуманитарных и естественных наук — сравнительно-исторического языкознания, истории, археологии, этнологии, антропологии, ДНК-генеалогии, палеоботаники, палеозоологии и т. д. [1; 2]. Важно, чтобы представители различных областей научного знания вели диалог между собой. Данная работа призвана способствовать развитию этого диалога.

Так, одной из главных проблем этнокультурной истории является проблема локализации прародины и определения путей миграций древнейших индоевропейцев. Под индоевропейцами подразумевается древний этнос (родоплеменная группа) носителей индоевропейского праязыка (языка) [3, с. 24, 26, 120–121]. Бытие индоевропейского этноса (как и всякого другого этноса) основывалось на базовых семиотических системах, к которым относятся народные приметы, народные гадания, предзнаменования, пластика тела и танец, музыка, изобразительные и прикладные искусства, орнамент, народная архитектура, костюм и татуировка, меры, ориентиры, команды и сигналы, обряды, игры, язык. Благодаря успехам сравнительно-исторического языкознания последних двух столетий, проведена реконструкция индоевропейского праязыка (языка) и его диалектов, давших начало праязыкам групп индоевропейской семьи языков. На основе данных лингвистической палеонтологии и этимологии была воссоздана картина мира древнейших индоевропейцев и изучены многие элементы базовых семиотических систем их этноса. Хозяйственно-культурный тип индоевропейского этноса можно определить следующим образом: ручные земледельцы лесной и лесостепной зоны умеренного пояса, занимавшиеся еще и отгонным скотоводством, охотой, рыболовством, собирательством [4; 5; 6]. Миграции индоевропейцев происходили по типу совершения древними италиками ритуала Ver sacrum [7, с. 232–251].

Добавим также небольшую ремарку: результаты изучения палеоономастики Северной Европы и материалы археологических изысканий на севере Европейского континента позволяют исключить данный регион из ареала расселения древнейших индоевропейцев [8; 9, с. 65–84; 10; 11; 12; 13]. Финно-угорские народности, не будучи аборигенными обитателями Северной Европы, освоили ее намного раньше каких бы то ни было индоевропейцев.

Различные концепции исследователей-индоевропеистов сходятся в том, что пути расселения фил и фратрий носителей индоевропейских диалектов групп centum и satəm

@ А. Г. Чередниченко, 2017

пролегали через Северное Причерноморье. Однако в индоевропеистике на Западе доминирует точка зрения, согласно которой степи и лесостепи Северного Причерноморья были западной окраиной праиндоевропейского мира, охватывавшего якобы степи и лесостепи Евразии от Приуралья и Поволжья до Причерноморья. Соответственно, с индоевропейцами связывается «курганная культура» (в отечественной науке чаще именуемая древнеямной культурно-исторической общностью), а вектор индоевропейских миграций в III—II тыс. до н. э. определяется осью «восток → запад». Наиболее ярко такое понимание индоевропейской проблемы представлено в работах М. Гимбутас и Дж. Мэллори [2; 14, с. 41–65; 15; 16; 17; 18; 19].

Но исследователи-уралисты обычно включают Западную Сибирь, Приуралье и Прикамье в ареал прародины финно-угорских и самодийских народов [20, с. 105–198; 21, с. 138–204; 22]. В финно-угорском праязыке и живых финно-угорских языках имеются лексические заимствования и проникновения не из индоевропейского праязыка, а из оформившихся индоиранских диалектов, восходящих к одному из восточноиндоевропейских («сатэмных») диалектов — диалекту манавов («потомков Ману»), т. е. предков индоиранцев, если использовать древнеиндийскую терминологию [23, с. 27–33; 24; 25, с. 214–217; 26, с. 272, 276–281]. Появление этих лексических заимствований и проникновений может быть датировано эпохой не ранее конца II тыс. до н. э., т. е. временем после гибели манавско-хурритского государства Митанни (XVI—XIII вв. до н. э.) на Ближнем Востоке [25, с. 199–215; 27, с. 21–76; 28, с. 43–51, 78–111, 134–137, 383–389; 29, с. 429–431; 30, с. 38, 44; 31; 32; 33]. Приведем некоторые яркие примеры ранних заимствований в финно-угорские языки из индоарийских и восточноиранских (туранских) диалектов позднеиндоевропейского состояния:

фин.-угор. *säptä ‘семь’ восходит к индоар. *sapta ‘семь’;

фин.-угор. *s’ata ‘сто’ ближе к индоар. çata-, чем к общеиран. *sata- ‘сто’;

манс. sor, удмурт. sur ‘пиво’ восходит к индоар. *suru ‘хмельной напиток’ (ср. др.-инд. sūra ‘сома, стекающая с пресса’);

фин.-угор. *mort ‘человек’ происходит из вост.-иран. *martya, *marta- ‘смертный’;

фин.-угор. *vurun ‘шерсть’ происходит из вост.-иран. *vərnə- ‘шерсть’;

фин.-угор. *zarni ‘золото’ происходит из вост.-иран. *zar(a)nya- ‘золото, желтое’;

гидроним ‘Урал’ восходит к вост.-иран. *uru-[urva-]-al ‘широкая река’.

Если бы индоевропейская и финно-угорская прародины занимали смежные территории, то в уральских языках можно было бы наблюдать лексические заимствования и проникновения из индоевропейского праязыка раннего и среднего состояний, а не из обособившихся индоиранских диалектов.

Кроме того, исследования К. Ренфрью, Дж. Мелларта, Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванова, И. М. Дьяконова показали, что ареал обитания этноса носителей индоевропейского праязыка следует локализовать не в степях Евразии между Уралом и Черным морем, а в одном из центров возникновения производящей экономики или на сопредельных с ним территориях [34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45]. Однако имеется мало оснований датировать эпоху существования индоевропейского праязыка и индоевропейского этноса VI—IV тыс. до н. э. Достоверных лингвистических фактов выделения индоевропейского праязыка из первобытного языкового континуума (континуума «banana languages», подобного новогвинейскому) до рубежа III—II тыс. до н. э. не обнаружено, хотя этот процесс мог начаться в конце IV — начале III тыс. до н. э. Только с XVIII в. до н. э. появляются письменные памятники индоевропейских языков: старохеттского (неситского) языка, диалектов лувийского языка в Малой Азии и, весьма вероятно, языка линейного письма А на Крите.

Что касается палеоономастики Балкан, Эгеиды, Дунайско-Карпатского региона и Северного Причерноморья, то она, в отличие от палеоономастики Приуралья, имеет преимущественно индоевропейский облик, о чем свидетельствуют данные

лингвистической палеонтологии и этимологии [25; 26; 30; 31; 32; 40; 41; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 57; 58; 59; 60; 61; 62; 63]. Более того, в палеоономастике Балканского полуострова, Эгеиды, Подунавья и Северного Причерноморья сохранились реликты «кентумных» диалектов позднеиндоевропейского языкового состояния, более древних, чем «сатэмные».

Например, Стефан Византийский (527–565 гг.) и Евстафий Фессалоникийский (ок. 1110–1198 гг.) сохранили фрагменты трактата «Вифиника» Луция Флавия Арриана (ок. 85–175 гг.), в котором была зафиксирована традиция об одном из древнейших названий Фракии — Πέρκη (Eustath. Thessal. ad Dionys. Per. 322; Steph. Byz. s. v. Θρᾴκη). Вероятно, данный хороним поначалу относился только к Эгейской Фракии или, точнее, к землям в устье реки Гебр и долине реки Стримон, откуда, по данным Гомеровского эпоса, прибыли во время Троянской войны союзные троянцам фракийцы под командованием Акаманта и Пейроса Имбрасида и фракийцы во главе с царем Ресом (Apollod. Bibl. I, 3, 4; Ep. 4, 4; Hom. Il. II, 844–845; III, 519–520; X, 430–525) [64].

Название Πέρκη [χώρα] этимологизируется как ‘дубовая [страна]’, или ‘страна [Героя] Перкониса’, и близко македонскому ороними пралатинского («кентумного») облика Κερκίνη ‘дубовые горы’, или ‘Перконовы (Перуновы) горы’, ср. лат. quercus, -us f. ‘дуб’, а также таврический топоним Κερκινίτις [49, с. 83–90; 50, с. 31–36; 65, S. 241; 66, S. 4].

Имя эпонима города Илион (Ἴλιον, эп. Ἴλιος) *Ἴλος, *Ἰλις (Apollod. Bibl. III, 12, 1–3; Diod. Sic. Bibl. IV, 74–75; Hom. Il. XX, 203–241), скорее всего, можно возвести к пралатинскому рефлексу имени священной горы Ἴδη, дор. Ἴδα (в духе латинско-греческого соответствия -l- ~ -δ-: lacryma (lacrima) ~ δάκρυμα, Ulixes (Ulysses) ~ Ὀδυσσεύς, Labyrinthus (Λαβύρινθος) ~ Linear B Da-pu-ri-to (*Daburinthos)).

Этимология хеттского местного названия ^{URU}Wiluša, Wilušija, Uilušiia, Uiluša (ср. др.-греч. Ἰάλυσος, Ἠλύσιος) часто связывается с антропонимом Ил и топонимом Илион [67, с. 149, 180–182; 68, p. 33–39]. Однако данная этимология, скорее всего, ошибочна, так как хеттское имя — производное с суффиксами -usa или -usiia. Корректно этимологическое сопоставление с древнегреческими («догреческими»?) производными с суффиксами -υσ-ος, -ύσι-ος (с названием родосского дорического полиса Ялис (Ἰάλυσος, ион. Ἰήλυσος), а также с мифологическим Элизиумом, Елисейскими полями (Ἠλύσιον πεδίον), где бы в реальной Анатолии они не локализовались).

Кроме того, можно с большой долей вероятности допустить, что семиотическим маркером появления индоевропейцев в том или ином регионе являются курганные погребения. Исследования В. А. Сафронова, Н. Я. Мерперта, Л. Николовой и ряда других археологов показали, что возникновение курганного погребального обряда и формирование «ядра» древнеямной культурно-исторической общности (ДЯ КИО) на рубеже IV—III тыс. до н. э., скорее всего, следует связать не с Приуральем или Поволжьем, а с Балкано-Дунайско-Карпатским регионом, с западной частью «Циркумпонтийского региона» [69; 70; 71; 72; 73; 74, с. 190–205; 75]. К «ядру» ДЯ КИО относятся курганная земляная насыпь, яма с перекрытиями, положение погребенного на спине скорчено. Курганы ДЯ КИО в Северном Попрутье (конец IV тыс. до н. э.) продолжают традицию курганов Сарново и Баальберга археологической культуры воронковидных кубков (КВК), датируемых серединой — второй половиной IV тыс. до н. э. [74, с. 191, 203]. Генезис ДЯ КИО эпохи бронзы был связан не только с КВК (Центральная Европа и юг Северной Европы, IV — начало III тыс. до н. э.), но и с энеолитическими культурами Лендьел (Центральная Европа, V—IV тыс. до н. э.), Кукутени-Триполье (Дунайско-Днепровское междуречье, VI — начало III тыс. до н. э.) и Средний Стог (Днепро-Донское междуречье, середина V — середина IV тыс. до н. э.) [74, с. 93–135, 190–205; 76; 77, с. 324–331]. В ареале Среднестоговской культуры предположительно произошло одомашнивание лошади. Традиция же возведения курганных насыпей над могилами, судя по всему, появилась в Подунавье, на Балканах,

в Эгеиде, в Причерноморье под влиянием «мегалитической культуры» Западной и Северной Европы V—III тыс. до н. э. [72; 78, с. 61–89; 79; 80; 81; 82, p. 36–37, 133–160, 235–271]. Что касается мегалитов Западного Кавказа и Таврики, они «моложе» большинства западноевропейских мегалитических сооружений и датируются второй половиной III—I тыс. до н. э. [74, с. 205–241; 83, с. 18–21; 84]. Возможно, их создателями были выходцы с Балканского полуострова [84, с. 174].

Таким образом, комплексный анализ данных лингвистической палеонтологии, этимологии и археологии позволяет утверждать, что направление миграций древнейших индоевропейцев соответствовало вектору «запад → восток», т. е. с Балкан, из Эгеиды и из Подунавья, через Северное Причерноморье, в восточные и южные припонтийские области, на Ближний Восток и в глубины Евразии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шапошников А. К.* Индоевропейский этногенез — свидетельствуют мифология, лингвистика, ономастика и ДНК-генеалогия // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова) / отв. ред. Е. В. Яровой. — М., 2010.
2. *Mallory J. P., Adams D. Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. — Oxf., 2006.
3. *Одри Ж.* Индоевропейский язык / пер. с франц. Л. В. Иванова // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. 21: Новое в современной индоевропеистике / Сост., вступ. ст. и общ. ред. В. В. Иванова. — М., 1988.
4. *Шрадер О.* Индоевропейцы / пер. с нем. Ф. И. Павлова; Под ред. и со вступ. ст. А. Л. Погодина. — 3-е изд. — М., 2010.
5. *Шрадер О.* Сравнительное языковедение и первобытная история: Лингвистико-исторические материалы для исследования индогерманской древности / пер. с нем. Н. Г. Чернышевского. — 3-е изд. — М., 2011.
6. *Mebendale M. A.* Indo-Aryans, Indo-Iranians and Indo-Europeans // The Aryan Debate / ed. by Th. R. Trautmann. — Oxf.; New Delhi, 2011.
7. *Йорданов С.* Проблеми на потестарно-политическата и историческата етнология: Библиография, историографско и проблемно-теоретично проучване. — Велико Търново, 2009. — Ч. 1: Въведение в проблематиката.
8. *Кабинина Н. В.* Субстратная топонимия Архангельского Поморья. — Екатеринбург, 2011.
9. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. — СПб., 2005.
10. *Матвеев А. К.* Субстрат и заимствование в топонимии // ВЯ. — 1993. — № 3.
11. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. — Екатеринбург, 2001. — Ч. I.
12. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. — Екатеринбург, 2004. — Ч. II.
13. *Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера.– Екатеринбург, 2007. — Ч. III.
14. *Гимбутас М.* Балты. Люди янтарного моря / пер. с англ. С. Федорова. — М., 2004.
15. *Гимбутас М.* Цивилизация Великой Богини: Мир Древней Европы / пер. с англ. М. С. Неклюдовой. — М., 2006.
16. *Дергачев В. А.* О скипетрах, о лошадях, о войне: Этюды в защиту миграционной концепции М. Гимбутас. — СПб., 2007.
17. *Мэллори Дж. П.* Индоевропейские прародины // ВДИ. — 1997. — № 1.
18. *Mallory J. P.* In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. — L., 1992.
19. *Mallory J. P.* The Indo-European Homeland and the Steppe Hypothesis: Research Agenda // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова) / отв. ред. Е. В. Яровой. — М., 2010.
20. *Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. — Ижевск, 1997.
21. *Хайду П.* Уральские языки и народы / пер. с венг. Е. А. Хелимского; Под ред. К. Е. Майтинской; Предисл. Б. А. Серебренникова. — М., 1985.

22. *Шапошников А. К.* Языковые древности и этногенез угров: свидетельствуют этимология и палеоономастика // Язык и прошлое народа: Сб. науч. ст. памяти проф. А. К. Матвеева / отв. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург, 2012.
23. *Барроу Т.* Санскрит / пер. с англ. Н. Лариной; Ред. и коммент. Т. Я. Елизаренковой. — М., 1976.
24. *Напольских В. В.* Уральско-арийские взаимоотношения: история исследований, новые решения и проблемы // Индоевропейская история в свете новых исследований (Сборник трудов конференции памяти профессора В. А. Сафронова) / отв. ред. Е. В. Яровой. — М., 2010.
25. *Шапошников А. К.* Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // Этимология, 2000–2002 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — М., 2003.
26. *Шапошников А. К.* Сарматские и туранские языковые реликты Северного Причерноморья // Этимология, 2003–2005 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — М., 2007.
27. *Вильхельм Г.* Древний народ хурриты: Очерки истории и культуры / пер. с нем. И. М. Дунаевской. Вступ. ст. Н. Б. Янковской. — М., 1992.
28. *Грантовский Э. А.* Ранняя история иранских племен Передней Азии. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 2007.
29. *Елизаренкова Т. Я.* «Ригведа» — великое начало индийской литературы и культуры // Ригведа: Мандалы I—IV / Изд. подг. Т. Я. Елизаренкова. — 2-е изд., испр. — М., 1999.
30. *Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. — М., 1999.
31. *Шапошников А. К.* Indoarica в Северном Причерноморье // ВЯ. — 2005. — № 5.
32. *Шапошников А. К.* Первый фрагард Видевдата и санскритская словесность о прародине арийцев в контексте мифической генеалогии // Вісник Львівського університету: Серія філологічна. — 2013. — Вип. 59.
33. *Freu J.* Histoire du Mitanni. — P., 2003.
34. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема: Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. — 1980. — № 3.
35. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Миграции племен — носителей индоевропейских диалектов — с первоначальной территории расселения на Ближнем Востоке в исторические места их обитания в Евразии // ВДИ. — 1981. — № 2.
36. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 1.
37. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. — Тбилиси, 1984. — Кн. 2.
38. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* К проблеме прародины носителей родственных диалектов и методам ее установления: По поводу статей И. М. Дьяконова в ВДИ, 1982, № 3 и 4 // ВДИ. — 1984. — № 2.
39. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Индоевропейцы: О реконструкции индоевропейского праязыка и протокультуры // Наука и жизнь. — 1988. — № 5.
40. *Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В.* Первые индоевропейцы в истории: Предки тохар в древней Передней Азии // ВДИ. — 1989. — № 1.
41. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. 1 // ВДИ. — 1982. — № 3.
42. *Дьяконов И. М.* О прародине носителей индоевропейских диалектов. 2 // ВДИ. — 1982. — № 4.
43. *Mellaart J.* Anatolia and the Indo-Europeans // Journal of Indo-European Studies. — 1981. — Vol. 9. — № 1–2.
44. *Renfrew C.* The Origins of Indo-European Languages // Scientific American. — 1989. — № 10.
45. *Renfrew C.* Archaeology and Language: The Puzzle of Indo-European Origins. — Cambridge; N. Y.; Port Chester; Melbourne; Sydney, 1990.
46. *Абаев В. И.* Скифо-европейские изоглоссы: На стыке Востока и Запада. — М., 1965.

47. *Георгиев В.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию (Родственные отношения индоевропейских языков). — М., 1958.
48. *Гиндин Л. А.* Язык древнейшего населения юга Балканского полуострова: Фрагмент индоевропейской ономастики. — М., 1967.
49. *Гиндин Л. А.* Древнейшая ономастика Восточных Балкан (Фрако-хетто-лувийские и фракомалоазийские изоглоссы). — София, 1981.
50. *Гиндин Л. А.* Население гомеровской Трои: Историко-филологические исследования по этнологии древней Анатолии. — М., 1993.
51. *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям // Балканское языкознание / Ред. коллегия: С. Б. Бернштейн, Г. П. Клепикова. — М., 1973.
52. *Топоров В. Н.* К фракийско-балтийским языковым параллелям. II // Балканский лингвистический сборник / отв. ред. Т. В. Цивьян. — М., 1977.
53. *Трубачев О. Н.* Название рек Правобережной Украины: Словообразование. Этимология. Этническая интерпретация. — М., 1968.
54. *Трубачев О. Н.* В поисках единства. Взгляд филолога на проблему истоков Руси. — 2-е изд., доп. — М., 1997.
55. *Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. — 2-е изд., доп. — М., 2003.
56. *Шапошников О. К.* Найдавніша ономастика Малої Скіфії // Науковий вісник Чернівецького університету: Збірник наук. праць. — 2007. — Вип. 354–355. Слов'янська філологія.
57. *Шапошников А. К.* Лексический комплекс пеласгического вида в праславянском // Studia etymologica Brunensia. 6 / Editorky: I. Janyšková, H. Karlíková. — Praha, 2009.
58. *Шапошников А. К.* Языковые реликты хеттского вида в Северном Причерноморье // Этимология, 2006–2008 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — М., 2010.
59. *Шапошников А. К.* Древнейшая ономастика Таврического полуострова // Топонимика Крыма 2011 / Сост. Ю. А. Беляев. — Симферополь, 2011.
60. *Шапошников А. К.* Финеиды и восточно-индоевропейское языковое состояние // Международна научна конференция на тема «Езикът и културата в съвременния свят» (Бургас, 22–23 юни 2012 г.) / Университет «Проф. д-р Асен Златаров»; Състав.: М. Парзулова, К. Цанков. — Бургас; Велико Търново, 2012.
61. *Шапошников А. К.* Языковые реликты фракийского облика в Северном Причерноморье // Этимология, 2009–2011 / отв. ред. Ж. Ж. Варбот. — М., 2012.
62. *Шрамм Г.* Реки Северного Причерноморья: Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / пер. с нем. А. В. Назаренко. — М., 1997.
63. *Duridanov I.* Thrakisch-Dakische Studien. — Erster Teil (I). Die Thrakisch- und Dakisch-Baltischen Sprachbeziehungen // Linguistique balkanique. XIII, 2 / Académie Bulgare des sciences. — Sofia, 1969.
64. *Гиндин Л. А.* Лингвистический комментарий к упоминанию двух групп фракийских племен в «Илиаде» // Балканский лингвистический сборник / отв. ред. Т. В. Цивьян. — М., 1977.
65. *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste / Österreichische Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Klasse. — Wien, 1957.
66. *Tomaschek W.* Die alten Thraker. Eine ethnologische Untersuchung. II: Die Sprachreste / Erschienen in: Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien, Bände 128, 130 und 131. Neudruck der Ausgaben von 1893 und 1894. — Osnabrück, 1975.
67. *История* древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации / Под ред. Г. М. Бонгард-Левина. — М., 1988. — Ч. 2. Передняя Азия. Египет.
68. *Huxley G. L.* Achaeans and Hittites. — Belfast, 1968.
69. *Кузьмина Е. Е.* О некоторых археологических аспектах проблемы происхождения индоиранцев // Переднеазиатский сборник. IV: Древняя и средневековая история и филология стран Переднего и Среднего Востока / отв. ред. И. М. Дьяконов. — М., 1986.

70. *Мерперт Н. Я.* Миграции в эпоху неолита и энеолита // СА. — 1978. — № 3.
71. *Мерперт Н. Я.* Об этнокультурной ситуации IV—III тысячелетий до н. э. в циркумпонтийской зоне // Древний Восток: Этнокультурные связи / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. — М., 1988.
72. *Николова Л.* Поява и разпространение на надгробните могили в Карпато-Балканския регион (ранна бронзовата епоха) // Археология. — 1992. — Кн. 3.
73. *Панайотов И.* Ямната култура в българските земи: С приложение — «Антропологични данни за погребаните в некрополи от северо-източна България (Ранна бронзова епоха)» от д-р Й. Йорданов и д-р Б. Димитрова // Разкопки и проучвания. 21. — София, 1989.
74. *Сафронов В. А.* Индоевропейские прародины. — Горький, 1989.
75. *Черных Е. Н.* Циркумпонтийская провинция и древнейшие индоевропейцы // Древний Восток: Этнокультурные связи / отв. ред. Г. М. Бонгард-Левин, В. Г. Ардзинба. — М., 1988.
76. *Телегін Д. Я.* Середньостогівська культура епохи міді. — К., 1973.
77. *Энеолит* СССР / отв. ред. В. М. Массон, Н. Я. Мерперт. — М., 1982.
78. *Клиндт-Йенсен О.* Дания до викингов / пер. с англ. А. П. Саниной. — СПб., 2003.
79. *Пеев Д.* Някои нови проучвания на долмените в Югоизточна България // Археология. — 1974. — Кн. 1.
80. *Daniel G.* The Megalithic Tombs of Northern Europe // Antiquity. — 1938. — Vol. 47.
81. *O'Kelly C.* Concise Guide to Newgrange. — Cork, 1990.
82. *Renfrew C.* Before Civilization: The Radiocarbon Revolution and Prehistoric Europe. — L., 1990.
83. *Бондаренко М. Е.* Тавры. Этнографическая характеристика древних племен горного Крыма (I тыс. до н. э.). — М., 2010.
84. *Марковин В. И.* Новейшие вопросы изучения дольменов Западного Кавказа в связи с проблемой их происхождения // Thracia Pontica. II: Deuxième symposium international. Thème générale "Le littoral Thrace et son role dans le monde ancient". Sozopol, 4–7 octobre 1982 / Rèdacteurs : M. Lazarov, V. Popov, C. Angelova. — Jambol, 1985.

Резюме

Чередниченко А. Г. *Про напрямок міграцій найстародавніших індоєвропейців*

Стаття присвячена одному з найважливіших аспектів індоєвропейської проблеми. Комплексний аналіз даних лінгвістичної палеонтології, етимології і археології дозволяє стверджувати, що напрямок міграцій найстародавніших індоєвропейців відповідає вектору «захід → схід», тобто з Балкан, з Егеїди та з Дунайського регіону через Північне Причорномор'я до східних та південних припонтійських областей, до Близького Сходу та в глибинні райони Євразії.

Ключові слова: індоєвропейські студії, палеоономастика, Балкани, Егеїда, «Циркумпонтійський регіон», прабатьківщина індоєвропейців, міграції, курганний поховальний обряд.

Резюме

Чередниченко А. Г. *О направлении миграций древнейших индоевропейцев*

Статья посвящена одному из важнейших аспектов индоевропейской проблемы. Комплексный анализ данных лингвистической палеонтологии, этимологии и археологии позволяет утверждать, что направление миграций древнейших индоевропейцев соответствовало вектору «запад → восток», т. е. с Балкан, из Эгеиды и из Подунавья через Северное Причерноморье в восточные и южные припонтийские области, на Ближний Восток и в глубины Евразии.

Ключевые слова: индоевропеистика, палеоономастика, Балканы, Эгеида, «Циркумпонтийский регион», прародина индоевропейцев, миграции, курганный похоронный обряд.

Summary

A. Cherednichenko. *On the Direction of Migrations of the Earliest Indo-Europeans*

The article is devoted to one of the most important aspects of the Indo-European problem. A comprehensive analysis of data of linguistic palaeontology, archaeology and etymology suggests that the direction of migrations of the earliest Indo-Europeans was in line with vector "west → east", i. e. from the Balkans, the Aegean region and the Danube region through the northern Black Sea region to the eastern and southern Pontic regions, to the Middle East and internal areas of Eurasia.

Key words: the Indo-European Studies, palaeo-onomastics, the Balkans, the Aegean region, "the Circum-Pontic region", the Indo-European homeland, migrations, the kurgan (tumulus) funeral rites.

А. П. Мартемьянов

О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии

Согласно устоявшемуся мнению, специфика исторического развития Фракии и Нижней Мезии во многом определялась сохранением там, особенно в деревенской местности, унаследованных от более раннего времени прочных общинных традиций [1, p. 252, 344–345; 2, с. 231; 3, с. 43–44; 4, p. 301–302, 308–309, n. 43; 5, с. 123–124; 6, с. 90–92, 132–136; 7, с. 302–304; 8, с. 24–25 и др.]. Одним из условий существования общинной организации было наличие у коллектива общинников определенной территории, на которую распространялись его владельческие права и присущие ему порядки. На то, что села фракийских земель в первых веках нашей эры имели четко обозначенные, установленные надлежащим образом границы, указывают находки фиксировавших эти рубежи межевых знаков.

Межеванию сельских земель в восточнобалканских провинциях придавалось большое значение. Об этом свидетельствует, в частности, надпись, обнаруженная у совр. с. Ягодово близ г. Асеновград, на территории античного Филиппополя (IGBR, III/1, № 1401). В ее завершающем фрагменте (ibid., vss. 7–9) сообщается, что границы лугов филы Родопеиды установил κριτὴς καὶ ὁροθέτης. Это позволяет говорить о существовании в римской Фракии лиц, профессионально занимавшихся межеванием земельных владений, которые к тому же могли в качестве арбитров разбирать связанные с соблюдением законно установленных границ тяжбы. Подкрепление же правомочности действий хоротета ссылкой на авторитет высших римских властей в лице правящего императора Антонина Пия и являвшегося, видимо, около 155 г. н. э. наместником провинции Фракия Г. Юлия Коммода Орфициана (ibid., vss. 2–7, comm.), показывает, насколько важным было для заинтересованных сторон придать акту межевания официальный характер.

Имена провинциальных наместников фигурируют во фракийских землях и на межевых знаках, стоявших на рубежах местных сел. Так, из двух идентичных по содержанию надписей 198–201 гг. н. э. следует, что границы между частным владением и землями села Бутеридава на территории античной Истрии были установлены по предписанию управлявшего в то время Нижней Мезией[1] Г. Овиния Тертулла (ISM, I, № 359, 360). Участие императорского легата в этом, казалось бы, локального масштаба предприятии, по мнению Д. Ботевой, могло быть связано с недавним, имевшим место в период кратковременного принципата Пертинакса в начале 193 г. н. э., изменением пограничной линии, разделявшей провинции Нижняя Мезия и Фракия

[1] Издатели корпуса греческих и латинских надписей Малой Скифии датируют эти межевые камни 198–202 гг. н. э. (ISM, I, p. 471–473), однако в 202 г. наместником Нижней Мезии, по всей вероятности, был уже Л. Аврелий Галл [9, с. 88–89, 178, 331; ср. 10, p. 76].

@ А. П. Мартемьянов, 2017

[9, с. 26–27, 168, 178–179]. Заметим, что вследствие переноса провинциальной границы в приграничных областях действительно должно было возникнуть немало споров относительно расположенных там земельных владений. Разрешение некоторых таких тяжб вполне могло требовать вмешательства высших провинциальных властей. Возможно, именно так обстояло дело в случае с землями Бутеридавы, и распоряжение Овиния Тертулла стало реакцией на прошение ее жителей или хозяев соседнего имения. Находит свое объяснение и тот факт, что провести межевание императорский легат поручил командующему Мезийского флота М. Виндию Вериану[1] — скорее всего, это обстоятельство было обусловлено тем, что село находилось где-то на Дунайском побережье [12, с. 146] или в относительной близости от него.

Еще один момент, вызвавший повышенный интерес у специалистов, связан с восстановлением частично утраченного имени владельца или владелицы сопредельного с землями Бутеридавы поместья. Г. Точилеску, впервые опубликовавший экземпляр межевого камня, найденный в конце XIX в. в окрестностях античного Новиодунума (совр. г. Исакча), предложил читать это имя как Siampudus (...termini positi inter *Siampudi* (vil)lam...) [цит. по 10, с. 75. Курсив мой — *А. М.*]. В 1916 г., вскоре после того, как при раскопках Истрии была обнаружена вторая такая надпись, основанное на ней свое толкование этого фрагмента обнародовал В. Пырван, по мнению которого, хозяина виллы звали [B]essus Ampudus (...termin(i) positiinter *[?B]essi Ampudi* [vil] lam...) [цит. по 10, с. 76. Курсив мой — *А. М.*]. Такая реконструкция первой части имени вызвала возражение у М. И. Ростовцева, отдавшего «предпочтение известному имени *Gessius* вместо мало подходящего здесь *Bessus*» [13, с. 393, прим. 85]. Е. М. Штаерман, принимая предложенное В. Пырваном восстановление утраченной первой буквы в слове [B]ESSUS, вместе с тем считала его не личным именем, а этниконом *бесса* Ампуда [2, с. 245–246]. Наконец, в 1955 г. И. Руссу, прокомментировав мнения своих предшественников и обратив внимание на их слабые места [10, p. 75–79], на основании сравнительного анализа текста обоих экземпляров надписи пришел к выводу, что хозяйкой имения, вероятнее всего, была Messia Pudentilla (...termin(i) positi inter *[?M] essiam Pude[ntil]lam...*) [10, p. 79–800. Курсив мой — *А. М.*]. Разумеется, учитывая отсутствие ряда букв, эту точку зрения также приходится считать гипотетической, что признает сам И. Руссу, но именно она со временем обрела, похоже, наибольшее количество приверженцев [см. ISM, I, № 359, 360, comm.; 12, с. 146; 14, p. 158–159, not. 7; 15, p. 37–38, 145–146 e. a.].

Упоминается провинциальный наместник и на межевых камнях, обозначавших границы сельских владений в римской Фракии. Речь идет о трех идентичных надписях с территории Филиппополя, свидетельствующих о том, что ὅροι ἀγροῦ Βενδιπαρων были установлены по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534; cf. III/2, № 1900; V, № 5533). Произошло это, вероятно, в 211 г. н. э.[2] в связи с проведением в провинции очередного ценза [16, с. 109]. Последнее обстоятельство подтверждается, в частности, тем, что руководил межеванием земель Бендипары Μούκιος Οὐῆρος — как полагают [IGBR, III/2, № 1900, p. 234; V, № 5533, p. 238; 9, с. 227], известный по надписи из Италии (CIL, V, № 7784) П. Муций Вер, который на одном из этапов своей карьеры был податным оценщиком во Фракии (censitor provinciae Thraciae).

---

[1] Участие представителей командного состава римских воинских формирований в межевании земельных владений на территории Малой Скифии, вероятно, было распространенной практикой [ISM, V, № 8, comm.; 57 a, b, comm.; cf. 11, p. 317–320]. Показательно, что и упоминаемый в этих надписях 229 г. н. э. центурион проводит terminatio по указанию провинциального наместника.

[2] Об этой, уточненной по сравнению с предлагавшейся ранее (см. IGBR, III/1, p. 224, 230; V, p. 239) датировке надписей, см. [9, с. 226].

Специального внимания заслуживает топография находок надписей из Бендипары. Есть основания считать, что они обнаружены in situ, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села [16, с. 109; 17, с. 37–42; 18, p. 176]. Однако идет ли в данном случае речь о территории *одного* поселения? На межевых знаках не указано, что Бендипара — это κώμη. Между тем, обозначенная ими площадь для села, даже с учетом того, что его земли могли включать в себя выгоны для скота, лесные и прочие угодья, очень велика — с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. Сейчас на этой территории размещаются сразу несколько населенных пунктов. Показательно, что в окрестностях этих современных сел обнаружены археологические материалы, в которых усматривают следы поселений римского времени, зафиксированы курганные могильники. Все это в совокупности позволило В. Динчеву прийти к выводу, что Бендипара являлась не селом, а *комархией* — «административным объединением нескольких соседних сел» [19, с. 19–21; о возможных значениях термина κωμαρχία см. 20, с. 65–67]. Такое заключение представляется вполне оправданным, тем более что именно с территории Филиппополя происходят две из четырех известных для Фракии надписей, в которых говорится о комархиях (IGBR, III/1, № 1473, 1474). Однако, признавая несомненную привлекательность гипотезы В. Динчева, принимать ее, думается, следует с известными оговорками.

Начнем с того, что при напрашивающемся в первую очередь (и, возможно, действительно адекватно отражающем смысл надписей) переводе словосочетание ὅροι ἀγροῦ Βενδιπαρων — «границы (или «межевые знаки») земли (букв. «по́ля», «пашни») Бендипары», не содержит информации о том, чем собственно являлась Бендипара, и это вызывает некоторое недоумение. Отсутствие сведений подобного рода на пограничных знаках, установленных по распоряжению римских властей, представляется, в общем-то, естественным для городских центров[1], но никак не для сельских поселений и их объединений, за пределами собственных окрестностей безвестных большинству жителей провинции. В принципе, случаев, когда на межевых камнях не указывался статус коллективных владельцев сельских земель, надо думать, было немало. В качестве примера можно привести две хорошо известные специалистам надписи II—III или III в. н. э. найденные у совр. с. Касиан (бывш. Шеремет) в уезде Констанца. Обе они предельно лаконичны и лишь констатируют факт существования границы между двумя владениями: Ὅροι Κασιανῶν καὶ σπηλοῦχα (ISM, I, № 369) и Ὅροι Κασιανῶν σπηλούχων (ISM, I, № 370). Не вдаваясь в подробности многолетней полемики относительно названия, производным от которого является Κασιανῶν, и того, что оно обозначало — село или святилище [см. ISM, I, p. 481–483; 15, p. 44, 273; 23, p. 311–314], обратим внимание на следующее обстоятельство. На межевых знаках из окрестностей с. Касиан не указано, что они были установлены по предписанию провинциальных властей, и, следовательно, не исключено, что это могло быть сделано на «местном» уровне, например, с целью подтвердить традиционно сложившиеся или, напротив, узаконить по какой-то причине недавно изменившиеся владельческие права сторон на часть приграничной территории.

[1] Так, и на межевых камнях, и на милиариях с территории Одессоса и Каллатиса обычно обозначается только название города [см. IGBR, I², № 251, comm.; p. 222–224; 15, p. 63; 21, p. 48]. Вместе с тем известны случаи, когда и в надписях, фиксировавших границы значительных провинциальных центров, например, таких, как Абдера (в период правления Адриана) и Марцианополь (в 238–244 и 255–259 гг. н. э.) во Фракии, подчеркивается, что они являются полисами: Αβδηρειτῶ[ν] πόλις ἐπὶ τῶν ὅρων [22, № E78; cf. № E79]; ἡ πόλις ἡ Μαρκιανοπολειτῶν ἐν τοῖς ἰδίοις ὅροις (IGBR, II, № 797); ἡ Μαρκιανοπολειτῶν πόλις ἐν τοῖς ἰδίοις ὅροις (IGBR, II, № 834).

Местным же жителям, разумеется, было прекрасно известно, что означала помеченная этими камнями межа, и ни в каких дополнительных сведениях они не нуждались. Совсем иначе должно было обстоять дело с установлением границ Бендипары, предпринятом, как отмечалось, в связи с проведением ценза, то есть с целью определения ее возможностей как податной единицы[1]. При таких обстоятельствах, особенно, если учесть, что, наряду с комархией Бендипарой могло существовать одноименное село [19, с. 20–21], практическая потребность в указании на межевых знаках, к *чему именно* относится это название, представляется естественной. В связи с этим позволим себе задаться вопросом: не содержится ли информация о том, чем являлась Бендипара, в предшествующем на межевых камнях этому названию слове ἀγρός[2]? Не могло ли оно в данном случае означать *поместье*, названное Бендипарой, возможно, по ассоциации с наименованием наиболее значительного в этой сельской местности центра? Разумеется, размеры этого имения представляются огромными, но, если предположить, что оно являлось *императорским доменом*, то такое хозяйство, в принципе, могло контролировать территорию, равную землям нескольких сел. В связи с этим уместно напомнить, что наиболее показательные свидетельства о наличии во Фракии личных владений императора за пределами Фракийского Херсонеса происходят именно с территории Филиппополя [25, с. 124–126].

Так, говоря об императорских поместьях во фракийских землях, исследователи обращают внимание на встречающиеся в данных античной топонимики названия, производные от термина «сальтус». Подобные наименования, если они не являются дериватами от фракийского слова «источник», могут указывать на то, что носившие их населенные пункты располагались на месте земельных владений значительного размера или в непосредственной близости от них [см. 16, с. 61, заб. 48; с. 62, заб. 54]. В качестве одного из таких примеров обычно приводится село Сальтус, находившееся в 30 милях к востоку от Филиппополя, между дорожными станциями Ранилум и Киллы (Cillae, Κελλαι), упоминание о котором в источниках относится к началу IV в. н. э. [26, с. 386–388]. Подтверждение принадлежности этих земель императору усматривают не только в самом названии села, но и в посвящении III в. н. э. Фракийскому Всаднику (Ἥρωτι Κελλων) из Килл, находившихся, вероятно, вблизи железнодорожной станции у совр. с. Черна гора в общине Братя Даскалови (IGBR, III/1, № 1519; p. 248, 254–255). В соответствии с преобладающим мнением, сделавшие его гуртовщик (ἐπικτηνίτης) Прокл и его κολλήγα Евтюхиан служили в большом, возможно, специализировавшемся на разведении коней имении, которое вполне могло принадлежать императору [см. IGBR, III/1, № 1519, comm.; p. 255; 13, с. 394, прим. 87; 16, с. 62]. Есть основания

---

[1] Кстати, трудно судить определенно и о том, существовала ли вообще в этой ситуации необходимость фиксировать рубежи *комархии* — ведь они должны были совпадать с внешними границами входивших в нее сел, жители которых *фактически* владели землей и, что важно, выполняли обусловленные этим повинности. Можно, конечно, предположить, что ответственность за их выполнение возлагалась именно на комархии, но ее вполне могли нести и отдельные села или даже крестьянские хозяйства.

[2] Аналогичную почву для размышлений дает и употребление словосочетаний ἀγροῦ ὅρος и ἀγροῦ ὅρια в надписях первых веков нашей эры с крайнего юга Фракии. Две из них относятся ко времени совместного правления Диоклетиана, Максимиана, Галерия и Констанция, т. е. к 293–305 гг. н. э., когда были установлены ἀγροῦ Σε[ικ]ο... τηνῶν ὅρο[ς] (IGRR, I, № 813) и ἀγροῦ Σικοτι[νῶν ?] τὰ ὅρ[ι]α [22, № E383, comm.; cf. CIG, II/1, № 2018; IGRR, I, № 812]. Третья, обнаруженная в Перинфе и датируемая I в. н. э. надпись, фиксировала ὅρος ἀγροῦ ΓΝΚΙΡΙΣΟΥΛΗΣ, причем в этом случае, по мнению М. Х. Сайяра, речь идет о границах частного земельного владения [24, № 256, comm.].

считать императорским и поместье, находившееся в районе совр. г. Хисаря[1]: по крайней мере в надписи, найденной у местного минерального источника (примерно в 15 км к северу от с. Калояново, в окрестностях которого был обнаружен один из межевых знаков Бендипары), эта территория названа Vetus Aug(usta) aria (IGBR, III/I, № 1477), что предполагает наличие и другого домена, возможно, именовавшегося Nova Augusta aria [16, с. 61–62]. Обращает на себя внимание то, что в данном случае термин area[2] определенно обозначает имение, причем его использование в этом смысле во фракийских землях, видимо, не было единичным, исключительным явлением [см. 16, с. 57, заб. 21a]. Между тем, для area такое значение является отнюдь не более типичным, чем для ἀγρός [см. 27, p. 156; 28, p. 16; 29, S. 65; 30, p. 79–80; 31, с. 73. Ср. 32, с. 26; 33, S. 16; 34, p. 15; 35, p. 15].

Среди других материалов, свидетельствующих о возможности существования императорских земельных владений к югу от Балканских гор, выделим две относящиеся к периоду правления Коммода надписи из окрестностей сел Маленово (бывш. Пашино) и Тастепе (Tastepe) Карнобатской общины [36, S. 207–210, Abb. 1–2. Cf. AE, 1965, № 1, 2]. Содержание их идентично и восстанавливается В. Велковым следующим образом: Ex auctor[ita]/te Cl(audii) Cen[s]or[i]/ni proc(uratoris) A[u]g(usti) et / aes(timatione?) iur[i]s, agr5/orum BLAES, / Martialis / Aug(usti) lib(ertus) po/suit[3]. По мнению В. Велкова, agri BLAES, о которых говорится в надписях, принадлежали селу или составляли сельскую территорию [36, S. 211]. Упоминание же в связи с этими владениями финансового прокуратора Фракии Клавдия Цензорина, фигурирующего также в надписи 184–185 гг. н. э. из Никополя на Истре (IGBR, II, № 615), исследователь поясняет тем, что их границы могли быть установлены при проведении в провинции очередного ценза [36, S. 211]. Иначе интерпретирует заложенную в надписях из Тастепе и Маленово информацию Б. Геров. В свете предложенного им варианта прочтения 4-й строки Клавдий Цензорин выступает в данном случае как арбитр — aes(timator) iur[i]s (= iudex, κριτής), действующий через своего подчиненного чиновника из числа императорских отпущенников. Решение провинциальным прокуратором возникавших у сельского населения правовых вопросов представляется характерным, прежде всего, для владений, обладавших экстерриториальностью. На этом основании Б. Геров приходит к выводу, что речь в надписях идет, скорее, не о землях села, а об императорском домене, чье население не подлежало юрисдикции города, на территории которого он находился. Прежде чем перейти в собственность императора, эти владения (или, позволим себе уточнить, вероятнее, их часть[4]) могли принадлежать наследникам италийского колониста,

---

[1] Заметим, что и обе упомянутые выше надписи, свидетельствующие о существовании на территории Филиппополя комархий, происходят именно из руин древнего поселения на месте г. Хисаря. Однако является ли это случайным совпадением или наше наблюдение заслуживает внимания, и между комархиями и императорскими владениями во фракийских землях существовала какая-то связь, при современном состоянии источников судить, увы, не представляется возможным.

[2] Воспроизведение в надписях слова area в форме aria было распространенным явлением [см. 27, p. 156].

[3] Построчная разбивка текста соответствует лучше сохранившейся надписи из Тастепе [см. 36, S. 211].

[4] Обе надписи открыты случайно, в ходе земляных работ [36, S. 207, 209], поэтому судить о том, найдены ли они там, где стояли в древности, или в ином месте, не представляется возможным. С другой стороны, судя по публикациям, эти пограничные камни не были вмурованы в стены позднейших построек, и, следовательно, особых оснований для того, чтобы считать их перемещенными, нет. В этих обстоятельствах, определяя возможные размеры имения, остается исходить из того, что расстояние между местами обнаружения надписей составляет примерно 6–7 км [36, S. 209, 211], а такие масштабы, как и в случае с территорией Бендипары, представляются чрезмерными и для села, и для частного владения.

возможно, из числа осевших в этих краях еще при основании Деултума ветеранов, от имени которого, видимо, и произошло название поместья — agri Blaes(iani) [16, с. 62–63]. Приведенные Б. Геровым доводы представляются, по крайней мере, не менее резонными, чем выводы В. Велкова, что позволяет признать вполне допустимой вероятность существования на территории, обозначенной надписями из Маленово и Тастепе, императорского имения. Из этого следует, что поместная форма землевладения во Фракии могла определяться и очень близким в смысловом отношении слову ἀγρός латинским термином ager.

Естественно, высказанные соображения относительно возможной трактовки слова ἀγρός на межевых камнях Бендипары, это не более чем предположение, нуждающееся, как и любое другое, в дополнительном подтверждении свидетельствами источников. Вместе с тем оно не противоречит известным ныне эпиграфическим данным, и, главное, допущенный нами вариант перевода полностью соответствует не только той ситуации, в которой были установлены эти пограничные знаки, но и характеру использования слова ὅροι на землях Филиппополя. В тех случаях, когда оно употребляется в сочетании с указанием владельцев территории, непременно уточняется, *что* они собой представляют: ὅροι φυλῆς Ἡρακλείδος (IGBR, III/1, № 1036); ὅροι χορτοκοπίων φυλῆς Ῥοδοπηίδος (IGBR, III/1, № 1401); κώμης τῆ[ς] Κοκελωνε[ων] τοὺς ὅρου[ς] τεθείκαμε[ν] (IGBR, III/1, № 1514).

Наконец, относительно открытых на «земле Бендипары» артефактов римского времени необходимо заметить следующее. Они действительно обнаружены, но до сих пор должным образом *не исследованы* [37, с. 186]. Поэтому оснований использовать эти материалы для подтверждения какого бы то ни было мнения по поводу того, чем являлась Бендипара, в настоящее время, по сути, нет, так как результаты систематических раскопок на территории, обозначенной межевыми камнями, могут оказаться самыми разными. Если, например, выяснится, что степень сохранности обнаруженных там археологических объектов позволит интерпретировать их как остатки *сел*, это станет весомым аргументом в пользу не только выдвинутой В. Динчевым гипотезы, но и трактовки фракийских комархий как территориальных образований. Но может случиться и так, что эти памятники окажутся руинами преимущественно сельских *усадеб* — возможно, контролировавших отдельные части большого поместья, и тогда возрастет вероятность того, что Бендипара являлась *именем*, причем, учитывая его размеры, вероятнее всего, императорским[1]. Соответственно, можно будет достаточно уверенно говорить и о том, что в личной собственности императора находилось гораздо больше земель в северной части территории Филиппополя, чем принято считать сегодня.

Подводя итог сказанному о Бендипаре и ее границах, еще раз подчеркнем, что гипотеза, высказанная В. Динчевым, представляется, несомненно, правомерной. Однако *доказательным* свидетельством существования *комархии* Бендипары может стать только подтверждение этого факта письменными источниками.

Известны и другие межевые камни, стоявшие на деревенских границах, но их тексты фрагментарны, и вследствие этого установить полные названия сел, о которых идет речь, не представляется возможным. Кроме уже упоминавшейся надписи из совр. с. Оризово (община Братя Даскалови), обозначавшей межу κώμης τῆ[ς] Κοκελωνε[ων] (IGBR, III/1, № 1514), к их числу можно отнести пограничный знак, обнаруженный на месте совр. с. Ваду в уезде Констанца. Во II в. н. э. он разделял сельские земли на территории древней Истрии, определяя, как следует из сохранившихся на двух сторонах камня текстов, [fines] t[er]rae vic[i] Parsal... и [fi]nes ter[ra]e vici C... (ISM, I, № 350). Случается и так, что надпись просто фиксирует

[1] На землях такого домена вполне могли размещаться и села, включая Бендипару, которую предварительно идентифицируют с археологическим объектом в местности Балабангьол у с. Строево [см. 19, с. 20].

существование границ у села, название которого остается полностью неизвестным: fines terrae vici (CIL, III, № 12508).

В завершение обратим внимание на то, что межевых камней, обозначавших рубежи земельных владений сел Нижней Мезии и Фракии, опубликовано очень немного, причем практически все они происходят из Малой Скифии или с территории Филиппополя. Однако говорить на этом основании, что в других областях фракийских земель в первых веках нашей эры практики установления официальных границ деревенских поселений не существовало, надо думать, не приходится. Ведь относительно немного опубликовано и надписей на камнях, обозначавших в восточнобалканских провинциях границы земельных владений *городов*, в то время как, можно не сомневаться, таких знаков было огромное множество. Например, достоверно известно, что на рубежах территории Каллатиса стояли десятки, если не сотни, пограничных камней [38, S. 108–115, cf. 39, S. 326], а между тем находки их единичны [15, p. 63; 38, S. 108].

Аналогичная ситуация характерна и для ряда других городов фракийских земель, а во многих случаях знаки, фиксировавшие границы городских территорий, не обнаружены вообще. Вряд ли будет ошибкой предположить, что и основная масса сельских межевых камней первых веков нашей эры пока просто остается недоступной для исследователей. Тем не менее, и на основании приведенных свидетельств говорить о наличии, по крайней мере у значительной части сел Фракии и Нижней Мезии, на наш взгляд, можно с большой долей уверенности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Rostovtzeff M.* The Social and Economic History of the Roman Empire. 2 nd ed. — Oxf., 1957. — Vol. 1.
2. *Штаерман Е. М.* Кризис рабовладельческого строя в западных провинциях Римской империи. — М., 1957.
3. *Штаерман Е. М.* Мораль и религия угнетенных классов Римской империи (Италия и Западные провинции). — М., 1961.
4. *Fol A.* Les thraces dans l'Empire Romain d'Occident (Ie—IIIe siècle) // ГСУ. Философско-исторически факултет. — 1964. — Т. 58. — Кн. 3.
5. *Фол А.* Демографска и социална характеристика на днешните български земи от I до III век въз основа на надписите extra fines provinciarum // ИБИД. — 1967. — Т. 25.
6. *Златковская Т. Д.* Возникновение государства у фракийцев. VII—V вв. до н. э. — М., 1971.
7. *Велков В.* Поземлени отношения в Мизия и Тракия // История на България. — София, 1979. — Т. 1.
8. *Порожанов К.* История на траките в историята на стария свят. Принципни постановки и проблеми // Минало. — 1996. — Кн. 4.
9. *Ботева Д.* Долна Мизия и Тракия в римската имперска система (193–217/218 г. сл. Хр.). — София, 1997.
10. *Russu I.* Un litigiu de hotărnicie din Scythia Minor (CIL III 14447. V. Pârvan, Histria, IV, 633–637 (в оригинальном названии статьи — 537, что является опечаткой — А. М.) // SCIV. — 1955. — Nr. 1–2.
11. *Florescu Gr.* O piatră de hotar de la Capidava // SCIV. — 1957. — Nr. 1–4.
12. *Велков В.* Добруджа в периода на римското владичество // История на Добруджа. — София, 1984. — Т. 1.
13. *Ростовцев М. И.* Общество и хозяйство в Римской империи. — М., 2000. — Т. 1.
14. *Avram A.* Observaţii cu privire la autonomiile rurale din Dobrogea romană (secolele I—III e. n.) // SCIVA. — 1984. — Nr. 2.
15. *Bărbulescu M.* Viaţa rurală în Dobrogea romană (sec. I—III p. Chr.) — Constanţa, 2001.

16. *Геров Б.* Земевладението в римска Тракия и Мизия (I—III в.) // ГСУ. Факултет по класически и нови филологии. — 1977. — Т. 72. — Кн. 2.
17. *Ботушарова Л.* Граничните знаци на тракийското село Бендипара // Археология. — 1979. — Кн. 1.
18. *Velkov V.* Le village dans la province romaine de Thrace. La documentation épigraphique // Epigrafia e antichità. — 1993. — Vol. 12.
19. *Динчев В.* Бендипара — първата точно локализована комархия в римска Тракия // Минало. — 1996. — Кн. 1.
20. *Мартемьянов А. П.* Общинные отношения в селах Фракии и Нижней Мезии в первых веках нашей эры // ВДИ. — 2010. — № 2.
21. *Lazarenko I.* The Southern Boundary of terra Odessitanorum // Archaeologia Bulgarica. — 2002. — № 2.
22. Ἐπιγραφὲς τῆς Θράκης τοῦ Αἰγαίου / Λ. Λουκοπούλου, Ἀ. Ζουρνατζῆ, Μ. Γ. Παρισάκη, Σ. Ψωμᾶ. — Ἀθῆναι, 2005.
23. *Gostar N.* Études épigraphiques IV // Dacia. — 1980. — T. 24.
24. *Sayar M. H.* Perinthos-Herakleia (Marmara Ereğlisi) und Umgebung: Geschichte, Testimonien, griechische und lateinische Inschriften. — Wien, 1998.
25. *Мартемьянов А. П.* Императорские земли в Нижней Мезии и Фракии: локализация, управляющий и рабочий персонал // Античный мир. Византия: К 70–летию профессора В. И. Кадеева (Сб. науч. трудов). — Х., 1997.
26. *Велков В.* Агиографски данни за историята на Тракия от IV в. // ИИИ. — 1964. — Кн. 14–15.
27. *Lewis Ch. T., Short Ch.* A Latin Dictionary. — Oxf., 1958.
28. *Bréal M.* Dictionnaire étimologique Latin. — P., 1885.
29. *Walde A., Hoffmann J. B.* Lateinisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1938. — Bd. 1.
30. *Ernout A., Meillet A.* Dictionnaire étimologique Latine. — P., 1951.
31. *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. — М., 1986.
32. *Древнегреческо-русский* словарь // Сост. И. Х. Дворецкий; под ред. С. И. Соболевского. — М., 1958. — Т. 1.
33. *Frisk H.* Griechisches etymologisches Wörterbuch. — Heidelberg, 1960. — Bd. 1.
34. *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire des mots. — P., 1968. — T. 1.
35. *Liddell H. G., Scott R.* Greek-English Lexicon / Comp. by H. G. Liddell and R. Scott. — Oxf., 1996.
36. *Velkov V.* Zur Geschichte der Provinz Thrakien im II Jh. U. Z. // AAHung. — 1965. — T. 13.
37. *Динчев В.* Селата в днешната българска територия територия през римската епоха (I — края на III век) // ИНИМ. — 2000. — Т. 11.
38. *Avram A.* Untersuchungen zur Geschichte des Territoriums von Kallatis in griechischer Zeit // Dacia (N. S.). — 1991. — T. 35.
39. *Doruțiu-Boilă E.* Zur Abgrenzung des Territorium von Kallatis // Dacia. (N. S.). — 1971. — T. 15.

Резюме

Мартем'янов О. П. *Про сільські межові знаки перших століть нашої ери з території Нижньої Мезії та Фракії*

У перших століттях нашої ери села фракійських земель мали чітко визначені, встановлені належним чином межі, про що свідчать знахідки межових знаків, які фіксували ці рубежі. На особливу увагу заслуговують три ідентичні написи, які свідчать про те, що за розпорядженням імператорського легата Фракії Кв. Атрія Клонія, вірогідно, в 211 г. н. э., були встановлені ὅροι ἀγροῦ Βενδιπαρων (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534). Є підстави вважати, що всі вони знайдені in situ, і це, здавалося б, надає унікальну можливість уявити розміри земельних володінь фракійського села.

Проте на межових знаках не вказано, що Бендіпара — це κώμη, а площа, яку вони позначали, для одного села надто велика — з південного заходу на північний схід вона простягається більш ніж на 10 км. З урахуванням того, що на цій території виявлено археологічні матеріали, в яких є сліди поселень римського часу, і зафіксовано курганні могильники, В. Дінчев доходить висновку, що Бендіпара була не селом, а комархією — адміністративним об'єднанням кількох сусідніх сіл. Власне кажучи, така гіпотеза видається цілком правомірною, але, на думку автора статті, не виключено, що Бендіпара могла бути маєтком, причому, враховуючи його розміри, найімовірніше — імператорським. У будь-якому разі, доказовим свідченням існування комархії Бендіпари може стати лише підтвердження цього факту письмовими джерелами.

Ключові слова: Нижня Мезія, Фракія, Бендіпара, Бутерідава, сільські межові знаки.

Резюме

Мартемьянов А. П. *О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии*

В первых веках нашей эры села фракийских земель имели четко обозначенные, установленные надлежащим образом границы, о чем свидетельствуют находки фиксировавших эти рубежи межевых знаков. Особого внимания заслуживают три идентичные надписи с территории Филиппополя, свидетельствующие о том, что по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония, вероятно, в 211 г. н. э., были установлены ὅροι ἀγροῦ Βενδιπαρων (IGBR, III/1, № 1455, 1472; V, № 5534). Есть основания считать, что все они обнаружены in situ, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села. Однако на межевых знаках не указано, что Бендипара — это κώμη, а обозначенная ими площадь для одного села очень велика — с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. С учетом того, что на этой территории обнаружены археологические материалы, в которых усматривают следы поселений римского времени, и зафиксированы курганные могильники, В. Динчев приходит к выводу, что Бендипара являлась не селом, а комархией — административным объединением нескольких соседних сел. В принципе, такое заключение представляется вполне оправданным, однако, по мнению автора статьи, не исключено, что Бендипара могла быть имением, причем, учитывая его размеры, вероятнее всего — императорским. В любом случае, доказательным свидетельством существования комархии Бендипары может стать только подтверждение этого факта письменными источниками.

Ключевые слова: Нижняя Мезия, Фракия, Бендипара, Бутеридава, сельские межевые знаки.

Summary

A. Martemyanov. *Village Landmarks of the First Centuries AD from the Territory of Lower Moesia and Thrace*

The fact that the villages of the Thracian lands in the first centuries AD had precisely defined, properly formed frontiers is supported by the found landmarks which fixed these boundaries. Of special importance are three identical inscriptions from the territory of Philippopolis, indicating that by the order of the legate of Thrace Q. Atrius Clonius, apparently in the 211 AD, ὅροι ἀγροῦ Βενδιπαρων were installed (IGBR, III/1, № 1455,

1472; V, № 5534). There are reasons to believe that they were found in situ and it seems to be a unique opportunity to imagine the size of a Thracian village's land holdings. However, the landmarks do not indicate that Bendipara is κώμη, and yet the area marked for one village is too large — it stretches for over 10 kilometers from the south-west to north-east. Given the fact that some archaeological materials with the traces of settlements from the Roman period have been discovered in the area, burial mounds recorded, V. Dinchev comes to the conclusion that Bendipara was not the village but κωμαρχία — an administrative union of several neighboring villages. Such a conclusion is, in principle, justified but before the results of systematic excavations have been obtained on the territory designated by boundary stones, this hypothesis should be accepted with caution: there is a possibility that Bendipara was an estate, and, given its size, most likely, the emperor's. As conclusive evidence of the existence of Bendipara κωμαρχία can only be a confirmation of this fact by written sources.

Key words: Lower Moesia, Thrace, Bendipara, Buteridava, village landmarks.

О. М. Петречко

Релігія як інструмент політики Помпея Великого

Постать Помпея Великого викликає значний інтерес у сучасній історіографії. Водночас чимало аспектів його політичної діяльності, мотиви тих чи тих рішень залишаються контроверзійними. Дехто вважає політику Помпея продовженням політики Сулли. Рональд Сайм уподібнює Помпея до Сулли та Цезаря як лідера монархічної фракції [1, p. 250]. Джейн Пенроуз стверджує: «Сулла помер, а Помпей був його наступником у Римі, спраглий до військової слави, щоб зміцнити свої політичні успіхи» [2, p. 92]. Натомість Грем Віллі вважає, що Помпей «бачив себе Цінціннатом, а не Суллою» [3, p. 558].

Релігійна політика Помпея є однією із найменш досліджених тем у сучасній історіографії. Федеріко Сантанджело звертає увагу нате, що зацікавленості ставленням Помпея до релігії також немає і у античних авторів: «У біографії Плутарха не розглядається проблема ставлення Помпея до релігії, на відміну від життєписів Сулли та Цезаря... Плутарх не згадує, що Помпей освятив храм Геркулесу у Римі і що цей храм носив його ім'я щонайменше до I ст. н. е.» З одного боку це можна пояснити тим, що «Помпей не доклав достатньо зусиль для того, щоб привернути увагу до своєї набожності та особливостей своїх взаємин з богами» [4, p. 228, 233], з іншого — тим, що історична пам'ять здебільшого буває не надто прихильною до переможених. Вивчення релігійної політики Помпея дозволить глибше зрозуміти логіку політичного процесу того часу, з'ясувати мотиви рішень Помпея та причини його поразки у громадянській війні.

Релігія займала помітне місце у житті римського суспільства і була важливим інструментом політичної боротьби у Стародавньому Римі. Римляни поважали та шанували своїх богів, здійснювали їм жертвоприношення і сподівалися на їхню підтримку. Очевидно Помпей розумів, що релігія є силою, яку не можна залишити поза увагою. Помпей, як і інші політичні діячі того часу, намагався використати релігію у власних цілях. Джон Мачигроссо цілком вірно зазначає: «Для великих мужів останніх десятиліть Республіки, храмове будівництво стало частиною арсеналу політичної конкуренції» [5, p. 181].

Помпей шанував багатьох богів, зокрема Юпітера. Він надав Кабірі статус міста, дав йому назву Діосполіс (*Διοσπολις* — місто Зевса, згодом — Неокесарія *Νεοκαισαρεια*)[1]. Пов'язані із Юпітером атрибути з'являються на монетах, що карбуються прихильниками Помпея. У 55 р. до н. е. Квінт Кассій Лонгін карбує денарій із зображенням

[1] Strabo 12.3.31: *τὰ δὲ Κάβειρα Πομπηίου σκευάσαντος εἰς πόλιν καὶ καλέσαντος Διόσπολιν, ἐκείνη προσκατεσκεύασε καὶ Σεβαστὴν μετωνόμασε.*

@ О. М. Петречко, 2017

Генія римського народу на аверсі та орла і блискавки на реверсі (RRC 428.3) — атрибути ауспіцій, тісно пов'язані з Юпітером [6, p. 181], а також *lituus* та *capis* — символи авгурата. Сулла був першим, хто використав *lituus* та *capis* на монеті у 84/83 р. до н. е. (RRC 359.1) [6, p. 179; 7, p. 467; 8, p. 64–65]. У 49 р. до н. е. пересувний монетний двір у таборі Помпея, на Сицилії, карбує монету, реверс якої містив зображення Юпітера, блискавку та орла (BMCRR Sicily 1; RSC Cornelia 64 a).

До деяких богів Помпей демонстрував особливу повагу. Стефан Вейнсток вважає, що головними божествами Помпея були *Venus Victrix* і *Hercules Invictus* [9, p. 232]. Це були божества перемоги. Помпей збудував храми *Hercules Invictus*, *Venus Victrix* і, можливо, *Minerva Victrix*: «це було більше, ніж будь-хто ще зробив коли-небудь для божеств перемоги» [10, p. 228]. Каміл Копій стверджує, що «всі монети, які можна пов'язати з Помпеєм Великим, стосуються теології перемоги» [11, p. 150].

У третій книзі «*De architectura*» Вітрувій Полліон розповідає про декілька храмів, збудованих в ареостилі, фронтони яких було прикрашено за етруським звичаєм глиняними чи позолоченими мідними статуями. Зокрема мова йде про храм *Herculis Pompeiani* поблизу *Circus Maximus* (Vitr. 3.3.5). Бог, для якого було збудовано цей храм, був відомий як *Hercules Pompeianus* [12, p. 66–67]. Важко сказати однозначно чи був цей храм збудований Помпеєм, чи тільки відреставрований ним. Освячений він був, ймовірно, 12 серпня, хоча про рік цієї події сказати щось певне важко [13, p. 256]. Про цей храм говорить також Пліній Старший у контексті розповіді про статую Геркулеса, роботи знаменитого скульптора Мірона. Пліній зазначає, що ця статуя була розташована у храмі Помпея Великого поблизу *Circus Maximus* (*apud circum maximum in aede Pompei Magni*) (Plin. Nat. 34.57). Великі сподівання, які покладав Помпей на підтримку Геркулеса, засвідчує пароль у його війську при Фарсалі — Геркулес Непереможний (*Hercules Invictus — Ἡρακλῆς ἀνίκητος*) (App. BC 2.11.76). Прихильність до Геркулеса відображена також на монетах соратників Помпея (RRC 426/4b).

Федеріко Сантанджело висловлює обґрунтовані припущення щодо чинників, які могли викликати особливу прихильність Помпея до Геркулеса. Зокрема: Геркулес був одним з численних божеств, щодо яких Сулла, наставник Помпея, заявляв про особливі зв'язки; Помпей міг зазнати сильного впливу міфу Геркулеса, який зберігся в Іспанії, де він провів декілька років під час кампанії проти Серторія; Геркулес у грецькому світі асоціювався з Олександром Великим, Помпей був захоплений Геркулесом з огляду на практику Олександра і, можливо, Мітрідата Євпатора; в образі Геркулеса Помпей побачив прояв найвищого рівня військової майстерності [4, p. 229–230].

Помпей не був першим і не був останнім, хто ототожнював себе з образом Олександра Великого. Помпей прагнув здобути славу полководця рівного Олександру. Можливо, йому також імпонувала ідея прижиттєвого отримання божественних почестей. На певному етапі політичної кар'єри Помпея досягнення такого результату видавалося реалістичним. Пліній Старший говорить, що перемоги та тріумфи Помпея рівні не лише досягненням Олександра Великого, але навіть досягненням Геркулеса та Батька Лібера[1]. За свідченням Саллюстія, ще у юнацькі роки Помпея прихильники переконали його у схожості з царем Олександром, і він намагався бути гідним його звершень та справ: «*Sed Pompeius a prima adulescentia sermone fautorum similem fore se credens Alexandro regi facta consultaque eius quidem aemulatus erat*» (Sal. Hist. 3.88). Він за будь-якої нагоди підкреслював свою схожість з Олександром: «Помпей мріяв стати другим Олександром [9, p. 37]». Подібно до Олександра,

[1] Plin. Nat. 7.95: *Verum ad decus imperii Romani, non solum ad viri unius, pertinet victoriarum Pompei Magni titulos omnes triumphosque hoc in loco nuncupari, aequato non modo Alexandri Magni rerum fulgore, sed etiam Herculis prope ac Liberi patris.*

Помпей засновував нові міста та відбудовував зруйновані війною[1]. Після перемоги над Мітрідатом, у речах царя знайшли плащ Олександра Великого, який Помпей одягнув під час тріумфу (App. Mith. 17.117). Достатньо обґрунтованою видається така характеристика Помпея: «наслідувач Олександра» [14, p. 129].

Атмосфера I ст. до н. е. сприяла амбітним планам Помпея. У цей час швидкими темпами формується культ великих особистостей, поширюються ідеї про їх винятковість [15, с. 155]. Перший відомий випадок божественного культу живої людини датується кінцем V ст. до н. е., коли спартанський полководець Лісандр отримав такі почесті на Самосі: «πρώτῳ μὲν γάρ, ὡς ἱστορεῖ Δοῦρις, Ἑλλήνων ἐκείνῳ βωμοὺς αἱ πόλεις ἀνέστησαν ὡς θεῷ καὶ θυσίας ἔθυσαν, εἰς πρῶτον δὲ παιᾶνες ᾄσθησαν» (Plut. Lys. 18). Філіп Македонський, за словами Ісократа, досягнув такої могутності, що йому залишилося тільки стати богом: «*οὐδὲν γὰρ ἔσται λοιπὸν ἔτι πλὴν θεὸν γενέσθαι*» (Isoc. Ep. 3. 5). Олександр Македонський отримав божественні почесті ще за життя. Плутарх говорить, що Олександр сам не вірив у своє божественне походження й не хизувався ним, але користувався цим як засобом для уярмлення інших (ἀλλὰ τοὺς ἄλλους καταδουλούμενος τῇ δόξῃ τῆς θειότητος) (Plut. Alex. 28). Олександра та його наступників називали богами за життя і після смерті. Жителі елліністичних царств звикли звертатися до своїх правителів, як до богів: спаситель, благодійник (εὐεργέτης) чи пан (κύριος і δεσπότης) [16, p. 20]. Грецьке *κύριος* було еквівалентом латинського *dominus*. Вшанування могло обмежуватися окремим містом, а могло бути поширеним на значній території, як це було в елліністичних імперіях діадохів. У античних містах Причорномор'я, захищених Мітрідатом Великим від варварської загрози, поширюються культи, пов'язані із вшануванням його як нового Діоніса і Геракла. Згодом успішні дії Мітрідата проти римлян надихнули пергамців на помпезне вшанування царя. Опис Плутархом цієї церемонії (Plut. Sulla 11) дав підстави Є. Молєву тлумачити її як апофеоз Мітрідата [17, с. 49, 67]. Після встановлення римського контролю над Малою Азією на півострові поширився культ римських намісників. Він міг зникнути одразу після смерті обожненого чи зберігатися досить тривалий час. Першим з римлян, що удостоївся такої честі від греків, став Тіт Квінктій Фламінін. Мешканці Халкіди вшановували його протягом століть: «ἔτι δὲ καὶ καθ᾽ ἡμᾶς ἱερεὺς χειροτονητὸς ἀπεδείκνυτο Τίτου, καὶ θύσαντες αὐτῷ τῶν σπονδῶν γενομένων ᾄδουσι παιᾶνα πεποιημένον» (Plut. Flam. 16–17). Вівтар римському посадовцю знайдено на території Понту у Зелі, що на південний схід від Амасії [18, p. 43].

У цьому контексті не видається дивним те, що під час перебування Помпея на Сході він удостоївся божественних почестей: «На його честь було перейменовано місяць у Мітілені; у нього був культ на острові Делос, з культовими службовцями, *Pompeiastai*, що засвідчено даними епіграфіки; його шанували як «спасителя» на Самосі та у Мітілені; також можливо, що для його культу насправді були збудовані храми» [19, p. 147]. На могилі Помпея у Єгипті було розміщено епітафію: «Яка жалюгідна могила тут для того, хто володів храмами в достатку» (*τῷ ναοῖς βρίθοντι πόση σπάνις ἔπλετο τύμβου*) (App. BC 2.12.86). Діон Кассій, розповідаючи про єгипетську подорож імператора Адріана у 122 р. н. е., ті ж слова вкладає в уста принцепса: «*διὰ δὲ τῆς Ἰουδαίας μετὰ ταῦτα ἐς Αἴγυπτον παριὼν καὶ ἐνήγισε τῷ Πομπηίῳ: πρὸς ὃν καὶ τουτὶ τὸ ἔπος ἀπορρῖψαι λέγεται τῷ ναοῖς βρίθοντι πόση σπάνις ἔπλετο τύμβου*» (Dio Cass. 69.11.1). Плутарх передає зміст звернених до Помпея вуличних графіті в Афінах: «*ἐφ᾽ ὅσον ὢν ἄνθρωπος*

[1] App. Mith. 17.115: καὶ πόλεις ᾤκισεν ἐν μὲν Ἀρμενίᾳ τῇ βραχυτέρᾳ Νικόπολιν ἐπὶ τῇ νίκῃ, ἐν δὲ Πόντῳ Εὐπατορίαν, ἣν αὐτὸς μὲν ὁ εὐπάτωρ Μιθριδάτης ἔκτισε καὶ Εὐπατορίαν ὠνόμασεν ἀφ᾽ ἑαυτοῦ, ὑποδεξαμένην δὲ Ῥωμαίους καθῃρήκει, καὶ ὁ Πομπήιος ἐγείρας Μαγνόπολιν ἐκάλει. ἐν δὲ Καππαδοκίᾳ Μάζακα, ὑπὸ τοῦ πολέμου λελυμασμένην ἐς τέλος, ἤγειρεν αὖθις. καὶ ἑτέρας πολλαχοῦ κατενεχθείσας ἢ βεβλαμμένας διωρθοῦτο περί τε τὸν Πόντον καὶ Παλαιστίνην καὶ κοίλην Συρίαν καὶ Κιλικίαν, ἐν ᾗ δὴ καὶ μάλιστα τοὺς λῃστὰς συνῴκιζε. καὶ ἡ πόλις ἡ πάλαι Σόλοι νῦν Πομπηιόπολις ἐστίν.

οἶδας, ἐπὶ τοσοῦτον εἶ θεός» (Plut. Pomp. 27.3). Ці слова перегукуються з уявленнями про Геркулеса, героя надзвичайної сили, який після смерті удостоївся місця серед богів.

Свого часу Сулла проголосив своєю покровителькою Венеру. Те саме згодом декларували Помпей і Цезар [20, s. 66]. Вшанування Венери Помпеєм відбувалося одночасно із вшануванням Геркулеса. Федеріко Сантанджело вказує на те, що культи Венери та Геркулеса були покликані посилювати та взаємодоповнювати один одного [4, p. 232]. Особливе ставлення Помпея до Венери відображене на монетах. У 57–56 рр. до н. е. прихильники Помпея Консідій Ноніан та Фавст Корнелій Сулла карбують монети із зображеннями Венери, на реверсі однієї зображався храм Венери, на реверсі іншої три трофеї, що символізують перемоги Помпея у трьох частинах світу [RRC 424/1; 426/3].

12 серпня 55 р. до н. е. Помпей освятив перший у Римі кам'яний театр, складовою частиною якого було чотири або п'ять вівтарів [21, p. 52–53; 22, p. 383–384]. Федеріко Сантанджело підкреслює збіг дати освячення храму Геркулеса і вівтарів у новому кам'яному театрі — 12 серпня. Він вбачає причину такого збігу в тому, що «Помпей розглядав Венеру і Геркулеса як нероздільні та необхідні елементи своєї пропаганди і свого політичного дискурсу» [4, p. 232]. *Fasti Amiterni* та *Fasti Alliferni* повідомляють, що божествами, яким було присвячено вівтарі у храмі Помпея, були *Venus Victrix*, *Honos*, *Virtus*, *Felicitas* і, ймовірно, *Victoria*: «*Veneri victrici, Hon(ori) Virt(uti), Felicitati in theatro marmoreo*», «*V(eneri) v(ictrici), H(onori) V(irtuti), V....., Felicita[ti] in theatro Pompei*» (CIL, I², p. 324). Стефан Вейнсток вважає, що *Venus Victrix* та *Felicitas* зумовлені концепцією Сулли щодо *Venus Felix* і *Victoria*, в той час як *Honos* і *Virtus* нагадують нам Марія [10, p. 229]. Помпей демонструє прихильність до божеств, котрі уособлювали традиційні римські чесноти. Володіння римськими чеснотами було необхідною передумовою вдалої політичної кар'єри. Політична пропаганда згодом пов'язуватиме з Октавіаном повернення у Рим традиційних республіканських чеснот. У 17 р. до н. е. Горацій напише: «*iam Fides et Pax et Honos Pudorque priscus et neglecta redire Virtus...*» (Hor. Carm. saec. 57–59). За рішенням сенату золотий щит з написом, що прославляв чесноти Августа, був поставлений в курії Юлія: *(clupeusque aureus) in (c)úriá Iúliá posi|tus, quem mihi senatum (populumque Romanu)m dare virtutis cle‖m(entia)e iustitia(e pietatis caussa testatum) est pe(r e)ius clúpei | (inscription)em* (RG 34). Копія цього напису дійшла до нас на золотому щиті з Арелати (суч. Арль): «*Senatus / populusque Romanus / Imp(eratori) Caesari divi f(ilio) Augusto / co(n)s(uli) VIII dedit clupeum / virtutis clementiae / iustitiae pietatis erga / deos patriamque*» (AE 1952, 165). Ці чотири чесноти (*Virtus* — Мужність, *Clementia* — Милосердя, *Iustitia* — Справедливість та *Pietas* — Благочестя) з'являються досить часто в написах [23, p. 196]. Отже, ідеологічне обґрунтування особливого становища Помпея в державі значною мірою опиралося на ті ж засади, на яких згодом базуватиметься ідеологічне обґрунтування особливого становища засновника системи принципату. Першою серед чеснот Августа вказана *virtus*. Ця ж чеснота пропагувалася як така, що притаманна Помпею та, зрештою, і Цезарю. Ціцерон вихваляє *virtus* як Помпея, так і Цезаря: «*omnia sunt externa unius virtute terra marique pacata*» (Cic. Catil. 2.5.11); «*divina virtus*» (Cic. Marc. 8.26).

За свідченням Тертулліана, щоб обійти заборону на спорудження постійних театрів, Помпей збудував над своїм кам'яним театром храм *Venus Victrix*. Ряди сидінь театру були водночас сходами, що вели до храму. Скликаючи народ на освячення театру, Помпей подавав його як освячення храму *Venus Victrix*[1]. Деякі дослідники заперечують

[1] Tert. Spect. 10: *Itaque Pompeius Magnus solo theatro suo minor cum illam arcem omnium turpitudinum extruxisset, veritus quandoque memoriae suae censoriam animadversionem Veneris aedem superposuit et ad dedicationem edicto populum vocans non theatrum, sed Veneris templum nuncupavit, cui subiecimus, inquit, gradus spectaculorum*; Gel. 10.1.7: *cum Pompeius "inquit" aedem Victoriae dedicaturus foret, cuius gradus vicem theatri essent.*

вагомість цього свідчення Тертулліана [24, p. 168]. Ерік Орлін вважає крайній скептицизм Тертуліана недоречним [12, p. 68]. Інші дослідники погоджуються з оцінкою Тертулліана. Пауль Цанкер стверджує, що Помпей «вважав за необхідне вдати нібито величезний глядацький зал був лише додатком до невеликого храму його покровительки *Venus Victrix*, встановленого над ним» [25, p. 21]. Д. Хенсон говорить, що «Архітектурно, незважаючи на твердження Помпея про освячення ним головно храму, театр був тепер домінантним елементом навіть більшою мірою, ніж це було у пізніших зразках такого поєднання» [21, p. 55]. Можна погодитися з Френком Сіром, який вважає, що «Попри риторику Помпей просто слідував давній традиції. Театри з храмами безпосередньо позаду *cavea* виявлені у декількох святилищах у Лації, таких як Габії, Пренесте, Тіволі та П'єтраббонданте і навіть тимчасові театри Рима часто будувалися поблизу храмів» [26, p. 58].

Візуально не театр, а саме храм *Venus Victrix* домінував над цілим комплексом. Епітет *Victrix*, можливо, має безпосередній зв'язок з успіхами Риму на Сході [4, p. 231]. Цілком можливо, що Помпею залежало на пропаганді успіхів Риму лише остільки, оскільки йшлося про його власні досягнення. Можливо мав рацію Гонсалес Лодж, який дав таку оцінку Помпею: «Для зовнішнього світу Помпей був *Magnus*, для себе він все більше і більше ставав *Maximus*» [27, p. 141]. Ерік Орлін обґрунтовано стверджує: «Цей комплекс, звичайно, був покликаний зосередити увагу на самому Помпеї, а не на общині» [28, p. 196]. Схожу думку висловлює Сюзанна Гьодде: «Помпей використав театр, щоб підготувати ґрунт для себе, використав візуально вражаючу архітектуру театру та присутність Венери, від якої залежали перемоги Риму, щоб забезпечити себе як політичного діяча ефективною та виразною спорудою» [29, p. 345]. Існують підстави пов'язувати театральний будинок з оточуючим середовищем та культом елліністичного правителя. Але археологічні свідчення щодо споруд, присвячених елліністичному культу правителя, є непевними [21, p. 37, 54].

Особливе місце у релігійній політиці Помпея займала богиня Мінерва. У 50 р. до н. е. Помпей збудував три храми: *Minervium*, *Iseum* і *Serapeum* [30, p. 28]. Про *Delubrum Minervae*, освячений Помпеєм, говорить Пліній Старший і наводить зміст присвятного напису: «*hos ergo honores urbi tribuit in delubro Minervae quod ex manubiis dicabat: Cn. Pompeius Magnus imperator bello XXX annorum confecto fusis fugatis occisis in deditionem acceptis hominum centiens viciens semel LXXXIII depressis aut captis navibus DCCCXLVI oppidis castellis MDXXXVIII in fidem receptis terris a Maeotis ad Rubrum mare subactis votum merito Minervae*» (Plin. 7.97). Більше нічого певного сказати про цей храм ми не можемо [22, p. 255]. Ерік Орлін, аналізуючи свідчення Плінія, висловлює припущення, що цей храм міг бути збудований на Сході: «цілком можливо, що храм, якщо насправді то був храм, був збудований на Сході, особливо беручи до уваги те, що Пліній описував східні подвиги Помпея» [28, p. 133–134]. Не відкидаючи таку можливість зауважимо, що є вагомі підстави локалізувати *Delubrum Minervae* на місці, де сьогодні розташована церква *Santa Maria sopra Minerva*, зведена у 1280 році [31, p. 164; 32, 151, 153]. Діодор передає текст напису, у якому наприкінці зазначено, що Помпей, вилучивши споруджені для богів статуї, зображення та інші цінності, які він прийняв від ворога, присвятив богині (Мінерві) 12,060 шматків золота і 307 талантів срібла: «*τούς τε ἀνδριάντας καὶ τὰ λοιπὰ ἀφιδρύματα τῶν θεῶν καὶ τὸν λοιπὸν κόσμον τῶν πολεμίων ἀφελόμενος ἀνέθηκε τῇ θεῷ χρυσοῦς μυρίους καὶ δισχιλίους ἑξήκοντα, ἀργυρίου τάλαντα τριακόσια ἑπτά*» (Diod. 40.4).

Мотиви особливого ставлення Помпея до Мінерви залишаються нез'ясованими. Мінерву ототожнювали з грецькою Афіною. У цьому контексті можна звернути увагу на добрі взаємини Помпея з такими містами як Афіни та Іліон, у яких важливу роль відігравав культ Афіни [4, p. 222].

У Малій Азії грецьку Афіну ототожнювали з богинею Ма. У 80-х рр. I ст. до н. е. Сулла запровадив культ Ма у Римі [22, p. 58; 33, p. 199–200]. Потрібно звернути увагу

на зв'язок між вшануванням богині Ма і вшануванням правителя на Сході. С. Саприкін зазначає, що культ Ма та її *páredroi* (*πάρεδροι*) у святилищах Комани Каппадокійської і Комани Понтійської був організований так, що царя сприймали як *páredros* (*πάρεδρος*) богині Ма. Саме тут формувалося ідеологічне підґрунтя царського культу Мітрідата Євпатора. Помпей виділив Комані Понтійській 60 стадій землі, яка увійшла до складу священних земель храму [34, с. 253; 35, с. 27–28]. Ймовірно, шанобливе ставлення Помпея до культу богині Ма було не лише наслідуванням політики Сулли. Мабуть є підстави говорити про схвальне ставлення Помпея до східної практики вшанування правителів божественними почестями.

Декілька слів потрібно сказати про забобонність Помпея. Існують достатні підстави вважати, що усі верстви римського суспільства були забобонними. Очевидно, наприкінці Республіки рівень забобонності римського суспільства був дуже високий: «було більше забобонності ніж релігії серед людей, які, можливо, ніколи не були надто набожними» [36, p. 100]. Під *superstitio* (*δεισιδαιμονία*) розуміли і пересічний, нешкідливий для держави забобон, і небезпечний для суспільного спокою релігійний рух. Різноманітні форми магії, астрологія та вегетаріанство вважалися *superstitio*. Плутарх визначає страх як основну ознаку *δεισιδαιμονία*. Він вважає проявом *superstitio* тлумачення сновидінь (Plut. De Super. 3). Позиція Плутарха не відрізняється від висловленої раніше позиції Ціцерона, який уважає проявами *superstitio* віру у віщування, знамення і тлумачення сновидінь (Cic. Div. II. 72. 149–150; Nat. D. I. 55). У цьому контексті можна говорити про забобонність Помпея. Зокрема, з одного боку він був підбадьорений, а з іншого — збентежений сновидінням напередодні битви під Фарсалом: «*καὶ τὰ μὲν ἐθάρρει, τὰ δὲ ὑπέθραττεν αὐτὸν ἡ ὄψις*» (Plut. Pomp. 68.2). Про цей сон Помпея розповідає також Аппіан (App. BC 2.69). Очевидно, Помпей був забобонний так само, як більшість людей того часу.

Отже, Помпей демонстрував особливу прихильність до божеств перемоги. У нас є достатні підстави стверджувати, що релігійна політика Помпея проводилася під впливом релігійної політики Олександра Великого, Мітрідата Великого і Сулли. Помпей не сформулював власну, чітку, до кінця продуману та прийнятну для більшості римлян релігійну концепцію. Його релігійність поєднувалася із забобонністю. Він не демонстрував особливої принциповості у питаннях релігії, віддавав перевагу вшануванню того чи іншого божества в залежності від політичної кон'юнктури. Побудова храму *Venus Victrix* мала на меті, окрім іншого, відвернути від нього осуд цензорів за зведення в Римі кам'яного театру. У Римі він виказував особливу прихильність Венері, на грецькому Сході — Афіні. Помпея не бентежила підтримка Афіною ахейців у війні з троянцями, від яких вели своє походження римляни. Він вступив у змагання з Цезарем за прихильність Венери. У цій боротьбі Помпей не міг перемогти нащадка Юла, Енея і самої Венери. Він використовував релігію для досягнення політичних цілей, не цурався почестей, які межують з божественними. Помпей був великим республіканцем, але не римським Олександром. Закономірно, що поруч із життєписом великого Македонця Плутарх розмістив життєпис не Помпея, а Цезаря.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Syme R.* The Roman revolution. — Oxf.; N. Y., 1960.
2. *Penrose J.* Rome and her enemies: an empire created and destroyed by war. — Oxf.; N. Y., 2008.
3. *Wylle G.* The Road to Pharsalus // Latomus. — 1992. — Fasc. 3. — T. 51.
4. *Santangelo F.* Pompey and Religion // Hermes. — 2007. — Heft 2. — Bd. 135.
5. *Muccigrosso J.* Religion and politics: did the Romans scruple about the placement of their temples? // Religion in Republican Italy. — Cambridge, 2006.
6. *Stewart R.* The Jug and Lituus on Roman Republican Coin Types: Ritual Symbols and Political Power // Phoenix. — 1997. — № 2. — Vol. 51.

7. *Dillon M., Garland L.* Ancient Rome: Social and Historical Documents from the Early Republic to the Death of Augustus. — L.; N. Y., 2015.
8. *Koortbojian M.* The Divinization of Caesar and Augustus: Precedents, Consequences, Implications. — N. Y., 2013.
9. *Weinstock S.* Divus Julius. — Oxf., 1971.
10. *Weinstock S.* Victor and Invictus // The Harvard Theological Review. — 1957. — No. 3. — Vol. 50.
11. *Kopij K.* The Coins Related to Pompey the Great through the Lens of the theology of Victory // Proceedings of the 6th International Numismatic Congress in Croatia, University of Zadar, Zadar, Croatia, September 26–29, 2010. — Rijeka, 2011.
12. *Orlin E.* Urban Religion in the Middle and Late Republic // A companion to Roman religion. — Oxf., 2007.
13. *Platner S.* A Topographical Dictionary of Ancient Rome. — L., 1929.
14. *Guest C.* The understanding of ornament in the Italian Renaissance. — Boston, 2016.
15. *Смирчков А. М.* Религия и власть в Римской Республике: магистраты, жрецы, храмы. — М., 2012.
16. *Scott K.* The imperial cult under Flavians. — N. Y., 1975.
17. *Молев Е. А.* Властитель Понта. — Нижний Новгород, 1995.
18. *Price S. R. F.* Rituals and power: The Roman imperial cult in Asia Minor. — Cambridge, 1986.
19. *Beard M., North J., Price S.* Religions of Rome. — Cambridge, 1998.
20. *Rüpke J.* Die Religion der Römer. — München, 2001.
21. *Hanson J. A.* Roman theater-temples. — Princeton, 1959.
22. *Richardson L.* A New Topographical Dictionary of Ancient Rome. — Baltimore; L., 1992.
23. *Hurlet F.* The Roman Emperor and the Imperial Family // The Oxford handbook of Roman epigraphy. — N. Y., 2015.
24. *Kopij K.* Opera Pompei and the Theology of Victory // Studies in Ancient Art and Civilization. — Krakow, 2010. — Pars 14.
25. *Zanker P.* The Power of Images in the Age of Augustus. — Ann Arbor, 1988.
26. *Sear F.* Roman theatres: an architectural study. — Oxf., 2006.
27. *Lodge G.* Caesar, Cicero, and Pompey // The Classical Weekly. — 1920. — No. 18. — Vol. 13.
28. *Orlin E.* Temples, religion, and politics in the Roman Republic. — Leiden; N. Y., 1997.
29. *Gödde S.* Theater // A companion to the archaeology of religion in the ancient world. — Hoboken, 2015.
30. *Clark M.* Walking through Rome: A Guide to Interesting Sites in the Eternal City. — Bloomington, 2013.
31. *Benko S.* The Virgin Goddess: Studies in the Pagan and Christian Roots of Mariology. — Leiden; N. Y., 1993.
32. *Masi S., De Leonardis S.* Rome and the Vatican: art and history. — Firenze, 2007.
33. *Orlin E.* Foreign cults in Rome: creating a Roman Empire. — Oxf.; N. Y., 2010.
34. *Сапрыкин С.* Понтийское царство: Государство греков и варваров в Причерноморье. — М., 1996.
35. *Сапрыкин С.* Религия и культы Понта эллинистического и римского времени. — М.; Тула, 2009.
36. *Collins H. P.* Decline and Fall of Pompey the Great // Greece & Rome. — 1953. — No. 66. — Vol. 22.

Резюме

Петречко О. М. *Релігія як інструмент політики Помпея Великого*

Помпей демонстрував особливу прихильність до божеств перемоги. Його релігійна політика зазнала впливу релігійної політики Олександра Великого, Мітрідата Великого і Сулли. Помпей не сформулював власну чітку, до кінця продуману та прийнятну для більшості римлян релігійну концепцію. Його релігійність поєднувалася із забобонністю. Він не демонстрував особливої принциповості у питаннях релігії, віддавав

перевагу вшануванню того чи іншого божества в залежності від політичної кон'юнктури. У Римі Помпей виказував особливу прихильність Венері, на грецькому Сході — Афіні. Його не бентежила підтримка Афіною ахейців у війні з троянцями, від яких вели своє походження римляни. Помпей використовував релігію для досягнення політичних цілей, не цурався почестей, які межують з божественними.

Ключові слова: Рим, Помпей Великий, релігія, інструмент політики, культ, Венера, Геркулес, Мінерва.

Резюме

Петречко О. М. *Религия как инструмент политики Помпея Великого*

Помпей демонстрировал особое расположение к божествам победы. Его религиозная политика испытывала влияние религиозной политики Александра Великого, Митридата Великого и Суллы. Помпей не сформулировал собственную четкую, до конца продуманную и приемлемую для большинства римлян религиозную концепцию. Его религиозность сочеталась с суеверием. Он не демонстрировал особой принципиальности в вопросах религии, отдавал предпочтение чествованию того или иного божества исходя из политической конъюнктуры. В Риме Помпей выказывал особое расположение Венере, на греческом Востоке — Афине. Он не чувствовал неловкости от того, что Афина поддерживала ахейцев в войне против троянцев, от которых римляне вели свое происхождение. Помпей использовал религию для достижения политических целей, не отказываясь от почестей, которые граничат с божественными.

Ключевые слова: Рим, Помпей Великий, религия, инструмент политики, культ, Венера, Геркулес, Минерва.

Summary

O. Petrechko. *Religion as a Policy Instrument of Pompey the Great*

Pompey manifested special respect to the divinities of victory. His religious policy was under the influence of the religious policy led by Alexander the Great, Mithridates the Great and Sulla. Pompey did not formulate his own clear, completely thought-out and acceptable to the majority of Romans religious concept. His religiousness was connected with superstitiousness. He showed no particular adherence to principles in matters of religion and preferred to honor this or that deity depending on the political situation. Pompey showed special attachment to Venus in Rome, and in the Greek East to Athena. He did not feel any discomfort over the fact that Athena supported Achaean against the Trojans, from whom the Romans were descended. Pompey used religion for political purposes, not shunned honors, which were close to divine.

Key words: Rome, Pompey the Great, religion, policy instrument, cult, Venus, Hercules, Minerva.

K. S. Sorochan

Byzantine Spices as a Daily Byzantine Cuisine Part

Spicery, preservatives and seasonings were widely used in the daily cuisine of Byzantine Empire, succeeded the traditions of ancient Greece and Rome. They were in the list of the main components of the diet of a Middle Byzantium. But due to change of territorial boundaries, contact with new peoples and development of intercontinental trade service the assortment of Roman τὰ ἀρώματα (τὸ ἄρωμα — aromatic herb, spice), and the forms of their use have been rather changed. Therefore, it is necessary to clarify the range of this goods, direction and terminal points of its import-export trade movements, to find out the issue on professional specialization of trade in spicery, which were appreciated and really valuable. At that the spices popularity had not been decreased as they were in the same demand as the preservatives for their special ability to inhibit bacteria (bactericidal action), mainly putrefaction bacteria, and so to promote continued preservation of food.

Byzantine historiography of the issue is rather narrow. Usually the researches study species in the context of Byzantine Empire's cuisine or perfumery (Ph. Koukoules, M. Grünbart, J. Koder, A. Dalby and especially I. Anagnostakis), or less — Roman trade (J. Irmscher, A. Laiou, N. Oikonomides, C. Morrisson). The works of M. Montanari relate more to medieval Italy and Western Europe culinary tradition, but also contain some references to Byzantium in context of trade relationship [1, 2, 3, 4, 5]. There are studies of this kind applied to the history of ancient Greece and Rome such as works of J. I. Miller [6], M. Detienne [7], K. F. Vickery [8], D. P. Kehoe [9], P. Garnsey [10, 11, 12], B. Sirks [13], E. Gowers [14], V. E. Grimm [15], R. I. Curtis [16], the latest studies of D. L. Thurmond [17] and G. J. Oliver [18] and particularly F. De Romanis [19, 20], who pays special attention to the trade relations of Rome with the countries of East and Africa. While the Byzantine ordering deep scientific research of this issue is not involved, therefore it is necessary to fill this gap because the works dedicated exclusively to Byzantine spicery in connection with the trade specialization have not been arrived yet. As regards of sources which deal with the questions on Byzantine spicery, here we can mark a Byzantine agricultural encyclopedia, collection of the ancient works — Geoponica (10th century), and official codex of Constantinopolitan handicraft statutes and trade corporations — Book of the Prefect (10th century), providing the data on professions related to trade in spicery. Certain episodes related to spicery are encountered in Byzantine chronography (Theophylactus Simocatta, Theophanes Confessor, Theophanes Continuatus) and some other narrative sources (Ibn Chordadhbeh "The Book on the journeys and countries", Constantine VII Porphyrogennetos "On the Administration of the Empire", Ptochoprodromos works, Ioannes Tzetzes letters and others).

Let's start from terminology. It is commonly believed that spicery (also it is called spiciness, kitchen herbs) represents the different parts of plants which are the aromatic leaves, roots, fruits, that have specific and stable fragrance (smell), different pungency

@ K. S. Sorochan, 2017

degree and palatability traits. They give fragrance along with racy flavor appreciable only in the food, especially while heating. Spices are being professionally called by the cookery specialists as the set of the most saleable spicery and seasoning (also it is called condiment) including salt, sugar, vinegar, mustard. This class intend primarily for changing the flavor and then to fragrance.

In ancient Greece spicery was called *τὸ ἄρωμα, ἀρωμάτος* what meant "sweet smelling and fragrant herbage" [21, p. 254]. In ancient Rome it was used the word *scītāmenta, scītāmentōrum* that means "choice morsels, delicacies, tit-bits" [22, p. 1707]. This term gave birth the name of spicy plants family — Scitamineae — order of monocotyledonous plants that consist of the banana family (Musaceae), ginger (Zingiberacae), cannes (Cannaceae) and marants (Marantaceae). The name of this order is conditioned by the fact that many plants of listed families give to the humanity spices (scitamen), such as ginger, turmeric, cardamom, arrowroot, etc. The word species was presented in the medieval Late Latin as something presented to view, a spectacle, sight, splendor and pomp [22, p. 1799] and also implanting respect, valuable, significant, considerable, brilliant and beautiful [23]. This name was not related to spicery properties as itself, but rather to the high evaluation that they received in the Middle Ages Europe.

Already the Hellenes and especially the Romans knew the most part of exotic spicery further known by Byzantines. However, the history of *ἀρώματα*, by the Greek terminology, is much older. In the most ancient Eastern civilizations such as China, India and Egypt the first references of spicery were found near five thousand years ago. Sweet flag (Acorus calamus), for instance, was known in Egypt in 3000 BC, and cinnamon first had been described in China in 2700 BC [24, c. 15]. In the Middle Ages Byzantine Empire became the monopolist in trade with Eastland, and its capital Constantinople disputed the Alexandria's title of the world center for trade in spicery. The Arabs were the successful intermediaries in this trade. At that the advantage belonged to the Great Silk Way, connected the East Asia with the Mediterranean. Ibn Chordadhbeh noted that Jewish traders called ar-Razani, that is "who knows the way", within their transit trips through China and the Mediterranean supplied musk, wood, aloeswood, camphor, cinnamon and other exotic products of Eastern countries into Constantinople [25, p. 114–115; 26, c. 124, § 72 б; 27, p. 32, doc. 6]. It may happen that Syria was the main center of concentration of these tradespeople and they became cosmopolitans due to profession, and not due to the absence of motherland.

By long-standing tradition all sweet-smelling goods brought from Middle and Far East the Byzantines considered to be the Indian ones [Ср. 28, p. 294 (VIII. 13. 6); 29, c. 196; 30, c. 66–71]. The Digesta noted «fragrances» (aroma Indicum), opium (opia Indica) [31, XXXIX. 4. 16. 7] among them. Georgius Cedrenus reported that in gratitude for the prediction come true Leo V the Armenian (813–820) sent to monk Philomilius "...fragrances, the same as those arrived to us (to Byzantines — *K. S.*) from India" [32, p. 54]. "Incenses of the Indian trees, which have ever been seen and heard by no one" were distributed every year among the members of Constantinople Senate — Synkletos in late autumn during Brumalia feasts [33, p. 457; 34, c. 189]. In fact, not all these goods were imported from India. Syria and Palestine, whose fragrances, ointments and perfumery reached the most distant markets through the intermediaries, were their traditional exporters.

"The goods related to fragrances and coloring" were imported to Byzantine Chaldia and Trebizond from somewhere in East may be through the North branches of the Silk Road, "in order to be resold into other centers of Empire" [35, X. 2]. So only Italy faded in its former importance of one of the main production centers and supply of fragrances towards the Late Antiquity end, but the West of Asia and Syria remained among them [Ср. 36, c. 14–15; 37, c. 103; 38, c. 283–284].

As can be seen, the spicery was designated by Romans the same as the fragrances — *τὰ ἀρώματα*, and aromatic component of both terms, obviously, was taken as the basis for the name. As mentioned above their value was also in bactericidal power (availability

of phytoncids in the plants — biologically active substances, which suppress the development of bacteria, fungi and protozoa), and hence the ability to continued preservation of the food. That is why they have been used as preservatives since olden times. Among them wine vinegar *(τὸ ὄξος, τὸ ὀξύς, τὸ ὀξείδιον)* [39, Col. 1740 B; 40, c. 281; 41, c. 581; 42, VII, 33] in Byzantine had become the most popular kitchen commodity after the salt. Sometimes it had been mixed with *garum* (fermented fish sauce with herbs used as a condiment) and it had become hot spicy τὸ ὀξογαρόν [43, p. 208]. Actually, *garum* or *garon* (*ὁ γάρος, τὸν ἰχθύων γαρόν* [21, p. 339], *τὸ γάριον* [42, X, 46.2.10], the very same *γαρώδης* [44, p. 325]) had not lost its popularity, won in Roman times [45, S. 27–55], staying among not only local provincial trade, but the popular part of Byzantine export at least until 8–9th centuries [1, p. 411]. For example it was carried along with pepper by Comacchio people through the Po river to Piacenza for being sold to Langobardia according to the commercial contract of 715 [46, S. 123; 1, p. 411]. Garum was widely used in Italy. The polyptychs of St. Columbanus of Bobbio (543–615), also record the annual purchase of *garo* by the Genoese church of St. Peter, for the needs of the brothers. As well as garum is discussed in the Capitulare de villis of Charles the Great (748–814) [1, p. 410–411]. In addition, after the garum mixing with wine another type of condiment — *τὸ οἰνόγαρον* [44, p. 797] had been received [47, p. 149]. However, not just garum sauce was quite popular. In the houses of aristocracy the food was very often seasoned with subtle spicy, usually very dense sauces, which included grape juice, honey, mushrooms, cinnamon, cloves, celery, dill, wild mint and other aromatic herbs and spicery apart from salt, pepper and vinegar [48, c. 291].

Continuing the theme of bactericidal efficiency of plants it should be said that a big part of sold aromatic plants and oils were used for wine conservation and preservation [42, VII. 13]. Among them we can indicate: *aloes (ἡ ξῦλᾱλόη, τὸ ἀγάλοχον)* [21, p. 1191] — resinous heartwood that forms in trees genus Aquilaria when they are infected with a particular type of mold; *spikenard* or *muskroot* Nardostachys jatamansi (*ἡ νάρδος, τὸ νάρδου στάχυς, τὸ ναρδόσταχυς*, and more popular in Byzantium *τὸ νάρδος*) [42, 7.13.1; 21, p. 1160]; incense (τὸ λίβανον, λίβανος, τὸ θῡμίᾱμα) — an aromatic resin obtained from trees of the genus Boswellia; *myrrh (ἡ σμύρναν, μύρρα)* — resin (a natural gum) of tree species of the genus Commiphora (usually Commiphora abyssinica or Balsamodendron Myrrha) [49, vol. 7, p. 699], grown in South Arabia and Sub-Saharan Africa (Ethiopia, Somalia) [35, X. 1; 50, S. 226–227]. Aloes tree or it's the same name Agarwood, also known as oud *(ἡ ξῦλᾱλόη, τὸ ἀγάλοχον)*, brought from South and Southeast Asia [35, X. 1; 50, S. 228–229] was used for preparation of wine *ὁ ἀμινναῖος οἶνος* [42, VIII. 22] — one of the several types of medicinal wines *(οἴνω νύγιεινῶν σκευασίαι)* [42, VIII. 1]. Aloeswood was also applied for resinification of pithoses for storage of must — the freshly pressed grape juice and wine [42, VI. 6. 2; VI. 8. 1]; for preparation of *panakia mixture (ἡ πᾰνάκεια)* [42, VII. 13. 1], which make the wines heavy (strong) particularly to stop fermentation process and to start the setting-out; Agarwood was also used in composition of aromatic herbs in order to add zest — the old taste to young wine [42, VII. 24. 4]. Except the wine also another beverages from mix of caraway, fennel, honey and grape syrup were successfully prepared. Caraway beverage was called *ὁ εὔκρᾱτος, εὔκρητος, εὔκρατον* (verbatim well tempered, temperate) and could be seasoned also with the pepper or anise [51, p. 116; 21, p. 719]. Like most of other spices caraway also has a medical power that was known already in Byzantine times. Thus talking about food in monasteries the Byzantine writer and monk of the 13th century Nikephoros Blemmydes argued that caraway and fennel (Foeniculum) help greatly to prevent flatulence and stomach weight, which probably was the widespread problem for churchmen: their diet was the first of all consisted of a large amount of bean [51, p. 116]. He also noted the interesting ability of fennel to support cheerfulness, to be watchful, similar to modern caffeinated drinks [51, p. 116].

The most consumable spicery was the *pepper (τὸ πέπερι)*, entered from Southeast Asia: India, Burma, Ceylon, and it was of several varieties *(Piper nigrum, Piper longum)*. It had

been outsold all other for cooking of meat and fish dishes, cheese and wine seasoning *(ὁ οἶνος πιπεράτος)*, and as a digestant as well [31, XXXIX. 4. 16. 7; 42, VII. 36; 42, VIII. 25, 31, 35, 39; 42, XVIII. 19; XX. 15; 35, X. 1; 52, S. 89, 162–165; 53, S. 26; 35, c. 203; 30, c. 67; 50, S. 223–224]. The Romans, using its favorable transit position between Europe and Asia, in their turn, re-exported pepper [28, p. 294 (9); 29, c. 196 (VII. 13. 6)]. In any way, this spice was included into Langobardic import from the Byzantine regions of Eastern Italy in 7–8th centuries [46, S. 123]. In 9–10th centuries the inhabitants of Chersonesus used pepper as money in payment to nomads for execution of any orders for them, including those ones of commercial nature [54, c. 40].

India also had supplied such spicery as the *cardamom (Elettaria cardamomum)* [49, vol. 2, p. 175] and so-called *«Indian tree» (τὸ Ἰνδικόν ξύλον)* or *cinnamon (ἡ κᾶσία, τό κιννάμωμον)* — bark of a tree of Cinnamomum sort [55, p. 46]. The Digesta call three types of it *(cinnamomum, cassia turiana, xylocassia)* in the list of goods, subject to imposition of customs duties. The Book of the Prefect — also three types, but the other ones *(τὸ ἀληθινόν, τὸ ξυλοκιννάμωνον, τὸ τριψίδιν)* [31, XXXIX. 4. 16. 7; 33, p. 457; 53, S. 104; 30, c. 67; 47, p. 149]. In both cases, the prefix *«ξυλο»* pointed to the good in the wood, timber or bark type. Already in times of ancient Rome cinnamon *Cinnamomum zeylanicum (verum)* [79] and cassia *Cinnamomum obtusifolium (aromaticum)* [49, vol. 2, p. 73; 79] — cinnamon of interior quality, were known as different species: *cassia* was more associated with the region of Somalia, while *cinnamon* — with South Arabia [20, p. 199–200]. *Cinnamomum verum* has delicately fragrant aroma and warm, sweet flavor and *Cinnamomum cassia* is more strong and acrid spicery with pungent, less delicate flavour (it is thicker than cinnamon verum bark). May be it had been meant by Philostorgius (V century), he called such sort of the spicery as *κάσσαμον* [56, col. 488 B]. Also well-known *«Indian leaf» (τὸ φύλλον Ἰνδόν, τὸ φύλλον Ἰνδικόν)*, mentioned by Theophylactus Simocatta and Theophanes the Confessor [28, p. 294; 29, c. 196 (VII. 13. 6); 57, p. 429. 10], added a bright cinnamon flavour to the Roman dishes. Modern name — *tejpatta (tejpatta or malabathrum, Malabar leaf)* means the leaves of the plant *Cinnamomum tamala* [49, vol. 2. p. 73], growing in India. But a bark of the tree on its aromatic properties yield greatly to the classic cinnamon Cinnamomum verum, and evidently for this reason it was not used in Byzantine cookery, at least we do not find mention of it in the sources.

India also supplied *kostos (ὁ κόστος, τὸ κόστον)* [28, p. 294; 29, p. 196 (VII. 13. 6)], known at the time of antiquity. Its modern name is *costus* or *saussurea* — plant of Saussurea genus [49, vol. 10, p. 1102] — Asian spice with a heat. This is a root of the tall herbaceous plant *Saussurea Lappa*, growing in the Kashmir Mountains at present and is called *putchuk* in the local language. Theophylactus Simocatta says that during military confrontation of Avar and Romans in 6th century at Tomis city khagan asked Indian spices from Byzantium instead of the food offered. Strategos met a request of ferocious barbarian. The list of the shipped gifts included: pepper, Indian leaf, cassia and the very kostus. According to the source khagan was so satisfied with the spicery that he decided not to conduct military operations until the end of the Resurrection of Christ [29, 196 (VII. 13. 5–7)], the most important holiday for the Romans.

Along with the spicery sufficiently used for Byzantium, such as the *cloves τὸ καρυόφυλλον, τὸ καρυόθυλλον (Eugenia caryophyllata or Syzygium aromaticum)* [58, XI, 15. Col. 445 D; 80, c. 82–83] — dried flower bud of the clove-tree, *coriander τὸ κολίανδρον, τὸ κορίανδρον, τὸ κόριον* [59, col. 312 D; 42, XII. 1] and *caraway (Carum carvi)* 4 [42, IX. 28], the assortment of condiments included rather exotic. For example, *τὸ ἀργέλλιον* was probably *coconut*, which was quite popular in the Byzantine at the time of Cosmas Indicopleustes (6th century) [58, XI, 11. Col. 444 D, 445 A]. Furthermore, the «Christian topography» written by this medieval traveler contains the reference to *sandalwood (τὸ σάνδαλον, τὸ σάνταλον, ἡ τζανδάνα)* [44, p. 978, 1080] — the tree of Santalum sort [49, vol. 10, p. 1030], which oil and wood were used in medicine and perfumery [58, col. 445 D (XI, 15.); 60, p. 56].

A. Dalby assumes that *Red Sanders* or *Red Sandalwood* — so called *redwood of Pterocarpus santalinus sort* (do not confuse with *Santalum album*) could be used as food grade dye in cookery, in essence, not real sandalwood (white or black), but it had appeared in texts under the name of usual *σάνταλον* [60, p. 56]. Also probably not widely spread were *sesame seeds (Sesamum)*. They were added for making bread, some baked goods and were reported by Ptochoprodromos [61, IV. 399–401; 51, p. 119].

Another uncommon condiment is noted in Chinese source of 9th century — "You-yang-za-zu" — the work of Duan Chien-shi, a writer of the T'ang dynasty who provides valuable information about one more Roman spice [62, p. 258]. According to the treatment of Chinese researcher Chen Zhiqiang this treatise tells about *asafetida (Ferula assa-foetida)* [49, vol. 1, p. 644], alias «bad smell» (or «bad spirit») — fetid. Let us note some inaccuracy: it is mentioned that «plant in height of 8–9 chang (21,6 m) with olive-yellow bark. It sprouts a new leaves, which are like the ears of a mouse, in the third month of every year, but without flowers and fruits» [62, p. 258]. The case is that *chang* (Zhāng) is a traditional Chinese unit of length (1 chang = 100 cun is approximately 3 meters, because it was different for different times of China history) gives us impassible height of 26,4 m, even more than 21,6 m, declared in the text. Furthermore this description doesn't fit to asafetida at all, which is umbellifer perennial herbage plant in height of up to 1,5–2 m. If we assume that Chen Zhiqiang talked about medieval unit of measure *chi* ("Chinese foot"), than 8–9 chi are actually stacked in approximately 2 m. Nevertheless, the main thing is that asafetida could be well used by the Romans. Even nowadays from the milky sap of this plant's roots is received a spice, which heavy smell reminds a mix of garlic and onion. When stalk is cut — the milky sap comes out and becomes brown by exposure to the air and then struck motionless into latex. It is used in cookery in a dried form. This indirectly confirms in the Duan Chen Shi's description: "When its branches are cut, its sap oozes out of the wound. The sap is like maltose, and it coagulates after a long time, and this is what is called asafetida" [62, p. 258].

We should also mention the local Roman condiments. First of all *chicory (Cichorium)* and *odorous wild mint (Mentha arvensis)* [41, c. 581]. The Byzantines had rarely used *Rosemary (Rosmarinus)*, in spite of popularity in the Mediterranean, in cookery; they gave preference to it only while decorating the streets and premises for Imperial ceremonies and processions [55, p. 39]. Finally green-stuff — the cabbage, lentils, chick-pea, celery, cress, spinach, fruits — the apples, pomegranates, nuts, almonds may be served as usual condiment [63, c. 132]. Geoponica indicate some types of the *mushrooms (ὁ βωλήτης, ὁ βωλίτης)*, varieties of *artichokes (ἡ κινάρα, ἡ καυλοκινάρα)*, of the same nature, which were added, for example, to fish [42, XII. 39; XX. 31; 41, c. 581]. Revising the Ptochoprodromos's poem (12th century) one may conclude that the Romans successfully cooked different sorts of the fish, including grey mullet, red snapper, striped bass and flatfish, seasoning it with exotic spicery — clove, cinnamon, caraway and saffron [61, IV.172–88; 51, p. 119]. However, *saffron* (the stigmas of *Crocus sativus* flower) was not a spice of daily diet, probably due to its marked tonic effect when using in quantity [55, p. 44]. On a par with other spiceries — *rue, parsley, aniseed* and *ginger — saffron* was considered by Byzantines as aphrodisiac [64, p. 78]. *Ginger* also has other useful qualities: it was recommended in 6th century to the King of Franks as a digestant by Byzantine physician Anthimos, while according to an Arab tradition, the Byzantine emperor sent a jar of ginger as a gift to the prophet Mohamed [64, p. 78]. *Parsley* was quite well known by Byzantines (mainly under the name "*kodimenton*" but also as "*makedonisi*") and its leaves and seeds were used to prepare drinks. This name — *makedonision* or *petroselinon makedonikon (Petroselinum sativum, crispum, hortense herb)* was given after the particular region of Macedonia from what this plant was considered the best one since ancient times [65, p. 39]. *Mustard* — seeds of the plant *Sinapis*, was also the local product. Theophanes continuatus marked that the Company (Dionysus assembly) of Michael III (842–867), blaspheming,

filled the sacred golden vessels exactly with it and a pepper [66, col. 528; 33, p. 200. 15 sq.; 33, p. 243. 3 sq.; 34, c. 87 (IV. 38); 67, p. 66. 2 sq.]. German researcher Michael Grünbart talking about the preservation of food by the Byzantines and using the retrospective method, addresses to the later data of Agapij Landos (Cretan) — Athos monk, who had mentioned in his work the storage way of sun dried grape together with mustard or in salted water in pithoses [68, p. 40].

In addition, one more local spice — *mastic (ἡ μαστίχη)* traditionally produced on Greek island Chios [44, p. 735; 55, p. 44], was used in Byzantium for making bread, preparing cakes and wine. This is a resin of *Mastic tree Pistacia lentiscus* that gives to a dish rather bitter, a little pine or cedar tint, and its natural "resin" texture allows serving it as stabilizer or basis for a form.

It should be mentioned that the spicery cost rather expensive. This was explained by its own often high cost price, and also by duration and hazard of it transportation by the land or sea. Very small amforas ("unguentaria") presumably reflect high value of spices, medicines, and perfumes, which were usually transported together [69, p. 97]. In the trade it was used a different measure of weight depending on the value level of this or that spicery. Thus, for example pepper was reckoned in pounds or sacks (presumably a multiple of pounds). Cumin also was counted in pounds; cinnamon and costus were measured in ounces [69, p. 708]. In 312 cassia cost 500 denarii for pound, and there was an increase of its value year by year. Black pepper at the same time cost three times more expensive. In 327 cassia already cost 6 talents for pound that was half of price of pepper in 329 [20, p. 199–200]. Often their price was made equal to gold, silver and precious stones [55, p. 47]. Theophanes Confessor (758–817) says that when the Byzantines occupied Dastagerd — the residence of Sasanian Empire king, within the war with Persia in 628, the spicery — aloe, ginger and sugar had the seat of honor among their trophies, brought from the Chosroes II Parviz Palace [71, c. 278]. Byzantine writer and poet of 12th century Ioannes Tzetzes in his letter to Alexios Pantechnes thanks him for gifts among which the spicery (ἀρώματα) is mentioned along with alive partridges and some exotic birds that were also very expansive [72, Ep. 4. 20–22, p. 7; 68, p. 46].

As for the further transportation spices to Europe it should be noted that as we have seen in Rome, Venice, and Po valley, exotic spices and fragrances were available on the Italian side of Alps. Notwithstanding occasional assertions to the contrary, these were very high-value, low-volume goods certainly reached the north. But the additional transport and the more dispersed geography of demand raised cost and diminished volume. Tellingly, south of the Alps, the casual vocabulary of exotic substances tends to be richer and more precise: one hears of *serostyrax*, *cotzumber*, and *olibanus*. North of the Alps, it is often simply "spices" *(pigmenta)* or "incense" *(incensum)*, implying that the supply offered less choice and variety [69, p. 708]. Indeed a lot of spices the Byzantines used would not be used again in the West for a long time [70, p. 55].

It is important to note that under all innumerability of condiments types and the spicery used by the Byzantines, they were not traded by some specialized tradesmen, such as *ὁ ἀρτῦματᾶς* or *ὁ ἀρτῦματᾶτος*, known by Egyptian papyruses of 3rd century [73, c. 127]. Obviously the spices were realized in Byzantine by the same professionals who sold incenses, dyes, medicines, that were *οἱ ἀρωματοπράται (ὁ ἀρωμᾰτοπώλης)* [74, col. 932 D] and *οἱ μυρεψοί* [35, X. 1], and in Early Byzantine — also *ὁ μυρόπολης (οἱ μυροπολαί)*, traded predominantly imported goods in specialized perfumer's shops *ergasterions (ὁ ἐργαστήριον)* called *τὸ μῦροπώλιον* [75, p. 16 (№ 1829–2063), № 2054. 4 (579); 76, p. 125–129, 14–151; 77, c. 128–129]. Although, involvement of traders like salgamarius — haberdashers/grocers [Cp. 35, X. 6; 35, XIII. 1] in this trade was entirely possible. Only the producers of garums, marinades — *οἱ γαρεψαί (ὁ γαρεψάς)* [78, p. 251 (IV. 2. 22)], who, generally, were the entrepreneur-producers and sellers at the same time were singled out in particular specialty.

Thus, a comprehensive analysis of materials gave the first opportunity to gather the terminology of the main Roman spicery and condiments (*τὸ πέπερι, ἡ κᾶσία, τὸ κιννάμωμον, ὁ κόστος, τὸ καρυόφυλλον, τὸ κολίανδρον, ἡ κινάρα* and others) related to the articles of prime necessity — food products and professional specialization related to it. At that, it was established that the profession of the spicery seller was of exceptional commercial (trade) nature. This circumstance explains the practical absence of specialization in this field. Therefore in Byzantine the same professionals who sold incenses, dyes, medicines, that are *ὁ ἀρωματοπράτος* and *ὁ μὔρεψός*, and *ὁ μυρόπολης* in the Early Byzantine Egypt, sold also the spicery. Involvement of the *salgamarius* — grocer in this trade was not excluded. In particular specialty just producers of garums and marinades were singled out.

Regards the territorial area of this trade, it can be argued that Asia Minor, Syria and Palestine were among the producers and suppliers of incenses, perfumery, medicines and dyes in early Middle Ages. The absence of similar products in Italy had been compensated by stable and broadest import of the appropriate ingredients of vegetable and animal origin from the East (Iran, Arabia, Central Asia, Tibet, China, India, Eastern Africa). However, since 7th century there was a general lack of spices and flavourings in Byzantine countryside. It is also necessary to keep in mind some new gastronomic attitudes and practices in Byzantium after 6th century due to the impact of climate cooling and invasions of Persians, Avars and Slavs to the Greek East, and later — the loss of Egypt, Syria and Palestine as a result of the Arab invasion. Byzantium no longer had direct access to the Red Sea and the trade in spices, so essential to the elaborate Byzantine sauces and flavorings for the cuisine of the rich, the nobles and the Byzantine court, though these precious goods would continue to reach Trebizond via the Caucasus [70, p. 50]. All this again confirms high communication skills of the Romans on the establishment of intercontinental contacts, in which the Great Silk Road was due in an important part during many centuries.

BIBLIOGRAPHY

1. *Montanari M.* L'alimentazione contadina nell'alto Medioevo. — Napoli: Liguori, 1979.
2. *Food*: a Culinary History From Antiquity to the Present / Under the Direction of Jean-Louis Flandrin and Massimo Montanari; English Edition By Albert Sonnenfeld; Tra nslated By Clarissa Botsford. — N. Y., 1999.
3. *Italian* cuisine : a cultural history / A. Capatti, M. Montanari; translated by Aine O' Healy. — N. Y., 2003.
4. *A Cultural* History of Food in the Medieval Age / Edited by Massimo Montanari. — L.; N. Y., 2012.
5. *Монтанари М.* Голод и изобилие. Как питались европейцы. — СПб., 2008.
6. *Miller J. I.* The Spice Trade of the Roman Empire: 29 B. C. to A. D. 641 — Oxf., 1969.
7. *Detienne M.* The Gardens of Adonis: Spices in Greek Mythology / Translation from the French by J. Lloyd; with an intr. by J. P. Vernant. — L., 1977.
8. *Vickery K. F.* Food in Early Greece. — Chicago, 1980.
9. *Kehoe D. P.* The Economics of Food Production on Roman Imperial Estates in North Africa. — Michigan, 1985.
10. *Garnsey P.* Famine and Food Supply in the Graeco-Roman World: Responses to Risk and Crisis. — Cambr., 1988.
11. *Garnsey P.* Cities, Peasants and Food in Classical Antiquity: Essays in Social and Economic History / Edited with addenda by Walter Scheidel. — Cambr., 1998.
12. *Garnsey P.* Food and Society in Classical Antiquity. — Cambr., 1999.
13. *Sirks B.* Food for Rome: the Legal Structure of the Transportation and Processing of Supplies for the Imperial Distributions in Rome and Constantinople. — Amsterdam, 1991.
14. *Gowers E.* The Loaded Table: Representations of Food in Roman Literature. — Oxf., 1993.
15. *Grimm V. E.* From Feasting to Fasting, the Evolution of a Sin: Attitudes to Food in Late Antiquity. — L.; N. Y., 1996.

16. *Curtis R. I.* Ancient Food Technology. — Leiden, 2001.
17. *Thurmond D. L.* A Handbook of Food Processing in Classical Rome: for Her Bounty no Winter. — Leiden, 2006.
18. *Oliver G. J.* War, Food, and Politics in Early Hellenistic Athens. — Oxf., 2007.
19. *De Romanis F.* Crossings: Early Mediterranean Contacts with India / Edited by F. De Romanis, A. Tchernia. — New Delhi, 1997.
20. *De Romanis F.* Cassia, cinnamomo, ossidiana: uomini e merci tra Oceano Indiano e Mediterraneo / Con introduzione di Giovannella Cresci Marrone. — Rist. Anast. — Roma, 2006.
21. *A Greek-English* Lexicon / Compiled by Henry George Liddell and Robert Scott. With a revised supplement, Clarendon Press. — Oxf., 1996.
22. *Oxford* Latin dictionary / edited by P. G. W. Glare. — Oxf., 1982.
23. *Lexicon* Mediae Latiniatis по материалам словаря Дж. Ф. Нирмейера. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://linguaeterna.com/medlat/show.php?n=16233 / Доступ 28.02.16.
24. *Похлебкин В. В.* Все о пряностях. Виды, свойства, применение. — М, 1975.
25. *Ibn Khurradadhbeh.* Le Livre des routes et des royaumes / ed., trad. M. J. de Goeje. — Leiden, 1889.
26. *Ибн Хордадбех.* Книга путей и стран / пер. с араб., коммент. Н. Велихановой. — Баку, 1986.
27. *Lopez R. S., Raymond I. W.* Medieval Trade in the Mediterranean World. Illustrative Documents Translated With Introduction and Notes. — N. Y., 1955.
28. *Theophylacti Simocattae* Historiae / ed. C. de Boor. — Lipsiae, 1887.
29. *Феофилакт Симокатта.* История / пер. С. П. Кондратьева. — М., 1996.
30. *Ирмшер И.* Византия и Индия // ВВ. — 1984. — Т. 45.
31. *Corpus* juris civilis. — Berolini, 1908. — Vol. 1: Digesta.
32. *Georgius Cedrenus.* Ioannis Scylitzae ope ab I. Bekkero suppletus et emandatus. — Bonnae, 1839. — T. 2.
33. *Theophanes* continuatus // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachos / Rec. Im. Bekkeri. — Bonnae, 1838.
34. *Продолжатель Феофана.* Жизнеописания византийских царей / изд. подг. Я. Н. Любарский. — СПб., 1992.
35. *Византийская* книга Эпарха / Вступ. ст., пер., коммент. М. Я. Сюзюмова. — М., 1962.
36. *Сорочан С. Б.* Економічні зв`язки Херсонеса Таврійського з заходом в I ст. до н.е. — V ст. н. е. // Археологія. — 1985. — № 50.
37. *Кадеев В. И.* Парфюмерия и косметика в античном Херсонесе // Древности, 1995: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1995.
38. *Сорочан С. Б.* Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Очерки истории и культуры. — Харьков, 2005. — Ч. 1–2.
39. *Leontios Cyprorum, ep.* Neapolitanus. Vita Sti Symeoni Sali // Patrologiae cursus completus. Patrologiae graeca / ed. J.-P. Migne. — 1864. — T. 93.
40. *Истрин В. М.* Хроника Георгия Амартола в древнем славянорусском переводе. — Л., 1930. — Т. 3: Греческо-славянский и славянско-греческий словари.
41. *Культура* Византии вторая половина VII—XII вв. / отв. ред. З. В. Удальцова, Г. Г. Литаврин. — М., 1989.
42. *Geoponica*, sive Cassiani Bassi Scholastici De re rustica eclogae / recensuit Henricus Beckh. ed. stereotypa ed. 1. (1895). Stutgardiae, Lipsiae — Teubneri, 1994.
43. *Hierophilos*. Il calendario dietetico di Iero filo / ed. R. Romano // Atti dell Accademia Pontaniana, n. s. 47. — Naples, 1999.
44. *Sophocles E. A.* Greek Lexicon of the Roman and Byzantine Periods (From BC 146 to AD 1100). — N. Y., 1893. — Vol. 2.
45. *Drexhage H.-J.* Garum und Garumhangel im römish und spätantiken Ägypten // Münstersche Beitrage z. Antiken Handelsgeschichte. — 1903. — Bd. 12. — № 1.
46. *Hartmann L. M.* Comacchio und der Po-Handel // Hartmann L. M. Zur Wirtschatsgeschichte Italiens im frühen Mittelalter. Analekten. — Gotha, 1904.

47. *Koder J.* Everyday Food in the Middle Byzantine Period // Flavours and Delights. Tastes and Pleasures of antient and Byzantine Cuisine / ed. by I. Anagnostakis. — Athens, Thessaloniki, 2013.
48. *Сорочан С. Б.* Византия: парадигмы быта, сознания и культуры. — Х., 2011.
49. *Enciclopedia* agraria italiana / pubblicata sotto gli auspici della Federazione italiana dei consorzi agrari. — Roma, 1972.
50. *Koder J.* Die Drogisten und ihre Waren im Eparchenbuch (EB 10.1) // Византия и средневековый Крым (АДСВ. Вып. 26). — Барнаул, 1992.
51. *Talbot A.-M.* Mealtime in Monasteries: the Culture of the Byzantine Refectory // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19). Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by L. Brubaker and K. Linardou. — Great Britain, Bodmind, Cornwall, 2007.
52. *Schaube A.* Handelsgeschichte der romaniscgen Völker. — München, Berlin, 1906.
53. *Koukoules Ph.* Byzantinon trophai kai pota // EEBS. — Athenai, 1941. — № 17.
54. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей: Текст, пер., коммент. / Под ред. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. — М., 1989.
55. *Dalby A.* Tastes of Byzantium. The Cuisine of a Legendary Empire. — L.; N.-Y., 2010.
56. *Philostorgii* sqripta quae supersunt // PG. — 1858. — T. 65.
57. *Theophanis* Chronographia ex rec I. Classeni. — Bonnae, 1839. — Vol. 1.
58. *Cosmas* Indicopleustes. Topographie chretienne / Introduction, texte critique, illustration, traduction et notes par Wanda Wolska-Conus; preface de Paul Lemerle. — P., 1973. — T. 3.
59. *Gregorii* episcopi Nysseni Opera quae reperiri potuerunt omnia, nunc denuo correctius et accuratius edita et multis aucta // PG. — 1863. — T. 46.
60. *Dalby A.* Some Byzantine Aromatics // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19). Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by Leslie Brubaker and Kallirroe Linardou. — Great Britain, 2007.
61. *Ptochoprodromos* / ed. H. Eideneier. Ptochoprodromos. Einführung, kritische Ausgabe, deutsche Übersetzung, Glossar, Neograeca Medii Aevi 5. — Cologne, 1991.
62. *Zhiqiang C.* Record of Byzantine Food in Chinese Texts // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19) Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by Leslie Brubaker and Kallirroe Linardou. — Great Britain, Bodmind, Cornwall, 2007.
63. *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. — Свердловск, 1989.
64. *Anagnostakis I.* Byzantine aphrodisiacs // Flavours and Delights. Tastes and Pleasures of ancient and Byzantine Cuisine / ed. by I. Anagnostakis. — Athens, Thessaloniki, 2013.
65. *Anagnostakis I.* Makedonisi(on). Parsley, the Macedonian Herb // Flavours and Delights. Tastes and Pleasures of antient and Byzantine Cuisine / ed. by I. Anagnostakis. — Athens, Thessaloniki, 2013.
66. *Nicetae* Davidae Paphlagonae Vita Sancti Ignatii // PG. — 1864. — T. 105.
67. *Pseudo-Symeon* (Symeonis magistri annales) // Theophanes continuatus. Ioannes Cameniata. Symeon magister. Georgius monachos / Rec. Im. Bekkerus. — Bonnae, 1838.
68. *Grünbart M.* Store in a Cool and Dry Place: Perishable Goods and Their Preservation in Byzantium // Eat, Drink, and Be Merry (Luke 12:19). Food and Wine in Byzantium. Papers of the 37th Annual Spring Symposium of Byzantine Studies, in Honour of Professor A. A. M. Bryer / ed. by Leslie Brubaker and Kallirroe Linardou. — Great Britain, Bodmind, Cornwall, 2007.
69. *McCormick M.* Origins of the European Economy: Communications and Commerce, a. d. 300–900. — Cambr., 2001.
70. *Anagnostakis I.* Byzantine diet and cuisine. In between ancient and modern gastronomy // Flavours and Delights. Tastes and Pleasures of ancient and Byzantine Cuisine / ed. by I. Anagnostakis. — Athens, Thessaloniki, 2013.
71. *Феофан Византиец* // Феофан Византиец. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта / Приск Паннийский. Сказания Приска Паннийского. — Рязань, 2005.

72. *Ioannes Tzetzes.* Epistulae / recensuit Petrus Aliosius M. Leone. — Leipzig: B. G. Teubner, 1972.
73. *Фихман И. Ф.* Оксиринх — город папирусов. — М., 1976.
74. *Theodori Studitae* orationes et epistulae // PG. — 1864. — T. 99.
75. *The Oxyrhynchus* Papyri. — L., 1924.
76. *Johnson A. Ch., West L. C.* Byzantine Egypt: Economic Studies. — Princeton, 1949.
77. *Фихман И. Ф.* Египет на рубеже двух эпох: Ремесленники и ремесленный труд в IV — середине VII вв. — М., 1965.
78. *Constantini Harmenopuli* Manuale legum sive Hexabiblos / ed. G. E. Heimbach. — Lipsiae, 1851.
79. *Encyclopædia* Britannica. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.britannica.com/EBchecked/topic/98142/cassia; http://www.britannica.com/EBchecked/topic/118117/cinnamon. — Доступ: 28.02.2016.
80. *Пигулевская Н. В.* Византия на путях в Индию. Из истории торговли Византии с Востоком в IV—V вв. — М.; *Л.*, 1951.

Резюме

Сорочан К. С. *Візантійські спеції як частина щоденної римської кухні*

Стаття присвячена деяким спеціям та приправам, які використовувалися в Візантійській імперії під час приготування їжі і напоїв. Уточнюється перелік спецій візантійською грецькою термінологією. Стверджується виключно комерційний характер професії продавця спецій (ὁ ἀρωματοπράτης, ὁ μυρεψός). Це пояснює, що спеціалізації в цій області практично немає. Більш точно визначені зони імпортної торгівлі.

Ключові слова: Візантія, середньовіччя, спеції, торгівля, ароматопрат, мірепс.

Резюме

Сорочан Е. С. *Византийские специи как часть ежедневной ромейской кухни*

Статья посвящена некоторым специям и приправам, которые использовались в Византийской империи при приготовлении пищи и напитков. Уточняется перечень специй в византийской греческой терминологии. Утверждается исключительно коммерческий характер профессии продавца специй (ὁ ἀρωματοπράτης, ὁ μυρεψός), что объясняет практически полное отсутствие специализации в этой области. Более точно определены зоны импортной торговли.

Ключевые слова: Византия, средневековье, специи, торговля, ароматопрат, мирепс.

Summary

K. Sorochan. *Byzantine Spices as a Daily Byzantine Cuisine Part*

The article is devoted to some spices and seasonings which were used in the Byzantine Empire in preparation of meals and beverages, also it will be refined the list of spices in Byzantine Greek terminology. It will be found the exclusively commercial character of spices seller profession (ὁ ἀρωματοπράτης, ὁ μυρεψός), that explains the virtual absence of specialization in this field. The trade import areas will be defined more exactly.

Keywords: Byzantium, Middle Ages, spices, trade, aromatoprates, myrepsos.

С. А. Кариков

Конфессиональные дискуссии среди саксонских теологов в 40–70-х гг. XVI века: истоки лютеранской ортодоксии

Одной из ключевых проблем лютеранской конфессионализации является формирование основного содержания евангелического вероучения. Его основы, заложенные в период ранней Реформации прежде всего — благодаря творчеству Мартина Лютера, получили дальнейшее развитие в трудах его последователей. В то же время в этих сочинениях ключевые проблемы лютеранства обретали различные трактовки, порой доходившие до взаимоисключающих выводов. Закономерным следствием отсутствия идейного единства среди лютеран стали многочисленные дискуссии между евангелическими теологами, берущие начало во времена поздней Реформации и завершившиеся в конфессиональную эпоху.

На наш взгляд, теологические споры внутри лютеранского лагеря приобрели наибольшую остроту в период 1547–1577 гг. — от завершения Шмалькальденской войны до разработки «Формулы Согласия». Именно этот период охватывают хронологические рамки данной статьи. Основная цель исследования заключается в выяснении предпосылок идейных расхождений между евангелическими теологами, ключевых характеристик богословских дискуссий и значения преодоления этих противоречий для формирования лютеранской ортодоксии. Отдельные аспекты указанных событий охарактеризованы в работах современных исследователей лютеранской конфессионализации [1; 2; 3; 4; 5; 6], однако длительность, сложность, противоречивость разработки содержания догматики и культа лютеранства обусловливают актуальность новых обращений к этой проблеме. Территориальные рамки нашей работы охватывают саксонский регион, в котором действовало большинство теологов, активно участвовавших в обсуждении проблем догматики и культа лютеранства.

Уже во второй половине 40-х гг. XVI в. в среде лютеранских теологов начали нарастать идейные противоречия, приведшие к образованию двух группировок — гнезиолютеран и филиппистов. Гнезиолютеране стремились предотвратить отход от принципов евангелической теологии, смысловым центром которой для них являлось творчество Мартина Лютера. В то же время филипписты, группировавшиеся вокруг ближайшего сподвижника Лютера — Филиппа Меланхтона, при рассмотрении проблем евангелической догматики и культа в ряде случаев допускали сближение как с реформатскими идеями, так и с католической теологией. Отображая общую ситуацию «кризиса идентичности» в немецком протестантизме [3, S. 407], расхождения между гнезиолютеранами и филиппистами впоследствии проявились в многочисленных дискуссиях относительно догматов лютеранского вероучения.

@ С. А. Кариков, 2017

Первая острая дискуссия среди приверженцев евангелизма развернулась вскоре после завершения Шмалькальденской войны. Поражение протестантов в упомянутом военном конфликте позволило католической группировке выдвинуть требование к лютеранам признать принципы Аугсбургского интерима. Его положения были утверждены Аугсбургским рейхстагом 15 мая 1548 г. и предусматривали фактическую реставрацию католического вероучения на евангелических территориях Германии. В частности, Аугсбургский интерим восстанавливал пять церковных таинств, ранее упраздненных лютеранством (миропомазания, исповеди, елеосвящения, брака, рукоположения), декларировал учение о пресуществлении, усиливал церковную власть, определяя полномочия епископов и римского понтифика, изымал принцип «только верой» из формулы оправдания, возвращал ряд элементов католического культа (пост, праздники в честь католических святых) [7, S. 455–460]. Интерим требовал от сторонников евангелизма подчиняться решениям Тридентского церковного собора, начавшего заседать с 1545 года. При этом действие интерима распространялось только на евангелические территории, в то время как католики были освобождены от соблюдения его положений. Всякое сопротивление Аугсбургскому интериму официально запрещалось; в частности, этот запрет охватывал возглашение проповедей и публикацию полемических трактатов [6, p. 187].

Требование ввести Аугсбургский интерим в действие в евангелических регионах вызвало различную реакцию со стороны приверженцев лютеранства. Ряд виттенбергских теологов (в частности, Филипп Меланхтон) сочли возможным признать действие интерима на территории курфюршества Саксонского. В то же время гнезиолютеране подвергли взгляды Меланхтона резкой критике, обвинив его в искажении евангелического вероучения. В частности, Николаус фон Амсдорф и Матиас Флаций, выступившие как последовательные противники Аугсбургского интерима, обвинили Меланхтона и его приверженцев в соглашательстве с властью [3, S. 411]. Основанием для этого стала позиция Меланхтона в вопросе адиафоры — декларации несущественности «внешних вещей» (правил, обрядов и пр.) по сравнению с содержанием вероучения.

Взгляды Меланхтона нашли поддержку со стороны курфюрста Морица Саксонского, сменившего на княжеском престоле Иоганна Фридриха — представителя эрнестинской линии династии Веттинов. По-видимому, новый правитель Саксонии сознавал возможные угрожающие последствия насильственного претворения в жизнь Аугсбургского интерима на подконтрольной ему территории, большинство жителей которой в ходе Реформации решительно выступили против господства католической церкви. Вследствие этого, подписывая интерим на Аугсбургском рейхстаге, саксонский курфюрст одновременно представил протест, в котором отметил, что не может согласиться принять ответственность за его введение в своих владениях, поскольку данный документ является обязательным лишь для одной стороны. Возвратившись в Саксонию, Мориц не пытался принудить подданных к немедленному выполнению условий Аугсбургского интерима: он обратился к виттенбергским теологам с предложением предварительно изучить данный документ [8, p. 205].

Позиция Меланхтона, его влияние на пасторов и рядовых прихожан гарантировали Морицу отсутствие сопротивления со стороны новых подданных. Курфюрст, в свою очередь, защищал теолога перед императором, поддерживал его в роли неофициального главы евангелической церкви [9, с. 15]. В ходе переговоров с курфюрстом Меланхтон и его единомышленники выработали смягченную формулу интерима для Саксонии. Их предложения стали идейной основой Лейпцигского интерима, провозглашенного 22 декабря 1548 г., а в июне 1549 г. утвержденного саксонским ландтагом в качестве закона.

Лейпцигский интерим декларировал приверженность принципам евангелического учения, но одновременно признавал восстановление католических церемоний на территории курфюршества Саксонского [10, S. 475]. Неоднозначность доктринальных

положений этого документа проявилась даже в формулировке ключевого элемента евангелического вероучения — принципа оправдания верой. Виттенбергские теологи при составлении Лейпцигского интерима стремились избежать наиболее жестких формулировок Аугсбургского интерима (евхаристической молитвы, формулы соборования, использования мира в крещении), но не смогли устранить многих существенных разногласий между лютеранским вероучением и католической доктриной. В частности, вопросы церковного облачения и отмечания праздников в честь святых стали ярким выражением противоречий, не устраненных компромиссным по своему характеру Лейпцигским интеримом.

В противовес подходу Меланхтона и его единомышленников, Амсдорф и Флаций сформулировали принцип «В вопросах вероисповедания не должно быть безразличия» (Nihil est adiaphoron in statu confessionis) [4, с. 238]. Тем самым они отстаивали единство внешних форм и внутреннего содержания евангелизма, подчеркивая губительность уступок в этом вопросе приверженцам католицизма. Вследствие этого для гнезиолютеран были неприемлемы как положения Аугсбургского, так и Лейпцигского интерима в качестве их смягченного варианта.

Выражая протест против компромиссного курса Меланхтона и его приверженцев, Матиас Флаций весной 1549 г. покинул Виттенберг и переехал в Магдебург. Вольный имперский город Магдебург на тот момент стал олицетворением сопротивления императорской политике. Это выразилось, в частности, в предоставлении возможности гнезиолютеранам публиковать свои произведения. В 1549–1551 гг. магдебургскими типографами Михаэлем Лоттером, Кристианом Редингером и Хансом Вальтером было издано свыше 100 брошюр, авторы которых выступали против Аугсбургского интерима. Матиас Флаций, оказывая типографам поддержку в качестве редактора этих сочинений, одновременно подготовил к печати сборник собственных теологических произведений, изданный в марте 1550 г. под заголовком «Все латинские работы» [6, p. 190–191]. Помимо этого, с начала 50-х гг. XVI века он обратился к изучению истории христианства. Первым результатом этой работы стал «Каталог свидетелей истины» (1556) — развернутый список авторов, в сочинениях которых можно было обнаружить расхождения с официальной католической доктриной, особенно в части преемственности развития церкви от эпохи Христа до начала XVI века [11, с. 26]. Исследования Флация впоследствии стали основой фундаментального труда «Магдебургские центурии», к написанию которого присоединились и другие лютеранские теологи; эта работа была завершена в 1574 г. [12, с. 23].

Вследствие расхождений с позициями филиппистов в Магдебург переехал и Николаус фон Амсдорф. Он также продолжил выступать против Аугсбургского интерима, прежде всего — работая над публицистическими трактатами. Его поддержали местные священнослужители Иоганн Виганд и Матвей Юдекс, а также Эразм Альбер сатирик Николаус Галл (двое последних, как и Амсдорф, переехали в Магдебург из-за угрозы религиозных преследований). Активность названных деятелей сделала Магдебург важным центром гнезиолютеранства [3, S. 412].

Гнезиолютеранские идеи в конце 40-х — начале 50-х гг. XVI века получили широкое распространение и в Йене. Значение основного центра гнезиолютеранства этот город приобрел после взятия Магдебурга войсками Морица Саксонского (1551 г.). Деятельность гнезиолютеран была связана с Йенским университетом, основанным в 1548 г., после утраты Иоганном Фридрихом права суверенитета над Виттенбергским университетом (вследствие потери курфюршеского титула). В этом учебном заведении трудились теологи, решительно отвергнувшие попытки части виттенбергских реформаторов найти компромисс с территориальной властью курфюршества Саксонского на условиях интерима. В частности, в 1551–1561 гг. на теологическом факультете Йенского университета преподавал Матиас Флаций, в 1557 г. ставший профессором [6, p. 180–181]. Активность и разнообразие его деятельности позволяют

рассматривать Флация как духовного лидера гнезиолютеранской группировки саксонских теологов.

Конфессиональная борьба между гнезиолютеранами и филиппистами не прекратилась и после отмены Аугсбургского интерима в 1552 г., которая была провозглашена среди основных условий Пассауского договора, ставшего результатом победы протестантских князей в т. н. «княжеской войне». Чем же объяснить то обстоятельство, что с устранением столь серьезного фактора конфликта накал противостояния двух группировок не снизился, а возрос? На наш взгляд, в этой связи заслуживает внимания замечание И. Дингель, которая указывает, что не следует отождествлять «спор об интериме» со «спором об адиафоре». Аугсбургский интерим был направлен на восстановление католического вероучения, церемоний и обычаев в евангелических регионах, в то время как проблема адиафоры затрагивала более широкую идейную проблематику [5, S. 3]. Эта проблема, определявшаяся важностью вопроса о соотношении «внешнего» и «внутреннего» для каждого приверженца евангелизма, сохранила актуальность и позднее. Значение указанной проблемы побудило лютеранских теологов продолжить дискуссию об адиафоре в последующие десятилетия.

Усиление противоречий между гнезиолютеранами и филиппистами в 50-х гг. XVI века нашло выражение и в таких конфессиональных дискуссиях, как «майористский спор» и «синергистский спор». Первая дискуссия была связана с полемикой вокруг взглядов Георга Майора — ученика Меланхтона, профессора Виттенбергского университета. Рассматривая одну из узловых проблем лютеранской теологии — проблему «добрых дел», Майор, вопреки Лютеру, подчеркнул необходимость заслуг для спасения человеческой души, связывая оправдание с обретением верующим святости [13, с. 62]. Его взгляды подверглись резкой критике со стороны Николауса фон Амсдорфа, отметившего, что во взглядах Майора проявляется католическая тенденция [1, S. 87–89]. Результатом этого спора стало стремление лютеранских теологов избегать многозначных формулировок, использовавшихся в дебатах, и создание предпосылок для более ясного определения места добрых дел в контексте учения об оправдании [14, с. 232].

Синергистский спор затронул другую важную проблему лютеранской доктрины — проблему свободы человеческой воли. Еще в 20-х гг. XVI в. этот вопрос вызвал острую полемику Мартина Лютера с Эразмом Роттердамским, написавшим произведение «Диатриба, или Рассуждение о свободе воли». В нем Эразм отмечает, что ликвидация свободы человеческой воли перед лицом божественного фатума обрекает человека на роль марионетки [15, с. 58]. А это, в сущности, приводит людей к аморализму, ибо «если нет свободы, то нет и греха» [16, с. 233]. Ответом Лютера нидерландскому гуманисту стал трактат «О рабстве воли». В этом произведении реформатор, опираясь на взгляды апостола Павла, подчеркивает: «У человека нет свободы воли по отношению к тому, что выше его, а есть только по отношению к тому, что ниже его. ...В отношении к Богу и к тому, что касается спасения или осуждения, у человека нет никакой свободной воли» [17, с. 336]. По убеждению Лютера, без помощи божественной благодати свободная воля человека толкает его только к моральной непригодности, к злу [15, с. 57].

Проблема свободной воли сохранила актуальность и на следующем этапе лютеранской конфессионализации, вызывая ожесточенные споры среди евангелических теологов. В 50-х гг. XVI века к ее рассмотрению обратился профессор Лейпцигского университета Иоганн Пфеффингер, принадлежавший к единомышленникам Меланхтона (в частности, он принимал участие в составлении пунктов Лейпцигского интерима). В трудах Пфеффингера проблема свободной воли интерпретировалась в эразмианском духе; так, он полагал, что нечто в природе самого человека побуждает одних согласиться на спасение, а других — не согласиться [13, с. 63]. Такой подход Пфеффингера встретил решительное неприятие со стороны

Матиаса Флация и Николауса фон Амсдорфа, развивавших лютеровскую трактовку воли.

Еще одна теологическая дискуссия, предметом которой стал вопрос об оправдании, развернулась в начале 50-х гг. XVI в. между кенигсбергским профессором Андреасом Озиандером и Филиппом Меланхтоном. Озиандер рассматривал праведность Христа как выражение его божественной природы, которая дарует человеку оправдание, мистически перемещая Христа в человеческое сердце посредством веры [2, S. 231]. Такие взгляды противоречили догмату Лютера о греховности человека. Меланхтон же подчеркивал, что перемещение Христа в душу верующего является следствием, а не источником оправдания [13, с. 62]. Большинство реформаторов (как филиппистов, так и гнезиолютеран) отвергало возможность внесения свойств извне в человеческую душу, что стало основой для последующего осуждения взглядов Озиандера.

Помимо названных теологических дискуссий, в 50-х гг. XVI в. получили дальнейшее развитие и споры, ранее возникшие в евангелическом сообществе. В частности, поводом к обострению дискуссии между гнезиолютеранами и филиппистами по вопросу адиафоры стало публичное обвинение Меланхтона в поддержке кальвинистских идей, высказанное гамбургским пастором Иоахимом Вестфалем. Молчание Меланхтона в ответ на предложение Жана Кальвина объединиться на основе Цюрихского соглашения, сделанное в 1557 г., было истолковано гнезиолютеранами как тайное сочувствие реформатскому вероучению [18, с. 100]. Как отмечает Н. Бережная, с этого момента ярлык криптокальвиниста («тайного», «молчаливого» кальвиниста) сопутствовал как самому Меланхтону, так и его теологическим убеждениям. Стремление к единству евангелической конфессии, осознание своей ответственности за ее судьбу побуждали Меланхтона искать компромиссы [19, с. 56].

В ходе переговоров накануне Вормсского религиозного собеседования (1557 г.) протестантские князья и представители городов Страсбург, Регенсбург и Франкфурт-на-Майне решили считать основополагающими документами вероучения обе версии «Аугсбургского вероисповедания» («неизменную» 1530 г. и «измененную» 1540 г.) и «Апологию Аугсбургского вероисповедания», написанную Меланхтоном. Однако герцоги Иоганн Фридрих Готский и Иоганн Вильгельм Веймарский, а также представители северонемецких городов (Гамбурга, Любека) отказались присоединиться к соглашению. Ортодоксальные лютеране требовали, чтобы оно базировалось на версии 1530 г., и в него были включены «Шмалькальденские статьи» Мартина Лютера [9, с. 16]. На Вормсском собрании, созванном по инициативе императора Фердинанда I для достижения компромисса между лютеранами и католиками, протестантские теологи (их представляли Меланхтон, Флаций, Иоганн Бренц и Эрхард Шнепф) перешли к спорам и взаимным обвинениям, вследствие чего цель собеседования так и не была достигнута [3, S. 158].

После ухода Меланхтона из жизни (апрель 1560 г.) продолжилось обострение конфликта между двумя евангелическими группировками. На собрании протестантских князей в Наумбурге 1561 г., где рассматривался вопрос о главных принципах Аугсбургского вероисповедания, профессор теологии Ростокского университета Давид Хитройс открыто признал существенные различия в содержании двух версий (1530 г. и 1540 г.) этого произведения. Йенские теологи решительно выступили против компромисса с филиппистами. Решения Наумбургского княжеского съезда не привели к существенным сдвигам в деле восстановления теологического и церковного единства лютеранства [20, S. 33].

Углубление раскола между гнезиолютеранами и филиппистами засвидетельствовали дальнейшие дискуссии по нерешенным теологическим проблемам. В частности, продолжение синергистского спора было связано с утверждениями некоторых филиппистов о том, что естественная воля может содействовать обращению человека. На Веймарском диспуте 1560 г. эта проблема стала центральной в дискуссии между

Матиасом Флацием и Викторино Штригелем. Штригель считал, что в обращении воля сохраняет свой естественный образ действия: она лишь переходит от зла к добру. В противовес этому, Флаций утверждал, что естественная воля не способна участвовать в обращении: она не просто пассивна, но и усиленно противится божественной благодати. Поэтому должна быть сотворена совершенно новая воля, «новый человек», при этом действие благодати препятствует «ветхой воле» и понуждает ее [14, с. 230].

Ключевым пунктом разногласий между филиппистами и гнезиолютеранами в 60-х гг. XVI в. стал вопрос о причастии. Виттенбергские теологи считали, что не следует объяснять реальное присутствие с помощью учения о повсеместном присутствии Бога. Их взгляды вновь встретили неприятие со стороны йенских теологов, следствием чего стало безрезультатное религиозное собеседование в Альтенбурге зимой 1568–1569 годах. Против позиции филиппистов выступили не только теологи из Йены, но и представители других территорий, в частности, брауншвейгский пастор Мартин Хемниц и вюртембергский суперинтендент Якоб Андреэ. Последний принял активное участие в дальнейших попытках восстановить единство евангелического вероучения. В мае 1570 г. он откликнулся на приглашение курфюрста Августа Саксонского посетить переговоры в Цербсте, в которых участвовали теологи из 15 городов и территорий [2, S. 214].

Постепенно, наряду с продолжением теологических споров, среди сторонников лютеранства начало распространяться мнение о необходимости преодоления расхождений. Его сторонники стремились примирить враждующие группировки, что требовало серьезного пересмотра идейного содержания евангелизма. Важную роль в исполнении этой миссии сыграли лютеранские теологи умеренного направления — Мартин Хемниц, Якоб Андреэ, Давид Хитройс, Николаус Зельнекер. В 70-х гг. XVI в. при их активном участии состоялся ряд консультаций и собеседований, на которых рассматривались фундаментальные проблемы догматики и культа лютеранства. На этот процесс оказал воздействие и курс территориальной светской власти: когда в анонимном трактате, опубликованном в 1574 г., из учения Меланхтона о причастии были сделаны выводы в духе реформатского вероучения, против виттенбергских теологов выступил курфюрст Август Саксонский. После этого большинство филиппистов лишились должностей священнослужителей и преподавателей на территории курфюршества [14, с. 234].

Первоосновой процесса достижения лютеранскими теологами единства вероучения стало написанное Якобом Андреэ сочинение «Швабское согласие» (1574 г.). Позднее, в результате переработки этого произведения Мартином Хемницем, был создан источник вероучения, общий для Вюртемберга и Саксонии («Швабско-Саксонское согласие», 1575 г.). В дальнейшем его текст был откорректирован группой вюртембергских теологов («Маульброннская формула»). На конвенте теологов в Торгау (май—июнь 1576 г.), созванном по инициативе курфюрста Августа Саксонского, на основе названных выше источников была составлена т. н. «Торгаусская книга», разосланная различным земельным церквам для ознакомления с их мнением. На следующем собрании теологов, созванном в монастыре Берге (близ Магдебурга) в начале 1577 г., этот труд был откорректирован на основании собранных отзывов [2, S. 215]. Окончательный текст был подписан и передан саксонскому курфюрсту как «Формула Согласия». Этот документ был подписан князьями, чиновниками и богословами различных земельных церквей и признан почти двумя третями представителей сословий, принявших «Аугсбургское вероисповедание» [21, S. 773].

Как отмечает Э. Кох, «Формула Согласия» не создавала нового вероучения, а лишь четче формулировала и комментировала положения «Аугсбургского вероисповедания» 1530 г. [2, S. 215]. В статьях «Формулы Согласия» были кратко изложены те спорные пункты лютеранского вероучения, которые вызвали теологические дискуссии 40–70-х гг. XVI века [21, S. 774–844]. Рассматривая взгляды Майора на проблему

«добрых дел», на идеи Озиандера об оправдании, на синергизм Пфеффингера, на адиафоризм Меланхтона как заблуждения, а также отвергая трактовку догматов христианства, предложенную теологами других направлений (Кальвином, Ульрихом Цвингли, Менно Симонсом, Каспаром Швенкфельдом), «Формула Согласия» утверждала идейное единство евангелизма.

Наряду с сочинениями Лютера («Малый катехизис», «Большой катехизис», «Шмалькальденские статьи») и Меланхтона («Аугсбургское вероисповедание», «Апология Аугсбургского вероисповедания», «О власти и верховенстве папы») «Формула Согласия» вошла в состав «Книги Согласия», ставшей своеобразным каноном вероисповедных книг лютеранской конфессии. Признание «Книги Согласия» в 1580 г. большинством территориальных евангелических церквей ознаменовало утверждение ортодоксии как ведущего направления лютеранства в германских государствах. Характерной чертой ортодоксии было подчеркнутое желание рассматривать богословские проблемы с опорой на Писание и вероисповедные книги [18, с. 106]. Основным содержанием ортодоксальной теологии «истинного вероучения» стали полемика с католиками и реформатами, а также дальнейшая разработка догматической системы лютеранства [22, с. 357].

Результатами трудов евангелических теологов эпохи ортодоксии стали многочисленные догматические суммы, компендиумы из Священного Писания, произведений Лютера, вероисповедных книг, конституировавшие целостное учение, в котором соединялись вопросы религиозной, социальной, природной этики [23, S. 212]. Любые попытки пересмотра или критики учения Лютера оценивались с позиций ортодоксии как святотатство [24, с. 137].

По мнению О. Рыбаковой, необходимой почвой, на которой формируется канон ортодоксии, является гетеродоксия. В этой связи исследовательница отмечает: «Протестантизм во время своего возникновения и далее, набирая силу, умножая содержательный ряд своих идей, определенно был гетеродоксией, во-первых, по отношению к ортодоксальной доктрине католической церкви, а во-вторых, предоставив в будущем широкое идейное поле для формирования своей же собственной (в рамках протестантизма) ортодоксальной доктрины» [25, с. 140–141]. Признавая справедливость этого замечания в отношении противостояния между протестантской гетеродоксией и католической ортодоксией, одновременно следует обратить внимание на отсутствие единой ортодоксальной доктрины протестантизма. Подобные доктрины формировались в рамках отдельных реформационных вероучений, в частности — лютеранства. И уже на ранних этапах лютеранской конфессионализации отчетливо начали проявляться идейные противоречия не только между лютеранами и представителями иных протестантских конфессий, но и среди сторонников евангелизма. Процесс преодоления этих противоречий одновременно стал процессом становления лютеранской ортодоксии.

Таким образом, вторая половина 40–70-х гг. XVI в. ознаменовалась качественно новыми явлениями в развитии евангелизма, что позволяет говорить об углублении лютеранской конфессионализации в этот период. Идейное размежевание и последующее длительное противостояние гнезиолютеран и филиппистов стало для евангелизма серьезным испытанием, которое может быть определено как своеобразный «кризис роста» лютеранства. Возможность преодоления кризиса была реализована на пути поиска общих идейных принципов, способных объединить приверженцев различных подходов к интерпретации евангелического вероучения. Ключевую роль в этом процессе сыграло создание комплекса вероисповедных книг, составной частью которого, помимо написанных ранее трудов Лютера и Меланхтона, стала «Формула Согласия». Отход от крайних позиций гнезиолютеранства и филиппизма, осуществленный ее авторами, позволил восстановить единство евангелического вероучения и конституировать его принципы в «Книге согласия». Перспективой дальнейшего исследования видится изучение развития системы лютеранской ортодоксии, ее влияния на различные сферы жизни германского общества раннего Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Zur Mühlen K.-H.* Reformation und Gegenreformation. — Göttingen, 1999. — T. 2.
2. *Koch E.* Das konfessionelle Zeitalter — Katholizismus, Luthertum, Calvinismus (1563–1675). — Leipzig, 2000.
3. *Hauschild W.-D.* Lehrbuch der Kirchen- und Dogmengeschichte. — Gütersloh, 2005. — Bd. 2.
4. *Seebaß G.* Geschichte des Christentums III. Spätmittelalter — Reformation — Konfessionalisierung. — Stuttgart, 2006.
5. *Dingel I.* Historische Einleitung // Dingel I. Der Adiaphoristische Streit (1548–1560). — Göttingen, 2012.
6. *Jambrek S.* Flacius' Struggle for the Freedom of the Church // KAIROS — Evangelical Journal of Theology. — 2012. — Vol. VI. — № 2.
7. *Folgen* der Niederlage: das Augsburger Interim / R. A. Müller [Hg.] // Deutsche Geschichte in Quellen und Darstellung. — Stuttgart, 2001. — Bd. 3.
8. *Stump J.* Life of Philip Melanchthon. — N. Y., 1897.
9. *Бережная Н. А.* Кальвинистская Реформация в Германии: пример Пфальца : автореф. дисс. … канд. ист. наук : 07.00.03 — Всеобщая история (новая и новейшая история) / Санкт-Петербургский государственный университет. — СПб., 2015.
10. *Das Interim* / H. Junghans [Hg.] // Die Reformation in Augenzeugenberichten. — München, 1973.
11. *Андронов И. Е.* Межконфессиональная полемика в западноевропейской церковной историографии XVI века: автореф. дисс. … д-ра ист. наук : 07.00.09 — Историография, источниковедение и методы исторического исследования / Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. — М., 2015.
12. *Keller R.* Matthias Flacius Illyricus (1520–1575) // Keller R. Luthertum in der Vielfalt seiner Geschichte. — Regensburg, 2006.
13. *Ревуненкова Н. В.* Протестантизм. — СПб., 2007.
14. *Хегглунд Б.* История теологии / пер. с швед. В. Володина. — СПб., 2001.
15. *Соколов В. В.* Философское дело Эразма из Роттердама / пер. с латин. Ю. М. Каган // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
16. *Эразм Роттердамский.* Диатриба, или Рассуждение о свободе воли // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
17. *Лютер М.* О рабстве воли / пер. с латин. Ю. М. Каган // Эразм Роттердамский. Философские произведения. — М., 1986.
18. *Прокопьев А. Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. 1555–1648. — СПб., 2008.
19. *Бережная Н. А.* Меланхтон и проблема криптокальвинизма в протестантской Германии середины XVI в. // Клио. — 2015. — № 1(97).
20. *Roensch M.* Die theologische Bedeutung der Konkordienformel vor ihrem geschichtlichen Hintergrund // Lutherische Theologie und Kirche. — 1977. — № 3.
21. *Konkordienformel* / H. G. Pöhlmann [Bearb.] // Unser Glaube. Die Bekentnisschriften der evangelisch-lutherischen Kirche. — Gütersloh, 1991.
22. *Heussi K.* Kompendium der Kirchengeschichte. — Tübingen, 1991.
23. *Zeeden E. W.* Das Zeitalter der Gegenreformation von 1555 bis 1648. — München, 1979.
24. *Zeeden E. W.* Die Entstehung der Konfessionen. Grundlagen und Formen der Konfessionsbildung im Zeitalter der Glaubenskämpfe. — München; Wien, 1965.
25. *Рыбакова О. Б.* Функции ортодоксии и гетеродоксии в процессе легитимации религиозных институтов // Научные проблемы гуманитарных исследований. — 2009. — Вып. 10(1).

Резюме

Каріков С. А. *Конфесійні дискусії серед саксонських теологів у 40–70-х рр. XVI століття: витоки лютеранської ортодоксії*

Статтю присвячено проблемі ідейних суперечностей між євангелічними теологами Саксонії в епоху лютеранської конфесіоналізації. Розглянуто передумови розбіжностей між теологами, головні пункти дискусій, шляхи подолання цих протиріч.

Охарактеризовано основний зміст «Формули Згоди» 1577 р. і визначено її роль у створенні ортодоксії. Зроблено висновок, що ідейне протистояння гнезіолютеран і філіппістів стало своєрідною «кризою зростання» лютеранства. Його подолання створило основу для формування лютеранської ортодоксії.

Ключові слова: Реформація, конфесіоналізація, Саксонія, теолог, Аугсбурзький інтерим, гнезіолютерани, філіпісти, адіафора, «Формула Згоди», ортодоксія.

Резюме

Кариков С. А. *Конфессиональные дискуссии среди саксонских теологов в 40–70-х гг. XVI века: истоки лютеранской ортодоксии*

Статья посвящена проблеме идейных противоречий среди евангелических теологов Саксонии в эпоху лютеранской конфессионализации. Рассмотрены предпосылки расхождений между теологами, основные пункты дискуссий, способы преодоления этих противоречий. Охарактеризовано основное содержание «Формулы Согласия» 1577 г. и ее роль в создании ортодоксии. Сделан вывод, что идейное противостояние гнезиолютеран и филиппистов стало своеобразным «кризисом роста» лютеранства. Отмечено, что его преодоление создало основу для формирования лютеранской ортодоксии.

Ключевые слова: Реформация, конфессионализация, Саксония, теолог, Аугсбургский интерим, гнезиолютеране, филипписты, адиафора, «Формула Согласия», ортодоксия.

Summary

S. Karikov. *Confessional Debate among Saxon Theologians in 40–70s of the XVI Century: Beginning of Lutheran Orthodoxy*

The article is devoted to the problem of ideological contradictions among Saxon evangelical theologians in the age of Lutheran confessionalization. The preconditions of ideological differences among the theologians, main points of discussions, methods of overcoming these contradictions are considered. The main content of the Formula of Concord in 1577 is characterized and its role in the creation of orthodoxy is defined. The conclusion about the ideological confrontation among Gnesio-Lutherans and Philippists as a kind of "crisis of growth" of Lutheranism is made. It is remarked that its overcoming created the basis for the formation of Lutheran orthodoxy.

Key words: Reformation, confessionalization, Saxony, theologian, Augsburg Interim, Gnesio-Lutherans, Philippists, adiaphora, Formula of Concord, orthodoxy.

АРХЕОЛОГИЯ

Д. С. Гречко

Об эволюции конской узды на юге Восточной Европы в VI в. до н. э.

В материальной культуре кочевников в VI в. до н. э. произошли глобальные изменения. Данное явление коснулось населения всего степного пояса Евразии. Исследователи обратили внимание на эти процессы и предложили свои варианты реконструкции событий, которые привели к изменениям.

Для Северного Причерноморья А. Ю. Алексеев связывает изменения с проникновением новых групп номадов с востока, которые пришли в движение в результате среднеазиатских походов Ахеменидов. Непростым является вопрос о начале среднескифского периода (культуры) (далее ССК). Данному вопросу значительное внимание уделил А. Ю. Алексеев [см. подробнее 1, с. 153–192]. Исследователь считает, что в последней трети VI в. до н. э. [1, с. 182][1] происходит замена раннескифского материального комплекса среднескифским. На смену Древней Скифии с ее киммерийско-скифским этническим содержанием приходит Классическая. Изменения, по мнению А. Ю. Алексеева, носили стремительный характер, на что указывает двухкомпонентность инвентаря некоторых комплексов переходного периода [1, с. 192].

Важнейшее значение для разработки хронологии и периодизации развития материальной культуры на протяжении скифской эпохи имеют детали конской узды, которые динамично изменялись. Кроме того, это обусловлено массовым присутствием деталей сбруи в погребальных и иных комплексах. Данная категория материальной культуры неоднократно анализировалась исследователями. В основу выделения трех этапов раннескифской культуры (далее РСК) И. Н. Медведской была положена, как раз, эволюция узды и предметов вооружения [2]. В более широком хронологическом диапазоне снаряжение коня населения восточноевропейской Лесостепи скифского времени было проанализировано А. Д. Могиловым. Было выделено девять хронологических групп-этапов. Интересующий нас период приходится на III (середина VII — середина VI вв. до н. э.) — IV (вторая половина VI в. до н. э.) архаические и I среднескифскую (последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.) группы/этапы [3, с. 94–136].

Особый интерес для нас в данной работе будет представлять IV архаическая группа/этап (вторая половина VI в. до н. э.) А. Д. Могилова, которая является переходной от РСК к ССК [3, с. 111–113; 4, с. 51–52]. Как отмечает исследователь, есть вероятность того, что в последней четверти VI в. до н. э. первые среднескифские древности сосуществуют с изделиями IV архаической группы. Данные комплексы характеризуются преобладанием в колчанных наборах базисных наконечников стрел. В связи

[1] Несколькими страницами ранее А. Ю. Алексеев относит смену РСК ССК серединой VI в. до н. э. [1, с. 156].

@ Д. С. Гречко, 2017

с этим неясным является утверждение автора, что основной характерной чертой I среднескифской группы (последняя четверть VI — первая половина V вв. до н. э.) является использование только двухдырчатых псалиев [3, с. 120], что противоречит идее сосуществования. Правомерность и актуальность выделения подобной группы не вызвали возражений у специалистов. Состав данной группы погребений и основания для их датирования был рассмотрен автором в одной из более ранних работ и комлексы были разделены на финальные раннескифские (рск-3ф) и древнейшие среднескифские (сск-1а) [5, с. 100].

Особое внимание конскому снаряжению при разработке хронологии материальной культуры Алтая и соседних регионов уделяет П. И. Шульга [6; 7]. Благодаря его обобщающим трудам систематизированные материалы данных регионов стали доступны широкому кругу исследователей.

Целью данной работы является анализ изменений деталей конского снаряжения населения юга Восточной Европы в VI в. до н. э. (рис. 1).

***

На протяжении раннескифского времени использовался тип конского оголовья, в котором трехдырчатые или трехпетельчатые псалии использовались как трензель, просоединяясь средней частью к наружным концам удил, а крайними отверстиями — к ремням оголовья. Классические келермесские конские уборы безальтернативно использовались как минимум до конца VII — первой четверти VI вв. до н. э. Важно отметить, что в данное время, наряду с бронзовыми стремявидными удилами, появляются железные петельчатые удила, которые в дальнейшем полностью возобладают. Широко используются пряжки-пронизки для перекрещивающихся ремней [3, с. 104–111].

Изменения начинаются в переходный период, который датировать точнее чем вторая-третья четверти VI в. до н. э. не представляется возможным.

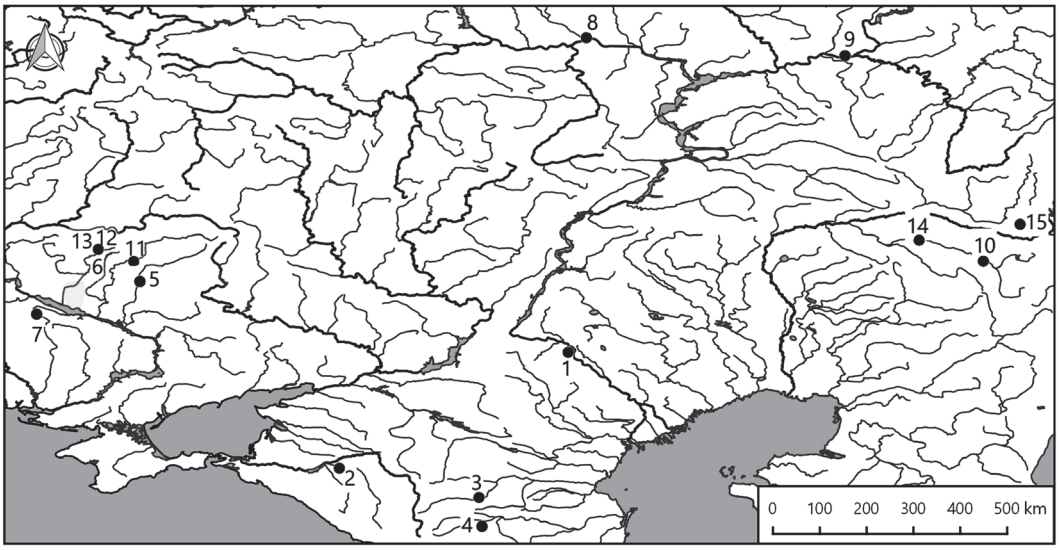


Рис. 1. Комплексы с деталями конской узды VI в. до н. э. юга Восточной Европы:

1 — Кривая Лука; *2* — Ульские курганы; *3* — Новозаведенное; *4* — Нартан; *5* — Витова Могила; *6* — Шумейко; *7* — Райгород (Михайловка); *8* — Старший Ахмыловский могильник; *9* — Зуевский могильник; *10* — Сынтас; *11* — Броварки; *12* — Волковцы; *13* — Аксютинцы; *14* — Пятимары; *15* — Сара

Fig. 1. The complexes with the details of the horse bridle of the VI c. BC of the South Eastern Europe:

1 — Krivaja Luka; *2* — Ulskie barrows; *3* — Novozavedennoe; *4* — Nartan; *5* — Vitova Barrow; *6* — Shumeyko; *7* — Raygorod (Mikhailovka); *8* — Starshij Ahmylovskij burial ground; *9* — Zuevsky burial ground; *10* — Syntas; *11* — Brovarky; *12* — Volkovtsy; *13* — Aksyutintsy; *14* — Pyatimary; *15* — Sarah

Комплекс кургана 17 могильника Новозаведенное-II показывает, что трехпетельчатые железные псалии продолжали использоваться и в третьей четверти VI в. до н. э. (рис. 2: *2*) [8, с. 408, рис. 4]. Трехдырчатые костяные псалии из Румынии также имеют хронологическую привязку: псалий из Истрии отнесен к середине VI в. до н. э. [9, с. 192], а для изделия из Тариверде предпочтительна вторая половина данного столетия [10, с. 156]. Фрагмент костяного трехдырчатого псалия был выявлен в слоях погрома укрепленного поселения Цельдемельк-Шагхедь в Центральной Европе [11, с. 62, рис. 5: *1*].

Позднейшие костяные трехдырчатые псалии либо украшены изображениями лошадиной головы (Шумейко, Волковцы к. 477) (рис. 2: *3–4*) [12, с. 44–45, табл. 22; 13, с. 44, табл. 12], либо крайне стилизованы (Броварки к. 3, Аксютинцы к. 467[1]) [13, с. 39, табл. 18, 5–20; 14, с. 34, рис. 5: 5]. В целом стоит отметить, что костяные псалии раннескифского времени и переходного периода значительно более характерны для восточноевропейской Лесостепи (преимущественно, Днепровского Левобережья[2] и Тясмина). Для Прикубанья и Предкавказья более характерны железные трехпетельчатые изделия (Келермес, Новозаведенное-II, Нартан). Вероятно, это связано со спецификой местного производства. Возможно, развитая металлургия Северного Кавказа позволяла массово изготавливать детали узды менее трудозатратным способом.

Интересно отмеченное П. И. Шульгой благодаря сохранности ременей использование трехдырчатого рогового псалия как двухдырчатого (Кайнду, Бийск-1, Юбилейный-2)[3] (рис. 5: *3*). Около середины VI в. до н. э. датируется бронзовый псалий из Маймы-19 (рис. 3: *9*), у которого среднее отверстие лишь намечено и является данью традиции [6, с. 20].

***

К переходным формам конской узды, безусловно, относятся двухпетельчатые псалии (рис. 3–4). Подобные немногочисленные изделия были выделены в отдельные типы (II.3.1.1, II.5.1,2) А. Д. Могиловым [3, с. 253–254].

Бронзовые двухпетельчатые псалии с зооморфным окончанием были найдены в Шумейковском кургане[4] (рис. 3: *1*) [12, с. 24, рис. 24]. Судя по фиксации удил между двумя петлями, к данному типу относятся псалии из Витовой Могилы[5] в Поворсклье (рис. 3: *2*) [15, p. 65, fig. 10] и из окрестностей Смелы на Правобережьи (Пастирское или Михайловка)[6] (рис. 3: *3*) [3, с. 36, рис. 74: *2–3*]. Аналогичные псалии

---

[1] На такую хронологическую позицию комплекса указывает состав колчанного набора, который относится к древнейшим переходным и может быть синхронизирован с к. 2 у с. Перебыковцы.

[2] А. Д. Могилов справедливо считает костяные трехдырчатые псалии с зооморфными украшениями характерной чертой Посулья, где их обнаружено больше всего в Европейской Скифии [3, с. 116].

[3] Подобная доработка и переиспользование для Восточной Европы не зафиксированы.

[4] Нельзя исключать принадлежность бронзовых двухпетельчатых псалиев и донышка чернофигурного килика к отдельному комплексу конца VI в. до н. э. [1, с. 182].

[5] Сохранность псалиев из Опишлянки не позволяет утверждать были ли они двухдырчатыми или петельчатыми.

[6] Можно высказать предположение, что данные псалии входили в состав инвентаря к. 2 у с. Райгород. Во-первых, в состав инвентаря данного погребения с биметаллическим мечем и ионийским киликом входили железные псалии [16, с. 21]. Во-вторых, Михайловка (бывшие Пруссы) расположена по соседству с Райгородом, у которой и проводил исследования В. В. Хвойка. В-третьих, хронологическое соответсвие и принадлежность одному (переходному) периоду. Как вариант можно рассматривать расположенный на незначительном расстоянии синхронный к. 319 у с. Гуляй-Город, в котором также были найдены псалии, хотя и прямые, что делает первую версию более правдоподобной.

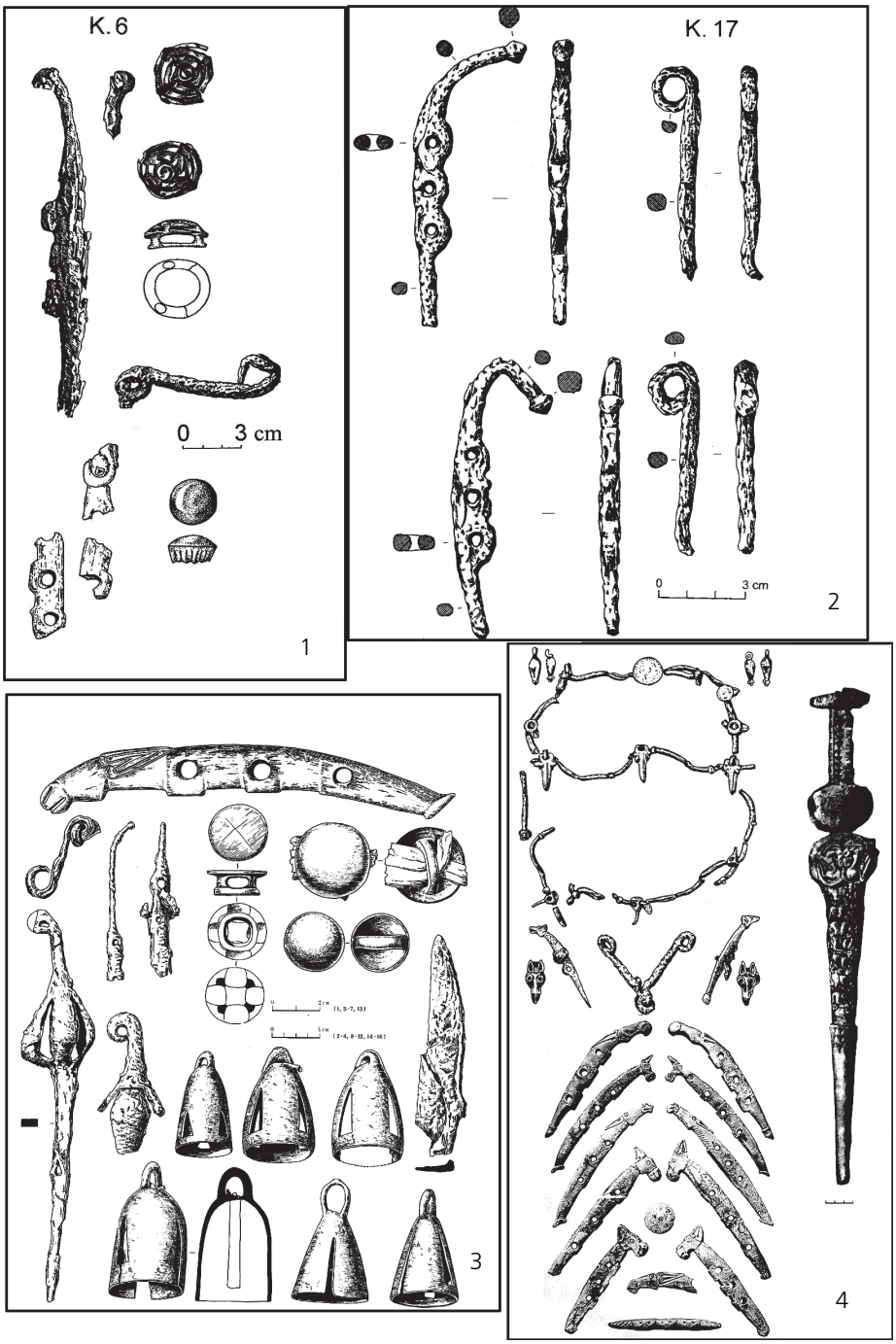


Рис. 2. Комплексы переходного периода:
1 – Новозаведенное-2, к. 6; *2* – Новозаведенное-2, к. 17; *3* – Волковцы, к. 477; *4* – Шумейко [по 8; 12; 13]

Fig. 2. The complexes of transitional period:
1 – Novozavedennoe-2, barrow 6; *2* – Novozavedennoe-2 barrow 17; *3* – Volkovtsy, barrow 477; *4* – Shumeyko [by 8; 12; 13]

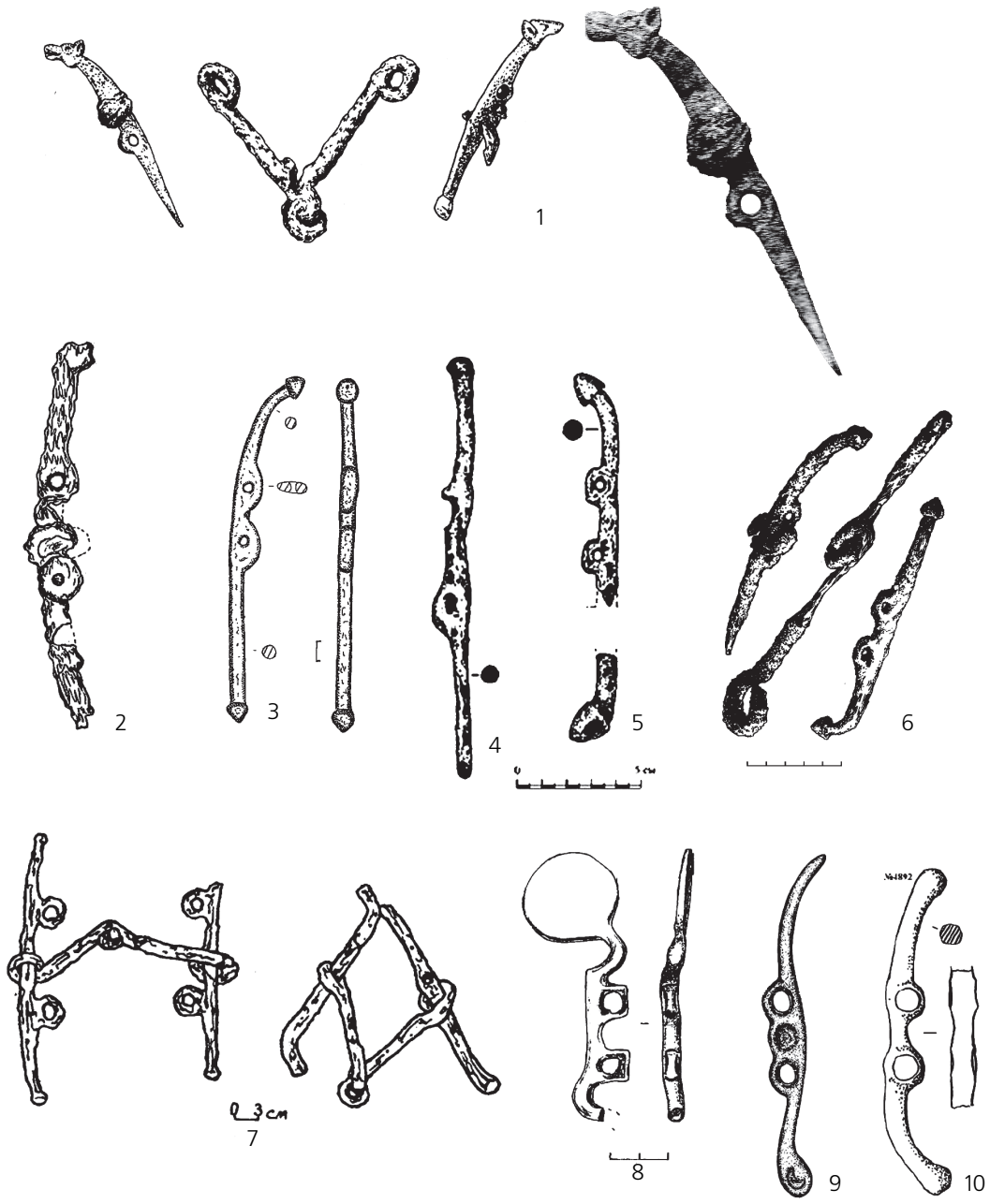


Рис. 3. Двухпетельчатые псалии:

1 – Шумейко; *2* – Витова Могила; *3* – Михайловка (Пруссы) или Райгород; *4–5* – Ульский курган 1982/10; *6* – Кривая Лука VI, кург 1; *7* – Сынтас-1, к. 1, п. 3; *8* – Маляевка; *9* – Майма-19; *10* – Минусинская котловина.

1, 8–10 – бронза; *2–7* – железо [по 6; 12; 15; 17; 18; 23; 24; 37]

Fig. 3. The double-loop check-piece:

1 – Shumejko; *2* – Vitova Barrow; *3* – Mihajlovka (Prussy) or Raygorod; *4–5* – Ulsky Barrow 1982/10; *6* – Krivaya Luka VI, Barrow 1; *7* – Syntas-1, barrow 1 grave 3; *8* – Maljaevka; *9* – Mayma-19; *10* – Minusinsk Basin.

1, 8–10 – bronze; *2–7* – iron [by 6; 12; 15; 17; 18; 23; 24; 37]

были найдены в захоронении в насыпи взнузданной головы лошади в кургане № 1 могильника Кривая Лука VI в Поволжьи (рис. 3: *6*) [17, с. 236–237]. Два аналогичных экземпляра было обнаружено в Ульском кургане 1982/10[1] (рис. 3: *4–5*) [18, с. 46]. Достаточно многочисленная группа двухпетельчатых псалиев известна в могильниках ананьинской культуры (рис. 4) [19; 20]. Как мы видим, на сегодня это уже достаточно представительная группа изделий переходного периода.

Относительно абсолютной датировки данной группы изделий можно привести следующие соображения. Дата Витовой Могилы может определяться по аналогии с изображением хищника с дополнительной орлиной головкой на лопатке и кончиком хвоста на клыке из Нижней Эшеры, который датируется чернофигурной амфорой 530–520 гг. до н. э. (рис. 6: *5*) [21, с. 167]. К близкому времени относится и комплекс Ульского кургана 1982/10 и 1909/2 [22, с. 217–218]. Наиболее многочисленная серия железных двухпетельчатых псалиев происходит из раннеананьинских могильников (три комплекса из Старшего Ахмыловского могильника и один — из Зуевского) (рис. 4) [19, с. 62, табл. XII, 4; 20, с. 226]. Погребения 563 и 812[2] Старшего Ахмыловского могильника не содержали иного инвентаря. В погребении 900 данного некрополя псалии были найдены вместе с акозинско-меларским кельтом типа I Ва 1, втульчатыми железными наконечниками стрел и копья (рис. 4: *1*). Исследователь датирует данный комплекс первой половиной-серединой VI в. до н. э. [20, с. 226]. К сожалению, четких хронологических индикаторов не найдено и есть основания допускать датировку этого комплекса и третьей четвертью данного столетия.

Здесь стоит отметить, что подобные псалии по форме больше напоминают трехпетельчатые экземпляры келермесского типа (форма, петли), чем двухдырчатые (S-видная форма, восьмерковидные утолщения вокруг отверстий). Их, думается, правомерно считать последним (по всей видимости, тупиковым) звеном в цепи эволюционного развития данной формы псалиев раннескифского времени. Возможно, эти изделия появились в переходное время, когда уже использовались двухдырчатые псалии и, видимо, свидетельствовали о попытке модернизировать старую, во многом уже традиционной формы узду в соответсвии с требованиями времени.

Единичные двухпетельчатые псалии были найдены в Поволжье и Приуралье. Уникальный бронзовый экземпляр был случайно обнаружен пастухом у могильника Маляевка V в Поволжье (рис. 3: *8*). Псалий имел дисковидное утолщение на одном из концов и петли подквадратной формы. Исследователи относят его ко второй половине VI—V в. до н. э. и указывают на не местное происхождение псалия [23, с. 310–311]. Пара железных двухпетельчатых псалиев была обнаружена в погребении 3 кургана 1 могильника Сынтас-I на левом берегу Илека (рис. 3: *7*). От более западных изделий они отличаются формой петли (близкой к кругу) и значительным расстоянием между ними. Вместе с данным набором было обнаружено еще два с железными двухдырчатыми псалиями с загнутыми в противоположные стороны концами [24, с. 144]. Комплекс можно синхронизовать с захоронениями последней четверти VI — начала V в. до н. э. в Пятимарах I (к. 6, 8), с к. 7 у с. Сара и другими яркими памятниками, которые принадлежали кочевникам, заселившим в это время Южное Приуралье.

В конце периода Западного Чжоу (около 800 г. до н. э.) на Центральной равнине Китая появился новый тип узды, который будет использоваться практически два тысячилетия. Долгое время псалии имели две петли (рис. 5: *1*). Именно Китай, Минусинскую котловину и Монголию есть основания считать местом появления подобного конского снаряжения с бронзовой фурнитурой [25, с. 123, рис. 129, 10, 12, 13, 14].

[1] В. Р. Эрлих один из них реконструирует как трехпетельчатый [18, с. 46], что с учетом находки целого экземпляра мне кажется маловероятным.

[2] Псалий биметалический.

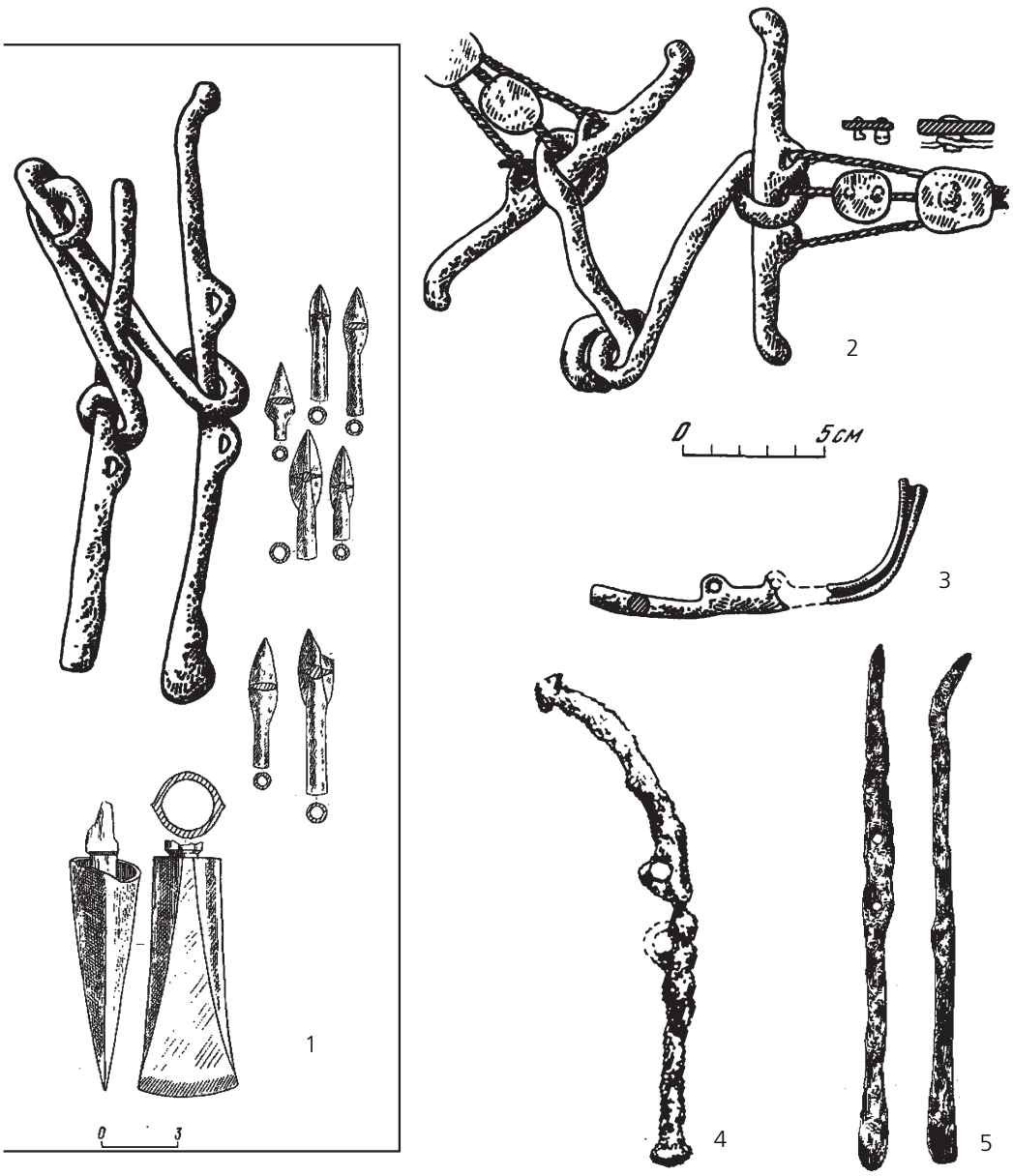


Рис. 4. Двухпетельчатые псалии ананьинской культуры:

1 – Старший Ахмыловский могильник, п. 900; *2* – Старший Ахмыловский могильник, п. 563; *3* – Старший Ахмыловский могильник, п. 812; *4–5* – Зуевский могильник [по 19; 20]

Fig. 4. The double-loop check-piece of Ananyino culture:

1 – Starshij Ahmylovskij burial ground, grave 900; *2* – Starshij Ahmylovskij burial ground, grave 563; *3* – Starshij Ahmylovskij burial ground, grave 812; *4–5* – Zuevskij burial ground [by 19; 20]

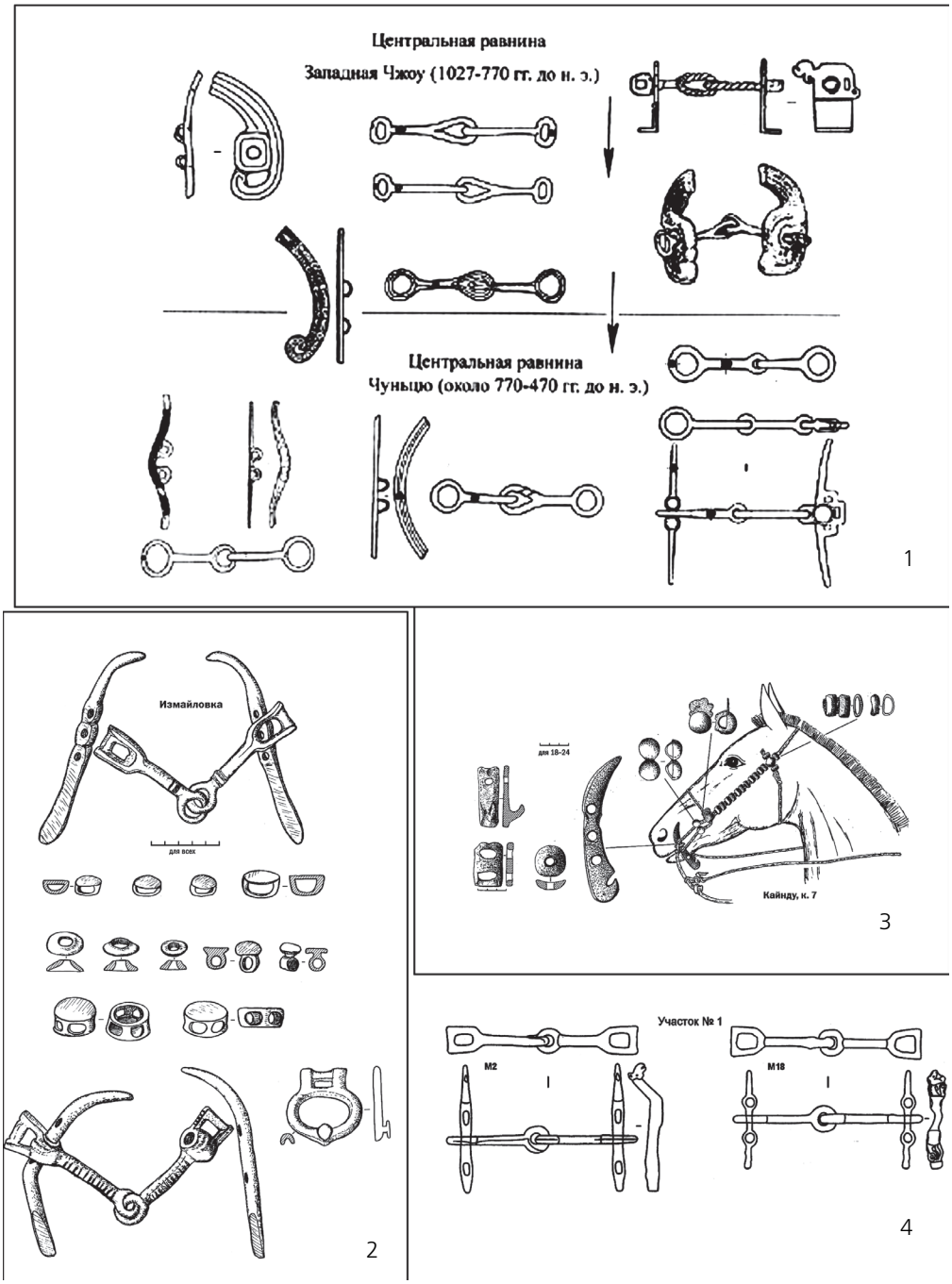


Рис. 5. Детали конского снаряжения из Центральной Азии:

1 – удила и псалии из Центральной равнины Китая; *2* – Измайловка; *3* – Кайнду, к. 7; *4* – конское снаряжение из участка 1 могильника Юйхуанмяо [по 6; 25]

Fig. 5. The details of the horse equipment from the Central Asia:

1 – bits and cheek-pieces from China Central Plains; *2* – Izmajlovka; *3* – Kajndu, barrow 7; *4* – horse equipment from the sector 1 of Jujhuanmjao burial ground [by 6; 25]

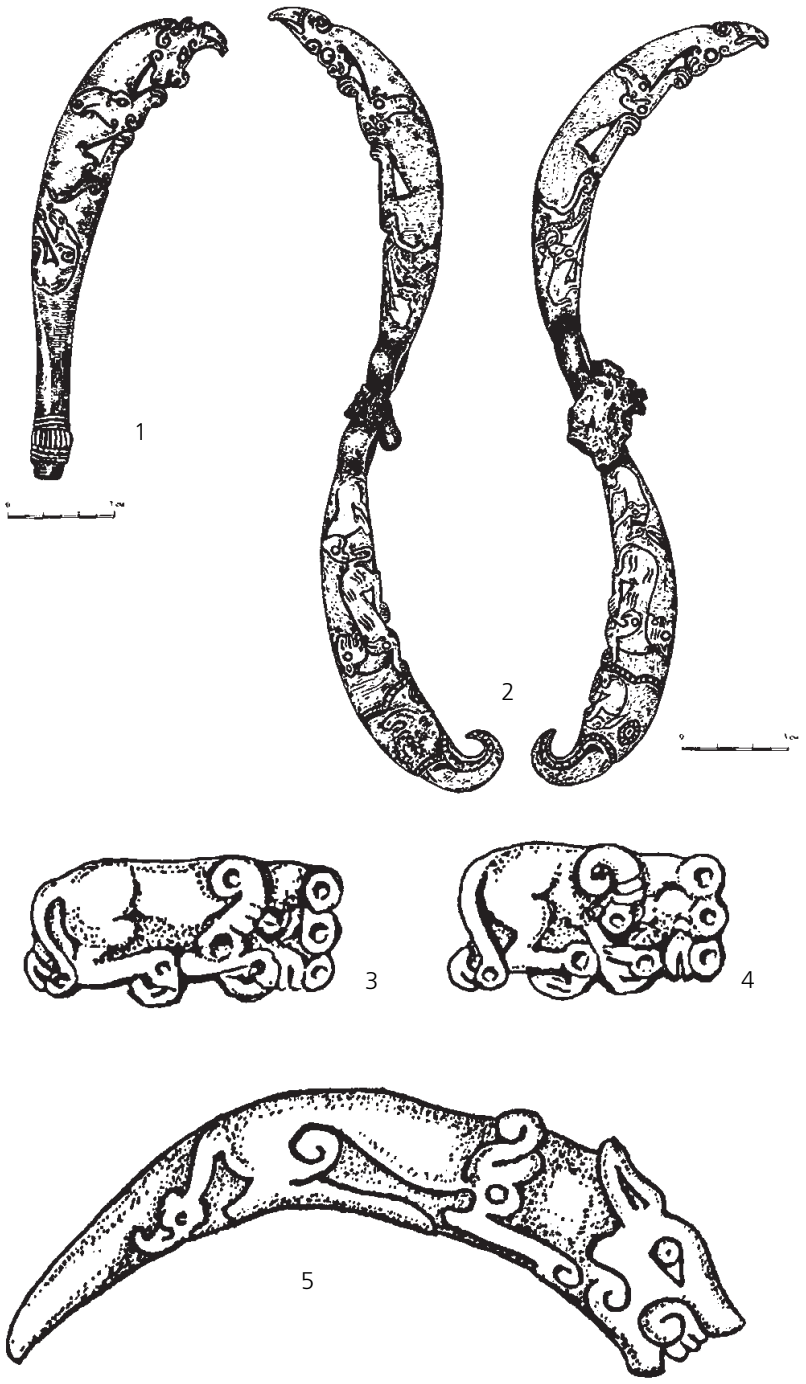


Рис. 6. Псалии из Ульского кургана 1909/2 и аналогии с изображениями хищников:
1–2 – Ульский курган 1909/2; *3* – Витова Могила; *4* – Опишлянка; *5* – Нижняя Эшера [по 15; 18; 21]

Fig. 6. The cheek-pieces from the Ulskij barrow 1909/2 and analogies to the images of predators:
1–2 – Ulskiy barrow 1909/2; *3* – Vitova Grave; *4* – Opishljanka; *5* – Lower Eshera [by 15; 18; 21]

Местом изобретения новой узды П. И. Шульга предполагает восточную часть степной Евразии, поскольку на западе не было переходных форм узды, а трехпетельчатые псалии использовались до конца VI в. до н. э., в то время как на Алтае и в Туве они сменяются двухдырчатыми около середины VI в. до н. э. [26, с. 34]. К аналогичному выводу приходит и А. Ю. Алексеев [1, с. 180–181]. Двухпетельчатые псалии юга Восточной Европы говорят об обратном и, вероятно, свидетельствуют о близости процессов, которые протекали на всей территории евразийских степей в связи с распространением с востока нового типа конского снаряжения.

Как мы видим, переходные формы от раннескифских псалиев к среднескифским известны на Алтае, Волго-Донском междуречье, Прикубанье и Северном Причерноморье, то есть фактически во всех регионах, которые в это время имели постоянное население или, вероятно, были местами сезонных перекочевок (Поволжье).

***

Одними из древнейших двухдырчатых псалиев на юге Восточной Европы являются серебрянные изделия из Ульского кургана 1909/2 (рис. 6: *1–2*), железные псалии с одним загнутым концом и шишечкой из кургана 5 Нартанского могильника[1](рис. 7: *1*) [27, с. 24, рис. 19, 6], и кургана 477 у с. Волковцы (рис. 2: *3*) [13, с. 44, табл. 22]. Последний комплекс привлекает внимание сочетанием двух пар железных удил с костяными трехдырчатыми псалиями и двумя комплектами с железными псалиями, один из которых точно был с двухдырчатыми, а второй — не исключено, с двухпетельчатыми псалиями[2] [13, с. 44, табл. 22, 3–4]. Близок двухпетельчатым изделиям псалий из Каневского уезда [3, с. 280, рис. 65, 9]. Железные двухдырчатые стержневидные псалии с зооморфно оформленным концом (орлиная голова) С. В. Махортых связывает по происхождению с подобными трехпетельчатыми изделиями раннескифского времени [28, с. 71].

Двухдырчатые псалии известны в Средней Азии с VIII—VII вв. до н. э., а конструктивная смена деталей конского снаряжения является общим явлением для всего степного пояса [см. подробнее 26, с. 34; 1, с. 179]. В Туве (Альды-Бель-1) известен случай пропускания двухдырчатых псалиев в окончания стремявидных удил [29, рис. 83, 2, 30; 30]. Аналогичная система крепления отмечена и в Китае. Все комплексы относятся к раннескифскому времени. Это позволило П. И. Шульге утверждать, что появляется этот способ крепления на Алтае и Туве в данный период, но сразу широкого распространения не получает [6, с. 78]. Находки в Измайовке (рис. 5: *2*) и Талдысайский клад [31] четко указывают на появление подобной конструкции на территории Казахстана и Алтая в конце VII — начале VI вв. до н. э. [6, с. 76]. Исследователь отмечает использование двухдырчатых псалиев в Юйхуанмяо (участок/этап 1) во второй половине VII в. до н. э. (рис. 5: *4*) [25, с. 235, рис. 64].

На сегодня металлические двухдырчатые псалии обнаружены дважды вместе с костяными раннескифскими аналогами в раскопаных в дореволюционное время комплексах (рис. 2: *3–4*), но в разных наборах узды. Сосуществование двухпетельчатых и костяных трехдырчатых изделий, вероятно, говорит об определенном переходном периоде при смене типов конской упряжи [3, с. 111–113]. Нет возможности допускать использование костяных трехдырчатых псалиев в последней четверти VI в. до н. э.

В целом, можно согласиться с А. Ю. Алексеевым касаемо проникновения в Европейскую Скифию нового типа конского оголовья с востока, но не в последние десятилетия

[1] Данная форма является наиболее архаичной среди двухдырчатых псалиев и близка раннескифским трехпетельчатым и переходным двухпетельчатым псалиям, что уже отмечалось исследователями [28, с. 70].

[2] В целом, комплекс можно с большой долей вероятности считать аутентичным, хотя убрав лишь одну находку (фрагмент железного двухдырчатого псалия вдетого в кольцо железных удил), курган относился бы, бесспорно, к раннескифскому времени.

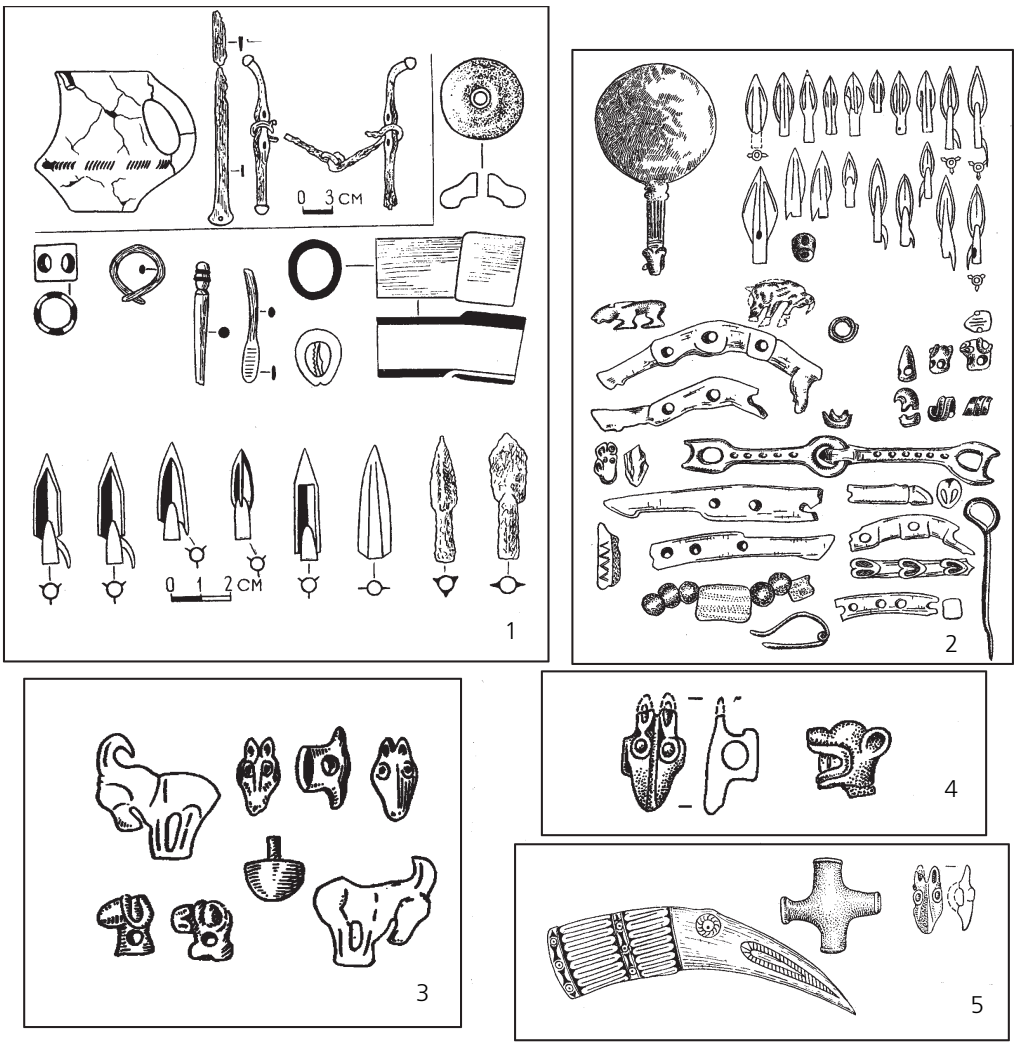


Рис. 7. Комплексы переходного периода:
1 – Нартан, к. 5; 2 – Гуляй-Город, к. 38; 3 – Поповка, к. 10; 4 – Гуляй-Город, к. 48; 5 – Гуляй-Город, к. 319 [по 16; 27]

Fig. 7. The complexes of the transitional period:
1 – Nartan, barrow 5;. 2 – Guljaj-Gorod, barrow 38; 3 – Popovka, barrow 10; 4 – Guljaj-Gorod, barrow 48; 5 – Guljaj-Gorod, barrow 319 [by 16; 27]

VI в. до н. э. [1, с. 171], а не позднее третьей четверти данного столетия[1]. Можно считать население Китая, Монголии, Алтая, Тувы создателями классических двухдырчатых псалиев, которые, попав в Предкавказье и Прикубанье, были восприняты

[1] Курган 5 Нартана, судя по колчанному набору и кубовидной пряжке для перекрестных ремней, должен датироваться не позднее второй-третьей четвертей VI в. до н. э. Колчанный набор из кургана 1 более поздний (вероятно, рубежа VI—V вв. до н. э.), о чем говорит иное соотношение типов стрел и другой инвентарь, и не синхронен кургану 5, как считает А. Ю. Алексеев [1, с. 171]. Первой половиной VI в. до н. э. данный комплекс датирует С. В. Махортых, при этом отмечается, что период широкого распространения двухдырчатых псалиев приходится на вторую половину этого столетия [28, с. 70].

и получили локальные черты. Массово весь комплекс конской узды нового (среднескифского) типа находит аналогии в комплексах второй половины VI в. до н. э. данного региона.

***

Маркерами погребений переходного периода являются находки пряжек-пронизок для перекрестных ремней различной формы и оформления, которые хорошо известны с раннескифского времени (рис. 2, *3–4*; 7; 8). В целом, данными изделиями в новой узде, судя по всему, перестают пользоваться в конце VI в. до н. э. В. А. Ильинская отмечала этот факт и указывала на единичные более поздние комплексы — к. 1 у с. Аксютинцы (1886) и к. 2 у с. Волковцы (1897 г.)[1] [12, с. 109].

Одним из древнейших комплексов, где фиксируется появление нового типа конского оголовья является курган у хут. Шумейко [12][2]. Для датировки Шумейковского кургана важное значение имеют параллели к изображениям (горный козел с повернутой назад головой и лежащая пантера) на плакированном золотом мече в Ульских курганах 1909/2 и 1909/1, Опишлянке и Витовой Могиле, что говорит об их временной близости и принадлежности переходной группе памятников. В целом, позднеархаический комплекс можно синхронизировать с к. 499 у с. Гладковщина, который датируется киликом около 560–540 гг. до н. э., к. 38 Гуляй-Города и древнейшими комплексами с крестовидными бляхами. В кургане Шумейко, наряду с несколькими наборами раннескифского типа имеется уже упомянутый комплект узды нового типа. Кроме бронзовых псалиев, внимание привлекают бронзовые бляхи с изображением в фас головы коня. В классических достоверных раннескифских и среднескифских комплексах они не известны. Еще одним древейшим погребением переходного периода (около второй четверти-середины VI в. до н. э.) является к. 38 Гуляй-Города [16, с. 14–15]. В этом комплексе, среди многочисленного инвентаря были найдены аналогичная бляшка и зеркало «ольвийского типа», которое и уточняет датировку [5, с. 80–82]. В данном некрополе аналогичные бляшки были обнаружены также в к. 48 и 319[3] [16, с 112]. Подобные изделия найдены в к. 4/1 у с. Волковцы (раскопки И. А. Линниченко)[4] [12, с. 51]. Аналогии вне восточноевропейской Лесостепи мне не известны. Напоминают данные изделия бляшки с петлей на обороте из Новопривольного в Нижнем Поволжье и Матвеевского кургана в Южном Приуралье [32, с. 222, илл. 269; 3, с. 311, илл. 348, 3]. Подобые бляшки известны и в Посулье (Аксютинцы) [12, табл. XVII, 9]. При этом, изображения отличаются, а сами изделия не являются пряжками-пронизками и относятся к более

[1] Комплекс содержал крестовидную бляху, которая вторично была использована в конском снаряжении [12, с. 128, рис. 37].

[2] В состав инвентаря кургана Шумейко была ошибочно включена и бронзовая фигурка быка, обтянутая золотом [1, с. 199–200]. На сегодня что-то утверждать по поводу изъятия определенных находок из данного комплекса сложно, а подобные действия будут субъективными и отражающими исследовательский взгляд на хронологию материальной культуры этого периода. Можно лишь учитывать тот факт, что музейные колекции являются часто перепутанными [3, с. 113], поэтому необходимо относиться с осторожностью к дореволюционным комплексам.

[3] В данном комплексе также были обнаружены бронзовая крестовидная пряжка-пронизь и, что очень важно, резной клык кабана в виде головки птицы [16, с. 17, табл. 4, 6–7]. Оформление глаза птицы находит прямые аналогии в Ульском кургане 1909/2. Рубчатый кант вокруг глаза В. Р. Эрлих считает признаком переднеазиатского искусства [22, с. 224]. Крестовидная пронизь имеет прямые параллели в комплексах Приаралья (Уйгарак, к. 70, 83; Тагискен к. 55) [33, с. 150, табл. XVIII, 33, XIX, 7].

[4] Данный комплекс несколько более поздний в рамках переходного периода, и синхронизируется с комплексами Витовой Могилы и Опишлянки [15, с. 69, 77] благодаря наконечникам стрел.

позднему времени. Все это позволяет говорить о местном происхождении данных деталей конской узды.

Подвески из когтей и когтевидные пряжки-пронизки для перекрестных ремней продолжают использоваться в переходный период (Волковцы, к. 478) [13, с. 45, табл. 23, 30]. Подобные пряжки в комплексах последней четверти VI в. до н. э. на юге Восточной Европы неизвестны (позднейший комплекс, вероятно, Ульский курган 1982/10). В то же время, в Южном Приуралье когте- или клювовидные изделия массово встречаются и в памятниках V в. до н. э. (рис. 8) [32, с. 191–193, 300–301 и др.].

Есть еще одна группа предметов, которая появляется именно в переходный период в Северном Причерноморье, и имеет прямые аналогии в более раннее время в Прикубаньи и Предкавказьи. Это усеченно-конические колокольчики с прорезями. Древнейшим комплексом в Лесостепи является переходный комплекс в к. 477 у с. Волковцы (рис. 2: *3*) [13, с. 44, табл. 22, 10–12, 14–16]. Позднее, начиная с конца VI в. до н. э., они будут широко представлены в кочевнических захоронениях региона [3, с. 86–87][1].

***

Для восточноевропейской Лесостепи динамика изменения деталей конского снаряжения на протяжении скифского времени детально проанализирована А. Д. Могиловым [3, с. 94–136]. Выводы исследователя актуальны и на сегодняшний день. В некотором уточнении нуждаются лишь процессы рубежа РСК и ССК. Нам представляется, что в IV архаический этап не стоит включать последнюю четверть VI в. до н. э. Для этого времени известно значительное количество захоронений раскопанных в послереволюционное время, которые указывают на то, что смена типов узды была к этому времени завершена. Мне представляется, что нет достаточных оснований предполагать использование деталей узды раннескифского времени (особенно, костяных трехдырчатых псалиев) вплоть до конца данного столетия, основываясь лишь на далеко не бесспорной датировке кургана Шумейко концом VI в. до н. э.

Многочисленность вариантов узды переходного периода в Прикубаньи и Предкавказье (например, Ульский курган 1982/10) находит аналогии в ситуации позднейшего предскифского времени (Хаджох, к. 2) [36]. Это явление связано с эпохальными изменениями, которые носили эволюционный характер. Массовые находки конской узды в комплексах VI в. до н. э. позволяют проследить эволюцию конского снаряжения данного региона (рис. 8). Около середины этого столетия сосущетсвуют изделия раннескифского типа, включая трехпетельчатые железные и трехдырчатые костяные псалии (Новозаведенное-2) с двухдырчатыми железными изделиями, которые генетически связаны с более ранними (Нартан, к. 5). Около 530–520 гг. до н. э. раннескифский тип узды вышел из употребления[2]. Вместо него возобладал новый тип конского снаряжения. Стали распространяться железные двухдырчатые псалии с концами оформленными в виде орлинных головок, S-видные с шишечками на концах, псалии с изогнутыми пластинами-лопастями. Кроме того, известны двухпетельчатые изделия, которые своей формой напоминают раннескифские трехпетельчатые. Продолжают

[1] Подобные колокольчики, вероятно, также кавказского происхождения, были найдены в раннескифском комплексе у с. Коцюбинчики в Поднестровье [34, с. 360, рис. 181]. Близкие наборы с колокольчиками и бронзовыми навершиями известны в старших комплексах культуры Векерзуг в Алфелде (рис. 9: *4*) [10, с. 275, рис. 72, 280; 35, с. 51–55]. В целом эти комплексы не должны быть сильно оторваны во времени от основного массива погребений данной культуры, и могут быть связаны с началом переходного периода. В это время в Северном Причерноморье появляются группы кочевников с востока и Северного Кавказа, которые, по всей видимости, имели отношение к появлению новой материальной культуры (ССК) и разрушениям городищ в Средней Европе во второй четверти-середине VI в. до н. э.

[2] На хронологическую близость раннескифских и переходных комплексов указывают находки разнообразных бляшек-пронизок для перекрестных ремней. Некоторые из них практически идентичны.

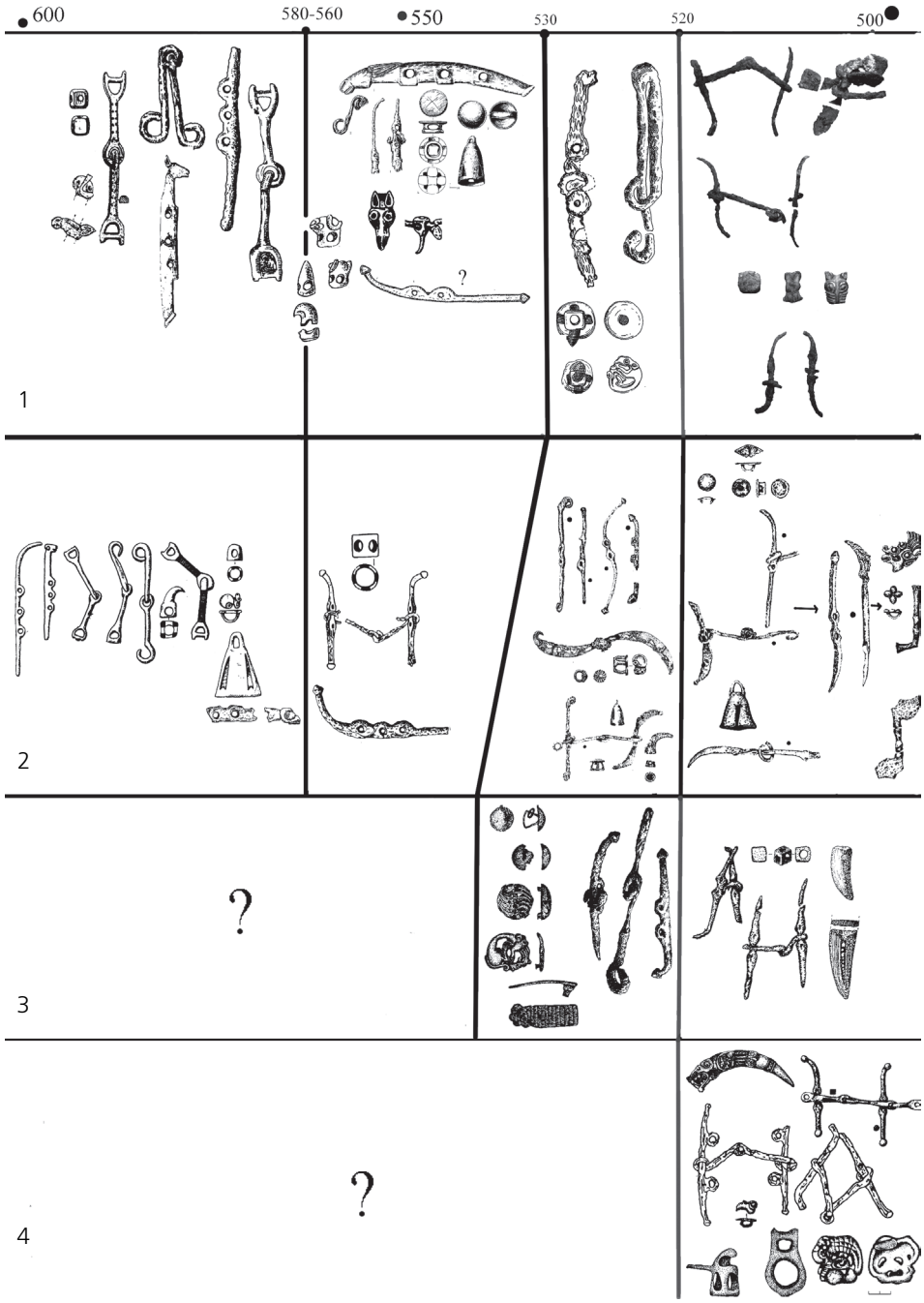


Рис. 8. Схема эволюции узды в VI в. до н. э. на юге Восточной Европы:

1 – восточноевропейская Лесостепь; *2* – Прикубанье и Предкавказье; *3* – Нижнее Поволжье; *4* – Южное Приуралье. Масштаб произвольный [по 3; 8; 13; 15; 16; 17; 18; 24; 27; 32; 38; 39]

Fig. 8. The scheme of the evolution of the horse bridle in the VI. BC in the South of Eastern Europe:

1 – East-European forest-steppe; *2* – Prikubanie and Pre-Caucasian region; *3* – Lower Volga region; *4* – South Pre-Urals. Scale is arbitrary [by: 3; 8; 13; 15; 16; 17; 18; 24; 27; 32; 38; 39]

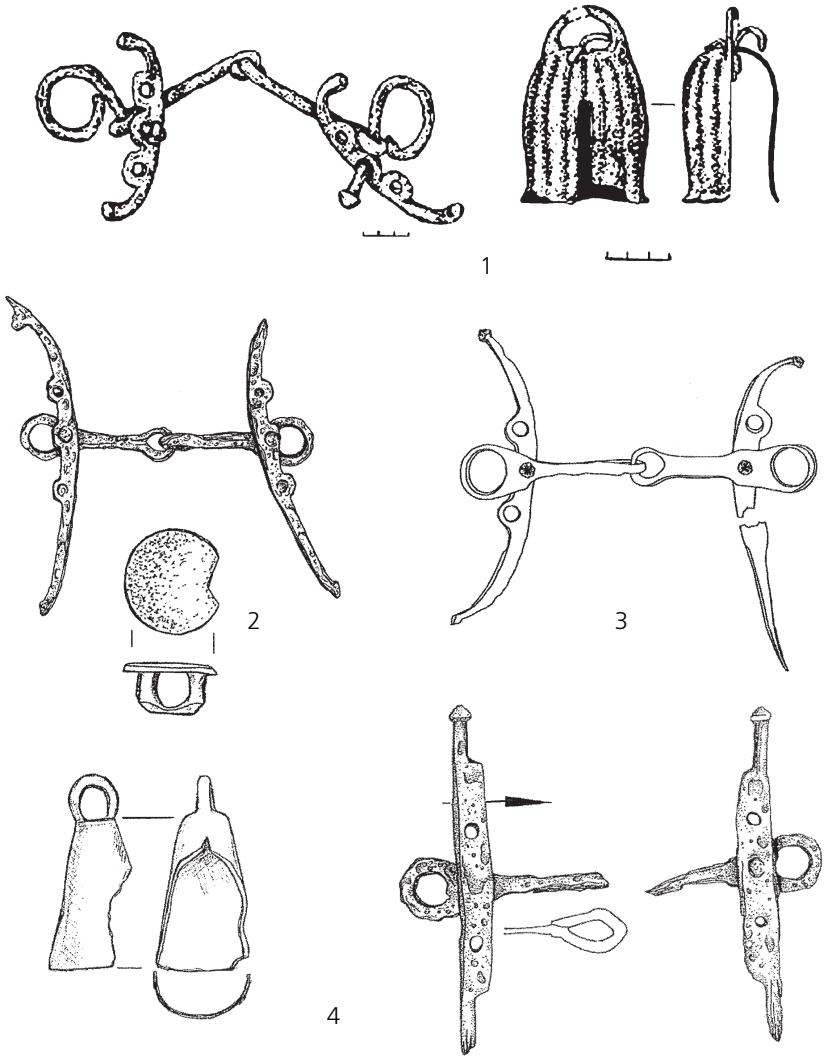


Рис. 9. Детали конской узды VI в. до н. э. Средней Европы и Северной Колхиды:
1 – Нижняя Эшера, комплекс 1977 года; *2–4* – узда культуры Векерзуг [по 11; 21; 35]

Fig. 9. The details of the horse bridle of the VI c. BC of the Central Europe and Northern Colchis:
1 – Lower Eshera, the complex of the year 1977; *2–4* – the horse bridle of Vekerzug culture [by: 11; 21; 35]

широко использоваться разнообразные пронизки для перекрещивающихся ремней. Появляются бляшки ромбической формы и в виде розетки, которые будут популярны в среднескифское время.

В последней четверти VI в. до н. э. (Ульский к. 1898/2) продолжают встречаться железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями. Появляются близкие к Г-образным изделия с одним загнутым концом, а также прямые псалии с головками орлов, одна из которых сильно расклепана и имеет серповидную форму. В конце VI — начале V вв. до н. э. (1898/1) продолжают использоваться прямые псалии с головкой орла серповидной формы. Железные двухдырчатые псалии с изогнутыми пластинами-лопастями в это время трансформируются в секировидные изделия

(S-видные с расплющенными концами), которые характерны для комплексов именно последних двух десятилетий VI — первой четверти V вв. до н. э. Данные псалии маркируют древнейшие комплексы среднескифского времени (Скоробор 1/2013, Кулешовка, Медерово). Есть ромбовидные бляшки и пряжки-пронизки.

Иными были традиции изготовления деталей узды в Средней Европе и Закавказье. Псалии культуры Векерзуг были железными трехдырчатыми либо трехпетельчатыми, к центральному отверстию которых приклепывались или приваривались кузнечной ковкой удила (рис. 9: *2–4*). Подобная система крепления просуществовала практически весь VI в. до н. э. (от древнейшего комплекса Дьендьеш до значительного количества изделий второй половины данного столетия) [10, с. 274–280; 35, с. 51–55]. Этот тип узды не получил распространения в Северном Причерноморье, и является характерным для Центральной Европы.

Наборы узды из захоронения 1977 г. у с. Нижняя Эшера, которое датируется 530–520 гг. до н. э., представлены S-видными трехпетельчатыми псалиями, которые крепились к удилам с помощью шпеньков-заклепок. Правомерно считать данные изделия продолжением линии развития переднеазиатских и закавказских удил с жестко скрепленными либо напускными псалиями [21, с. 164–165].

Свои особенности имеют детали узды из Минусинской котловины, которые не использовались местным населением в качестве погребального инвентаря. Лишь некоторые, безусловно, своеобразные бронзовые изделия отдаленно напоминают восточноевропейские двухпетельчатые псалии (рис. 3: *10*) [37, с. 4, 124, рис. 32, 7].

***

На сегодня есть основания предполагать, что запустения в Северном Причерноморье во второй-третьей четвертях VI в. до н. э. не было, хотя захоронения этого времени в Степи и Лесостепи весьма малочисленны по сравнению с предшествующими и последующими периодами.

Таким образом, можно говорить о том, что смена типов узды на юге Восточной Европы происходила не стремительно, а на протяжении около полувека в переходный период (вторая-третья четверть VI в. до н. э.). В это время сосуществовали комплекты конского снаряжения раннескифского и нового типа [3, с. 111–113]. Появление новаций можно связать с появлением новых групп кочевников предположительно с территории Северного Кавказа, которые получили данный импульс из Центральной Азии. Можно предполагать разнородность и относительную немногочисленность пришедших номадов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алексеев А. Ю.* Хронография Европейской Скифии VII—IV веков до н. э. — СПб., 2003.
2. *Медведская И. Н.* Периодизация скифской архаики и Древний Восток // РА. — 1992. — № 3.
3. *Могилов О. Д.* Спорядження коня скіфської доби у лісостепу Східної Європи. — К.; Кам'янець-Подільський, 2008.
4. *Могилов О. Д., Діденко С. В.* Скіфський курган 448 біля с. Журавка — пам'ятка перехідного часу у Потясминні // Археологія. — 2009. — № 3.
5. *Гречко Д. С.* О возможных «просветах» в «темное» время (VI в. до н. э.) скифской истории // Stratum plus. — 2012. — № 3.
6. *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. — Барнаул, 2008. — Ч. 1: Раннескифское время.
7. *Шульга П. И.* Снаряжение верховой лошади в Горном Алтае и Верхнем Приобье. — Новосибирск, 2015. — Ч. II (VI—III вв. до н. э.).
8. *Петренко В. Г., Маслов В. Е., Канторович А. Р.* Погребения подростков в могильнике Новозаведенное II // Древности скифской эпохи. — М., 2006.
9. *Bercіu D.* Neue skythische Funde aus Rumanien und Bulgarien // PZ. — 1963. — XLI.

10. *Бруяко И. В.* Ранние кочевники в Европе (X—V вв. до Р. Х.). — Кишинев, 2005.
11. *Хохоровски Ян.* Скифы и Средняя Европа — историческая интерпретация археологической действительности // Вестник Томского государственного университета. — 2013. — История. — № 3 (23).
12. *Ильинская В. А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья. — К., 1968.
13. *Галанина Л. К.* Скифские древности Поднепровья. (Эрмитажная коллекция Н. Е. Бранденбурга) // САИ. — М., *1977*. — Вып. Д1–33.
14. *Гавриш П. Я.* Розкопки курганів скіфського часу біля с. *Броварки* на Полтавщині // АЛЛУ. — Полтава, 1998. — Ч. 1–2.
15. *Zaharov A. A.* I. A. Zaretsky's Excavations in the Goverment of Kharkov // Eurasia septentrionalis antiqua. — 1932. — VII.
16. *Ильинская В. А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К., 1975.
17. *Очир-Горяева М. А. Дворниченко В. В.* Предметы конской узды из могильника Кривая Лука // Монголоведение. — Элиста, 2004.
18. *Ульские* курганы. Культово-погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе / В. Р. Эрлих, Л. К. Галанина, А. М. Лесков и др. // Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. — М.; Берлин; Бордо, 2015. — Т. 2.
19. *Збруева А. В.* История населения Прикамья в Ананьинскую эпоху // МИА. — 1952. — № 30.
20. *Халиков А. Х.* Волго-Камье в начале эпохи раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.). — М., 1977.
21. *Шамба Г. К, Эрлих В. Р., Джопуа А. И., Ксенофонтова И. В.* Элитные архаические воинские комплексы из Центральной Абхазии // Вестник Академии Наук Абхазии. — Сухум, 2008. — Вып. 2.
22. *Эрлих В. Р.* Продукция переднеазиатских и закавказских мастерских из Ульских курганов // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — 2013. — Вып. XI.
23. *Сергацков И. В., Дворниченко В. В., Клепиков В. М.* Исследования курганов у села Царев // НАВ. — 2000. — Вып. 3.
24. *Кадырбаев М. К., Курманкулов Ж. К.* Захоронения воинов савроматского времени на левобережье р. Илек // Прошлое Казахстана по археологическим источникам. — Алма-Ата, 1976.
25. *Шульга П. И.* Могильник Юйхуанмяо в Северном Китае (VII—VI века до нашей эры). — Новосибирск, 2015.
26. *Шульга П. И.* Раннескифская упряжь VII — начала VI в. до н. э. по материалам погребения на р. Чарыш // Снаряжение верхового коня на Алтае в раннем железном веке и средневековье. — Барнаул, 1998.
27. *Батчаев В. М.* Древности предскифского и скифского периодов // Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии. — Нальчик, 1985. — Вып. 2.
28. *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991.
29. *Грач А. Д.* Древние кочевники в центре Азии. — М., 1980.
30. *Чугунов К. В.* Уздечные комплекты алды-бельской культуры в контексте развития конского снаряжения // Снаряжение кочевников Евразии. — Барнаул, 2005.
31. *Бейсенов А. З., Смаилов Ж. Е.* Талдысайские удила раннетасмолинского времени в Центральном Казахстане // Проблемы изучения и сохранения исторического наследия. — Алматы, 1998.
32. *Очир-Горяева М. А.* Древние всадники степей Евразии. — М., 2012.
33. *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э.: По материалам Уйгарака. — М., 1973.
34. *Бандрівський М.* Культурно-історичні процеси на Прикарпатті і Західному Поділлі в пізній період епохи бронзи — на початку доби раннього заліза. — Львів, 2015.
35. *Ketenczei T.* Studien zu den Denkmälern skythisch geprägter Alföld Gruppe. — Budapest, 2009.
36. *Сазонов А. А.* Хаджохские курганы — некрополь древнемеотских вождей // Информационно-аналитический вестник. — Майкоп, 2000. — Вып. 3.
37. *Шульга П. И.* Конское снаряжение ранних кочевников Минусинской котловины (по материалам Минусинского музея им. Н. М. Мартьянова). — Новосибирск, 2013.

38. *Шрамко І. Б., Задніков С. А.* Дослідження Більського городища у 2013 р. // Археологічні дослідження Більського городища–2013. — К.; Котельва, 2014.
39. *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи // Степные народы Евразии. — М., 1997. — Т. I.

Резюме

Гречко Д. С. *Про еволюцію кінської вуздечки на півдні Східної Європи в VI ст. до н. е.*

У статті аналізуються зміни деталей кінського спорядження населення півдня Східної Європи в VI ст. до н. е. Запустіння Північного Причорномор'я в другій-третій чвертях VI ст. до н. е. не було. Зміна типів вуздечки на півдні Східної Європи відбувалася не стрімко, а протягом близько півстоліття в перехідний період (другатретя чверть VI ст. до н. е.). В цей час співіснували комплекти кінського спорядження ранньоскіфського (тридирчасті та трипетельчасті псалії) і нового типу (двудирчасті та двупетельчасті псалії). Появу новацій можна пов'язувати з появою нових груп кочівників імовірно з території Північного Кавказу, які отримали цей імпульс з Центральної Азії.

Ключові слова: південь Східної Європи, скіфський час, кінська вузда.

Резюме

Гречко Д. С. *Об эволюции конской узды на юге Восточной Европы в VI в. до н. э.*

В статье анализируются изменения деталей конского снаряжения населения юга Восточной Европы в VI в. до н. э. Запустения Северного Причерноморья во второйтретьей четвертях VI в. до н. э. не было. Смена типов узды на юге Восточной Европы происходила не стремительно, а на протяжении около полувека в переходный период (вторая-третья четверть VI в. до н. э.). В это время сосуществовали комплекты конского снаряжения раннескифского (трехдырчатые и трехпетельчатые псалии) и нового типа (двухдырчатые и двухпетельчатые псалии). Появление новаций можно связывать с появлением новых групп кочевников предположительно с территории Северного Кавказа, которые получили данный импульс из Центральной Азии.

Ключевые слова: юг Восточной Европы, скифское время, конская узда.

Summary

D. Grechko. *About the Evolution of Horse Bridle in the South of East Europe in the VI c. BC.*

In the article the details of horse bridle of the population of the South of East Europe in the VI c. BC are under analysis. The desolation of the Northern Black Sea area in the second-third quarters of the VI c. BC is not confirmed. The changing of types of bridle was not fast. This happened during the half century — the transitional period of the second-third quarters of the VI c. BC. There are different complexes of the horse bridle of Early-Scythian (three-hole and three-loop cheek-pieces) and new type (two-hole and two-loop cheek-pieces) coexisted. This process we can bounder with the appearance of new groups of nomadic tribes (admittedly from the Northern Caucasus) which had get this impulse from the territory of the Central Asia.

Key words: South of East Europe, Scythian time, horse bridle.

О. В. Ромашко

Металеві казани як один із хроноіндикаторів пам'яток скіфської культури

Питання, які пов'язані з хронологічним визначенням археологічних комплексів, посідають одне з головних місць у сучасній історіографії не тільки скіфської, а й інших культур раннього залізного віку Євразії. Аналізуючи багатовимірний матеріал комплексів, дослідник виокремлює конкретне коло артефактів, за допомогою яких визначаються «вузькі» та «широкі» хронологічні межі створення/існування комплексу. Коло таких артефактів є доволі обмеженим, тому введення до переліку хроноіндикаторів нової категорії матеріальної культури завжди відкриває нові можливості та породжує низку критик та дискусій. Особливо це стосується хроноіндикаторів, за допомогою яких визначаються «вузькі» хронологічні межі комплексів. У цьому випадку, мова буде йти про категорію, яка завдяки своїм специфічним рисам може використовуватися у ролі допоміжного джерела для визначення «широких» хронологічних меж датування комплексів скіфської культури. Як зазначає більшість дослідників, скіфські металеві казани використовувались впродовж доволі тривалого часу, про що свідчать багаточисленні сліди ремонтувань [1, с. 43; 2, с. 150; 3, с. 77]. Хронологічна атрибуція того чи іншого типу казанів тісно пов'язана з загальними дискусіями щодо визначення часу створення комплексу, з якого він походить. Аналіз цих даних[1] дозволяє не тільки поділити серії казанів відповідно до періодизації скіфської культури, а й простежити динаміку окремих груп і типів цих виробів у просторово-часовому вимірі.

Це питання вже привертало увагу дослідників, насамперед М. А. Боковенка та Т. М. Кузнєцової.

Спираючись на запропоновану ним типологію, М. А. Боковенко вважає, що кожен із виділених чотирьох типів казанів посідає у скіфській культурі певне просторово-часове положення, тобто може бути співставленний з існуючими етнокультурними угрупованнями Скіфії. Перший тип зафіксований на Північному Кавказі (Бештау) та на Нижньому Дону (хут. Терновий). З огляду на загальноприйняте датування бештаугорських та однотипових казанів Мінусинської котловини VIII—VII ст. до. н. е. М. А. Боковенко відносить їх до початкового етапу формування скіфської культури. Другий тип казанів, на думку названого автора, сконцентровано у районах Подніпров'я та Кубані. Поодинокі знахідки відомі також в Румунії. З'являється цей тип посуду в V—IV ст. до н. е., домінує у IV ст. до н. е. Третій тип отримує розповсюдження у пам'ятках V—III ст. до н. е. Середнього Подніпров'я, Посулля, Середнього та Нижнього Подоння. Четвертий тип превалює у пам'ятках V—IV ст. до н. е. Середнього Подніпров'я та Східного Криму.

[1] Точки зору дослідників щодо датування скіфських комплексів з казанами наведені у дисертаційному досліджені автора «Металеві казани скіфської культури (VII—III ст. до н. е.)». — К., 2015.

@ О. В. Ромашко, 2017

Одже, дослідник вважає, що типи, які він виділив, охоплюють різні ареали Північного Причорномор'я, які збігаються з локальними варіантами скіфської та споріднених з нею культурами. На його думку, виділені типи казанів віддзеркалюють реальні культурні типи цієї категорії речей [4, с. 262]. Казани типів I та II збігаються з територією меотських племен, типу III — з київською, посульською, воронезькою локальними групами, типу IV — зі степовою групою [5, с. 169–171].

Більш проста схема просторово-хронологічного розподілу скіфських казанів запропонована Т. М. Кузнєцовою. Згідно з нею, найбільш ранні вироби цього посуду з'являються в курганах Келермесу, які вона датує першою чвертю VI ст. до н. е. У Північному Причорномор'ї казани з'являються тільки у V ст. до н. е. У лісостеповому дніпровському Лівобережжі вони розповсюджені протягом початку V ст. до н. е. (к. 2 поблизу с. Аксютинці в уроч. Стайкін Верх; к. 2 з цього ж населеного пункту, досліджений у 1883–1885 рр. С. А. Мазаракі). У лісостеповому Правобережжі казани розповсюджені із середини V до середини IV ст. до н. е. (к. 12 могильника «Стеблівський»). У степовій зоні — із середини V до початку III ст. до н. е. (I Завадовський курган; Гробниці 1 та 2 Соболєвої Могили; Центральна та Бокова гробниці к. Солоха; п. 2 к. 1 та п. 8 к. 4 поблизу с. Первомаївка; п. 2 к. 6 поблизу м. Дніпрорудний; Південна та Східна гробниці Бердянського кургану; Двогорба Могила тощо) [6, с. 178–179, табл. 1/1–2].

Згідно з датуваннями залучених до аналізу пам'яток названими авторами, обидві просторово-хронологічні схеми розповсюдження казанів скіфської культури виглядають логічно та виважено. Але справа в тому, що використана цими дослідниками джерельна база навряд чи може вважатись достатньою для об'єктивного висвітлення питання. Зокрема, М. А. Боковенком враховано 48 казанів, а Т. М. Кузнєцовою — 49 казанів, які походять всього з 27 поховальних пам'яток. В запропонованій нами схемі до аналізу залучені дані щодо 93 казанів (що походять з досить надійно датованих комплексів), які репрезентують різні хронологічні періоди побутування скіфських пам'яток. У результаті склались більш широкі інформаційні умови для встановлення хронологічних меж окремих типів скіфських казанів та реальної динаміки їх розповсюдження в етнокультурних зонах Скіфії (рис. 1–4)[1].

Навіть без урахування даних про ознаки наявності казанів у пограбованих похованнях, кількісні та відсоткові підрахунки свідчать про те, що, з'явившись у архаїчний час, ця категорія матеріальної культури набуває максимального розповсюдження в осередку скіфських і скіфоїдних племен у IV—III ст. до н. е. (рис. 1–4). Звертає на себе увагу динаміка кількості казанів у різні періоди скіфської культури. Так до ранньоскіфського періоду належить 10,8 % казанів (10 екз.), до середньоскіфського — 17,2 % (16 екз.), до пізньоскіфського — 72,0 % (67 екз.). Як свідчить типологічний аналіз, казани пізньоскіфського періоду характеризуються і найбільшою морфологічною різноманітністю.

Серія ранньоскіфських казанів типологічно розподіляється у такий спосіб[2]. Чотири казани репрезентують тип A/II/b (40 % казанів етапу); один — тип B/II/a (10 %); один — тип B/II/b (10 %); один — тип C/II/a (10 %); три — тип C/II/b (30 %). Тобто

[1] Ілюстрації містять графічні зображення опублікованих екземплярів казанів.

[2] Тут і далі використовується типологія, загальні принципи якої розкрито у статті О. В. Ромашко «Типологія бронзових казанів скіфської культури (в світлі статистико-математичних методів)» [7]. Серія казанів розподілена на три групи за способом розміщення ручок на корпусі посудини: група A — горизонтальні ручки, група B — горизонтальні та вертикальні ручки, група C — вертикальні ручки. У межах виділених груп виокремлено вісім типів: тип A/II/a — казани з горизонтальними ручками на круглому в плані закритому корпусі, тип A/II/b — казани з горизонтальними ручками на круглому у плані відкритому корпусі, тип B/II/a — казани з горизонтальними та вертикальними ручками на круглому в плані закритому корпусі, тип B/II/b — казани з горизонтальними та вертикальними ручками на круглому в плані відкритому корпусі, тип C/I/a — казани з вертикальними ручками на овальному в плані закритому корпусі, тип C/I/b — казани з вертикальними ручками на овальному в плані відкритому корпусі, тип C/II/a — казани з вертикальними ручками на круглому в плані закритому корпусі, тип C/II/b — казани з вертикальними ручками на круглому в плані відкритому корпусі [7].

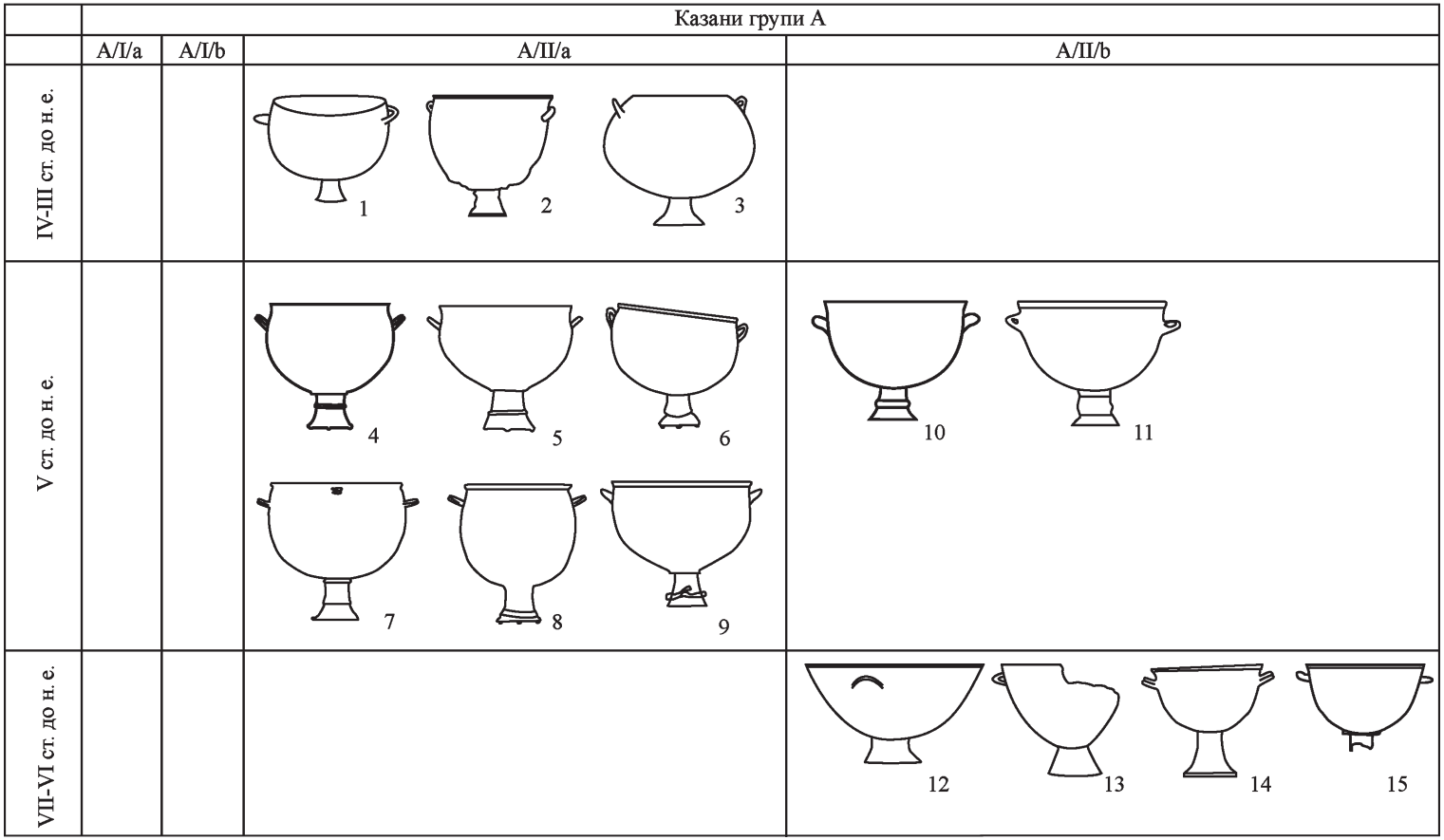


Рис. 1. Хронологія казанів групи А:

1 – с. Нововасилівка Бердянського р-ну Запорізької обл. (Південна гробниця, к. Бердянський); *2* – аул Уляп в Адигейській автономній обл., РФ, кол. аул Уль Майкопського відділу Кубанської обл., РФ (ритуальний комплекс, к. 1); *3* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха); *4* – м. Дніпро, сел. Дослідне (яма-льох, к. Близнюк-2); *5* – с. Минівка Магдалинівського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 1, к. 2); *6* – с. Виноградівка та Владичень Болградського р-ну Одеської обл. (п. 1, к. 3, гр. «Мреснота Могила»); *7* – с. Микільське Нижньодністровського р-ну, РМ (яма 1, к. 14); *8* – с. Микільське Нижньодністровського р-ну, РМ (яма 1, п. 2, к. 15); 9 – с. Стеблів Корсунь-Шевченківського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 12, могильник «Стеблівський»); *10* – с. Кам'яна Балка Первомайського р-ну Миколаївської обл. (п. 2, к. 6); *11* – с. Крячківка Пирятинського р-ну Полтавської обл. (к.); *12* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 1/В); *13* – м. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. (Більське городище); *14* – с. Швайківці Чортківського р-ну Тернопільської обл. (к.); *15* – с. Іване-Пусте Борщівського р-ну Тернопільської обл. (випадкова знахідка)

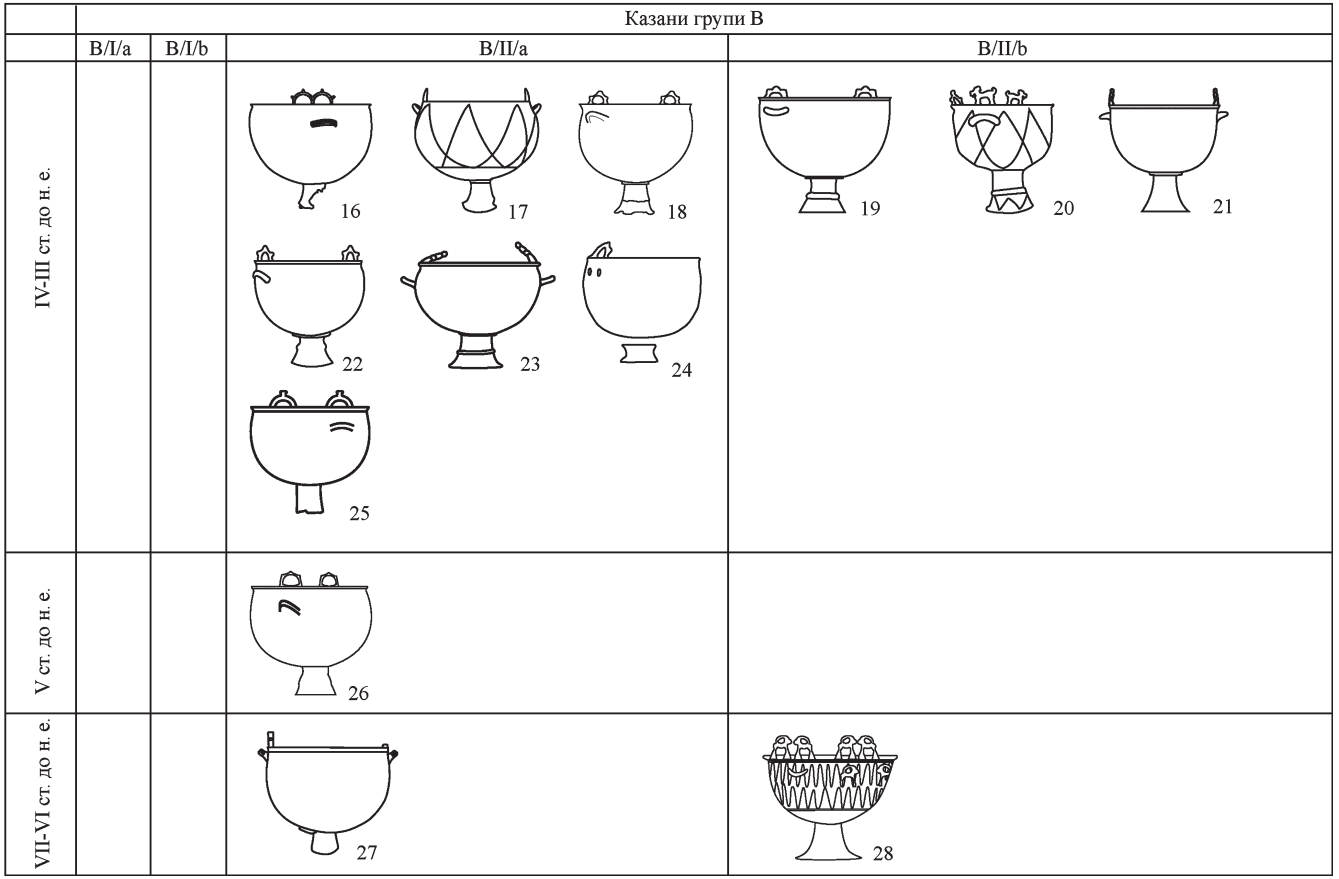


Рис. 2. Хронологія казанів групи В:

16 – с. Нововасилівка Бердянського р-ну Запорізької обл. (Південна гробниця, к. Бердянський); *17* – с. Балки Василівського р-ну Запорізької обл. (Північна гробниця 1, к. Гайманова Могила); *18* – с. Долинське Мелітопольського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 3); *19* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 10, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *20* – м. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. (к., могильник в уроч. Перещепине біля Більського городища); *21* – с. Вовківці Роменського р-ну Сумської обл. (к. 1); *22* – с. Мастюгіно Острогожського р-ну Воронезької обл., РФ (к. 4); *23* – с. Тишки Лубенського р-ну Полтавської обл. (к.); *24* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха); *25* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (п. 1, к. 9, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *26* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 1, к. 13); *27* – с. Мартоноша Новомиргородського р-ну Кіровоградської обл., кол. Єлісаветградський пов. Херсонської губ. (к. Мартошонський); *28* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 3/Ш)

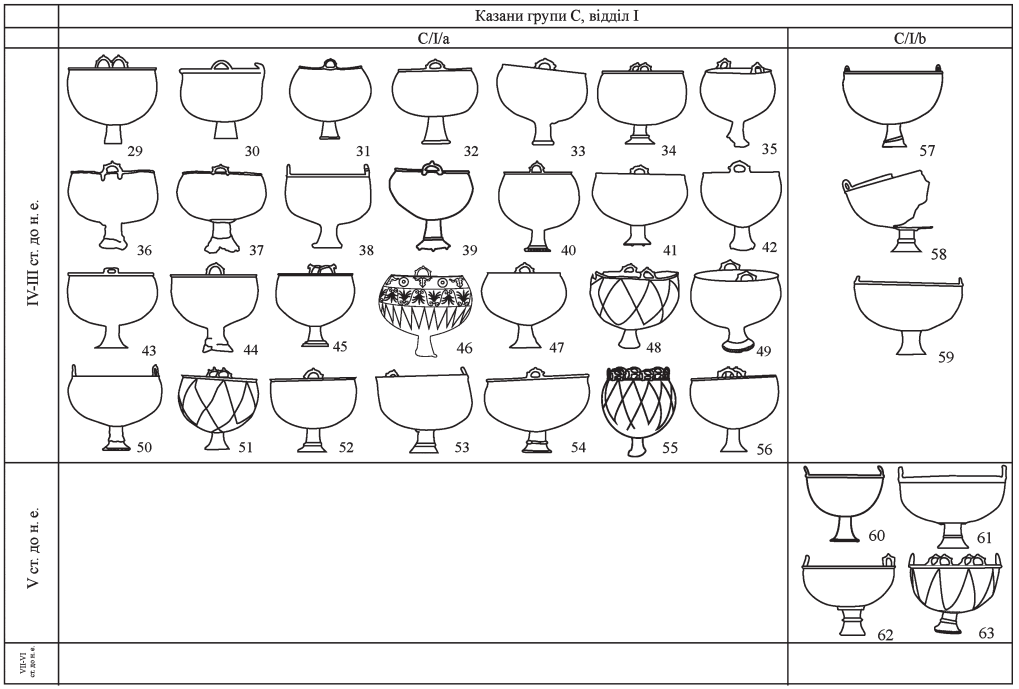


Рис. 3. Хронологія казанів групи С (відділ I):

29 – с. Капітанівка Новомиргородського р-ну Кіровоградської обл., кол. Чигиринського пов. Київської губ. (к. 487); *30* – с. Іванків Бориспольського р-ну Київської обл. (п. 1, к. 6); *31* – м. Керч, АР Крим (к. Куль-Оба); *32* – м. Керч, АР Крим (к. Куль-Оба); *33* – с. Вовчанське Якимівського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 8); *34* – с. Іллінка (зараз з'єднане з с. Велика Знам'янка) Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 4); *35* – с. Чкалово Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Центральна гробниця, камера 1, к. Чортомлик); *36* – с. Мала Лепетиха Великолепетиського р-ну Херсонської обл. (п. 4, к. 10); *37* – с. Мала Лепетиха Великолепетиського р-ну Херсонської обл. (п. 5, к. 10); *38* – с. Первомаївка Верхньорогачицького р-ну Херсонської обл. (п. 8, к. 4, гр. 2); *39* – с. Піски Баштанського р-ну Миколаївської обл. (п. 1, к. 9, гр. «Три Могили»); *40* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (п. 2, к. 9, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *41* – с. Верхній Рогачик Верхньорогачицького р-ну Херсонської обл. (п. 2, к. IX, гр. «Рогачицьке поле»); *42* – с. Новоолександрівка-Богачівка, АР Крим (п. 3, к. 5); *43* – с. Скельки Василівського р-ну Запорізької обл. (п. 4, к. 4); *44* – с. Гірницьке Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Гробниця 2, к. Соболєва Могила); *45* – м. Орджонікідзе Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 2, к. 4, гр. «Страшна Могила»); *46* – м. Апостолове Апостолівського р-ну Дніпропетровської обл., кол. с. Михайлове-Апостолове Херсонського пов. Херсонської губ. (к. Розкопана Могила); *47* – с. Богданівка Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Бокова гробниця, к. Товста Могила); *48* – с. Чкалово Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Центральна гробниця, камера 5, к. Чортомлик); *49* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха); *50* – с. Старий Мерчик Валківського р-ну Харківської обл. (п. 1, к. 3); *51* – м. Мелітополь Мелітопольського р-ну Запорізької обл. (Гробниця I, к. Мелітопольський); *52* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 11, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *53* – с. Любимівка Каховського р-ну Херсонської обл. (п. 3, к. 38, гр. 2); *54* – сел. Приморське Новоазовського р-ну Донецької обл. (допоміжна до Основної гробниці катакомба 2, к. Двогорба Могила); *55* – с. Чкалово Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Центральна гробниця, камера 5, к. Чортомлик); *56* – м. Дніпрорудний Василівського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 6); *57* – с. Червоний Подол Каховського р-ну Херсонської обл. (п. 1, к. 2, гр. 1); *58* – с. Бубнова Слобідка Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 10); *59* – с. Нагорне Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 4, к. 5); *60* – с. Гладківщина Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 2); *61* – с. Мельники Чигиринського р-ну Черкаської обл. (Бокова гробниця, к. 33 – Скіфська Могила, могильник Мотронінського городища); *62* – с. Орлик Кобеляцького р-ну Полтавської обл. (п. 1, к. 3); *63* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (к. Солоха)

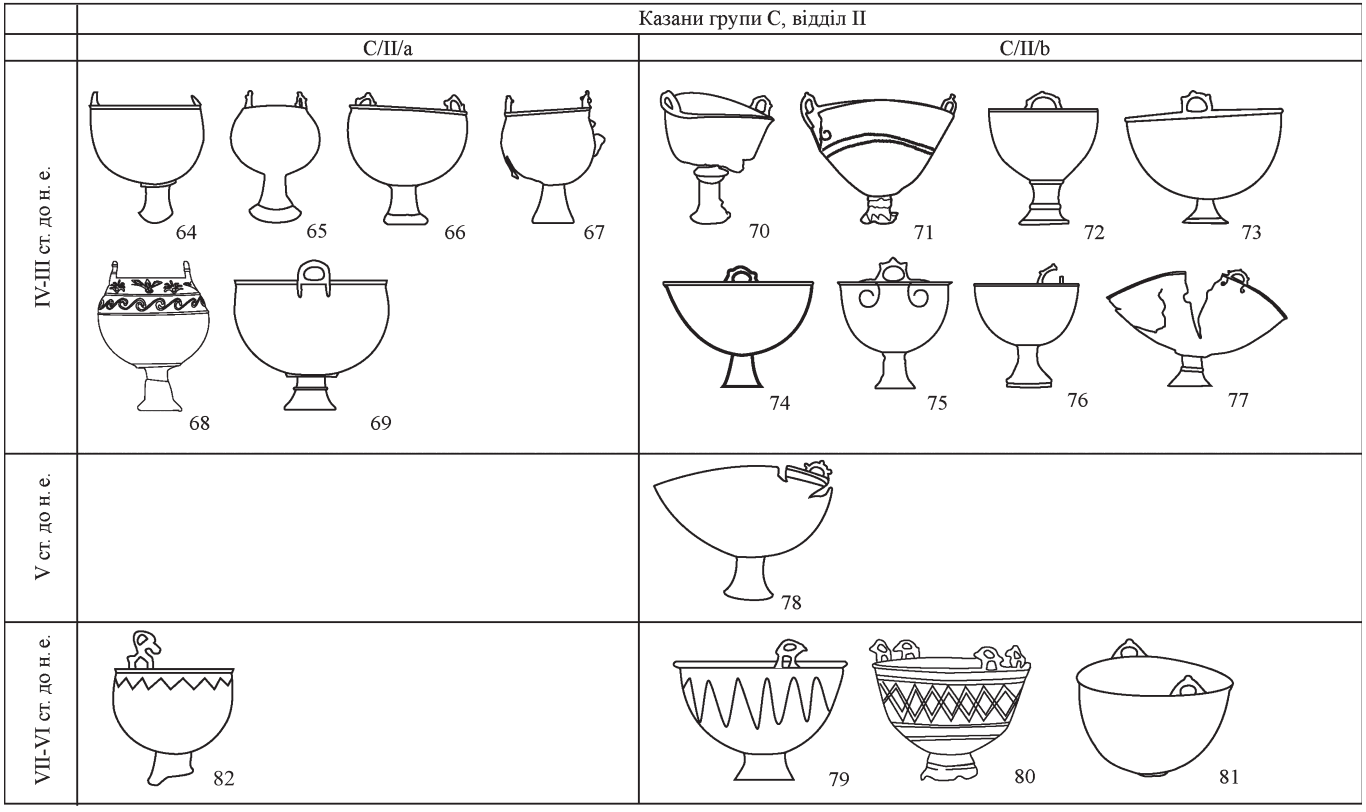


Рис. 4. Хронологія казанів групи С (відділ II):

64 – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 6, к. 4, могильник «Мамай-Гора»); *65* – с. Балки Василівського р-ну Запорізької обл. (Північна гробниця 1, к. Гайманова Могила); *66* – с. Гюнівка Великобілозерського р-ну Запорізької обл. (к. 3, п. 19, гр. «Рогачицьке поле»); *67* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл., РФ (п. 1, к. 4, розкопки 1964 р.); *68* – с. Чкалово Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Північна гробниця, к. Чортомлик); *69* – с. Чаплі Самарського, зараз Дніпропетровського р-ну Дніпропетровської обл. (к. 4); *70* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл., РФ (п. 1, к. 16, розкопки 1986 р.); *71* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл. РФ (п. 1, к. 20, розкопки 1987 р.); *72* – с. Куп'єваха Богодухівського р-ну Харківської обл. (п. 1, к. 8); *73* – м. Керч, АР Крим (к. Патініотті); *74* – с. Тернове Острогозького та с. Колбіне Реп'євського р-нів Воронезької обл., РФ (п. 1, к. 14, могильник «Тернове-1 – Колбине-1»); *75* – м. Воронеж, РФ (п. 1, к. 3, могильник «Часті кургани», розкопки В. О. Городцова 1927 р.); *76* – ст. Єлізаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 8, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *77* – м. Воронеж, РФ (п. 1, к. 11, могильник «Часті кургани», розкопки 1954 р.); *78* – с. Аксютинці Сумської обл. (впускне п., к. 2, розкопки С. А. Мазараки); *79* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 2/Ш); *80* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 4/Ш); *81* – с. Гладківщина Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 3); *82* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 2/Ш)

з восьми виділених типів скіфських казанів у ранньоскіфський час набувають поширення п'ять, з яких чотири відомі в Келермесі. Головною морфологічною ознакою, яка поєднує та характеризує їх є однакова форма корпусу. У всіх випадках вони мають круглий у плані корпус (відділ II), казанів з овальним у плані корпусом (відділ I) немає. У восьми випадках вироби мають відкритий напівсферичний у перетині корпус (b), що становить 80 % казанів етапу, і тільки в двох — закритий напівсферичний (a), що відповідно становить 20 %. Тобто відкритість корпусу також слід розглядати як характерну морфологічну ознаку казанів архаїчного часу.

Серія казанів середньоскіфського періоду також розподіляється на п'ять типів. Шість екземплярів репрезентують тип A/II/a (37,5 % казанів етапу); два — тип A/II/b (12,5 %); один — тип B/II/a (6,25 %); чотири — тип C/I/b (25,0 %); три — тип C/II/b (18,75 %). Як бачимо, типологічні складові груп казанів двох послідовних періодів скіфської культури дещо різняться. Зокрема в групі A, на відміну від попереднього етапу, в пам'ятках якого були наявні виключно казани типу A/II/b, отримують розповсюдження і казани типу A/II/a. Причому саме останні кількісно домінують. Ще одна відмінність полягає в тому, що казани типів B/II/b та C/II/a, поодинокі екземпляри яких є в поховальних пам'ятках VII—VI ст. до н. е., в пам'ятках V ст. до н. е. поки що невідомі. Поширення таких казанів як у ранньоскіфський, так і пізньоскіфський час, свідчить про те, що в майбутньому їх виявлення в середноскіфських комплексах дуже вірогідне. На середньоскіфському етапі поряд із казанами з круглим у плані корпусом (відділ II) абсолютно домінуючими в попередній час, з'являються казани з принципово новим його оформленням. Йдеться про нечисленні казани типу C/I/b з овальним у плані корпусом (відділ I), їх питома вага серед казанів періоду становить 25 %. Не менш виразно в середньоскіфський період проявляється і друга загальна для казанів усіх груп тенденція — зміна форми корпуса. У дев'яти випадках казани мають відкритий напівсферичний у перетині корпус (b), що становить 56,25 % типологічно визначених казанів етапу. Відповідно казанів із закритим напівсферичним корпусом (a) налічується сім або 43,75 %. За цією ознакою казани середньоскіфського часу суттєво відрізняються від ранньоскіфських, серед яких, як вже підкреслювалося, майже цілковито домінували форми з відкритим корпусом.

Серія казанів пізньоскіфського періоду характеризується найбільшою морфологічною різноманітністю. На відміну від ранньоскіфського та середньоскіфського у пізньоскіфський час із восьми виділених нами типів казанів поширено сім. Три казани репрезентують тип A/II/a (4,5 % казанів етапу); вісім — тип B/II/a (11,9 %); три — тип B/II/b (4,5 %); 30 — C/I/a (44,8 %); чотири — C/I/b (6,0 %); сім — тип C/II/a (10,4 %); 12 — C/II/b (17,9 %). Серед типів пізньоскіфських казанів немає тільки казанів типу A/II/b. У пізньоскіфський період спостерігається подальший розвиток загальних тенденцій морфологічної динаміки казанів. Це, по-перше, проявилось у подальшому зменшенні кількості виробів із круглим у плані корпусом (відділ II) та у відповідному збільшенні екземплярів із овальним у плані корпусом (відділ I). Відсоткове співвідношення цих двох відділів на цьому етапі становить 49,2 та 50,8 %. По-друге, відбувається подальше витискання казанів з відкритим напівсферичним у перетині корпусом (b) казанами з закритим напівсферичним у перетині корпусом (a), що проявляється у відсотковому співвідношенні між ними, яке відповідно становить 28,4 та 71,6 %.

Аналіз казанів ранньоскіфського періоду, насамперед з Келермеських курганів, показав, що саме в цей час формуються всі три варіанти розміщення ручок на корпусі. Останнє є головною ознакою трьох типологічних груп — A, B та C, тобто виділяються казани з горизонтальними; горизонтальними та вертикальними; вертикальними ручками. Показовим є й те, що саме такі ж, як і келермеські типи казанів отримали розповсюдження в ранньоскіфських пам'ятках інших територій, насамперед лісостепової зони Північного Причорномор'я. Дані щодо казанів середнього та пізнього періодів скіфської

культури дозволяють простежити подальший розвиток сформованих в архаїчний час груп та типів, які їх складають, та визначити хронологічні межі їх виготовлення та використання населенням Скіфії.

Типолого-хронологічна характеристика казанів групи А дозволяє констатувати, що два її типи займають різне часове положення.

Тип А/II/b сформувався найраніше. Нижні хронологічні межі ранньоскіфських комплексів, в яких є казани цього типу, визначаються серединою — третьою чвертю VII ст. до н. е. Питома вага таких казанів серед казанів другої половини VII—VI ст. до н. е. (рис. 1: *12–15*) становить 33,4 %, серед казанів V ст. до н. е. (рис. 1: *10, 11*) — 12,5 %. Казани типу А/II/b, які можливо було б з вірогідністю віднести до пізньоскіфських, нам невідомі.

Виготовлення та використання населенням Скіфії казанів типу А/II/а розпочалося значно пізніше — тільки з V ст. до н. е. Саме в середньоскіфський час вони набувають найбільшого розповсюдження, кількісно переважаючи казани інших типів. Їх відсоток становить 37,5 % (рис. 1: *49*). Але вже у пізньоскіфський час їх питома вага зменшується до 4,5 % (рис. 1: *1–3*). Тобто для пізньоскіфського періоду казани з горизонтальними ручками слід вважати архаїчними. Ймовірно, вони вже не виготовлялися майстрами-ливарниками або виготовлялися дуже рідко. Підтверджує цю думку те, що всі пізньоскіфські комплекси, в яких є казани типу А/II/а — Південна гробниця к. Бердянський (рис. 1: *1*), к. 1 з аулу Уляп (рис. 1: *2*), Бічна гробниця к. Солоха (рис. 1: *3*) — датуються початком IV ст. до н. е., тобто вони хронологічно наближені до V ст. до н. е., де домінували саме казани групи А. Питома вага казанів групи А порівняно з казанами інших груп середньоскіфського періоду дорівнює 50 %. Не пізніше першої чверті IV ст. до н. е. датується і к. 45 гр. D поблизу м. Дубосари в Молдові, з якого походить казан групи А (більш детальне типологічне визначення якого ускладнене). Загалом, з огляду на наявну джерельну базу можна констатувати, що в групі А найбільш тривалий час — з середини-третьої чверті VII ст. до н. е. по межу V та IV ст. до н. е. — побутували казани типу А/II/b. Хронологічні межі виготовлення та використання казанів типу А/II/а значно вужчі і обмежуються V — першою чвертю IV ст. до н. е.

Порівняння хронологічних визначень пам'яток, з яких походять казани групи В, показує, що вони побутують у скіфському середовищі протягом тривалого часу. Нагадаємо, що в ранньоскіфських (рис. 2: *27, 28*) та середньоскіфських (рис. 2: *26*[1]) пам'ятках казани групи репрезентовані поодинокими екземплярами, хоча їх питома вага здається досить значною, особливо серед посудин ранньоскіфського часу (22,2 %). Останнє пов'язано з загальною нечисленністю казанів цього періоду скіфської культури. Кількість казанів групи В зростає на пізньоскіфському етапі. Їх налічується 11 (рис. 2: *16–25*[2]), що становить 16,4 %. Хронологічні межі побутування різних типів неоднакові. Спочатку отримали розповсюдження казани типу В/II/b, які з огляду на наявність такого казана в Келермеському к. 3/Ш (рис. 2: *28*) з'явилися ще в середині — другій половині VII ст. до н. е. Вони використовувалися населенням Скіфії до першої половини IV ст. до н. е. та не відомі в більш пізніх комплексах. Не виключено, що поява бокових горизонтальних та вертикальних ручок може тлумачитись як спроба поєднання під час їх виготовлення двох традицій — архаїчної та новаційної. Перша — враховувала сталу традицію вертикального розташування ручок на краю вінець, що притаманне ще виробам пізнього бронзового віку та передскіфського часу

[1] До цього ж періоду належить казан з п. 1 к. 9 могильника «Часті кургани», 1910–1915 рр. розкопок. Не поданий на рисунку через брак необхідної інформації у публікації.

[2] До цього ж періоду надежить казан з п. 9 к. 1 біля с. Кам'янка Апостолівського р-ну Дніпропетровської обл., типологічна атрибуція якого ускладнена браком необхідної інформації.

[8, с. 163–164], друга — характерна вже для скіфського часу. У цьому контексті звертає на себе увагу теза Е. І. Діаманта про «перехідну» роль казанів із горизонтальними та вертикальними ручками [9, с. 204]. Казани типу В/II/а, ймовірно, почали виготовлятися пізніше, тому пізніше і вийшли з ужитку. Пам'ятки, в яких є вироби цього типу датуються межами першої половини VI — першої чверті III ст. до н. е.

Найбільш значною серією представлені казани групи С. Із вибірки в 93 екземпляри, яка залучена до типолого-хронологічного аналізу, до неї належать 64, що становить 69,6 %. У різні періоди скіфської культури відсоток цієї групи був різним, і максимальне розповсюдження вона отримали тільки в пізньоскіфський час. Якщо серед ранньоскіфських та середньоскіфських казанів їх питома вага відповідно становила 44,4 % та 43,75 %, то серед пізньоскіфських вона досягла 79,1 %.

Вихідним типом, з якого розпочалось виготовлення скіфськими майстрами казанів із вертикальними ручками, є тип С/II/b. Три такі казани (33,3 %) відомі в ранньоскіфських пам'ятках (рис. 4: *79, 80, 81*). Найдавнішим із них є казан із Келермеського к. 4/Ш середини — другої половини VII ст. до н. е. (рис. 4: *80*). Відносно великі серії цього типу є у складі металевого посуду середноскіфського та пізньоскіфського періодів (рис. 4: *70–78*[1]), відповідно складаючи 18,75 % та 17,9 %. З огляду на датування найпізніших поховальних та культових пам'яток скіфської культури з такими казанами, слід констатувати їх використання до початку III ст. до н. е.

У ранньоскіфський період відомий ще один казан групи С, а саме казан типу С/II/а (рис. 4: *82*). Здавалося б, його знахідка в Келермеському к. 2/Ш разом з казаном типу С/II/b (рис. 4: *79*) дозволяє припустити, що обидва типи виникають на самому початку формування казанів як окремої категорії скіфської матеріальної культури. Звертають на себе увагу дві обставини. По-перше, крім екземпляра з к. 2/Ш такі казани не відомі не тільки в скіфських старожитностях другої половини VII—VI, а і V ст. до н. е. Вони з'являються у вигляді більш-менш виразної серії тільки в пізньоскіфський час (10,4 %; рис. 4: *64–69*[2]). По-друге, комплекс пограбованого селянами к. 2/Ш не зберігся, і віднесення до нього казанів, про які йшлося вище, базується тільки на повідомленні Д. Г. Шульца. Самі ж селяни стверджували, що посудини походять з іншого кургану [10, с. 34]. Отже, стосовно хронологічних меж існування казанів типу С/II/а цілком припустимі два варіанти визначення їх нижньої межі. Перший — середина — перша половина VII ст. до н. е., другий — початок IV ст. до н. е., що видається нам більш ймовірним. Стосовно верхньої дати, то з огляду на хронологічні визначення найпізніших комплексів з такими казанами, вона визначається першою чвертю III ст. до н. е.

Початок виготовлення скіфськими майстрами-ливарниками казанів із принципово новою, овальною в плані, формою корпусу (відділ I) достеменно пов'язаний з серединою V ст. до н. е., бо саме так датується найдавніший комплекс із казаном типу С/I/b з к. 2 біля с. Гладківщина (рис. 3: *60*). Такі вироби у другій половині V ст. до н. е. набувають значного поширення, а в IV — на початку III ст. до н. е. поступаються казанам групи С. Так, питома вага типу С/I/b серед усіх казанів середньоскіфського (рис. 3: *60–63*) та пізньоскіфського (рис. 3: *57–59*[3]) періодів відповідно становить 25,0 % та 6,0 %.

---

[1] До цієї групи виробів належать казани з Центральної Гробниці к. Товста Могила біля с. Богданівка Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл.; з п. 1, к. 13 біля с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл.; з к. 14 біля с. Черемушне Валківського р-ну Харківської обл.; з святилища «кургану 7» біля с. Кременівка Володарського р-ну Донецької обл.

[2] До цієї групи належать казани з п. 5, к. 8 біля с. Вовчанське Якимівського р-ну Запорізької обл.; п. 1, к. 4 хут. Городище (кол. с. Дурівка) Краснинського р-ну Білгородської обл. РФ

[3] До цієї групи виробів належить казан з к. 6 Орловського могильника Дніпропетровської обл.

Найпізнішими й одночасно найбільш поширеними казанами групи С є посудини типу С/I/а. Нам невідомо жодного екземпляра цього типу у комплексах, які можливо було б датувати другою половиною VII—V ст. до н. е. Зате вони становлять майже половину (44,8 %) всіх пізньоскіфських екземплярів IV — початку III ст. до н. е. (рис. 3: *29–56*[1]).

Картографування казанів виділених типів (рис. 5–8) та їх хронологічна сепарація дозволяють визначити етапи розповсюдження казанів на теренах Східної Європи.

Досить сталою є думка, що металеві казани, як і багато інших категорій скіфського матеріального комплексу, з'явилися в ранньоскіфському осередку Північного Кавказу та Прикубання в результаті поєднання сформованих у передньоазіатських походах культурних уподобань та місцевих, ймовірніше за все меотських бронзоливарних традицій, на чому неодноразово наголошувалося в літературі [3, с. 68–69; 10, с. 152; 11, с. 119–124]. А. П. Манцевич вважає, що в казанах з Келермеських курганів слід вбачати вихідні форми для класичних казанів V—IV ст. до н. е. [2, с. 149–150]. На думку дослідників, чотири келермеські орнаментовані казани являють собою своєрідну та єдину в технологічному відношенні групу, яка за низкою параметрів нагадує більш пізні північнопричорноморські взірці солохинсько-чортомлицького типу [3, с. 68–69; 10, с. 152]. Йдеться про багато орнаментовані казани з курганів молодшої групи — 2/Ш, 3/Ш та 4/Ш (рис. 2: *28*; рис. 4: *79, 80, 82*), які за запропонованою нами типологією репрезентують типи В/II/b, С/II/b та С/II/а. Поза увагою дослідників, зазвичай, залишається скромний за оформленням казан типу А/II/b (рис. 1: *10*) з кургану старшої групи 1/В, який, ймовірно, можна вважати чи не найдавнішим екземпляром у цій категорії скіфської матеріальної культури. Сучасна джерельна база дозволяє конкретизувати цю тезу, підтвердження якої наочно демонструє тільки те, що з п'яти типів ранньоскіфських казанів чотири є в Келермесі. Скіфське походження Келермеських курганів, тобто те, що вони були залишені етнічними скіфами часів передньоазійських походів і повернення з них, визнається більшістю дослідників [10, с. 152; 12, с. 50; 13, с. 116–117; 14, с. 69, 71; 15, с. 88; 16, с. 17–19; 17, с. 35; 18, с. 58; 19, с. 221–223; 20, с. 312; 21, с. 39; 22, с. 7; 23, с. 94 та ін.]. Більше того, ми вважаємо, що концентрація казанів у ранньоскіфських курганах Келермесу, підтверджує сталу думку щодо їх приналежності до аристократичної верхівки тогочасного центру (політичного об'єднання) Скіфії [17, с. 35; 18, с. 58, 100; 24, с. 47; 25, с. 91].

У скіфознавстві останнього десятиріччя остаточно сформувалася й інша точка зору на ранню історію скіфів, згідно з якою ще одним центром, де вони закріпилися вже на початку VII ст. до н. е., був правобережний Лісостеп. Розподіл скіфів-кочівників на дві групи, на думку С. А. Скорого, стався після їх перемоги над степовим кіммерійським населенням. Обидві групи скіфів обрали найбільш прийнятні для проживання райони. Перша — степове Прикубання та лісостепові й передгірські землі Північного Кавказу, друга — лісостепове Правобережжя. Степове Північне Причорномор'я їх не зацікавило [26, с. 74–75]. На останньому акцентує увагу й В. Ю. Мурзін, який вважає, що брак скіфських пам'яток перших десятиріч другої половини VII ст. до н. е. вказує на те, що степова частина Північного Причорномор'я, на відміну від більш пізнього часу, не відігравала суттєвої ролі в історії скіфських племен [18, с. 98]. Події початку VII ст. до н. е. визначені С. А. Скорим як перша хвиля проникнення скіфів на терена східноєвропейського Лісостепу. У цей час скіфи не тільки підкорили пізньочорноліське населення дніпровського правобережного Лісостепу, а й поширили свій вплив ще на два лісостепові регіони — Середнє Подністров'я та Поворскля. Сюди ж з Правобережжя просунулись окремі групи кочівників [26, с. 75–76]. Нова хвиля просування скіфів-кочівників

[1] До цієї групи виробів належать казани з Центральної Гробниці к. Велика Рижанівка біля с. Рижанівка Звенигородського р-ну Черкаської обл.

у Лісостеп (відповідно друга для Правобережжя та перша для Лівобережжя) пов'язана із завершенням передньоазійських походів. Прикубання та Північний Кавказ втрачають значення воєнно-політичного плацдарму цієї експансії, у результаті чого його скіфське населення наприкінці VII та на початку VI ст. до н. е. переміщується до інших регіонів [26, с. 75–81].

Картографування ранньоскіфських казанів демонструє, що крім Прикубання, вони відомі тільки у пам'ятках Лісостепу (рис. 5–8). Їх появу тут, ймовірно, слід пов'язувати саме з другою хвилею розселення скіфів. Тобто ми погоджуємося з існуючими в літературі схемами просторово-часового розповсюдження скіфських металевих казанів, які передбачають їх появу спочатку в Прикубанні та на Північному Кавказі,

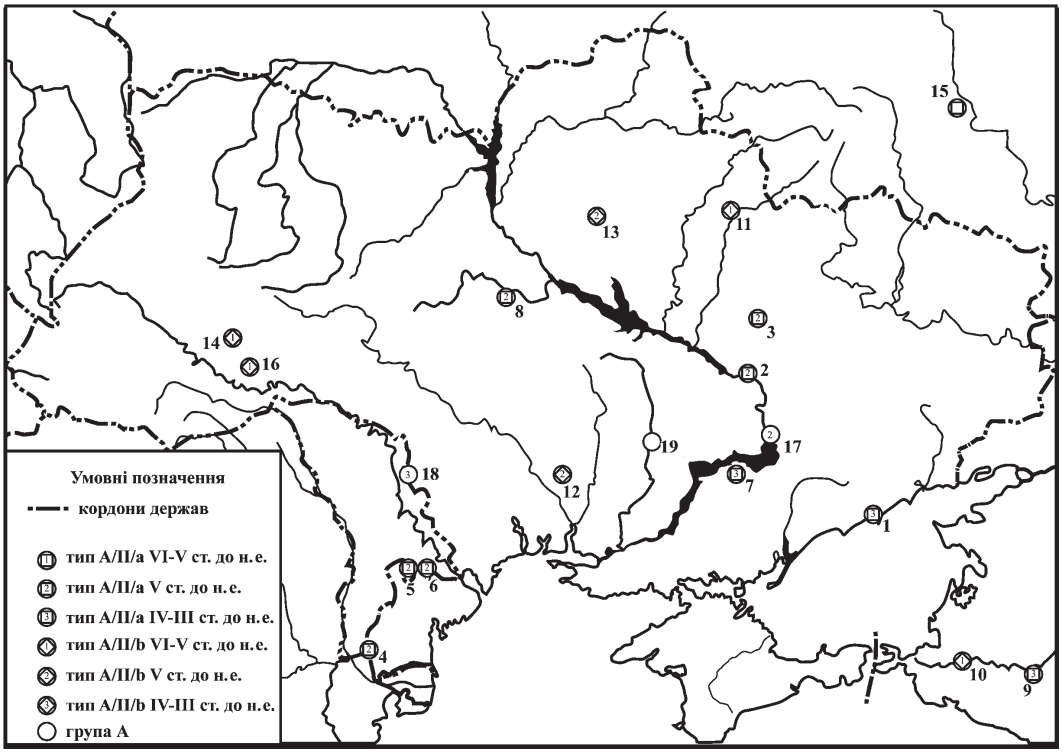


Рис. 5. Казани група А:

Казани типу А/II/а. *Середньоскіфський етап*: *2* – м. Дніпропетровськ (к. Близнюк-2, яма-льох); *3* – с. Минівка Магдалинівського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 1, к. 2); 4 – с. Виноградівка та Владичень Болградського р-ну Одеської обл., (п. 1, к. 3, гр. «Мреснота Могила»); *5* – с. Микільське Нижньодністровського р-ну, РМ (яма 1, к. 14); *6* – с. Микільське Нижньодністровського р-ну, РМ (яма 1, п. 2, к. 15); *8* – с. Стеблів Корсунь-Шевченківського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 12, могильник «Стеблівський»). *Пізньоскіфский етап*: *1* – с. Нововасилівка Бердянського р-ну Запорізької обл. (Південна гробниця, к. Бердянський); *7*– с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха). **Казани типу А/II/а з невизначеним датуванням:** *15* – с. Мастюгіно Острогозького р-ну Воронезької обл., РФ (випадкова знахідка)

Казани типу А/II/b. *Ранньоскіфський етап*: 10 – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 1/В); 11 – м. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. (Більське городище); *14* – с. Швайківці Чортківського р-ну Тернопільської обл. (к.); *16* – с. Іване-Пусте Борщівського р-ну Тернопільської обл. (випадкова знахідка). *Середньоскіфський етап*: *12* – с. Кам'яна Балка Первомайського р-ну Миколаївської обл. (п. 2, к. 6); *13* – с. Крячківка Пирятинського р-ну Полтавської обл. (к.)

Казани групи А з невизначеною типологічною належністю: *Середньоскіфський етап*: 17 – с. Новогригорівка Олександрівського пов. Катеринославської губ., зараз Запорізька обл. (к. 5); *Пізньоскіфський етап*: *18* – м. Дубосари Дубосарського р-ну, РМ (п. 1, к. 45, гр. D)

Казани групи А з невизначеною типологічною належністю та датуванням: 19 – м. Кривий Ріг Дніпропетровської області (випадкова знахідка)

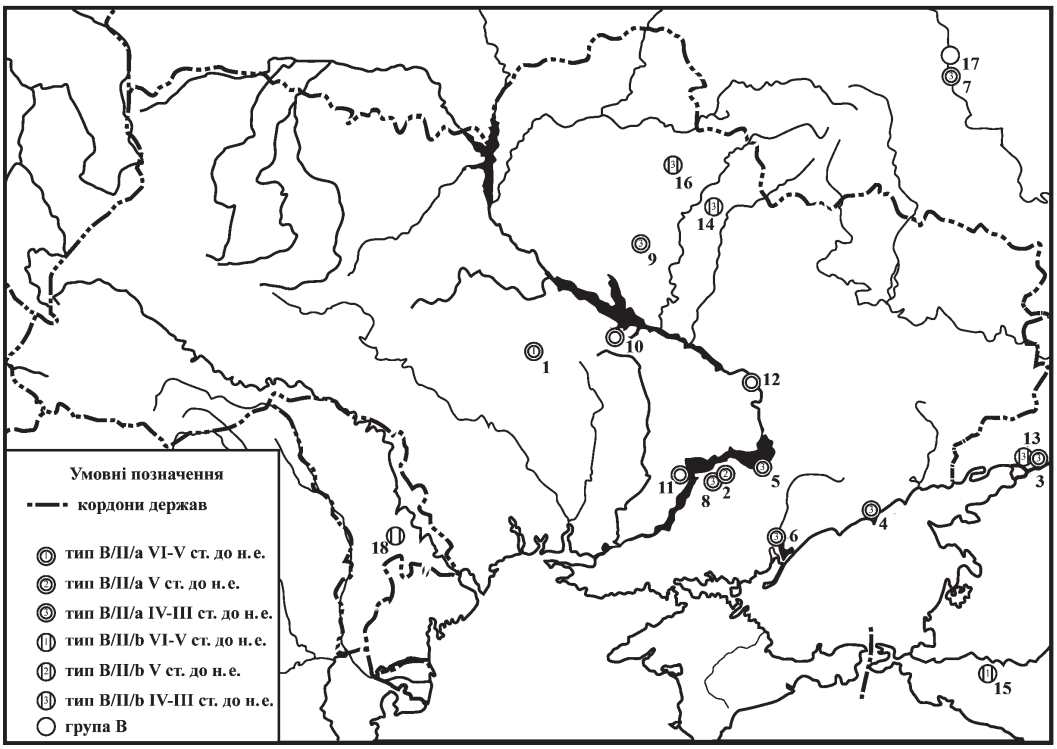


Рис. 6. Казани групи В:

Казани типу В/II/а. *Ранньоскіфський етап*: *1* – с. Мартоноша Новомиргородського р-ну Кіровоградської обл., кол. Єлісаветградський пов. Херсонської губ. (к. Мартоношський). *Середньоскіфський етап*: 2 – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 1, к. 13). *Пізньоскіфський етап*: *3* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (п. 1, к. 9, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *4* – с. Нововасилівка Бердянського р-ну Запорізької обл. (Південна гробниця, к. Бердянський); *5* – с. Балки Василівського р-ну Запорізької обл. (Північна гробниця 1, к. Гайманова Могила); *6* – с. Долинське Мелітопольського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 3); 7 – с. Мастюгіно Острогозького р-ну Воронезької обл., РФ (к. 4); *8* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха); *9* – с. Тишки Лубенського р-ну Полтавської обл. (к.). **Казани типу В/II/а з невизначеним датуванням**: *10* – с. Андрусівка Світловодського р-ну Кіровоградської обл., кол. с. Андрусівка Олександрійського пов. Херсонської губ. (випадкова знахідка); *11* – с. Осокорівка Нововоронцовський р-ну Херсонської обл. (випадкова знахідка); *12* – м. Дніпропетровськ (випадкова знахідка).

Казани типу В/II/b. *Ранньоскіфський етап*: *15* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 3/Ш). *Пізньоскіфський етап*: *14* – м. Більськ Котелевського р-ну Полтавської обл. (к., могильник в уроч. Перещепине біля Більського городища); *13* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 10, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *16* – с. Вовківці Роменського р-ну Сумської обл. (к. 1). **Казани групи В з невизначеною типологічною належністю**: *Пізноскіфський етап*: *17* – м. Воронеж, РФ (п. 1, к. 9, могильник «Часті кургани», розкопки 1910–1915 рр.). **Казани групи В з невизначеною типологічною належністю:** *18* – Якобені-Дигидені (РМ)

а потім більш пізнє розповсюдження на теренах Північного Причорномор'я. Насамперед йдеться про розвідки М. А. Боковенка [4, с. 262; 5, с. 169–171] та Т. М. Кузнєцової [6, с. 178–179, табл. 1/1–2] в означеній царині. Уточнення потребує тільки визначення часу початку використання скіфами східноєвропейського Лісостепу цієї категорії посуду. За останні 50 років уявлення про це змінювалося декілька разів, що прямо пов'язано з динамікою джерельної бази та уточненням хронології комплексів, у яких є казани. В. Г. Петренко відносила появу казанів на Правобережжі до IV ст. до н. е. [27, с. 25]; М. А. Боковенко та Т. М. Кузнєцова — до V—IV ст. до н. е. [4, с. 262; 5, с. 169–171; 6, с. 178–179, табл. 1/1–2]. С. А. Скорий вважає, що у скіфському осередку дніпровського Правобережжя казани з'являються в першій половині VI—V ст. до н. е. [26, с. 82; 28, с. 87; 29, с. 57–58]. На наш погляд, необхідно віднести

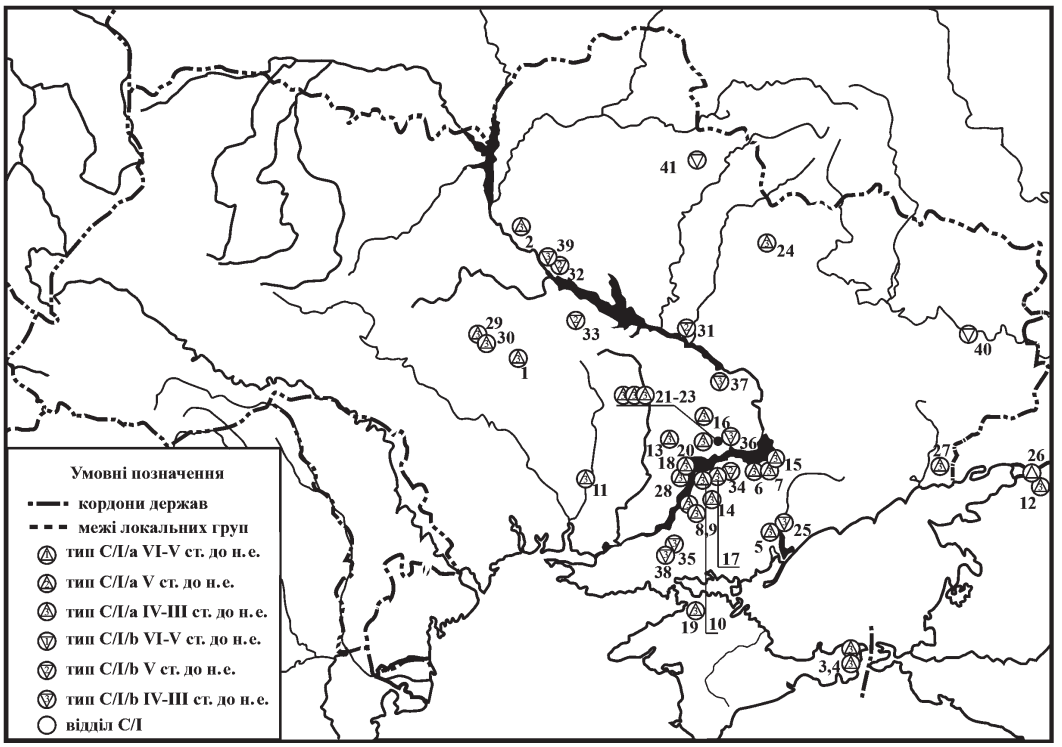


Рис. 7. Казани групи С (відділ І):

Казани типу С/І/а. *Пізньоскіфський етап*: *1* – с. Капітанівка Чигиринського пов. Київської губ., зараз Новомиргородський р-н Кіровоградської обл. (к. 487); *2* – с. Іванків Бориспільського р-ну Київської обл., (п. 1, к. 6); *3, 4* – м. Керчь, АР Крим (к. Куль-Оба); *5* – с. Вовчанське Якимівського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 8); *6* – м. Дніпрорудний Василівського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 6); *7* – с. Іллінка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 2, к. 4); *8* – с. Мала Лепетиха Великолепетиського р-ну Херсонської обл. (п. 4, к. 10); *9* – с. Мала Лепетиха Великолепетиського р-ну Херсонської обл. (п. 5, к. 10); *10* – с. Первомаївка Верхньорогачицького р-ну Херсонської обл. (п. 8, к. 4, гр. 2); *11* – с. Піски Баштанського р-ну Миколаївської обл. (п. 1, к. 9, гр. «Три Могили»); *12* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (п. 2, к. 9, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *13* – м. Апостолове Апостолівського р-ну Дніпропетровської обл., кол. с. Михайлове-Апостолове Херсонського пов. Херсонської губ. (к. Розкопана Могила); *14* – с. Верхній Рогачик Верхньорогачицького р-ну Херсонської обл. (п. 2, к. IX, гр. «Рогачицьке поле»); *15* – с. Скельки Василівського р-ну Запорізької обл. (п. 4, к. 4); *16* – с. Гірницьке Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Гробниця 2, к. Соболєва Могила); *17* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (дромос, Бічна гробниця, к. Солоха); 18 – м. Орджонікідзе Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 2, к. 4, гр. «Страшна Могила»); *19* – с. Новоолександрівка-Богачівка, АР Крим (п. 3, к. 5); *20* – с. Богданівка Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Бокова гробниця, к. Товста Могила); *21–23* – с. Чкалово Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (Центральна гробниця, камера 5, к. Чортомлик); *24* – с. Старий Мерчик Валківського р-ну Харківської обл. (п. 1, к. 3); *25* – м. Мелітополь Мелітопольського р-ну Запорізької обл. (Гробниця 1, к. Мелітопольський); *26* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 11, гр. «П'ять Братів», могильник «Єлизаветівський»); *27* – сел. Приморське Новоазовського р-ну Донецької обл. (допоміжна до Основної гробниці катакомба 2, к. Двогорба Могила); *28* – с. Золота Балка Нововоронцовського р-ну Херсонської обл. (п. 1, к. 15); *29, 30* – с. Рижанівка Звенигородського р-ну Черкаської обл. (Центральна гробниця, к. Великий Рижанівський)

Казани типу С/І/b. *Середньоскіфський етап*: *31* – с. Орлик Кобеляцького р-ну Полтавської обл. (п. 1, к. 3); *32* – с. Гладківщина Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 2); *33* – с. Мельники Чигиринського р-ну Черкаської обл. (Бокова гробниця, к. *33* – Скіфська Могила, могильник Матронинського городища); *34* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (к. Солоха). *Пізньоскіфський етап*: *35* – с. Любимівка Каховського р-ну Херсонської обл. (п. 3, к. 38, гр. 2); *36* – с. Нагорне Нікопольського р-ну Дніпропетровської обл. (п. 4, к. 5); *37* – Дніпропетровська обл. (к. 6, могильник «Орловський»); *38* – с. Червоний Подол Каховського р-ну Херсонської обл. (п. 1, к. 2, гр. 1); *39* – с. Бубнова Слобідка Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 10)

Казани типу С/І/b з невизначеним датуванням: *40* – с. Оріхов на Сіверському Дінці, суч. Луганська обл. (випадкова знахідка в к.); *41* – с. Ольшанка Сумського р-ну Сумської обл. (випадкова знахідка)

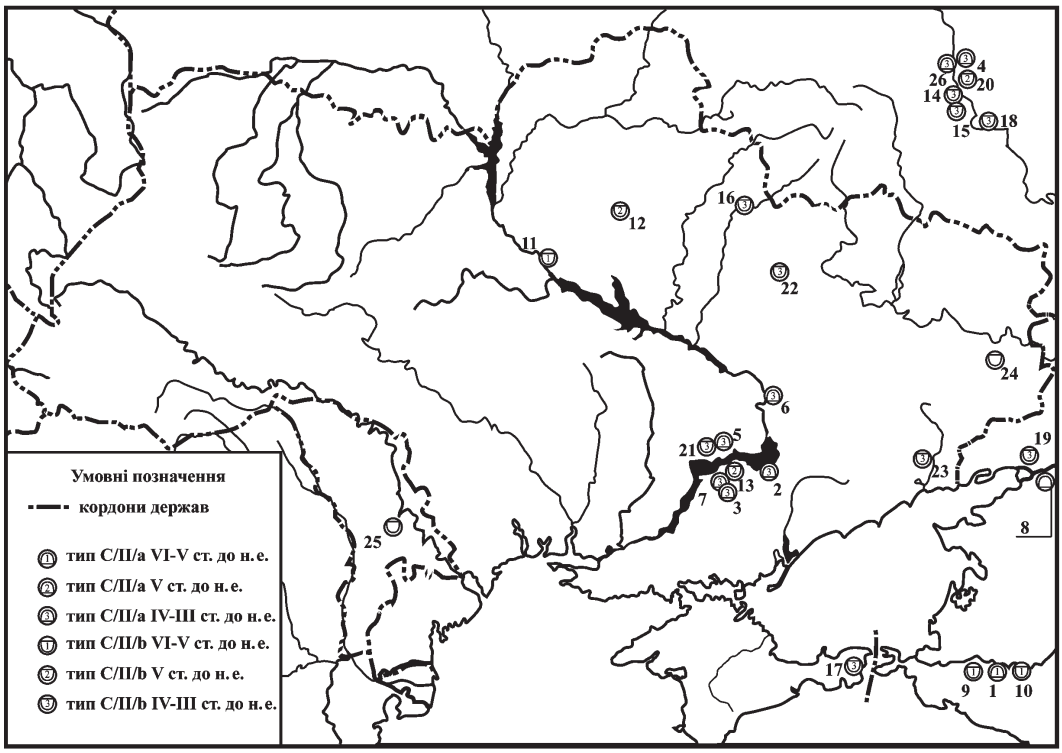


Рис. 8. Казани групи С (відділ II):

Казани типу С/II/a. *Ранньоскіфський етап*: *1* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 2/Ш). *Пізньоскіфський етап*: *2* – с. Балки Василівського р-ну Запорізької обл. (Північна гробниця 1, к. Гайманова Могила); *3* – с. Гюнівка Великобілозерського р-ну Запорізької обл. (п. 3, к. 19, гр. «Рогачицьке поле»); *4* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл., РФ (п. 1, к. 4, розкопки 1964 р.); *5* – с. Чкалово Нікопольского р-ну Дніпропетровської обл. (Північна гробниця, к. Чортомлик); *6* – с. Чаплі Самарського, зараз Дніпропетровського р-ну Дніпропетровської обл. (к. 4); *7* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 6, к. 4, могильник «Мамай-Гора»). **Казани типу С/II/a з невизначеним датуванням:** *8* – Новочеркаський музей історії донського козацтва, РФ (випадкова знахідка). **Казани типу С/II/b.** *Ранньоскіфський етап*: *9* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 2/Ш); *10* – ст. Келермеська Гіагінського р-ну Адигейської автономної обл., РФ (к. 4/Ш); *11* – с. Гладківщина Золотоніського р-ну Черкаської обл. (п. 1, к. 3). *Середньоскіфський етап*: *12* – с. Аксютинці Сумської обл. (впускне п., к. 2, розкопки С. А. Мазаракі); *13* – с. Велика Знам'янка Кам'янсько-Дніпровського р-ну Запорізької обл. (п. 1, к. 13). *Пізньоскіфський етап*: *14* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл., РФ (п. 1, к. 16, розкопки 1986 р.); *15* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. с. Дурівка Краснинського р-ну Білгородської обл., РФ (п. 1, к. 20, розкопки 1987 р.); *16* – с. Куп'єваха Богодухівського р-ну Харківської обл. (п. 1, к. 8); *17* – м. Керчь, АР Крим (к. Патініотті); *18* – с. Тернове Острожського та с. Колбіне Реп'євського р-ну Воронезької обл., РФ (п. 1, к. 14, могильник «Тернове-I–Колбіне-I»); *19* – ст. Єлизаветівська Азовського р-ну Ростовської обл., РФ (к. 8 гр. «П'ять Братів» могильник «Єлізаветівський»); *20* – м. Воронеж (п. 1, к. 3 могильник «Часті кургани», розкопки В. О. Городцова 1927 р.); *21* – с. Богданівка Нікопільського р-ну Дніпропетровської обл. (Центральна гробниця, к. Товста Могила); *22* – с. Черемушне Валківського р-ну Харківської обл. (к. 14); *23* – с. Кременівка Володарського р-ну Донецької обл. (святилище, «курган 7»). **Казани типу С/II/b з невизначеним датуванням:** *24* – м. Перевальськ Луганської області (випадкова знахідка); *25* – с. Авремєні, РМ (випадкова знахідка). **Казани групи С з невизначеною типологічною належністю**: *Пізньоскіфський етап*: *26* – хут. Городище біля с. Вербне, кол. Дурівка, Краснинського р-ну Білгородської обл. РФ (п. 1, к. 4, розкопки 1964 р.)

початок розповсюдження казанів в лісостеповій зоні Північного Причорномор'я до кінця VII — початку VI ст. до н. е., а можливо і до більш раннього часу. Цей висновок базується на датуванні казанів типу А/II/b з к. біля с. Швайківці (рис. 1: *14*); з с. Іване-Пусте (рис. 1: *15*); з Західного укріплення Більського городища (рис. 1: *13*) (VII—VI ст. до н. е.); казану типу С/II/b з п. 1 к. 3 поблизу с. Гладківщина (рис. 4: *81*) (кінець VII — початок VI ст. до н. е.), казану типу В/II/a з к. Мартоноши (рис. 2: *27*) (перша половина VI ст. до н. е.).

Просторово-часовий аналіз виникнення та розповсюдження металевих казанів різних типів дозволяє пов'язати ці процеси зі складною динамікою пошуку скіфськими ремісниками-казанярами оптимального втілення форми та декору цих непересічних виробів. Розповсюдження традицій виготовлення та використання металевих казанів ймовірніше за все має витоки в ранньоскіфському середовищі Прикубання. Поширення цієї категорії матеріальної культури відбувається паралельно з процесом розселення скіфських племен на теренах Північного Причорномор'я після того, як Прикубання втрачає своє значення плацдарму передньоазійської експансії. У середньоскіфський час центр найбільшого розповсюдження та використання казанів переноситься у степову частину Північного Причорномор'я. Цей процес відобразився не тільки в кількісному переважанні знахідок казанів у степових поховальних комплексах, а і в морфологічно-стилістичному оздобленні металевих казанів. Саме у степовому номадичному середовищі у V ст. до н. е. виникає новий тип посудин із овальним у плані корпусом, максимально пристосований для їх транспортування під час перекочівель. У пізньоскіфський період саме такі казани домінують у середовищі скіфських та скіфоїдних племен Північного Причорномор'я. Певна еволюція спостерігається і в декоративному оздобленні морфологічних елементів казанів. Архаїчні вертикальні ручки у вигляді зооморфних фігур протягом V—III ст. до н. е. трансформуються у ручки з трьома відростками-шишечками, які на думку дослідників є ремінісценцією фігури козла [2, с. 149; 29, с. 204]. Наявність зооморфних ручок на казані з царського к. Чортомлик IV ст. до н. е. А. П. Манцевич вважає архаїчним пережитком [2, с. 149]. Цей казан поєднав у собі елементи ранньоскіфського декору (декорування ручок і корпусу посудини) та морфологічні характеристики посудин пізньоскіфського періоду (овальний у плані закритий корпус). Така конфігурація може тлумачитись як навмисне використання архаїчних елементів майстрами-ливарниками для підкреслення старовинності роду, який замовив цей казан. Слід зазначити, що у пізньоскіфський час орнаментація корпусу та ручок казана значно спрощується, а у деяких випадках і зовсім зникає. Можливо, це пов'язано з сакралізацією самої посудини, яка крім свого утилітарного призначення, все більше набуває ролі символу, що не потребує дорогого та працемісткого процесу відливки складних елементів декорування, бо кількість казанів у пізньоскіфський час зростає у рази, тобто їх виробництво стає масовим. Як зазначалося вище, складний декор у V—III ст. до н. е. притаманний лише поодиноким посудинам із курганів найвищих страт скіфського суспільства (Розкопана Могила, Чортомлик). Часово-просторовий аналіз стилістичних ознак скіфських казанів не дає підстав для зіставлення отриманих нами варіантів з будь-якими етнічними угрупованнями скіфів. Скоріш за все, декоративні елементи є соціальним показником, бо від їх наявності та складності залежала вартість казана. Винятком може вважатися лише наявність вусиків на корпусі, які переважно є на казанах зі східної контактної зони, де у культурі місцевих скіфських племен виразно відчутний вплив сарматської культури.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Боковенко Н. А.* Бронзовые котлы эпохи ранних кочевников в азиатских степях // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха железа: сб. науч. тр. — Новосибирск, 1981.
2. *Манцевич А. П.* Бронзовые котлы в собрании Государственного Эрмитажа (котел из кургана Солоха) // Исследования по археологии СССР. — *Л.*, 1961.
3. *Минасян Р. С.* Литье бронзовых котлов у народов степей Евразии // АСГЭ. — 1984. — Вып. 27.
4. *Боковенко Н. А.* Этюд о бронзовых котлах Северного Причерноморья // Клейн *Л.* С. Археологическая типология. — Ленинград, 1991.
5. *Боковенко Н. А.* Скифские бронзовые котлы Северного Причерноморья (к проблеме выделения культурных типов) // Древние памятники Кубани (материалы семинара). — Краснодар, 1990.

6. *Кузнецова Т. М.* Социальные индикаторы в погребальном обряде скифов (бронзовые котлы) // Проблемы современной археологии: сб. науч. тр., посвященный памяти В. А. Башилова. — М., 2008.
7. *Ромашко О. В.* Типологія бронзових казанів скіфської культури (в світлі статистико-математичних методів) // Археологія. — 2013. — Вип. 3.
8. *Тереножкин А. И.* Киммерийцы. — К., 1976.
9. *Диамант Э. И.* Литой бронзовый котел из Мартоношского кургана // Материалы по археологии Северного Причерноморья. — 1962. — Вып. 4.
10. *Галанина Л. К.* Келермесские курганы. «Царские» погребения раннескифской эпохи. — М., 1997.
11. *Иессен А. А.* Прикубанский очаг металлургии и металлообработки // МИА по археологии Северного Кавказа. — 1951. — Вып. 23.
12. *Галанина Л. К., Алексеев А. Ю.* Новые материалы к истории Закубанья в раннескифское время по данным келермесских комплексов // АСГЭ. — 1990. — № 30.
13. *Ельницкий Л. А.* Скифия евразийских степей: историко-археологический очерк. — Новосибирск, 1977.
14. *Ильинская В. А., Тереножкин А. И.* Скифия VII—IV вв. до н. э. — К., 1983.
15. *Махортых С. В.* К этнокультурной характеристике Больших Кубанских курганов // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. — Новочеркасск, 1989.
16. *Махортых С. В.* Скифы на Северном Кавказе. — К., 1991.
17. *Мурзин В. Ю.* Скифы на Северном Кавказе // Археологія. — 1978. — Вип. 27.
18. *Мурзин В. Ю.* Скифская архаика Северного Причерноморья. — К., 1984.
19. *Петренко В. Г.* Скифы на Северном Кавказе // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
20. *Ростовцев М. И.* Скифия и Боспор. Критическое обозрение памятников литературы и археологии. — Л., 1925.
21. *Скорий С. А.* Про скіфський етнокультурний компонент у населення Дніпровського Лісостепового Правобережжя // Археологія. — 1987. — Вип. 60.
22. *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. — 1952. — Вып. 46.
23. *Черников С. С.* Загадка золотого кургана. Где и когда зародилось «скифское искусство». — М., 1965.
24. *Мурзин В. Ю.* Происхождение скифов: основные этапы формирования скифского этноса. — К., 1990.
25. *Раевский Д. С.* Ранние скифы: среда обитания и хозяйственно-культурный тип // ВДИ. — 1995. — № 4.
26. *Скорый С. А.* Скифы в Днепровской Правобережной Лесостепи (проблема выделения иранского этнокультурного элемента). — К., 2003.
27. *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Поднепровья в V—III вв. до н. э. // САИ. — Вып. Д1–4. — 1967.
28. *Скорий С. А.* Курган Перепʼятиха (до етнокультурної історії Дніпровського Лісостепового Правобережжя). — К., 1990.
29. *Скорый С. А.* Стеблев: скифский могильник в Поросье. — К., 1997.

Резюме

Ромашко О. В. *Металеві казани як один із хроноіндикаторів пам'яток скіфської культури*

Металеві котли відомі в пам'ятниках Північного Причорномор'я протягом досить довгого періоду: починаючи з епохи фінальної бронзи — аж до пізнього середньовіччя. Вони пов'язуються дослідниками з різними, в хронологічному і етно-культурному сенсі, групами населення. У цій статті подається спроба описати використання металевих котлів для визначення або перевірки «широких» дат функціонування пам'ятника. Так,

котли типу A/II/a набувають поширення в V — першій чверті IV ст. до н. е.; типу A/II/b — VII—V ст. до н. е. Перші екземпляри групи B відомі ще в Келермеських пам'ятках (VII—VI ст. до н. е.), проте найбільшого поширення вони набувають в IV—III ст. до н. е. Котли групи C представлені двома відділами: з круглим в плані корпусом (типи C/II/a і C/II/b проіснували з VII по III ст. до н. е.) і еліпсовидним корпусом (тип C/I/b — виникає в кінці V ст. до н. е. і тип C/I/a — IV—III ст. до н. е.).

Ключові слова: Південь Східної Європи, скіфська культура, металеві казани, хронологія.

Резюме

Ромашко А. В. *Металлические котлы как один из хроноиндикаторив памятников скифской культуры*

Металлические котлы известны в памятниках Северного Причерноморья на протяжении довольно долгого периода: начиная с эпохи финальной бронзы — вплоть до позднего средневековья. Они связывается исследователями с разными, в хронологическом и этно-культурном смысле, группами населения. В данной статье представлена попытка использования металлических котлов для определения или проверки «широких» дат функционирования памятника. Так, котлы типа A/II/a получают распространение в V — первой четверти IV ст. до н. э.; типа A/II/b — VII—V ст. до н. э. Первые экземпляры группы B известны еще в Келермесских памятниках (VII—VI ст. до н. э.), однако наибольшее распространение они получают в IV—III вв. до н. э. Котлы группы C представлены двумя отделами: с круглым в плане корпусом (типы C/II/a и C/II/b просуществовавшие с VII по III ст. до н. э.) и элипсовидным корпусом (тип C/I/b — возникающий в конце V ст. до н. э., и тип C/I/a — IV—III вв. до н. э.).

Ключевые слова: Юг Восточной Европы, Скифская культура, металлические котлы, хронология.

Summary

O. Romashko. *Metal Boilers are One of the Chrono-indicators of the Monuments of the Scythian Culture*

Metal caldrons had founded in the monuments of the Black Sea Region during a long period: since the final bronze age — to late middle age. Researchers associated it with the different groups of nomadic population. In this article we try to use metal caldrons as determinant of the "wide" frames of monuments. So, the caldrons of type A/II/a get distribution in V — first fourth of IV BC; type of A/II/b — VII—V BC. The most ancient caldrons of group B founded in the Celermess barrows (VII—VI BC), but they become the most popular in IV—III BC. Coldrons of type C presented by two parts: with a round corps in a plan (the type C/II/a and C/II/b used since VII to III BC) and with a ellipse corps in a plan (type C/I/b — started to use in V BC and type C/I/a — IV—III BC).

Key words: South Eastern Europe, the Scythian culture, metal cauldrons, chronology.

R. V. Croitor

Horse remains from Belozerka Culture monuments of South Moldova

Introduction

Despite of a limited number of publications dedicated to horses from Late Bronze and Early Iron Age of Southeast Europe, this group of horses is still better studied than horses from other cultures of the region. The first important research on horse remains from the tumulus burials of Tiraspol District belongs to Brauner [1]. Brauner proposed a new methodological approach in horse craniometry and a classification of domestic horse types based on metapodial robustness. Much later, Zalkin [2] carried out a biometric study and statistic analysis of a rich archaeozoological material of horse remains from North Pontic area and arrived to the conclusion that the Early Iron Age horses were comparatively robust with low (128–136 cm) and average (136–144 cm) height in withers, but still larger if compared to the horses from Early Iron Age of North Europe. According to Zalkin [3, 4], there are no statistically reliable differences between horses from Late Bronze Age, Early Iron Age, and horse remains of Czernyakhov Culture of Roman Age from Eastern Europe. The studies of Zalkin [2, 3, 4] were focused mostly upon long limb bones and first phalanxes. Nonetheless, the detailed morphology of dental remains of ancient horses from Southeast Europe remained unstudied. Quite limited in number horse bone remains from the Early Iron Age of Uch-Bash (Crimea, Ukraine) was described in my recent publication [5]. The Crimean horse was characterized by a variable relative length of protocone of upper molars with a small notch on its lingual side and relatively long second phalanxes. Nonetheless, our knowledge on ancient domestic horses from Eastern Europe still remains incomplete and new data are needed to improve our understanding of horse breeding in the past.

The article presents a description of horse remains from two Belozerka Culture sites from South Moldova excavated by S. Agulnikov and S. Popovici from Novosiolovca-1 (= Novoselovka) in 2013 (Taraclia District) and from Olanesti in 2014 (Stefan Voda District) (fig. 1). Both archaeozoological complexes represent remains of sacrificed domestic animals (Agulnikov, personal communication, [6]). The horse remains from Novosiolovca-1 (143 bone fragments that belong to 5 individuals) were found in association with four poorly preserved bones of hind limb (fragment of metatarsus, second phalanx, and two small tarsal bones) of cattle (*Bos taurus*) bones and three isolated teeth (M^2, M^3, M_3) of small cattle (*Ovis* or *Capra*). The archaeozoological material from Olanesti is represented by heavily fragmented bone remains of three horse individuals, therefore only isolated teeth and phalanxes were suitable for morphological study.

Some comments on nomenclatural problems of domestic and Eurasian wild horses are necessary in order to clarify the taxonomy of equid species and forms involved in the present study. Linnaeus (1766) based his original description of *Equus caballus* on the references to publications of Gesner (1551), Aldrovandi (1621), Jonston (1652), and Ray (1693).

@ R. V. Croitor, 2017

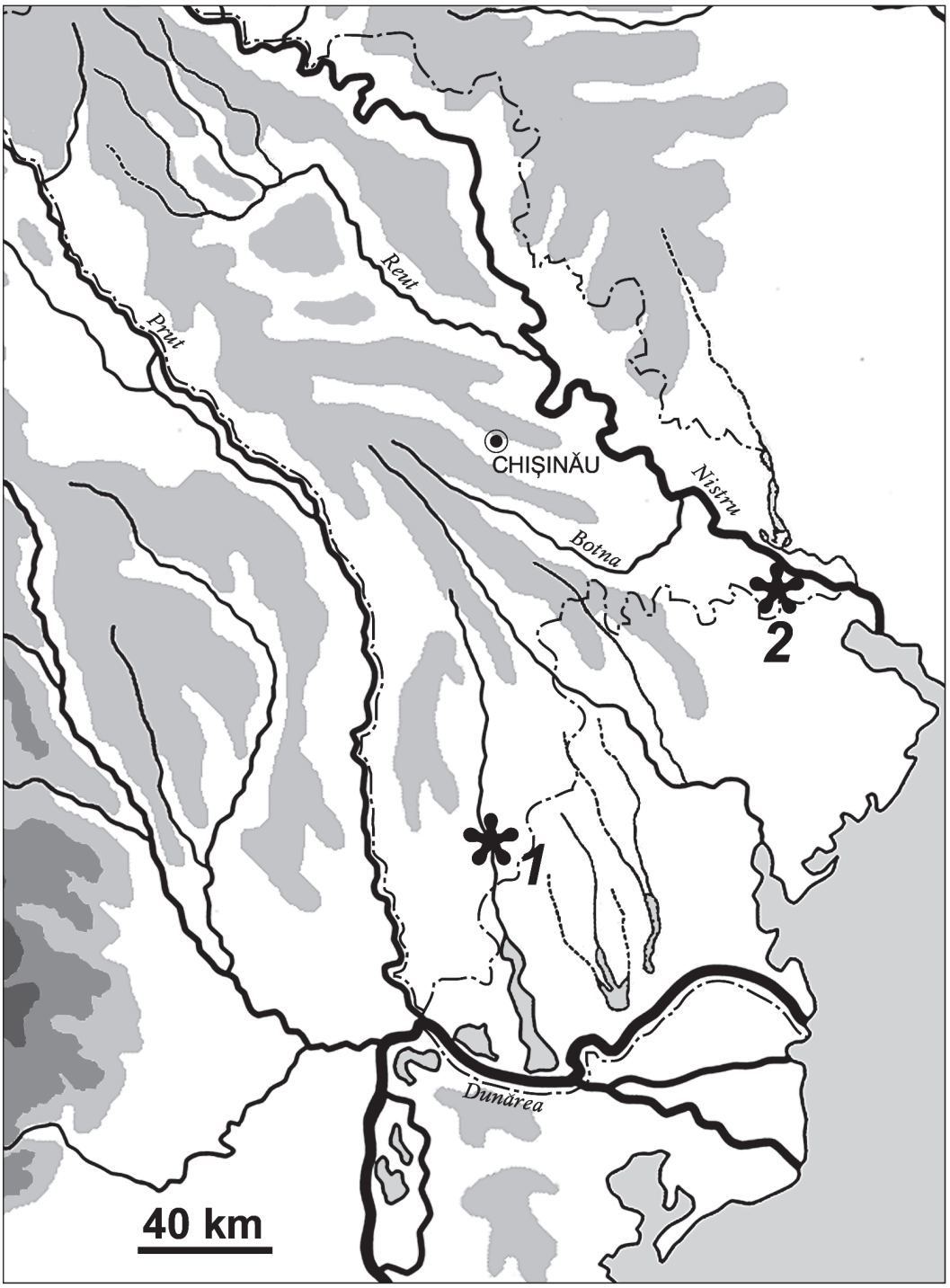


Fig. 1. Geographical position of the archaeological sites of Belozerka Culture considered in the present communication:

1 – Novosiolovca-1; 2 – Olanesti

Therefore, the descriptions and figures published by the above mentioned pre-Linnaean authors create an integral part of the species description according to the Article 72.4.1 of the International Code of Zoological Nomenclature (ICZN). It is important to keep in mind that all pre-Linnaean descriptions of *Equus caballus* are based on domestic breeds of horses (Gesner, 1551; Aldrovandi, 1621; Jonston, 1652; Ray, 1693). According to the Opinion 2027 of the International Commission of Zoological Nomenclature [7], the species name based on a wild ancestral form has priority over the species name based on a domestic form, even if a domestic form was described and published simultaneously or earlier. Therefore, *Equus ferus* Boddaert 1785 has priority over *Equus caballus* Linnaeus 1758. Groves [8] considers that the species name *Equus gmelini* Antonius 1912 broadly used in Russian literature for wild tarpan from Eastern Europe is a junior synonym of *Equus ferus* Boddaert 1785, which is also based on Gmelin's (Gmelin, 1774) original description. I accept the viewpoint of Groves [8]. The trinomen *Equus ferus caballus* Linnaeus 1758 for domestic horse is frequently used in modern scientific literature (see, for instance, [9]).

Material and Methods

The skeletal horse remains from Novosiolovca-1 is represented by cranial fragments, isolated teeth, complete well preserved metatarsus, metacarpus, talus, posterior first phalanx, anterior and posterior second phalanxes, fragments of humerus, radius, ulna, femur, tibia, fragments of ribs, atlas, epistropheus, as well as a fragment of metapodium of a juvenile individual. The various degree of tooth wear permitted to separate the cheek teeth of different individuals found in the archaeozoological complex.

The archaeozoological complex from Olanesti consists of heavily damaged and poorly preserved skeletal remains that belong to three horse individuals (the number of individuals is deduced from the better preserved tali). One of individuals is juvenile with deciduous teeth. Another senile individual is represented by deeply worn isolated cheek teeth. The third individual is represented by isolated molars on the earlier stage of tooth wear (teeth are worn approximately at 1/3 of tooth crown height). The available for morphological study material included the better preserved four M^2, one M^3, one posterior first phalanx, three anterior second phalanxes, and one posterior second phalanx.

The state of preservation of the osteological material restricted the choice of methodological approach. The description of horse remains includes morphology of cheek teeth, as well as proportions of metapodials and phalanxes. A special attention is focused upon the morphological variation of teeth that allowed to estimate the character of individual variation, but also permitted to reassemble the isolated cheek teeth in tooth rows in cases when the individuals under study show a similar degree of dental wear.

The estimation of the height in the withers based on long bone lengths proposed by Vitt [10] is an important parameter for horseback riding and therefore it is applied in the present study. The classification of metapodial robustness in horses proposed by Brauner [1] is also taken in consideration. The measurements are taken according to Gromova [11] and Kuzmina [12]. The medial length of phalanxes is used in the present study. The anterior and posterior phalanxes are distinguished according to criteria published by Kuzmina [12]. The relative length of protocone is calculated as: L tooth crown/L protocone 100. The abbreviations used in the text and tables: P, premolar; M, molar; L, length; D, breadth; ant., anterior; post., posterior; prox., proximal; dist., distal; diaph., diaphysis; Lpr, length of protocone; %pr, relative length of protocone; DLM, latero-medial measurement; DAP, antero-posterior measurement.

Description

Dental remains from Novosiolovca-1. The juvenile individual (individual 1) is characterized by presence of functional molars at the initial stage of wearing and the deeply worn deciduous teeth, which soon should be changed with permanent premolars. The individual age at the moment of burial was around 3 years.

Individual 2. This is a senile individual characterized by an advanced stage of tooth wear. Premolars are characterized by relatively short protocone with a small notch on the lingual side. The protocone is relatively long, especially in M^1 and M^2 (the highest value of protocone length index among the compared specimens and samples), but possibly, the extremely long protocones in molars resulted from the advances degree of dental wear (fig. 2). The anterior edge of P^2 is sharp and does not show a characteristic damage caused by bit (possibly, because of its senile age). The measurements of assembled tooth rows are shown in the table 1.

Table 1

Measurements and relative length of protocone of the assembled tooth rows of the individual 2 (senile)

Measurements		P^2	P^3	P^4	M^1	M^2	M^3
sin	L	34.1	27.2	25.5	22.6	24.6	30.0
	D	23.0	27.3	27.4	27.8	28.3	24.8
	Lpr	8.2	11.2	11.2	12.3	14.3	14.3
	%pr	24.0	41.2	44.0	54.4	58.1	47.7
dx	L	34.7	26.8	26.0	23.2	24.6	
	D	23.6	27.0	27.8	28.0	28.5	
	Lpr	8.2	11.1	11.7	12.3	14.2	
	%pr	23.6	41.4	45.0	53.0	57.7	

Individual 3. This is a mature individual characterized by medium degree of tooth wear. The lingual notch in protocone of upper molars and premolars is not clearly expressed. The lingual wall of protocone is straight in right M^1, with small notch in right P^4, and is undulated in the rest cheek teeth. The some-what swollen basal parts of P^3 and P^4 crowns represent a peculiar characteristic of this individual. The protocone is comparatively long, especially in premolars (tab. 2). The grinding surface of P^2 is sloped toward the anterior, its anterior edge is rounded as it was shown by Bendrey [13] for domestic horses that wear a snaffle with bit.

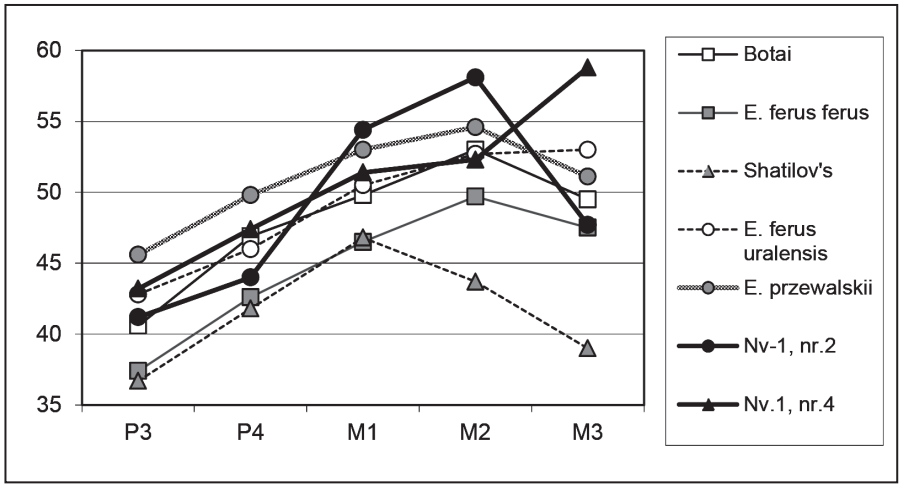


Fig. 2. Relative length of protocone in domestic and wild horses in comparison with individuals 1 and 4 from Novosiolovca-1 (Nv.-1). The samples and specimens involved in the comparison: Shatilov's tarpan [11], modern wild horse *Equus przewalskii* [12], extinct Late Pleistocene and Early Holocene horse *Equus ferus uralensis* [12], Eneolithic horse from Botai [12], sub-fossil tarpan *Equus ferus ferus* [12]

Table 2

Measurements and relative length of protocone of the assembled partial upper tooth series of the individual 3 (mature)

Measurements		P^2	P^3	P^4	M^1
sin	L	37.5	30.2	29.6	26.0
	D	25.0	28.8	30.3	28.8
	Lpr	9.4	12.9	14.1	12.3
	%pr	25.5	42.7	47.6	47.3
dx	L	38.2	30.4	30.2	
	D	26.0	28.9	30.0	
	Lpr	10.2	12.7	13.9	
	%pr	26.7	41.8	46.0	

Individual 4. The degree of dental wear is the same as in the previous individual. Teeth are characterized by similarly swollen basal parts of their crowns. The lingual notch of protocone is clearly expressed in molars. This notch is less sharp in premolars and in some cases the lingual wall of protocone is rather concave than notched. The protocone is relatively long (especially in M^3), as in the presumed domestic horse from the Eneolithic site of Botai and in wild extinct *Equus ferus uralensis* Kuzmina 1975 (Late Pleistocene of Southern Ural Area) (tab. 3, fig. 2).

Table 3

Measurements and relative length of protocone of the assembled left tooth row and isolated right M^3 of the individual 4 (mature)

Measurements	P^3 *sin*	P^4 *sin*	M^1 *sin*	M^2 *sin*	M^3 *sin*	M^3 *dx*
L	28.5	27.4	23.9	25.2	27.2	27.1
D	27.6	27.9	26.5	26.6	23.5	24.3
Lpr	12.3	13.0	12.3	13.3	16.0	14.5
%pr	43.2	47.4	47.3	52.3	58.8	53.5

Individual 5. The cheek teeth are on the medium stage of tooth wear. As in two previous individuals, the basal parts of crowns of M^3 and P^4 are some-what swollen. The lingual wall of protocone of P^4 is rather undulated (with a broad shallow notch). It is slightly undulated and concave in M^2 and bears a sharp notch in M^3. This individual is also characterized by relatively long protocone, especially in M^2 (tab. 4), which approaches the length of protocone in the individual 2 with deeply worn teeth. Therefore, one can draw a conclusion that the particularly long protocone in some individuals of the sample from Novosiolovca-1 represents a specific morphological peculiarity, but not just a consequence of advanced dental wear.

Table 4

Measurements and relative length of protocone of the isolated upper cheek teeth of the individual 5 from Novosiolovca-1

Measurements	P^4 *dx*	M^2 *sin*	M^3 *dx*
L	27.0	25.8	28.3
D	29.0	27.6	25.1
Lpr	12.4	14.7	13.6
%pr	46.0	57.0	48.1

Dental remains from Olanesti. The isolated upper cheek teeth are poorly preserved, therefore, the detailed morphology and individual morphological variation could not be recorded. The measurements are presented in the table 5. The differences in measurements of upper molars are caused by the different stage of tooth wear: smaller teeth are more deeply worn. Nonetheless, it seems that the degree of tooth wear did not affect the relative length of protocone. The relative length of protocone, with exception in one left M^2, exceeds 50 % of the tooth crown length.

Table 5

Measurements and relative length of protocone of the isolated upper cheek teeth from Olanesti

Measurements	M^2 *sin*	M^2 *sin*	M^2 *dx*	M^2 *dx*	M^3 *dx*
L	31.0	25.1	30.8	25.2	25.7
D	25.1	24.1	29.9	24.2	25.3
Lpr	14.0	12.6	16.7	13.0	13.4
%pr	45.1	50.2	54.2	51.9	52.1

All horse individuals from Novosiolovca-1 and Olanesti are distinguished from wild tarpan *Equus ferus ferus* Boddaert 1785 by relatively long protocone.

Metapodials from Novosiolovca-1. The height in the withers based on the metacarpal and metatarsal bones attained, if one apply Vitt's [10] methodology, to 144–136 cm that corresponds to the "average height" in withers. This is one of the most frequent categories (42.9 % of the total number of identified individuals: Zalkin [3]) of Iron Age horses from steppe zone of Eastern Europe that is just insignificantly lower in number than the group of "stunted" horses (47.3 %) with height in withers varying between 136 and 128 cm [3].

According to the relative robustness of diaphysis (15.0 %), the metacarpal bone from Novosiolovca-1 falls within Brauner's [1] "semi-thin legged" group of domestic horses that represents the most frequent type of horses from Early Iron Age (50 % of the total number of metacarpals) studied by Zalkin [2]. The metacarpal bone under study falls within the variation range of the presumed earliest domestic horse from Botai (Kazakhstan) and is relatively longer than metacarpals of *Equus ferus uralensis* (fig. 3). The diaphysis robustness

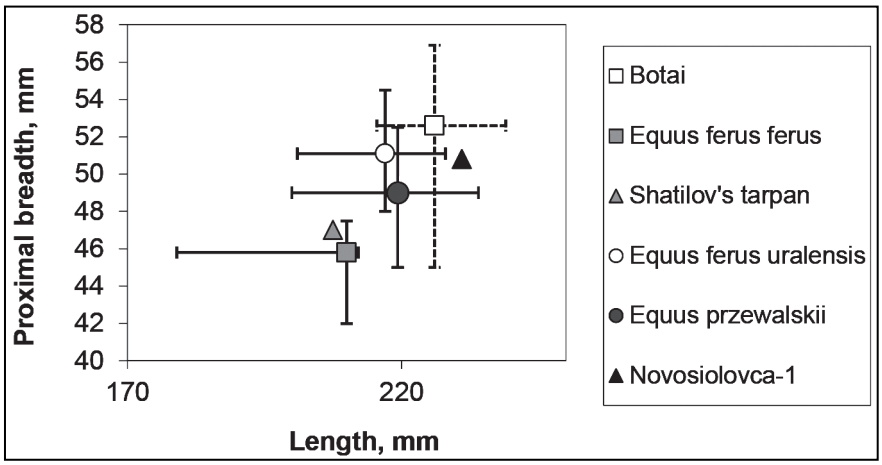


Fig. 3. Comparison of main measurements (total length and proximal epiphysis breadth) of the metacarpal bone from Novosiolovca-1.
The bibliographic sources of samples and specimens involved in the comparison are indicated in figure 2

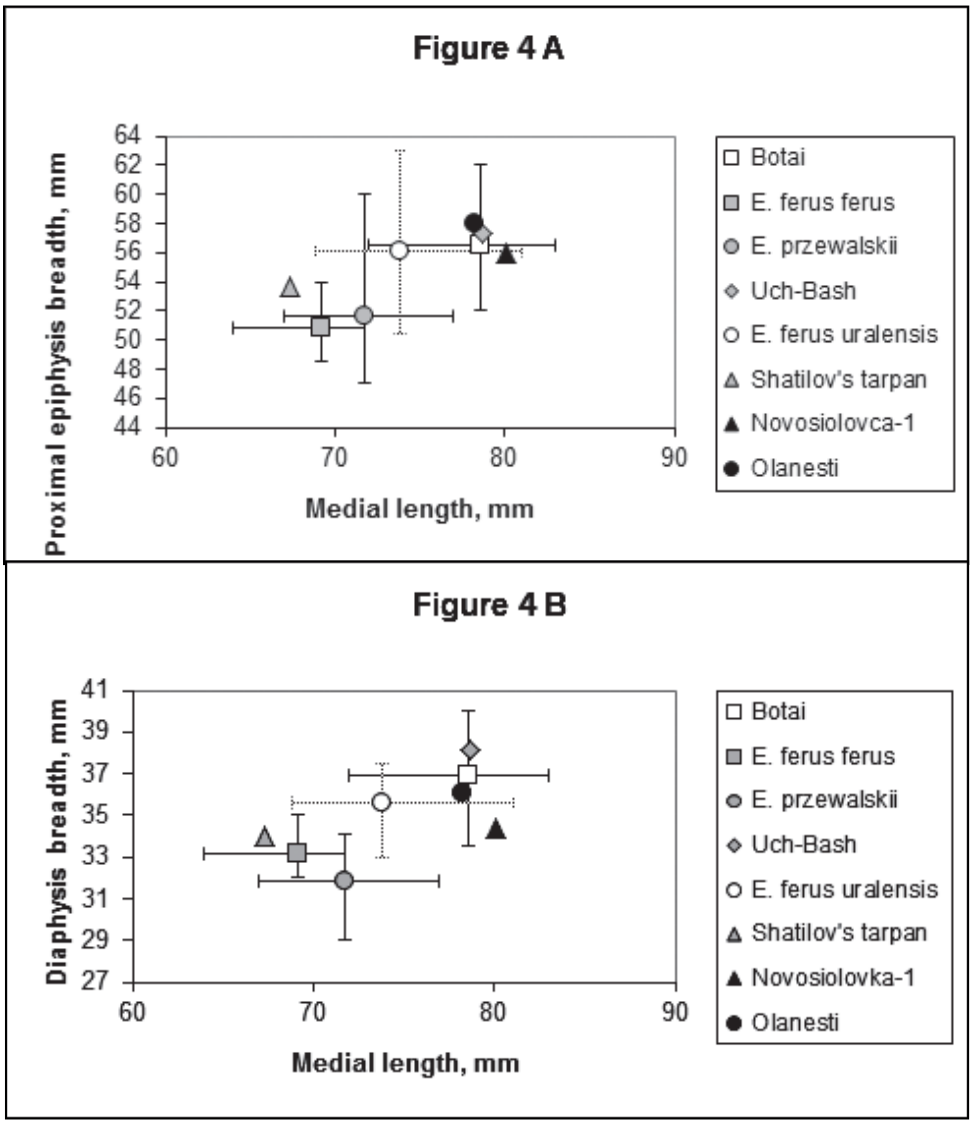


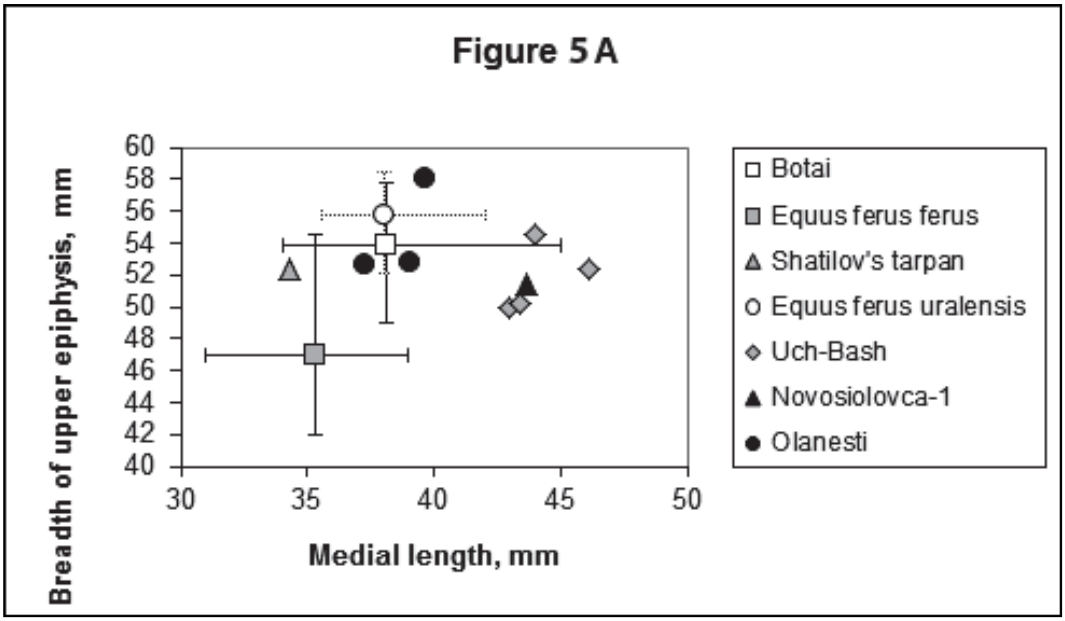
Fig. 4. Size and proportions of first posterior phalanxes of domestic and wild horses in comparison with specimens from Novosiolovca-1 and Olanesti. The bibliographic sources of samples and specimens involved in the comparison are indicated in figure 2

of metatarsal bone from Novosiolovca-1 (11.8 %) also falls within the most frequent variation type and is close to the mean value (11.95 %) of the sample studied by Zalkin [2].

Phalanxes. The first phalanxes under study where defined as posterior due to their relatively thin diaphyses (see the morphological criteria in Kuzmina [12]). The posterior first phalanxes are significantly larger than in the only known complete Shatilov's tarpan *Equus ferus ferus* and the series of sub-fossil remains of tarpan described by Kuzmina [12]. The main measurements of posterior first phalanxes from Novosiolovca-1 and Olanesti approach them to the single known phalanx from Uch-Bash (Crimea, Ukraine) and to the mean values of the sample from Botai (fig. 4, A). The specimens from Novosiolovca-1, Olanesti, and Uch-Bash, as well as the phalanxes from Botai are relatively

some-what longer that the posterior first phalanxes of *Equus ferus uralensis*, although the data are overlapping. One can notice also quite thin diaphyses of the specimens from Moldova (fig. 4, B).

The anterior second phalanxes from Olanesti are significantly larger than those of wild tarpan *Equus ferus ferus* and falls within the range of variation of *Equus ferus uralensis* and the horse from Botai. The anterior second phalanx from Novosiolovca-1 is peculiar. It is relatively longer and slender due to the narrower proximal epiphysis, but still falls



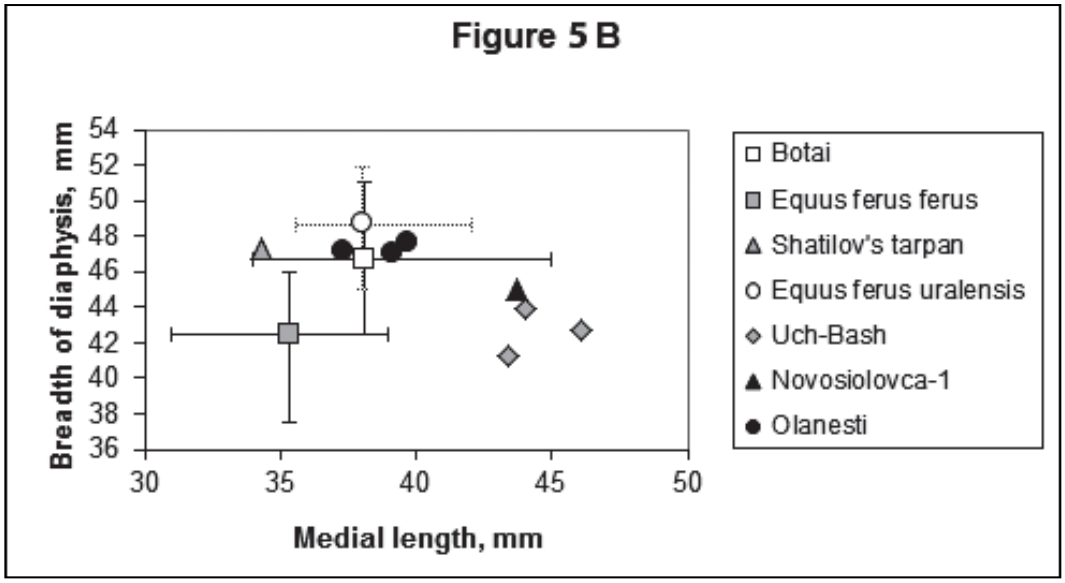


Fig. 5. Size and proportions of second anterior phalanxes of domestic and wild horses in comparison with specimens from Novosiolovca-1 and Olanesti. The bibliographic sources of samples and specimens involved in the comparison are indicated in figure 2

within the variation range of the sample from Botai (fig. 5, A). The specimen from Novosiolovca-1 and the anterior second phalanxes from Uch-Bash are also characterized by relatively narrower diaphysis (fig. 5, B). Therefore, the slender proportions of the second phalanx from Novosiolovca-1 approach it to the sample from Early Iron Age of Uch-Bash and distinguish this group of specimens from the rest of material involved in the study.

Discussion and conclusions

The horses from Novosiolovca-1 and Olanesti generally are characterized by relatively long protocone table 6: the index of protoconal length is higher than 40 % in P^3, higher than 45 % in P^4, and, with few exceptions, higher than 50 % in upper molars. Some teeth from Novosiolovca-1 are characterized by the longest protocone among the specimens and samples involved in the comparison. The length of protocone approach the studied ancient domestic horses from Moldova to the group of horses with long protocone (domestic horse from Botay, *Equus ferus uralensis*, *Equus przewalskii*) and distinguish them from the wild European tarpan *Equus ferus ferus*. The shape of protocone is a variable character in he ancient horses from Moldova: the studied material contains cheek teeth with undulated, concave, or notched lingual wall of protocone. The shape of protocone may be variable in different teeth of the same individual. Among the observed individual variation of tooth morphology should be mentioned also the swollen basal parts of cheek tooth crowns found in some of individuals from Novosiolovca-1.

Table 6

Measurements of horse postcranial remains from Novosiolovca-1 (Nv.) and Olanesti (Ol.)

Specimen	L	DLM prox.	DAP prox.	DLM diaph.	DLM dist.	DAP dist.
Rd, Nv.					74.7	41.0
Tb, Nv.					76.4	46.5
Mc, Nv.	231.0	50.8	34.4	34.7	52.0	36.4
Mt, Nv.	272.0	52.6	46.3	32.0	54.2	41.7
Ph. I post, Nv.	80.1	56.0	29.0	34.4	46.9	25.9
Ph. I post, Ol.	78.3	58.0	31.6	36.1	45.5	27.6
Ph. II, ant., Nv.	43.7	51.4	30.8	45.0	51.5	27.2
Ph. II, ant., Ol.	37.3	52.6	30.5	47.2	51.2	27.3
Ph. II, ant., Ol.	39.7	58.1	31.7	47.7	52.2	26.5
Ph. II, ant., Ol.	39.1	52.8	31.3	47.0	51.7	28.3
Ph. II, post., Ol.	40.0	53.3	34.8	44.2	48.2	28.5

The metapodials are poorly represented in the studied material, however, they bring an important information on "typical" physical parameters of the Belozerka horses from Moldova or, al list, one of the buried individuals from Novosiolovca-1, which is characterized by the average height in withers (144–136 cm according to the classification of Vitt [10]) and semi-thin metacarpal bones (according to the classification of Brauner [1]). Ancient Belozerka domestic horses are characterized by relatively longer phalanxes. Probably, this is a characteristic trait of all ancient domestic horses from Eastern Europe and Northern Kazakhstan. It is necessary to mention here the particularly slender and elongated second anterior phalanxes from Novosiolovca-1 and Uch-Bash. At list, one of the sacrificed animals from Novosiolovca-1 (the individual 3) was a saddle horse; this conclusion is based on the characteristic wearing of the second upper premolar caused by a snaffle bit.

BIBLIOGRAPHY

1. *Браунер А. А.* Материалы к познанию домашних животных России. I. Лошадь курганных погребений Тираспольского уезда, Херсонской губернии. Equus Goschkewitschi, mihi // Записки Императорского общества сельского хозяйства Южной России. — Одесса, 1916. — № 86 (1).
2. *Цалкин В. И.* Домашние и дикие животные северного Причерноморья в эпоху раннего железа // История скотоводства в северном Причерноморье. МИА — М., 1960.
3. *Цалкин В. И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии. — М., 1966.
4. *Цалкин В. И.* Домашние животные восточной Европы в эпоху поздней бронзы. Сообщение 3 // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел Биологии. — М., 1972. — Т. 77 (3).
5. *Croitor R.* Domestic Horse from Early Iron Age of Crimea // Revista Arheologica — Chisinau, 2013. — Vol. 9 (2).
6. *Агульников С., Попович С., Кройтор Р.* Комплекс позднего бронзового века из с. Новоселовка // Старожитності степового Причорномор'я і Криму. Збірник наукових праць. — Запоріжжя, 2014. — Вип. 18.
7. *Opinion* 2027 (Case 3010). Usage of 17 specific names based on wild species which are pre-dated by or contemporary with those based on domestic animals (Lepidoptera, Osteichtyes, Mammalia): conserved // Bulletin of Zoological Nomenclature. — L., 2003. — Vol. 60 (1).
8. *Groves C. P.* Morphology, Habitat, and Taxonomy // Boyd, L. & Houpt, K. A. (Eds.). Przewalski's Horse: the History and Biology of an Endangered Species. — Albany, 1994.
9. *Bhattacharyya J., Slocombe D. S., Murphy D. S.* The "Wild" or "Feral" distraction. Effects of cultural understanding on management controversy over free-ranging horses (Equus ferus caballus) // Human Ecology — 2011. — Vol. 39 (5).
10. *Витт В. О.* Лошади Пазырыкских курганов // СА. — М., 1952. — Т. 16.
11. *Громова В. И.* История лошадей (рода Equus) в Старом Свете. Часть 1. Обзор и описание форм // Труды палеонтологического института — М.; Л., 1949. — Т. 17 (1).
12. *Кузьмина И. Е.* Лошади Северной Евразии от плиоцена до современности // Труды зоологического института. — СПб., 1997.
13. *Bendrey R.* New methods for the identification of evidence for bitting on horse remains from archaeological sites // Journal of Archaeological Sciences — 2007. — Vol. 34.

Резюме

Кройтор Р. *Решткі коня з пам'яток білозерської культури Південної Молдови*

У статті описані залишки зубів і кісток кінцівок стародавніх домашніх коней різного індивідуального віку з археологічних пам'яток білозерської культури Новоселівка-1 і Оланешть (Південна Молдова). Верхні щокові зуби коней характеризуються відносно довгим і мінливим за формою протоконом. Поодинокі знахідки метакарпальної та метатарсальної кісток з Новоселівки-1 характеризуються порівняно видовженими пропорціями, що наближуються до середньостатистичних значень частин стародавніх домашніх коней пізнього бронзового і раннього залізного віків Південно-Східної Європи. Пальцеві фаланги коней з Новоселівки-1 і Оланешть також характеризуються витонченими і видовженими пропорціями, особливо це стосується других передніх пальцевих фаланг з Новоселівки. В цілому кістки посткраніального скелету досліджених коней відповідають найбільш поширеному в Південно-Східній Європі напівтонконогому типу із середнім зростом у холці (144–136 см). Один з коней, що знайдений в Новоселівці-1, має на верхніх других премолярах специфічний тип зношування, залишений вудилами.

Ключові слова: домашній кінь, *Equus ferus caballus*, Молдова, білозерська культура, пізній бронзовий — ранній залізний вік.

Резюме

Кройтор Р. *Остатки лошади с памятников белозерской культуры Южной Молдовы*

В статье описаны остатки зубов и костей конечностей древних домашних лошадей различного индивидуального возраста из археологических памятников Белозерской культуры Новоселовка-1 и Оланешть (Южная Молдова). Верхние щечные зубы лошадей характеризуются относительно длинным и изменчивым по форме протоконом. Единичные находки метакарпальной и метатарсальной костей из Новоселовки-1 характеризуются сравнительно удлиненными пропорциями, сближаясь со среднестатистическими значениями древних домашних лошадей позднебронзового и раннежелезного веков Юго-Восточной Европы. Пальцевые фаланги лошадей из Новоселовки-1 и Оланешть также характеризуются утонченными и удлиненными пропорциями, особенно это касается вторых передних пальцевых фаланг из Новоселовки. В целом кости посткраниального скелета изученных лошадей соответствуют наиболее распространенному в Юго-Восточной Европе полутонконогому типу среднего роста в холке (144–136 см). Одна из лошадей, найденная в Новоселовке-1, имеет на верхних вторых премолярах специфичный тип изнашивания, оставленный удилами.

Ключевые слова: домашняя лошадь, *Equus ferus caballus*, Молдова, Белозерская культура, поздний бронзовый — ранний железный век.

Summary

R. Croitor. *Horse Remains from Belozerka Culture Monuments of South Moldova*

The article describes dental and postcranial remains of ancient domestic horses of various individual age from the archaeological monuments of Belozerla Culture Novosiolovca-1 and Olanesti (Southern Moldova). Upper cheek teeth of the horses under study are characterized by relatively long and variable in shape protocone. Single preserved metacarpal and metatarsal bones from Novosiolovca-1 are quite elongated and slender, showing a close resemblance to the mean measurement values of horse remains from Late Bronze age and Early Iron Age from Southeast Europe. Phalanxes of the ancient horses from Novosiolovca-1 and Olanesti are slender and elongated too, especially the second anterior phalanxes from Novosiolovca. Generally, the postcranial measurements of the horses under study correspond to the semi-thin legged type with "average height" in withers (144–136 cm). One of horse individuals from Novosiolovca-1 shows a specific wear of second upper molar caused by a snaffle bit.

Key words: domestic horse remains, *Equus ferus caballus*, Moldova, Belozerka Culture, Late Bronze — Early Iron Age.

В. С. Аксенов

Реконструкция костюма аланских женщин по археологическим материалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхний Салтов

Костюм любого человека представляет собой своеобразную систему, состоящую из одежды, головного убора и обуви, отражающих его утилитарную функцию, и убранства (аппликаций, вышивок, нашивок, украшений, амулетов и т. п.), которое превращает утилитарный комплекс в образно-семантическую систему [1, с. 46–47]. При этом, как свидетельствуют данные этнологии, именно набор личных украшений выступает зримым знаком-символом этнического, половозрастного, социального, экономического положения человека в обществе [2, с. 5–6]. Выполненные мастерами для конкретных людей согласно определенной моде и в соответствии с народными традициями наборы личных украшений, найденные в катакомбных погребениях салтово-маяцкой культуры бассейна Северского Донца, могут дать представление о костюме разных социально-имущественных групп аланского населения. Что же касается собственно плечевой одежды, то у аланского населения VIII—IX вв. она довольно четко разделялась на мужскую и женскую вне зависимости от возраста, тогда как исподнее и обувь были относительно единообразны [1, с. 84; 3, с. 87–88]. При этом главные черты каждого вида одежды повторялись, независимо от имущественного статуса их владельцев — будь то крытый драгоценным шелком костюм вождя или залатанное «рубище» из мешковины [3, с. 88]. Одежда аланского населения достаточно хорошо изучена благодаря находкам хорошо сохранившихся экземпляров в ряде памятников VIII—IX вв. Северного Кавказа [4; 5; 6], этнографическим коллекциям [7] и изобразительным источникам [1, с. 90]. Это существенно облегчает реконструкцию костюма женщин аланского населения лесостепного варианта салтоаво-маяцкой культуры. Для реконструкции нами использованы материалы, полученные в результате исследований Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (ВСМ-IV).

В качестве своеобразного эталона нами будет использован набор украшений из богатого погребения женщины 20–25 лет, совершенного в катакомбе № 119 ВСМ-IV [8, с. 291–296, рис. 3: *1*, *4*, *5*, *6*]. По-видимому, в данном случае мы имеем дело с максимально полным набором украшений и оберегов женщины-матери. Это погребение выделяется и тем, что в отличии от большинства захоронений ВСМ-IV оно не подверглось преднамеренному разрушению, совершенному в действии, поэтому детали убора сохранились на местах своего первоначального расположения.

Как свидетельствуют материалы Северного Кавказа VIII—XI вв. женская плечевая одежда состояла из платья туникообразного покроя с перегибом по плечам. Рукав под прямым углом пришивался к стану. Он сужался к запястью, а его длина превышала длину руки. Платье имело горловину округлой формы, которая обшивалась

@ В. С. Аксенов, 2017

тканью, и могла быть декорирована металлическими бляшками. Застегивалось платье на левом плече. При этом пуговка располагалась сверху, а петелька — снизу. В районе плеч у горловины пришивались петли, в которые закреплялись концы ожерелья [1, прилож. I, рис. 20–21; 4, с. 43, схема 6б].

Фиксация находок на костяке женщины в катакомбе № 119 ВСМ-IV показала, что диски из раковин морского моллюска располагались чуть ниже ключиц, на обеих сторонах грудной клетки. Под дисками были зафиксированы по одной бронзовой проволочной спиралевидной пронизи. Именно эти диски с бронзовыми спиралевидными пронизями маркируют концы ожерелья, которое, как нам представляется, было вдето в пришитые на платье петли (рис. 1: *6*). Расположение таких дисков из створок морских раковин на концах ожерелий неоднократно фиксировалось в захоронениях северокавказских алан VIII—IX вв. (Мощевая Балка, Нижний Архыз) [1, с. 117, прилож. I, рис. 46]. В районе груди женщины из погребения № 119, между дисками, было зафиксированы остатки не менее трех низок бус, в состав одной из которых входили три арабские монеты, превращенные в подвески с помощью приклепанных к ним бронзовых пластинчатых петелек (рис. 1: *7*). Ожерелье состояло из 164 бусин, среди которых были представлены бусы из горного хрусталя (5 экз.), сердолика (29 экз.), янтаря (4 экз.), роговика (21 экз.), коралла (10 экз.), лазурита (8 экз.), из одноцветного (64 экз.) и многоцветного стекла (23 экз.) [8, рис. 5: *1–34*]. Еще семь монет, превращенные в подвески, располагались выше основного массива бус, образуя полукруг (рис. 1: *5*). Вероятно, данные подвески были пришиты по горловине платья. Под ожерельем в районе левого плеча женщины были зафиксированы две бронзовые пуговицы (рис. 1: *3, 4*), на которые и было застегнуто платье. Дополняла убранство шеи и верхней части груди женщины бронзовая проволочная гривна, сделанная из крученного прямоугольного в сечении дрота [8, с. 293, рис. 4: *10*].

Как свидетельствуют северокавказские материалы к петлям на одежде женщин, расположенным в верхней части груди, на цепочках или кожаных шнурках (сухожилья) могли подвешиваться различные подвески-амулеты или аксессуары (туалетные ложечки, ногтечистки и т. п.) [1, с. 123; 3, с. 95; 9, с. 111]. В погребении № 119 в петли на платье женщины, расположенные под раковинами, на тонких кожаных шнурках, вероятно, были подвешены бронзовые спиралевидные пронизи и несколько бусин. Пронизи и бусы располагались в виде вертикальных цепочек на нижних ребрах по обе стороны от позвоночного столба. Шнурок, идущий от левого плеча, заканчивался семью пронизями, тремя бисеринами синего цвета, двумя бусинами из роговика и еще одной бисериной синего цвета. Правый шнурок был украшен шестью проволочными пронизями, двумя бисеринами синего цвета, одной бусиной из роговика, одной плитчатой бусиной прямоугольной формы синего цвета и ребристой бусиной из стекла синего цвета [8, с. 296, рис. 5: *36–41*].

Специалисты по средневековому аланскому костюму отмечают, что верхняя женская одежда некогда не подпоясывалась, о чем свидетельствует отсутствие поясных наборов, поясных пряжек в женских погребениях Северного Кавказа, ходя и есть исключения из общего правила [1, с. 104]. Именно отсутствие пояса в женском костюме, по мнению З. В. Доде, демонстрирует противоположные функции в обществе женщин и мужчин, для которых пояс был обязательным атрибутом одежды [1, с. 177]. Однако фиксация предметов в районе пояса и на тазовых костях женщины в катакомбе № 119 ВСМ-IV демонстрирует, что некоторые салтовские женщины, по-видимому, подпоясывали свою одежду. В их поясном ремне, возможно, не предполагалось использование металлических деталей поясной гарнитуры (пряжек, наконечников и т. п.), наличие которых было атрибутом мужского пояса. Так, в районе пояса и на костях таза женщины из катакомбы № 119 были зафиксированы семь бронзовых литых бубенчиков (рис. 1: *8*), два бронзовых амулета в виде грифона (рис. 1: *9*), шесть бронзовых амулетов в виде всадника на грифоне (рис. 1: *10*), бронзовая штампованная туалетная коробочка плохой сохранности, бронзовая копоушка (рис. 1: *13*), бронзовый амулет в виде когтя животного (рис. 1: *12*),

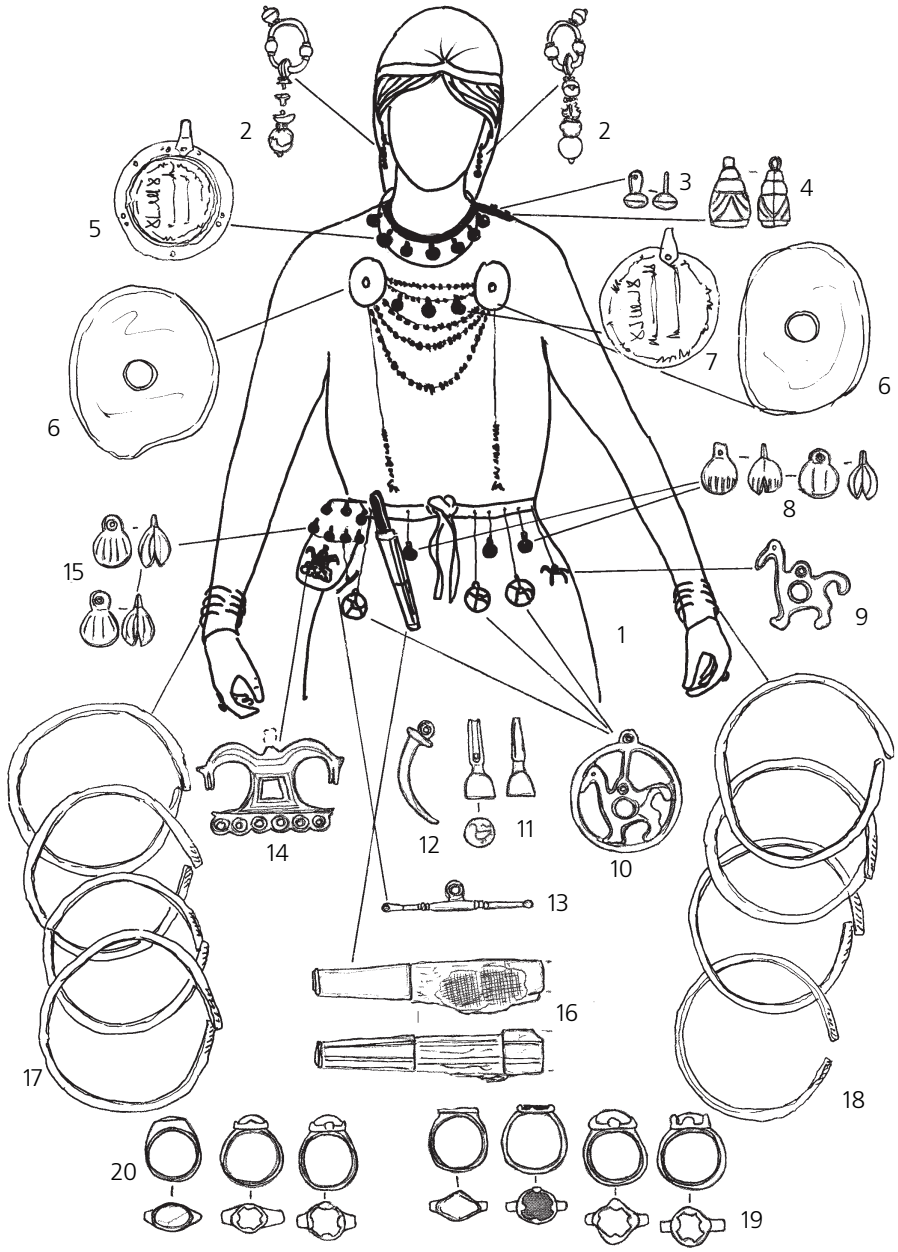


Рис. 1. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 119 (погр. № 2) ВСМ-IV:

1 – реконструкция убора, *2* – серьги, *3* – пуговицы литые, *4* – пуговицы штампованные, *5*, 7 – монета, превращенная в подвеску, 6 – диск из створки раковины морского моллюска, *8, 15* – бубенчики литые, *9* – подвеска в виде грифона, *10* – подвеска «грифон в круге», *11* – подвеска-печатка, *12* – амулет в виде когтя, *13* – копоушка, *14* – коньковая подвеска, *16* – набор ножей, *17, 18* – браслеты проволочные, *19, 20* – перстни

Fig. 1. Reconstruction of the headdress women from the catacombs of № 119 (burial № 2) VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, *2* – earrings, *3* – cast buttons, *4* – stamped buttons, *5, 7* – coin, transformed into a suspension, *6* – disc from the sash shell clam, *8, 15* – bubenchiki cast, *9* – pendant in the form of a griffin, *10* – suspension «griffin in the circle», *11* – suspension-signet, *12* – amulet in the form of a claw, *13* – coouch, *14* – ridge suspension, *16* – knife set, *17, 18* – wire bracelets, *19, 20* – rings

бронзовая подвеска-печатка с изображение утки (рис. 1: *11*), двуконьковая подвеска финно-угорского типа (рис. 1: *14*). При этом туалетная коробочка, амулет в виде когтя животного, подвеска-печатка располагались вместе, вероятно, в каком-то мешочке, который был украшен семью бронзовыми литыми бубенчиками (рис. 1: *15*), четырьмя бисеринами синего цвета, одной бусиной голубого цвета с металлической прокладкой, плитчатой бусиной прямоугольной формы из стекла синего цвета, тремя бусинами из роговика и двумя стеклянными бусинами с многоцветным орнаментом [8, рис. 5: *42–46*]. Сверху этого мешочка были зафиксированы коньковая подвеска финно-угорского типа и копоушка. Все эти вещи располагались в верхней части правой безымянной тазовой кости женщины. Рядом находился пакет из трех ножей в деревянных ножнах, скрепленных серебряными пластинчатыми оковками (рис. 1: *16*). По-видимому и сумочка с амулетами, и ножи были подвешены к поясу. Вероятно, в данном случае мы имеем дело с поясом, сделанным без использования металлических пряжек и наконечников. Именно к поясу были подвешены сумочка, набор ножей и большое количество металлических амулетов. В таком виде он имеет схожесть со «жреческим поясом», обнаруженным в одной из скальных катакомб VII—VIII вв. могильника у с. Хасаут в восточной части Карачаево-Черкесии [10, с. 297, рис. 67].

Убор женщины из катакомбы № 119 ВСМ-IV дополняли бронзовые проволочные браслеты (по четыре на каждой руке) и перстни (рис. 1: *17, 18*). На пальцах правой руки были зафиксированы три перстня, еще четыре перстня были надеты на пальцах левой руки женщины (рис. 1: *19, 20*).

Сохранность материала не позволяет что-либо сказать о головном уборе женщины. Судя по ее возрасту (20–25 лет), можно предположить, что на голове ее присутствовал головной убор в виде шапочки с накосником, полностью скрывающий волосы. Наличие такого головного убора отличало женщину-мать от девочки, молодой девушки и женщины до рождения ребенка [1, с. 106–107, 111 прилож. I, рис. 31–34; 4, с. 8, 63, рис. 5, 6]. Присутствие в катакомбе № 119 костяка ребенка 4–5 лет, помещенного в погребальную камеру позже умершей женщины, позволяет допустить их родственную связь (мать — ребенок). Единственными в нашем случае украшениями головы женщины были серебряные серьги со сложносоставными привесками, располагавшиеся по обе стороны от черепа в районе ушей (рис. 1: *2*).

Сложно что-либо сказать и об обуви погребенной женщины, ибо кости ступней ее обеих ног в камере отсутствовали. Однако обнаруженные в камере рядом с костяком женщины серебряная мелкая бляшка и наконечник ремешка [8, рис. 7: *40, 41*], позволяют предположить, что женщина была обута в невысокие чувяки, возможно, с воронкообразной верхней частью [1, с. 96], которая закреплялась в районе щиколотки ремешком с серебряными деталями. Находки мелких серебряных бляшек на костях ступней в катакомбах Верхнего Салтова — явление достаточно распространенное [11, с. 200, рис. 3: *20, 21*; рис. 4: *35–37*; с. 204, рис. 7: *10–12*; 12, с. 245, 247, рис. 3: *10, 11, 32–34*].

Таким образом, набор украшений из катакомбы № 119 позволяет реконструировать убор женщины репродуктивного возраста, принадлежавшей к социально-имущественной верхушке аланского общества (рис. 1: *1*). Украшения, также выполнявшие роль амулетов-оберегов, были размещены в двух наиболее значимых местах — в районе шеи — груди и в районе пояса — живота. Основным украшением в районе груди женщины было ожерелье из стеклянных и каменных бус, подвешенное на петлях, пришитых к плечам у горловины платья. Петли, к которым подвешивалось ожерелье, были прикрыты крупными пряжками-пуговицами из створок морских моллюсков. К этим же петлям было подвешено по одному шнурку, свисающему вниз и заканчивающемуся бронзовой пронизью с несколькими бусинами. Платье женщины было стянуто поясом, к которому были подвешены набор из разнообразных амулетов, сумочка с аксессуарами и набор ножей. На руках женщины находились съемные украшения — браслеты и перстни. Присутствие при данной женщине шейной гривны и десяти серебряных монет, превращенных в подвески, подчеркивает не рядовой характер всего костюма [8, с. 302].

У представительниц рядового населения набор украшений был в целом подобен набору из катакомбы № 119, но более бедным. Однако схема их расположения в костюме была аналогична той, что рассмотрена выше (рис. 2–4).

Так, в катакомбе № 52 (раскопки 2000 г.), содержавшей разрушенный костяк взрослой женщины 30–40 лет, был найден набор украшений, состоящий из двух пряжек-пуговиц (раковин моллюсков) (рис. 2: *2*), серебряной арабской монеты, превращенной в подвеску путем приклепывания петельки (рис. 2: *4*), стеклянных и каменных (сердолик, роговик, коралл) бус (57 экз.), бронзовых спиралевидных пронизей, двух ножей в деревянных ножнах с серебряной оковкой (рис. 2: *7*), двух бронзовых браслетов (рис. 2: *5, 6*) и одного бронзового литого бубенчика (рис. 2: *3*) [13, с. 4, табл. IV]. Бубенчик, по-видимому, использовался в качестве пуговицы платья женщины (рис. 2: *1*).

На костяке взрослой женщины 20–25 лет, подвергшемся в древности частичному разрушению, из катакомбы № 111 (раскопки 2011 г.) убранство костюма состояла из ожерелья, в состав которого входили три пряжки-пуговицы из раковины (рис. 3: *3*), шестьдесят одна бусина (стекло, сердолик, коралл, мел), бронзовые пронизи в виде звездочек из пяти шариков (2 экз.). Вероятно, к петелькам, расположенным у плеч платья на двух шнурках с правой стороны груди, были подвешены (рис. 3: *1*) бронзовая подвеска-печатка и подвеска-амулет в виде грифона в кругу (рис. 3: *6, 7*), в комплекте с бронзовыми спиралевидными пронизями, а на двух шнурках с левой стороны груди — бронзовая ворворка в виде усеченной пирамиды и подвеска-амулет колесовидного типа (рис. 3: *4, 5*). Каждую руку женщины украшали два браслета (рис. 3: *9, 10*). На костях левой руки был обнаружен перстень со стеклянной вставкой (рис. 3: *8*) [14, рис. 4, *2*; 15, с. 23–24, рис. 37, *2–31*]. Убор женщины дополняли серебряные серьги со сложносоставной привеской (рис. 3: *2*).

В погребении молодой девушки 18–20 лет (погр. № 5 катакомба № 30, раскопки 1997 г.) пряжка-пуговица из раковины (рис. 4: *4*) была обнаружена чуть выше левой безымянной тазовой кости в комплекте с двумя крупными глазчатыми бусинами (рис. 4: *8, 10*), двумя бронзовыми литыми бубенчиками (рис. 4: *5*), двумя синими бисеринами (рис. 4: *7*), двумя бусинами из роговика (рис. 4: *6, 11*), амулетом из когтя хищного животного (рис. 4: *12*) и крупной бусиной из халцедона (рис. 4: *9*) [16, рис. 1]. Вероятно, все эти вещи просто свисали на шнурках, привязанных непосредственно к петле платья у левого плеча (рис. 4: *1*). Грудь девушки украшало ожерелье из 96 бусин (стекло, сердолик, роговик, коралл, жемчуг) [16, рис. 2: *5–8, 10–18*], и включало две бронзовые арабские монеты, превращенные в подвески (рис. 4: *3*). На каждой руке девушки было надето по четыре бронзовых проволочных браслета (рис. 4: *15, 16*) и по одному серебряному перстню (рис. 4: *13, 14*). У черепа девушки были найдены серебряные серьги со сложносоставной привеской (рис. 4: *2*), на костях стоп — серебряные украшения обувных ремешков (бляшки, наконечники) и фрагменты рамчатых пряжек. Рубашка была стянута поясом с подвешенным к нему ножом в деревянных ножнах (рис. 4: *1*).

Убор костюма девушки и женщин детородного возраста был направлен за защиту их носителей от воздействия темных/потусторонних сил, и одновременно способствовал жизненному благу, символизируя идею плодородия и деторождения. Этому способствовало присутствие в уборе разнообразных стеклянных и каменных бус, бронзовых бубенчиков, когтей и клыков диких животных, которые должны были оберегать человека от воздействия темных/потусторонних сил [17, с. 111, 113–115; 18, с. 92; 19, с. 199–201; 20, с. 11–13, 28–30]. Разнообразные подвески-амулеты (колесовидные, в виде грифона, всадника на грифоне и т. п.) связываются исследователями с солярным божеством и с идеей плодородия [21, с. 144; 22, с. 40, 82]. Диски из створок морских раковин считались средством, оберегающим человека от болезней [17, с. 118; 18, с. 92; 20, с. 22–23]. По нашему мнению диски из раковин моллюсков у аланского населения бассейна Северского Донца были связаны с богиней плодородия [14, с. 65–81]. Только благодаря своей форме (круг) роль своеобразных оберегов выполняли браслеты,

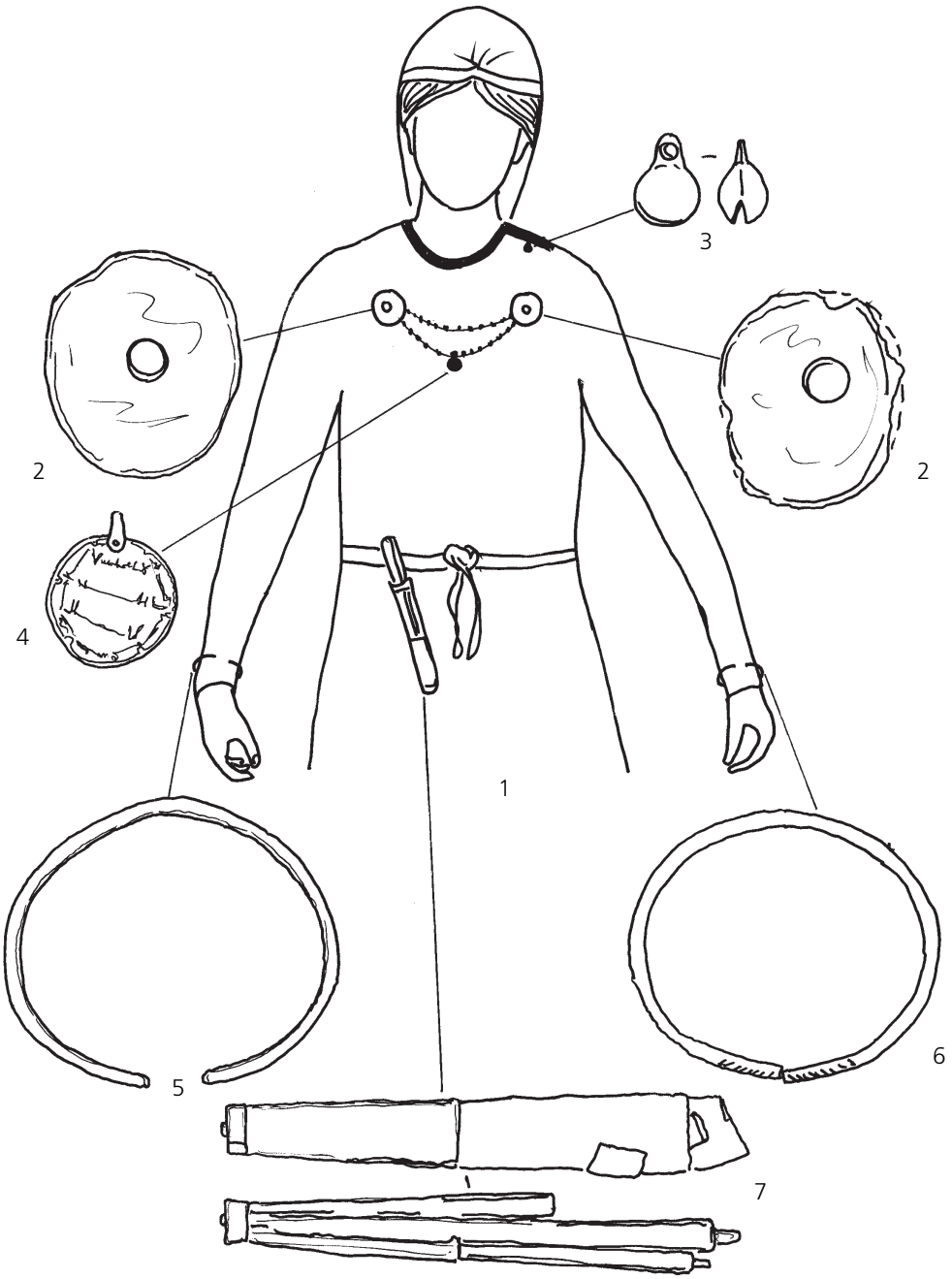


Рис. 2. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 52 ВСМ-IV:

1 – реконструкция убора, *2* – диск из створки раковины морского моллюска, *3* – бубенчик литой, *4* – монета, превращенная в подвеску, *5, 6* – браслеты проволочные, *7* – набор ножей

Fig. 2. Reconstruction of the headdress women from catacomb № 52 VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, *2* – disc from the sash shell clam, *3* – bell cast, *4* – coin, transformed into a suspension, *5, 6* – wire bracelets-set of knives, *7* – knife set

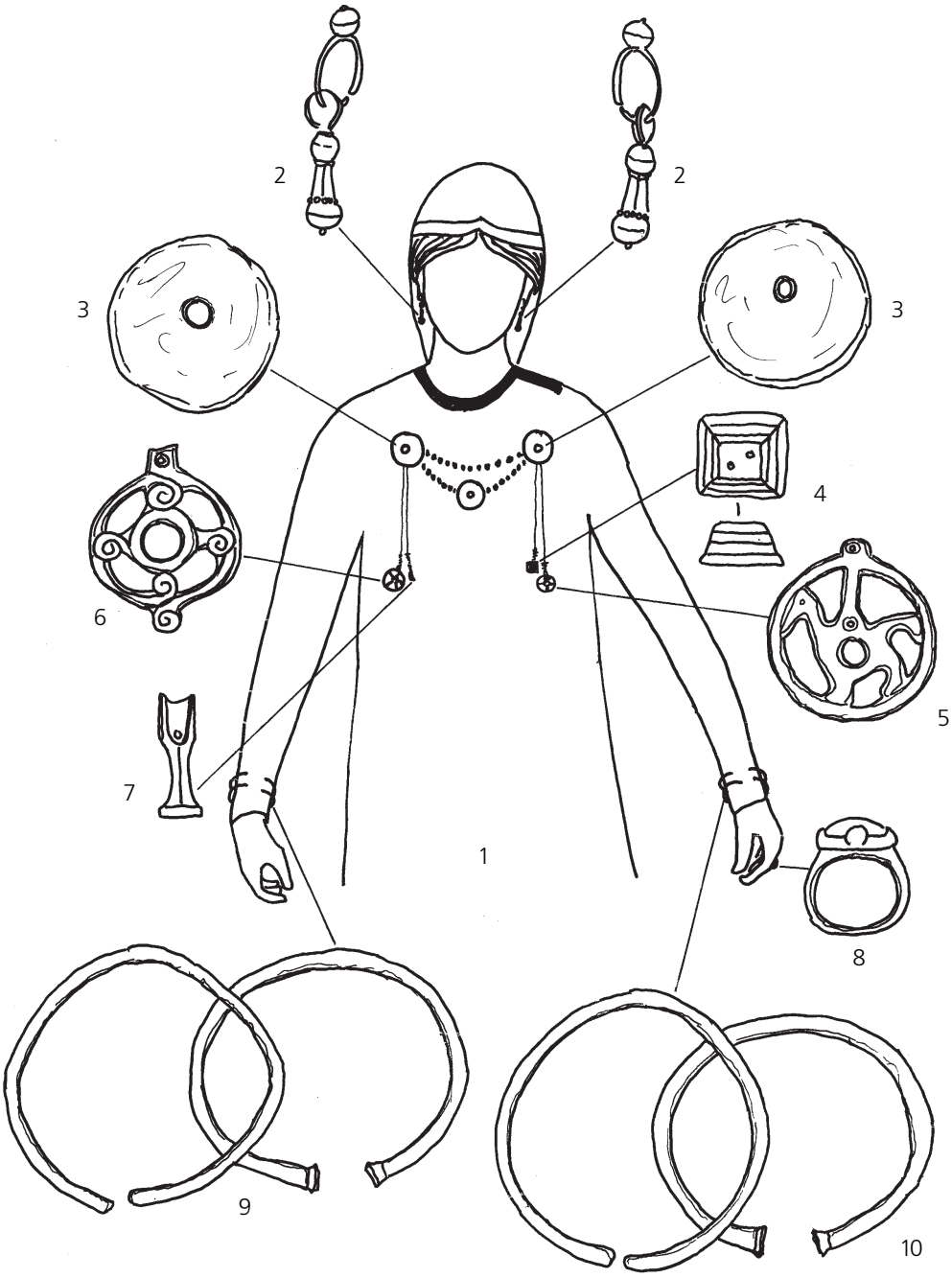


Рис. 3. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 111 (погр. № 2) ВСМ-IV:

1 – реконструкция убора, *2* – серьги, *3* – диск из створки раковины морского моллюска, *4* – ворворка, *5* – подвеска «грифон в круге», *6* – колесовидная подвеска, *7* – подвеска-печатка, *8* – перстень, *9, 10* – браслеты проволочные

Fig. 3. Reconstruction of the headdress women from catacombs N. 111 (burial № 2) VSM-IV:

1 – reconstruction of headdress, *2* – earrings, *3* – disc from the sash shell clam, *4* – vorvorka, *5* – suspension «griffin in a circle», *6* – wheel-like suspension, *7* – suspension-signet, *8* – signet ring, *9, 10* – wire bracelets

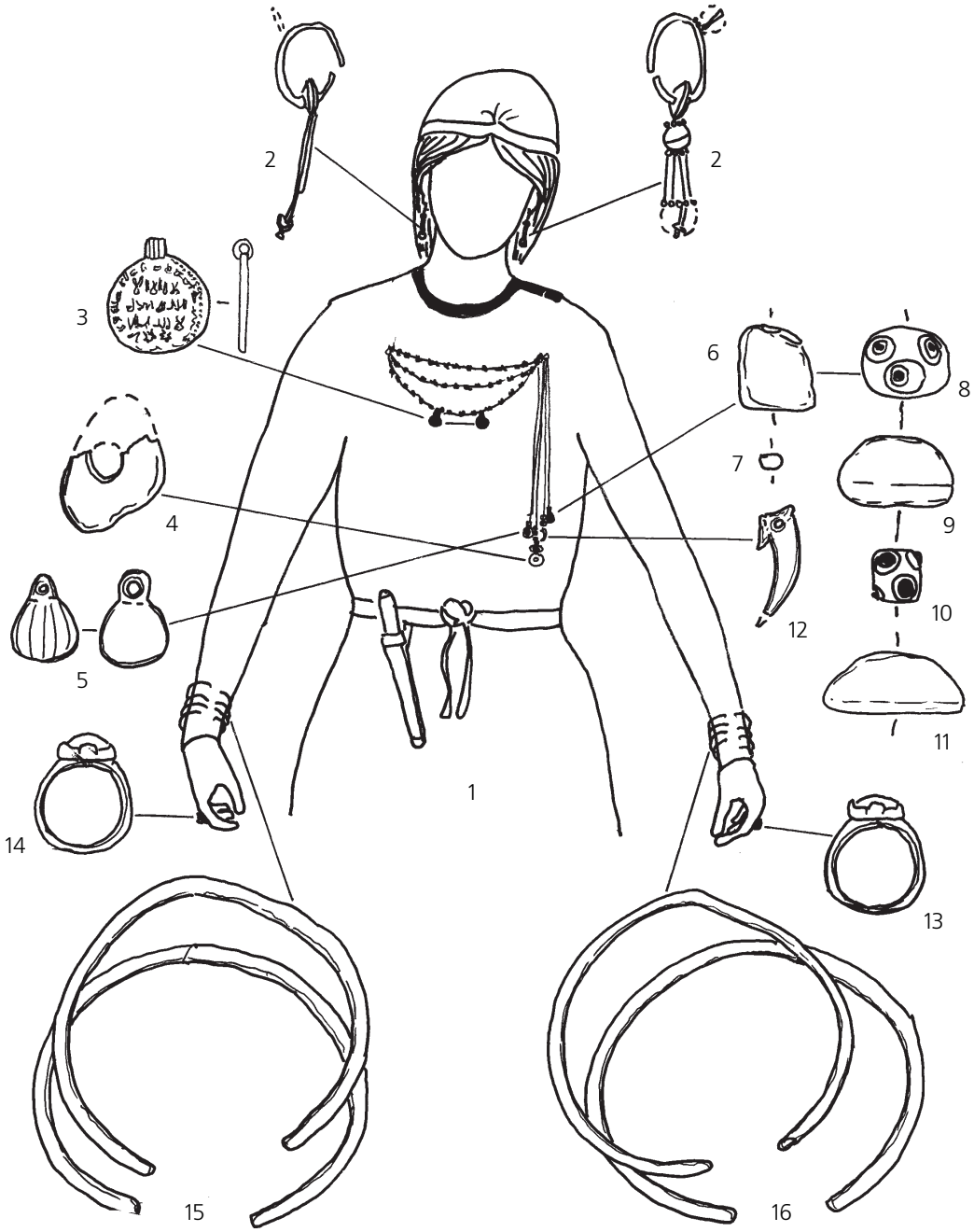


Рис. 4. Реконструкция убора женщины из катакомбы № 30 (погр. № 5) ВСМ-IV

1 – реконструкция убора, *2* – серьги, *3* – медная монета, превращенная в подвеску, *4* – диск из створки раковины морского моллюска, *5* – бубенчики литые, *6–11* – бусы, *12* – амулет из когтя животного, *13, 14* – перстни, *15, 16* – браслеты проволочные

Fig. 4. Reconstruction of the headdress women from the catacombs of № 30 (burial № 5) VSM-IV

1 – reconstruction of headdress, *2* – earrings, *3* – copper coin, transformed into a suspension, *4* – disc from the sash shell clam, *5* – bubenchiki cast, *6–11* – beads, *12* – amulet of the claw of an animal, *13, 14* – rings, 15, *16* – wire bracelets

перстни и кольца на руках женщин [18, с. 90; 20, с. 34–35]. При этом камни в перстнях у некоторых народов толковались как всевидящее стерегущее око и наделялись охранительными свойствами [18, с. 91]. Серебряные монеты, используемые в ожерелье, по-видимому не только свидетельствовали о материальном благосостоянии женщины и ее семьи, как это было, например, у русов по свидетельству ибн-Фадлана [23, с. 141], но и были призваны обеспечить ее благополучие. Серебро у многих народов мира отождествлялось с белым цветом — одним из универсальных символов культуры, за которым было зачастую закреплено значение жизни («белый свет»), добра, чистоты, неба, женского начала [24, с. 425].

Таким образом, весь набор украшений, присутствующий в костюме аланских женщин должен был оградить их хозяек от воздействия вредоносных сил, заручиться поддержкой светлых высших сил. Присутствие в костюме женщин всех выше упомянутых украшений и амулетов должно было способствовать защите и повышению детородной функции женщин, а также здоровью их детей. Именно этим и объясняется наличие в костюме аланских женщин и детей большого количества самых разнообразных амулетов и оберегов [25, с. 13, 16; 26, с. 87, 93–94]. Примечательно, что каждый из рассмотренных уборов женского костюма является неповторимым в своем роде и типичным для конкретного индивида. При общей структурной схожести каждый из реконструированных вариантов костюма несет свои индивидуальные черты, что обусловлено, по-видимому, разным возрастом носивших их женщин, их разным социальным и имущественным положением в обществе. На богатство и разнообразие убранства костюма несомненно влияло наличие или отсутствие детей у женщины, а также их количество. В целом же характер убора женского костюма из захоронений катакомбного могильника у с. Верхний Салтов (ВСМ-IV) свидетельствует о принадлежности индивида к конкретной этнической общности — аланам, выходцам из Северо-Западных районов Северного Кавказа.

ЛИТЕРАТУРА:

1. *Доде З. В.* Костюм населения Северного Кавказа VII—XVII веков (Реконструкция этносоциальной истории). — Дис. докт. ист. наук. — М., 2007.
2. *Яценко С. А.* Костюм древней Евразии (ираноязычные народы). — М., 2006.
3. *Иерусалимская А. А.* Некоторые вопросы изучения раннесредневекового костюма (по материалам анализа одежды адыго-аланских племен VIII—IX вв.) // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). — Т. 1. — Самара, 2001.
4. *Иерусалимская А. А.* Кавказ на шелковом пути. Каталог временной выставки. — СПб., 1992.
5. *Иерусалимская А. А.* Мощевая Балка. Необычный археологический памятник на Северокавказском шелковом пути. — СПб., 2012.
6. *Доде З. В.* Средневековый костюм народов Северного Кавказа. Очерки истории. — М., 2001.
7. *Студенецкая Е. Н.* Одежда народов Северного Кавказа. XVIII—XX вв. — М., 1989.
8. *Аксенов В. С.* Богатое катакомбное захоронение с Верхне-Салтовского IV могильника // Древности, 2014–2015: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Вып. 13. — Х., 2015.
9. *Орфинская О. В.* Аланский костюм VIII—IX вв. (по материалам из скальных могильников Карачаево-Черкесии) // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (из истории костюма). — Т. 1. — Самара, 2001.
10. *Кузнецов В. А.* Очерки истории алан. — Владикавказ, 1992.
11. *Аксенов В. С.* К вопросу интерпретации разрушенных скелетов в катакомбных захоронениях салтово-маяцкой культуры // Древности, 2013: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Вып. 12. — Х., 2013.
12. *Аксенов В. С., Лаптев А. А.* К вопросу о славяно-салтовских контактах (на примере катакомбы № 93 могильника у с. Верхний Салтов) // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. —Вып. 8. — Х., 2009.
13. *Аксенов В. С.* Отчет об археологических исследованиях Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника в 2000 г. — Харьков, 2000 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.

14. *Аксенов В. С.* Пуговицы из раковины моллюсков у аланского населения салтово-маяцкой культуры (по материалам катакомбных могильников бассейна Северского Донца) // Хазарский альманах. — Т. 13. — М., 2015.
15. *Аксенов В. С.* Отчет об археологических исследованиях раннесредневековых памятников экспедицией Харьковского исторического музея в 2011 г. — Харьков, 2012 // Архив ХИМ имени Н. Ф. Сумцова.
16. *Аксенов В. С.* Исследования Верхне-Салтовского катакомбного могильника в 1997 г. // Древности, 1997–1998: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1998.
17. *Столба В. Ф.* Бусы, подвески и амулеты: вера в сглаз у греческого и местного населения Таврики // ВДИ. — 2009. — № 2.
18. *Тохтабаева Ш. Ж.* Семантика казахских украшений // СЭ. — 1991. — № 1.
19. *Шиллинг Е. М.* Кубачинцы и их культура. Историко-этнографические этюды // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. — Т. VIII. — М.; Л., 1949.
20. *Чурсин Г. Ф.* Амулеты и талисманы кавказских народов. — Махачкала,1929.
21. *Ковалевская В. Б.* Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура. Alanica, III. — Владикавказ, 1995.
22. *Флерова В. Е.* Образы и сюжеты мифологии Хазарии. — М., 2001.
23. *Ковалевский А. П.* Книга Ахмеда ибн-Фадлана о путешествии его на Волгу в 921–922 гг.: Статьи, переводы и комментарии. — Х., 1956.
24. *Злыднева Н. В.* Белый цвет в русской культуре XX века // Признаковое пространство культуры. — М., 2002.
25. *Албегова З. Х.* К вопросу о религии алан (по амулетам салтово-маяцкой культуры) // Базы данных в археологии. — М., 1995.
26. *Албегова З. Х.* Палеосоциология аланской религии VII—IX вв. (по материалам амулетов из катакомбных погребений Северного Кавказа и Среднего Дона) // РА. — 2001. — № 2.

Резюме

Аксьонов В. С. *Реконструкція костюму аланських жінок за матеріалами ранньосередньовічного катакомбного могильника біля с. Верхній Салтів*

У роботі надана реконструкція костюму жінок, що мешкали у межах лісостепового варіанту салтово-маяцької культури та належали до аланського етносу. Для реконструкції були використані матеріали чотирьох найбільш репрезентативних за знахідками та за добрим станом збереження поховальних комплексів Верхньо-Салтівського IV катакомбного могильника (ВСМ-IV). Для більш певного відтворення костюму верхньосалтівських жінок були використані матеріали, що стосувались одягу і головних уборів, які походять з могильників VIII—XI ст. Північного Кавказу, де предмети одягу внаслідок природних умов добре збереглися (Мощева Балка, Нижній Архиз). У вбранні жінок репродуктивного віку з катакомб ВСМ-IV є різноманітні прикраси, частина яких повинна була захищати від дії потойбічних/темних сил, тоді як друга частина — була пов'язана зі світлими силами та з ідеєю плодючості. Реконструйоване вбрання кожної жінки з катакомб ВСМ-IV має певні індивідуальні риси, що обумовлено, вірогідно, різним віком жінок, різницею їх соціального та майнового становища, наявністю або відсутністю дітей.

Ключові слова: салтово-маяцька культура, катакомба, алани, костюм, амулети.

Резюме

Аксенов В. С. *Реконструкция костюма аланских женщин по археологическим материалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхний Салтов*

В работе предложена реконструкция костюма женщин, проживавших на территории лесостепного варианта салтово-маяцкой культуры и принадлежавших к аланскому

этносу. Для реконструкции были привлечены материалы из четырех наиболее репрезентативных по находкам и хорошо сохранившихся погребальных комплексов Верхне-Салтовского IV катакомбного могильника (кат. № 30, 52, 111, 119). Для достоверности воспроизведения костюма верхнесалтовских женщин были привлечены материалы относящиеся к одежде и головным уборам, которые были получены из могильников VIII—XI вв. Северного Кавказа, где предметы одежды в силу природных условий хорошо сохранились (Мощевая Балка, Нижний Архыз). В убранстве костюма женщин из катакомб ВСМ-IV присутствует большое количество разнообразных личных украшений, часть которых должна была охранять человека от воздействия злых/потусторонних сил. Другая часть украшений, являясь символами светлых сил, была связана с идеей плодородия, благоденствия и изобилия, и была направлена на сохранение и приумножение детородной функции молодых женщин. Реконструируемое убранство костюма каждой женщины из катакомб ВСМ-IV при общей схожести имеет индивидуальные черты, что обусловлено, по-видимому, их разным возрастом, социальным и имущественным положением, наличием или отсутствием детей.

Ключевые слова: салтово-маяцкая культура, катакомба, аланы, костюм, амулеты.

Summary

V. Aksyonov. *Reconstruction of Dress of the Alanian Women in Accordance with the Archeological Materials of the Early Middle-ages Catacombal Cemetery in Verkhnii Saltov Village*

This paper proposes reconstruction of dress of women, who lived in the territory of forest-steppe version of the Saltovo-Mayaki culture and belonged to the Alanian ethnos. For the purposes of reconstruction, there were involved materials of four the most representational among the findings and in a good state of preservation burial complexes of the IVth catacombal cemetery in Verkhnii Saltov Village (catacombs number 30, 52, 111, 119). To make the results of the reconstruction of dress of women from Vekhnii Saltov more authentic, the materials regarding the cloths and headdresses were engaged, obtained from the cemetery of the VIII—XI centuries from the Northern Caucasia, where pieces of clothing because of the natural environment withstood the ravages of time (Moshchevayay Balka, Nizhnii Arkhyz). There is a great number of personal accessories in the decoration of the dress for women of the childbearing age from the catacombs VSM-IV. Some of the accessories were designed to protect the owner against the influence of malign/ supernatural forces. The others, being symbols of positive force, associated with the idea of fertility, welfare, and richness, were focused on the preservation and augmentation of reproductive performance of young women. The decoration of the dress, being reconstructed, of every woman from the catacombs VSM-IV, along with similarity, has individual peculiarities, that is, belike, due to different age, social and material position, parental status.

Key words: Saltovo-Mayaki culture, catacomb, Alans, dress, amulets.

S. V. Dyachkov

Trebuchets of the Genoese Fortress of Cembalo (XIV—XV centuries)

In XIV—XV centuries, the Cembalo colony was an important link of the transcontinental trade way the activity of which in Pontic Area was controlled by the Genoese Naval Republic. The Cembalo fortress provided the protection of Genoese interests in the North-West Crimea (fig. 1).

In 2005–2011 the joint expedition of Kharkov National University and National Park "the Chersonesos Tauride" conducted the excavations of defensive co nstructions of Consul's Castle of Cembalo Genoese fortress in Balaklava (Sevastopol) [1; 2, c. 153–154]. The expedition studied the archaeological beddings of internal space of tower No. 8 located on the steep Northern slope of Kastron mountain (height — 57 m above the sea level) (fig. 2), and А, Б, В sites neighboring to the tower.

The results of excavations showed that in XIV—XV c. the tower was part of the complex of "the Consul's Castle" fortifications. After the seizure of Cembalo by Ottoman Turks in 1475, tower No. 8 and the territory neighboring to it (А, Б, В sites) underwent reconstruction and

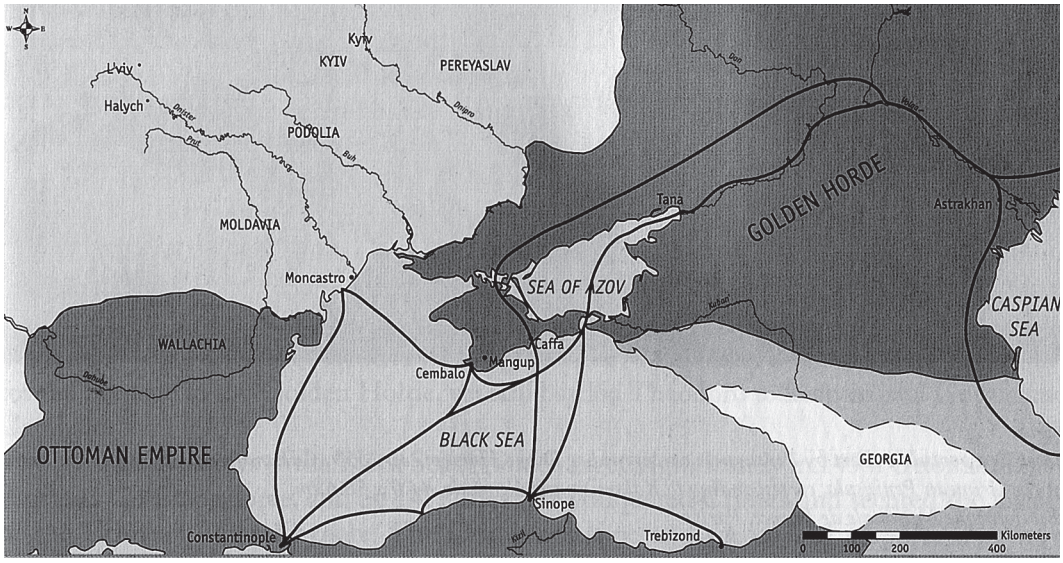


Fig. 1. Trade routes throughout the Black Sea in XIV—XV c. [27, p. 41]

Рис. 1. Торговые пути в Причерноморье XIV—XV вв. [27, p. 41]

@ S. V. Dyachkov, 2017

Fig. 2. Kastron mountain. Place of excavations. Western view

Рис. 2. Гора Кастрон. Участок раскопок. Вид с запада

were used for household needs. Thus, in the construction history of this fortress area two main construction periods are distinguished: "Genoese" (XIV—XV) and "Ottoman" (XV—XVII).

Curtain wall No. 6 is on sites Б and В that connected the towers closing the way to the castle from the North. On site Б the remains of walls No. 7, 8 and 9 were discovered; they formed room No. 3 (about 25 m^2). This room was constructed in "Ottoman" period in Cembalo history (end of XV—XVI). Here, traces of wooden supporting constructions were found, they indicate that this room was covered with a light shelter. The Turkish traveler of XVII c., Evlia Cheleby, mentioned, that small military settlements and other constructions [3, с. 70–73] were squeezed on the Northern slope of Kastron mountain. The main peculiarity of walls No. 7, 8 and 9 of room No. 3 was that they were laid mainly from stone balls (fig. 3). Behind the wall of room No. 3 a chaotic pile of stone balls (36 shots) was discovered, probably, they were moved here during the construction of the room No. 3 (fig. 4).

The area of room No. 3 was covered by a thick, well beaten floor of hardened clay. Near wall No. 8, two meters from the Eastern corner of room No. 3, a fireplace was constructed. It was of a rounded form about one meter in diameter and was covered with small and middle raw stone with the height up to 0.15 m above the floor level. The internal volume of the fireplace was filled with dense laid fragments of cast-iron cannon balls. The fragments of the balls were covered with the layer (2–3 cm thickness) of dense clay. This construction of the fireplace, perhaps, provided high heat emission. There are no doubts that room No. 3 was used for household needs in "Ottoman times". It is also obvious, that room No. 3 was located on the site constructed near tower No. 8 as far back as in Genoese times (fig. 5).

208 stone shots (table 1) were discovered near tower No. 8 as a result of demounting of walls No. 7, 8 and 9 and excavations on sites Б and В. This impressive "armoury" was intended to be used in case of attack and siege of Cembalo fortress.

Stone balls for torsion-machines are rather often met [4, с. 341–358; 5, с. 157] on the territory of medieval relics. However, shots for powerful throwing machines of trebuchet type have been discovered for the first time in such quantity.

Table 1

Throw shots from Cembalo (XIV—XV)
("Consul's Castle", Tower № 8, sites Б & В)

No	Weight of shot (kg)	Form of shot	Diameter (cm)	Circle (cm)	Stone
1.	24,9	Sphere	27	86	Marble limestone
2.	56,7	Sphere	33,5	111	Marble limestone
3.	34,9	Ellipsis	34/28,5	100/84	Diorite
4.	28,5	Sphere, cut off the segment	27	89	Marble limestone
5.	23,5	Ellipsis	24,5	91/82	Marble limestone
6.	33,2	Sphere	28	99	Marble limestone
7.	36,8	Sphere, cut off the segment	32,5	102	Marble limestone
8.	30,1	Sphere, cut off the segment	28	91	Marble limestone
9.	29,2	Sphere	28	88	Marble limestone
10.	17,6	Sphere, cut off the segment	26	80	Marble limestone
11.	42,5	Sphere	32	102	Marble limestone
12.	22,8	Ellipsis	28/20	92/80	Marble limestone
13.	68,8	Ellipsis	43/32	121/101	Diorite
14.	47,2	Sphere	30	105	Marble limestone
15.	34,7	Sphere, cut off the segment	28	96	Marble limestone
16.	21	Sphere	26,5	85	Marble limestone
17.	18,6	Sphere	23	76	Marble limestone
18.	42,3	Sphere	31,5	102	Marble limestone
19.	35,5	Sphere	29	93	Marble limestone
20.	52,3	Sphere, cut off the segment	30	110	Marble limestone
21.	24,1	Sphere, cut off the segment	28,5	98	Marble limestone
22.	22,3	Sphere	25,5	82	Marble limestone
23.	31,2	Sphere	30	97	Marble limestone
24.	31,2	Sphere	26,5	93	Marble limestone
25.	30,6	Sphere, cut off the segment	28,5	93	Marble limestone
26.	12	Ellipsis	22/18,5	70/60	Marble limestone
27.	46,8	Sphere	32,5	104	Marble limestone
28.	26,1	Sphere	26	86	Marble limestone
29.	20,3	Sphere, half of shot	27	91	Marble limestone
30.	53,3	Sphere	34,5	110	Marble limestone
31.	28	Sphere	27	88	Marble limestone
32.	22,1	Sphere	24	81	Marble limestone
33.	25	Ellipsis	33/21,5	91/75	Marble limestone
34.	32,7	Sphere	30	96	Marble limestone
35.	24,4	Sphere	28	87	Marble limestone
36.	11,9	Ellipsis	29/14,5	73/61	Marble limestone
37.	20,6	Sphere, cut off the segment	26	81	Marble limestone

38.	28	Sphere, cut off the segment	28	89	Marble limestone
39.	39,7	Sphere, cut off the segment	31,5	100	Marble limestone
40.	24,5	Ellipsis	29/22	87/80	Marble limestone
41.	34,3	Ellipsis	31/24	98/86	Marble limestone
42.	38,5	Sphere	33	101	Marble limestone
43.	33,5	Sphere, cut off two segments	31,5	97	Marble limestone
44.	34,8	Ellipsis	32/22	97/88	Marble limestone
45.	20,6	Ellipsis	26/21	84/75	Marble limestone
46.	34,9	Sphere, cut off two segments	29	96	Marble limestone
47.	35,7	Sphere	39,5	93	Marble limestone
48.	15,7	Ellipsis	28/18	81/67	Marble limestone
49.	13,6	Ellipsis	29/16	79/57	Marble limestone
50.	22,6	Ellipsis	31/28,5	85/74	Marble limestone
51.	28,8	Sphere	27,5	86	Marble limestone
52.	21,8	Sphere	35	107	Marble limestone
53.	70,1	Sphere	37,5	120	Marble limestone
54.	43,8	Sphere, cut off two segments	38	102	Marble limestone
55.	35,7	Sphere	30,5	95	Marble limestone
56.	40,3	Ellipsis	34,5/28	104/91	Marble limestone
57.	10,2	Ellipsis	14,5/16	67/56	Marble limestone
58.	14,8	Ellipsis	26/18,5	77/65	Marble limestone
59.	31,4	Sphere	30,5	95	Limestone
60.	45,1	Sphere	31,5	102	Marble limestone
61.	51	Sphere, cut off the segment	36	112	Marble limestone
62.	34	Sphere	29	91	Marble limestone
63.	47	Sphere, cut off the segment	33	103	Marble limestone
64.	33,5	Sphere, cut off the segment	31	93	Marble limestone
65.	17,1	Ellipsis	26/17,5	80/68	Marble limestone
66.	31,2	Ellipsis	38/28	98/69	Marble limestone
67.	29,2	Sphere	31	100	Limestone
68.	29,6	Sphere, cut off the segment	31	97	Marble limestone
69.	41,3	Ellipsis	37/26	104/84	Diorite
70.	35,5	Sphere	30	112	Limestone
71.	22,9	Sphere	26,5	87	Marble limestone
72.	25,8	Sphere	27	98	Limestone
73.	17,6	Sphere, half off shot	34	108	Limestone
74.	31	Sphere	34,5	92	Marble limestone
75.	26	Sphere	28,5	88	Marble limestone
76.	28,7	Sphere, cut off the segment	30,5	99	Limestone
77.	31,3	Sphere, cut off two segments	29	94	Marble limestone
78.	32	Sphere	30	93	Diorite
79.	33,9	Sphere, cut off two segments	30	94	Marble limestone
80.	39,9	Sphere	30,5	113	Limestone
81.	61,2	Sphere	40	117	Marble limestone

82.	68,2	Sphere	39,5	126	Marble limestone
83.	62,6	Ellipsis	42,5/31	120/102	Diorite
84.	53	Sphere	38	122	Limestone
85.	21,3	Ellipsis	25/19	85/73	Marble limestone
86.	72,9	Sphere, cut off the segment	40	123	Marble limestone
87.	39,1	Sphere, cut off the segment	31	99	Marble limestone
88.	61,7	Sphere	34	108,5	Marble column drum
89.	60,6	Ellipsis	39/28	118/102	Diorite
90.	60,9	Ellipsis	39,5/34	118/102	Diorite
91.	12,8	Ellipsis	27/17	77/63	Marble limestone
92.	35,8	Sphere	30	94	Marble column drum
93.	71,9	Sphere	37,5	122	Marble limestone
94.	41	Ellipsis	36/30	106/93	Diorite
95.	14,5	Sphere, cut off the segments	26	82	Limestone
96.	55,7	Ellipsis	36/29	112/102	Diorite
97.	64,3	Sphere	36,5	110	Marble column drum
98.	16,3	Ellipsis	26/18	78/71	Marble limestone
99.	52,5	Ellipsis	40/31	115/93	Diorite
100.	67,6	Sphere	34,5	113	Marble column drum
101.	32,9	Sphere, cut off the segment	28	92	Marble limestone
102.	32,9	Sphere	31	92	Marble limestone
103.	49,9	Sphere, cut off the segment	36	109,5	Marble limestone
104.	39,6	Sphere	30	86	Marble limestone
105.	29,1	Sphere, cut off two segments	29	94	Marble limestone
106.	53,9	Sphere	33	107	Marble limestone
107.	33,8	Sphere, cut off two segments	29,5	94	Marble limestone
108.	34,8	Sphere, cut off two segments	28	95	Marble limestone
109.	10,3	Ellipsis	23	66	Marble limestone
110.	29,9	Sphere, cut off two segments	29,5	92	Marble limestone
111.	11,8	Ellipsis	29,5	77	Marble limestone
112.	16,7	Sphere	27	80	Marble limestone
113.	113	Ellipsis	19,5/15	60/53	Diorite
114.	40,1	Ellipsis	29,5/25	102/87	Diorite
115.	32,7	Sphere, cut off two segments	30/26	96	Marble limestone
116.	19,9	Sphere, cut off two segments	22/21	78/77	Marble limestone
117.	12,8	Ellipsis	23,5/18	74/60	Marble limestone
118.	29	Ellipsis	31/26	94/86	Marble limestone
119.	34,5	Sphere, cut off the segment	27	92	Marble limestone
120.	32	Sphere, cut off two segments	30	95	Marble limestone
121.	29,9	Sphere	26	88	Marble limestone
122.	46,4	Sphere, cut off two segments	36	112	Limestone
123.	33,4	Sphere, cut off two segments	29,5	93	Marble limestone
124.	33	Sphere	32	95	Marble limestone
125.	36,5	Sphere, cut off the segment	30,5	95	Marble limestone

126.	28,8	Sphere, cut off two segments	31,5	99	Limestone
127.	19,7	Sphere	28,5	95	Limestone
128.	53	Sphere, cut off two segments	33,5	107	Marble limestone
129.	29,9	Sphere, cut off two segments	31	93	Marble limestone
130.	68,6	Sphere, cut off two segments	39,5	122	Marble limestone
131.	63,8	Ellipsis	44,5/30	119/97	Diorite
132.	62	Sphere, cut off two segments	30	117	Marble limestone
133.	66,7	Sphere	38	119	Marble limestone
134.	35,5	Sphere	31	97	Marble limestone
135.	76,6	Sphere, cut off the segment	38	118	Marble limestone
136.	29,3	Sphere, cut off two segments	31	99	Limestone
137.	25,2	Sphere, cut off two segments	25	86	Marble limestone
138.	20,4	Ellipsis	28/21	84/74	Marble limestone
139.	22	Sphere, cut off the segment	25,5	80	Marble limestone
140.	29,1	Sphere, cut off two segments	28	89	Marble limestone
141.	11,9	Sphere	21,5	68	Marble limestone
142.	24,6	Sphere	27	87	Marble limestone
143.	50	Sphere	37/31,5	109/96	Diorite
144.	45	Sphere, cut off two segments	33,5	105	Marble limestone
145.	25,3	Sphere	30	97	Limestone
146.	27,7	Sphere, cut off two segments	28,5	89	Marble limestone
147.	59,6	Sphere	35,5	112	Marble limestone
148.	30,5	Sphere	32	98	Marble limestone
149.	24	Sphere	28	92	Limestone
150.	48	Sphere	33	103	Limestone
151.	23,1	Ellipsis	28,5/19	90/76	Marble limestone
152.	36,6	Sphere, cut off the segment	30	100	Marble limestone
153.	36,6	Sphere, cut off the segment	34	102	Marble limestone
154.	31,6	Sphere	32	102	Limestone
155.	42,8	Ellipsis	36,5/25	113/101	Marble limestone
156.	42,8	Sphere	32,5	103	Marble limestone
157.	26,4	Sphere	32/22,5	92/76	Marble limestone
158.	32	Sphere, cut off the segment	30,5	95	Marble limestone
159.	35,2	Sphere, cut off two segments	31	100	Marble limestone
160.	61	Sphere	43/25	124/106	Diorite
161.	43,5	Sphere, cut off the segment	35	113	Limestone
162.	41,6	Sphere	36/24	108/91	Diorite
163.	64,1	Sphere	36	114,5	Marble column drum
164.	59,3	Sphere, cut off the segment	37	117	Marble limestone
165.	69,1	Sphere	38,5	118	Marble limestone

166.	55,5	Ellipsis	42/26,5	120/95	Diorite
167.	69,2	Ellipsis	48/29	130/99	Diorite
168.	53,4	Sphere	35	109	Marble limestone
169.	50,8	Sphere	36	110	Marble limestone
170.	76,7	Sphere	38,5	123	Marble limestone
171.	48	Sphere, cut off the segments	33	107	Marble limestone
172.	40,5	Sphere, cut off the segment	30,5	111	Limestone
173.	35,1	Sphere, cut off the segment	30,5	97	Marble limestone
174.	15,7	Ellipsis	27,5/16	84/66	Marble limestone
175.	38	Sphere, cut off two segments	32,5	100	Marble limestone
176.	56,1	Sphere	31,5	103,5	Marble column drum
177.	50,2	Sphere, cut off the segment	33,5	109	Marble limestone
178.	56	Sphere, cut off the segment	34,5	111	Marble limestone
179.	51,5	Sphere	35,5	113	Diorite
180.	50,5	Sphere	39	113	Diorite
181.	29,3	Sphere	28,5	91	Marble limestone
182.	30,9	Sphere, cut off the segment	29,5	91	Marble limestone
183.	31,9	Ellipsis	30,5/23	95/84	Diorite
184.	21,7	Sphere, cut off the segment	30,5	92	Limestone
185.	35	Sphere	35	108	Marble limestone
186.	32,7	Sphere, cut off the segment	28,5	96	Marble limestone
187.	34	Sphere, cut off two segments	28	94	Marble limestone
188.	31	Sphere	31,5	91	Marble limestone
189.	22,3	Sphere	31	97	Marble limestone
190.	44,3	Sphere	33,5	109	Marble limestone
191.	37,7	Sphere	31,5	96	Diorite
192.	44,5	Sphere	33	103	Marble limestone
193.	16,5	Sphere	34	103	Limestone
194.	50,6	Ellipsis	40,5/25	116/91	Diorite
195.	57	Sphere, cut off two segments	35,5	115	Marble limestone
196.	74,4	Sphere	40	130	Marble limestone
197.	30,9	Sphere	30	92	Marble limestone
190.	36,1	Sphere	35	108	Limestone
190.	104,7	Sphere	42,5	140	Marble limestone
200.	5,7	Ellipsis	21/15,5	60/52	Diorite
201.	35,6	Sphere	24	94	Marble limestone
202.	32,6	Ellipsis	27/36	100/81	Diorite
203.	60,4	Sphere, cut off the segment	39	117	Marble limestone
204.	4,5	Sphere	17,5	55	Limestone
205.	20,6	Sphere	23	78	Marble column drum
206.	10	Sphere	33,5	96	Limestone
207.	32,8	Ellipsis	37,5/25	96	Marble limestone
208.	18,8	Ellipsis	34/16	91/65	Marble limestone

Fig. 3. Wall No. 8 and fireplace in the room No. 3
Рис. 3. Стена № 8 и очаг в помещении № 3

Fig. 4. Excavations on site Б
Рис. 4. Раскопки участка Б

Fig. 5. Room No. 3 on the site for the trebuchet. Plan

Рис. 5. Помещение № 3 над площадкой для требюше. План

The majority of shots had spherical form that was perfect for trebuchet shot on lofted trajectory. The very shots for throwing machines were used in medieval armies from France to China. The famous Chinese commander and officer of XI—XII c., Chan Guy, said in this connection "If shots have equal weight, then their blows on subjects will be accurate; if their form is spherical, they will fly at a long distance" [6, c. 154].

Shots made of local stone were the most numerous — the stone was the marble-like limestone of pink colour (Table 2). This incredibly solid stone takes processing rather badly. Stonecutters worked up the stone with small careless spalls creating a rough and spherical form (fig. 6, No. 38, 104, 199). Stone mining to made shots was, probably, done on-site. It is assumed that a stone quarry was in the saddle between the two peaks of Kastron mountain. The stone mined here was used for construction needs of the fortress [7, c. 37]. Some stones were smoothed by the sea and, perhaps, were delivered from the seashore.

Table 2

Throw shots from Cembalo (XIV—XV)

Stone	up to 20 kg	up to 30 kg	up to 40 kg	up to 50 kg	up to 60 kg	up to 70 kg	up to 80 kg	more than 100 kg	Total
Marble limestone	25	38	46	16	12	8	5	1	151
Diorite/"marine stone"	3		6	6	6	5			**26**
Limestone	6	8	6	3	1				**24**
Marble column drums		1	1		1	4			**7**
Total	**34**	**47**	**59**	**25**	**20**	**17**	**5**	**1**	**208**

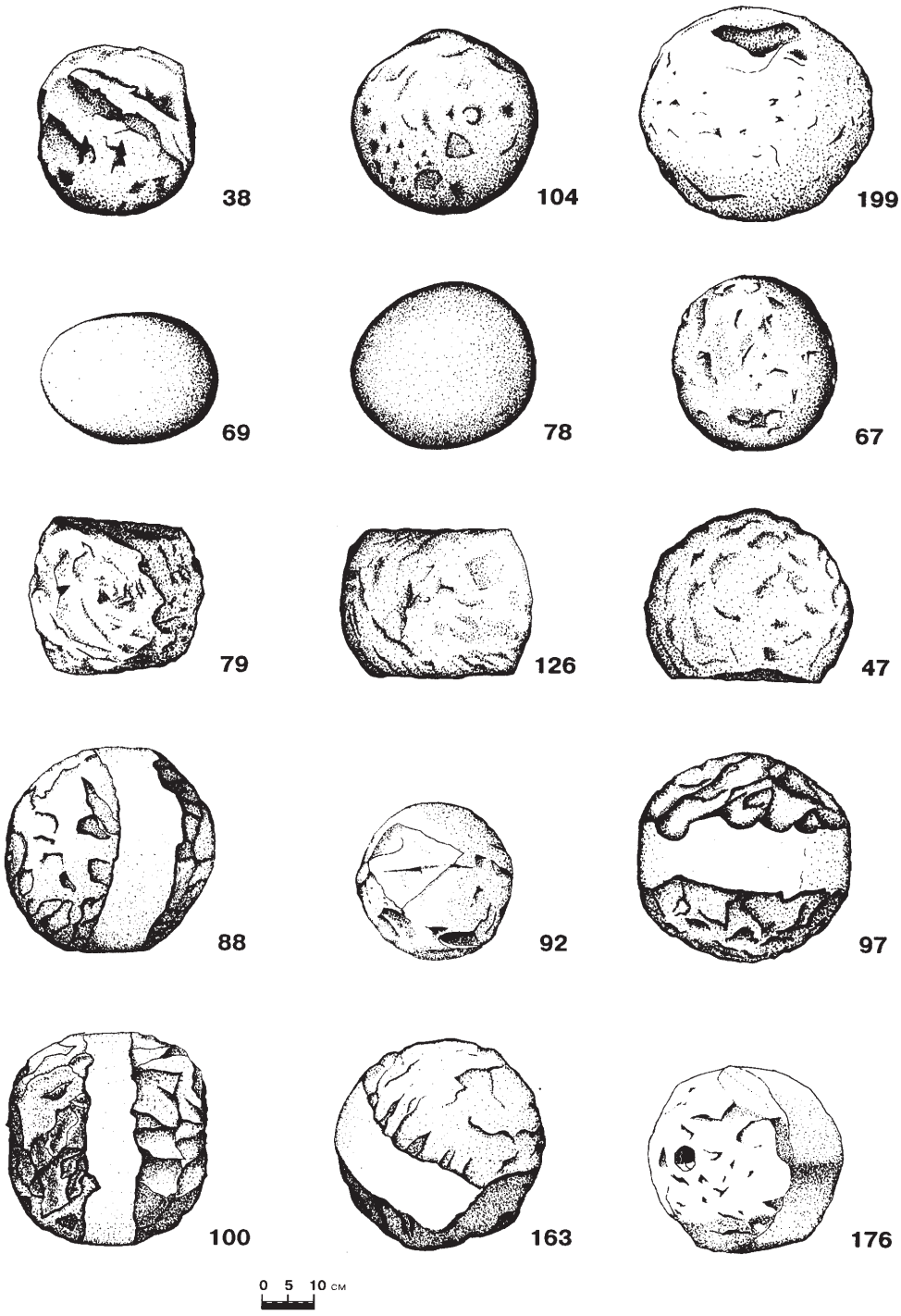


Fig. 6. The assort stone-bullets

Рис. 6. Образцы каменных снарядов

"Marine stone", diorite, was also used as a throwing bullet because it was perfectly smoothed and polished by the sea (Tables 1, 2). The majority of stone-bullets from diorite is ellipse-like or spherical and was not additionally processed (fig. 6, No. 69, 78). Marine stones as bullets were widely used in throwing artillery. For example, marine stones from Sicily were used by Normans during their attack on Alexandria in 1174 and the king of England, Richard Lion-Hearted, during the siege of Acre in 1191 [8, pp. 93, 97]. Apparently, stone transportation at such big distances proved its value. The diorite stones that were discovered in Cembalo are well known by stone beaches of Eastern Crimea (site of Soldayya and Kafa). However, possibly these stones were used by Genoese navigators as a ballast. After the complete shipment in Cembalo, the ballast stone was left in the port and a new application was found for it.

The balls made of white limestone (table 1) have a regular spherical shape. This stone is sometimes called "Inkerman" (fig. 6, No. 67). Generally, deposits of silt limestone on Heraclian peninsula have been well known since ancient times. This stone was used everywhere in the construction of ancient and medieval cities and settlements. Limestone balls are well processed, the surface of the stone was smoothed, and many shots still have tracks of boaster.

Bullets cut out of marble column drums are of peculiar interest. Dressing of the column drum was done from flat sides, thus, the polished rings of columns have remained untouched by a stonecutter that allowed to determine rather accurately their diameter (table 1). Seven bullets are cut out of columns made of coarse gray marble (No. 88, 92, 97, 100, 163, 176, 205). Ball No. 88 was made of segment of marble column of yellowish shade and differs visibly from the other marble balls for the stone structure. It can't be excepted that Genoese people used ruins of ancient or early Byzantine period big construction that was not far away (probably, instead of modern Balaklava). Here they mined stones from marble and limestone.

The total weight of charge bullets exceeded 7.7 tones. Bullets with the weight from 20 to 70 kg and mainly 0.25–0.40 m in diameter (table 2) prevail in terms of quantity. According to the studies in many countries, the balls of such dimensions were the most effective for trebuchet installed on defensive walls. The weight of such bullets allowed to harm the enemy, but at the same time they could be lifted by one person [8, p. 94; 9, c. 76; 10, c. 275; 11, p. 18–20]. A notable exception is ball No. 199 made of marble-like limestone the weight of which was 104.7 kg. The bullets of such weight were usually used by heavy trebuchets to destroy fortress walls [8, p. 84; 12, VI.1, c. 176]. However, while defending Chernihiv from Batyj army, prince Mstyslav in 1239 used bullets that could have be lifted by four strong men [13, c. 114].

The bullets, apparently, were moved many times. They have damages on their surface, many spalls, and burning trails. More than 20 charge bullets remained in large fragments. It must be emphasized that 65 % of the bullets had the form of truncated sphere or drum. A stonecutter cut out one or two planes (fig. 6, No. 79, 126, 47). Probably, such "upgrading" of the bullet was due to the ball location in a sling bag and movement towards the directing chute of the throwing machine.

Burning traces at the bottom of the layer No. 4 are found everywhere on Б site. The thickness of the burning layer is 1.5–2.5 sm. Perhaps, Genoese people burnt the trebuchet abandoning the fortress in 1475 so that this expensive machine would not get into the hands of enemies.

More than 40 big iron "construction" nails (0.07–0.14 m) were found on site Б beside the bullets. A big segment of wooden construction of the trebuchet was found at the bottom of the curtain wall: a board (1.67 × 0.21 m) and a bar vertically fixed to it with a side of 0.15 m. The segment of the construction did not burn because it was deepened into the ground (fig. 7).

Sizes of the site for installation of the stone-throwing machine made 5.65 × 5.05 m. The site was constructed on a steep slope of the mountain from the internal side of the curtain wall to the East from the tower No. 8 (fig. 8). A considerable part of the rock was removed

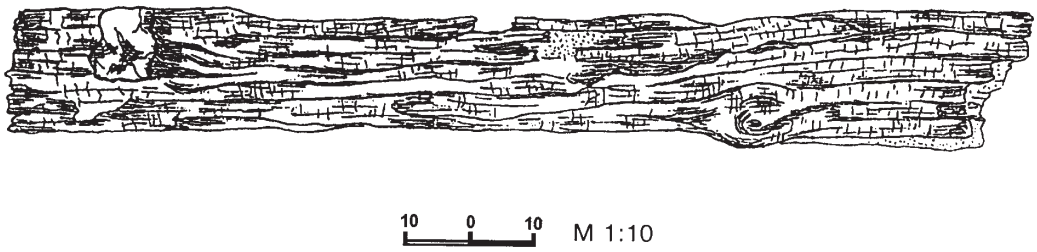


Fig. 7. Wooden fragment construction of trebuchet

Рис. 7. Деревянный фрагмент конструкции требюше

(cut out) to construct a horizontal surface of the site. Big raw stones (0.45 × 0.4 × 0.5; 0.25 × 0.4 × 0.55 m, and etc.), appeared as a result of rock split, were destroyed at the base of the site, on the flank of the hill. Maximal thickness of the site base made 0,75 m. Practically half of the site base was made from splitted rock. The rest part of the site base along the flank of the hill was filled with raw stone and broken bricks. The whole site surface was covered with the layer of green clay (0.05–0.08 m). The Genoese people used local green clay in Cembalo as leveling, water proofing and jointing material. In Ottaman period of Cembalo history the local inhabitants used this flat, regular shape site that remained after the trebuchet burning to construct household rooms. Few crushed segments of ceramics were found during excavations, mainly of XIV c.

In 2007–2008 during the excavations there were discovered a well-equipped and painstakingly built platform (larger than 25 m^2) meant for installation of a powerful stone throwing machine the remains of iron lamellar armour. The discovered plates of the armour and their parts in their shape are most probably related to the same kind of defensive armour [14].

It should be emphasized that Genoese people did not construct the site for the throwing machine against a defensive wall. The point is that at the moment of a "shot" the trebuchet was shaken heavily. For example, a big trebuchet, that was used by Normans in 1185 during the attack of Thessalonica, they called "Daughter of earthquake" [8, p. 94]. Therefore, trench channel was made between the base of the site of the trebuchet and low rows of curtain wall laying, and it was filled with dry ground and small stones (5.05 × 0.55 × 0.75 m). This trench channel served as an antivibration cushion (fig. 8).

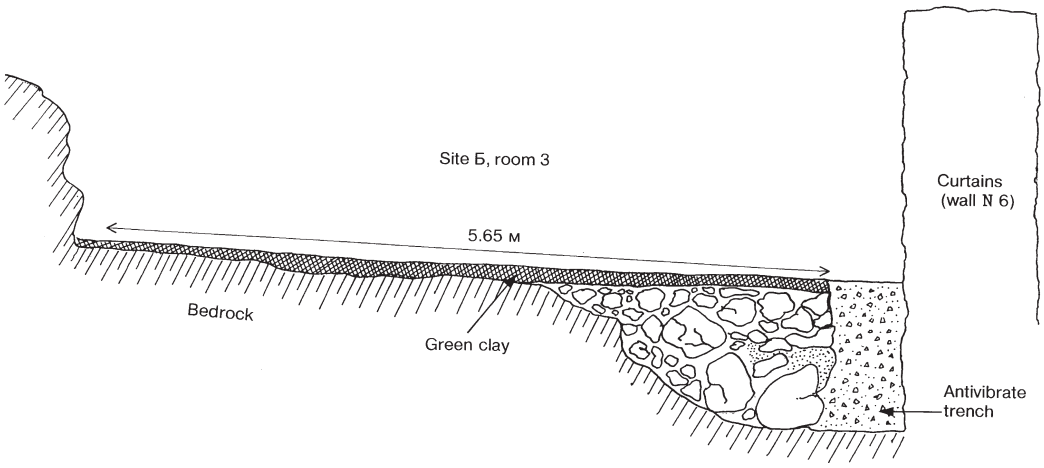


Fig. 8. Site for trebuchet. Stratification

Рис. 8. Площадка для установки требюше. Разрез

The results of excavations allow to assume that a counterbalanced trebuchet was installed near tower No. 8 of the defensive system of Cembalo Consul's Castle. It is known that as far as in XIV c. the Genoese people constructed big navi ships on a local shipyard [15, c. 10, ASG AS 3021 DF 1, № 60/85]. Thus, the colony had necessary technical, raw and human resources to make the trebuchet.

Tower № 6 is in the port area of the town. A huge cistern for keeping more than 550 m^3 of water was placed on the lower layer of the Tower. More 20 stone shots were discovered into Tower No. 6. The upper layer was used as a battle ground (80 m^2) for setting missile machines (fig. 9) [2, c. 154–155].

The counterbalanced stone-throwing machines occupy special place in medieval throwing artillery. Machines of this type were widely used in Europe and Asia until the middle of XV c. For example, during the attack of Constantinople by Ottaman people in 1453, the fighting parties used the trebuchets together with gunshot artillery [16, c. 77, 88, 90]. There are evidences about the use of trebuchet in XVI and even XVIII c. [17, p. 65].

According to the opinion of specialists, the advantages of the trebuchet were: high accuracy and density in shooting with bullets of 20–90 kg weight. At the same time, the usual distance of "shot" was about 130–200 m [8, p. 72; 9, c. 76; 10, c. 275]. The defenders of medieval fortresses used throwing machines, first of all, to destroy the siege constructions of the enemy. Modern reconstructions show that big trebuchets were capable to send bullets rather accurately to the target with size of 5 × 5 m [18, p. 189–268]. The fortress trebuchets were installed on special sites or on towers of fortress constructions [6, c. 243; 18, fig. 4; 19, c. 28; 20, p. 6]. For example, S. Ransymer testifies that it could have been possible to shoot with heavy balls and throw stones from curtain walls and towers of the external wall of Constantinople [16, c. 88].

The trebuchet construction allowed to throw big raw stones, millstones, gravestones and even animals. Throwing of heads of executed enemies was of great psychological effect. In the Middle Ages this method was often used in Europe and Asia [6, c. 155; 8, p. 84; 11, p. 20]. In particular, during Cyprus regaining in X c., Byzantine strategist ordered to fire at Arabic garrison of the city with cut-off heads of their tribesmen [21, I.8, c. 12]. In 1346 when Kafa was under siege by troops of the Golden Horde of khan Janibeg, the corpses of people who had died from plague were thrown to the city. The attempt of Genoese people to escape brought "Black death" to Europe. In some countries plague reduced the number of population to one third [22, c. 335; 23, p. 123].

The trebuchet installed on the Northern slope of the hill of the Consul's Castle of Cembalo fortress was for the fight with enemy ships (fig. 10). The use of throwing machines against ships and installation of trebuchet on ships is a well known fact in the history of siege cause in the Middle Ages [8, p. 81]. Robert de Clary described in details the artillery duel between the ships of crusaders and defenders of Constantinople in 1204. Both sides used throwing machines of trebuchet type [24, c. 51–53].

The Cembalo trebuchet was capable to deliver stone balls of four calibers at distance of 150–250 m covering, thereby, the narrow entrance to the bay. Here, ships had to slow down (the speed) and to fulfill complicated maneuvers. The trebuchet was installed on the height of 57 meters above the sea level. The height of the lofted trajectory of a 50-kilogramme shot was 60–80 m. Such a bullet had, certainly, and enormous destructive force capable to destroy an enemy ship (fig. 10). Near the trebuchet, probably, a necessary stock of throwing bullets was located. It should be mentioned that bullets of different weight were in the armoury of trebuchet of Cembalo fortress. Perhaps, in some cases, 2–3 bullets were put together into a sling bag of trebuchet. Thus, "volley" came out and this increased the probability of direct hit into the target. The thorough study of the bay base in this place allowed to discover only three shots. They have may appeared here as a result of fire-fight.

Fig. 9. Fragment of battle ground for setting missile machines. Tower No. 6. Western view

Рис. 9. Фрагмент боевой площадки для установки метательных машин. Башня № 6. Вид с запада

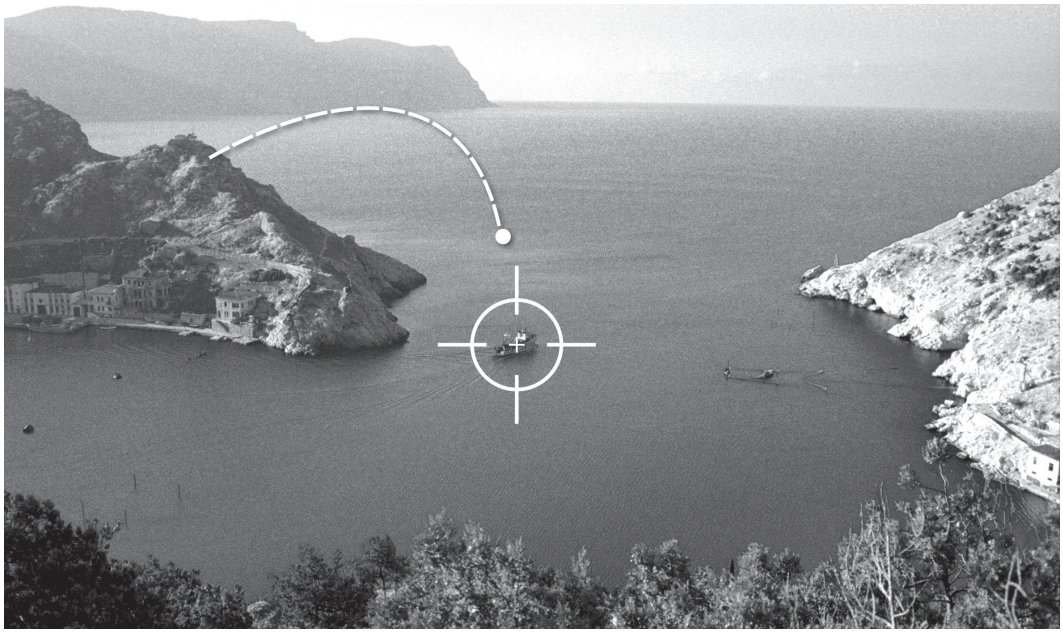


Fig. 10. Action of the throwing machine (reconstruction)

Рис. 10. Предполагаемое действие метательной машины (реконструкция)

As it is known, in 1433, due to the revolt of local inhabitants, Cembalo occurred in the fortress was in hands of prince Theodoro [25, c. 156–158]. In 1434, the rapid attack of warships allowed Genoese people to burst into the fortress and to restore their power over Cembalo [26, c. 116–117]. Genoese people may have reinforced the fortress after these dramatic events by installing here a throwing machine of trebuchet type. However, trebuchets and other means of defense could not hold the Turkish onslaught in 1475 when Ottoman occupied the Genoese property in the Crimea.

BIBLIOGRAPHY

1. *Дьячков С. В.* Археологические исследования генуэзской крепости Чембало в 2000–2005 гг. // Древности, 2005: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2005.
2. *Алексеенко Н. А., Гинькут Н. В., Дьячков С. В., Столяренко Е. Н.* Археологической экспедиции Чембало 15 лет // LAUREA I. Античный мир и Средние века: Чтения памяти профессора Владимира Ивановича Кадеева. Материалы. — Х., 2015.
3. *Эвлия Челеби.* Книга путешествий. Крым и сопредельные области / пер. Е. В. Бахревского. — Симферополь, 2008.
4. *Карлов С. В.* Средневековая метательная артиллерия на Мангуп-Кале // Бахчисарайский историко-археологический сборник. — Симферополь, 1997. — Вып. 1.
5. *Мыц В. Л.* Генуэзская Луста и Капитанство Готии // Алушта и алуштинский регион с древнейших времен до наших дней. — К., 2002.
6. *Школяр С. А.* Китайская доогнестрельная артиллерия (Материалы и исследования). — М., 1980.
7. *Адаксина С. Б., Кирилко В. П., Мыц В. Л.* Отчет об археологических исследованиях средневековой крепости Чембало (г. Балаклава) в 2003 году. — СПб.; Симферополь, 2004.
8. *Chevedden P. E.* The Invention of the Counterweight Trebushet: A Study in Cultural Diffusion // DOP. — 2000. — No. 54.
9. *Кирпичников А. Н.* Военное дело на Руси в XIII—XV вв. — Л., 1976.

10. *Рабовянов Д.* Каменните ядра от Червен, извор за военна та история България през средните векове // Юбилеен сборник в чест на проф. Йордан Йорданов. — Велико Търново, 2003.
11. *Nicolle D.* Medieval Siege Weapons (1). Western Europe AD 585–1385. — Oxf., 2002.
12. *Комнина Анна.* Алексиада. — М., 1965.
13. *Патриаршая* или Никоновская летопись // ПСРЛ. — М., 1965. — Т. 10.
14. *Dyachkov S. V.* The 15th Century Brigandine of a Crossbowman from the Genoese Fortress of Cembalo // AMM. — Krakow; Rzeszow; Sanok, 2011. — VII.
15. *Карпов С. П.* Регесты документов фонда Diversorum Filze Секретного Архива Генуи, относящиеся к истории Причерноморья // Причерноморье в средние века. — М.; СПб., 1998. — Вып. 3.
16. *Рансимен С.* Падение Константинополя в 1453 г. — М., 1983,
17. *Sasmre T.* Trebuchet — a Gravity-Operated Siege Engine. A Study in Experimental Archaeology // Estonian Journal of Archaeology. — 2006. — 10.
18. *Hansen P. V., Falster N.* Experimental Reconstruction of a Medieval Trebuchet // Acta Archaeologica. — 1992. — Vol. 63.
19. *Кирпичников А. Н.* Метательная артиллерия Древней Руси. // МИА. — 1958. — № 77.
20. *Nicolle D.* Medieval Siege Weapons (2). Byzantium, the Islamic World & India AD 476–1526. — Oxf., 2003.
21. *Диакон Лев.* История. — М., 1988.
22. *Бергер Е. Е.* «Черная смерть» // СВ. — М., 2004. — Вып. 65.
23. *Porter R.* The Greatest Benefit to Mankind. — L., 1999.
24. *Клари де Р.* Завоевание Константинополя. — М., 1986.
25. *Мыц В. Л.* Кафа и Феодоро в XV в. Контакты и конфликты. — Симферополь, 2009.
26. *Колли Л. П.* Хаджи-Гирей хан и его политика // ИТУАК. — Симферополь, 1913. — № 50.
27. *Crimean* Chersonesos: city, chora, museum, and environs. — Austin, 2003.

Резюме

Д'ячков С. В. *Камнемети (типу Trebushet) генуезької фортеці Чембало (XIV—XV ст.)*

Об'єднана експедиція Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна і Національного заповідника «Херсонес Таврійський» у 2000–2011 рр. проводила дослідження оборонних споруд генуезької фортеці Чембало в Балаклаві (Крим, Україна). Під час розкопок ділянки башти № 8 знайдено 208 кам'яних снарядів сферичної форми для великої метальної машини типу требюше. Для виготовлення ядер використовували місцевий мармороподібний вапняк, вапняк, діорит (морський камінь), а також барабани мармурових колон, очевидно, античного або візантійського часу. Переважали снаряди вагою 20–70 кг й діаметром 25–40 см. Загальна вага «арсеналу» перебільшила 7,7 тони.

Требюше призначувалася для боротьби із кораблями противника. Матеріали розкопок показують, що верхній ярус башти № 6 (80 м²) використовували у якості бойового майданчика для встановлення метальних машин, зокрема требюше. Ці метальні машини контролювали внутрішню акваторію бухти. Використання требюше для активної оборони фортеці свідчить про високий рівень фортифікації Чембало.

Ключові слова: Генуезька фортеця Чембало, фортифікація, башти, требюше, метальні снаряди.

Резюме

Дьячков С. В. *Камнеметы (типа Trebushet) генуэзской крепости Чембало (XIV—XV вв.)*

Объединенная экспедиция Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина и Национального заповедника «Херсонес Таврический» в 2005–2011 гг. проводила исследования оборонительных сооружений генуэзской крепости

Чембало в Балаклаве (Крым, Украина). В результате раскопок участка башни № 8 обнаружено 208 каменных снарядов сферической формы для большой метательной машины типа требюше. Для изготовления ядер использовали местный мраморовидный известняк, известняк, диорит (морской камень) и барабаны мраморных колонн, вероятно, античного или византийского времени. Преобладали снаряды весом 20–70 кг и диаметром 25–40 см. Общий вес «арсенала» превысил 7,7 тонн.

Требюше предназначалось для борьбы с кораблями противника. Материалы раскопок показывают, что верхний ярус башни № 6 (80 кв. м) использовался в качестве боевой площадки и установки метательных машин, в т. ч. требюше. Эти метательные машины контролировали внутреннюю акваторию бухты. Использование требюше для активной обороны крепости свидетельствует о высоком уровне фортификации Чембало.

Ключевые слова: Генуэзская крепость Чембало, фортификация, башни, требюше, метательные снаряды.

Summary

S. Dyachkov. *Trebuchets of the Genoese Fortress of Cembalo (XIV—XV centuries)*

In 2005–2011, a joint expedition of Kharkov National University named after V. N. Karazin and National Park "the Chersonesos Tauride" conducted excavation of defensive constructions of Cembalo Genoese fortress in Balaklava (the Crimea, Ukraine). As a result of excavation, there were discovered 208 stone shots of spherical form which were intended for a powerful throwing machine of trebuchet type. Shots were made of local marble-like limestone, chalkstone, diorite ("marine stone") and marble column drums, probably, of antique or early Byzantine period. Bullets weighing from 20 to 70 kilograms prevailed. Total weight of charge of the "armory" exceeded 7.7 tonnes.

The trebuchet was used to fight against enemy ships. The results of excavation indicate that the upper storey of the Tower 6 (80 m^2) was used as a battle ground for mounting throwing machines, including trebuchets. The throwing machines were utilized to control the inner water area of the bay. The fact that trebuchets were used for aggressive defense proves the high fortification level of Cembalo.

Key words: Genoese Fortress of Cembalo, fortification, towers, trebuchet, missiles.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху»

7–8 апреля 2011 г. на историческом факультете Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина состоялся Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху». Наряду с харьковскими историками в его работе приняли участие ученые из Болгарии, России, Польши и Германии, представлявшие Софийский университет «Св. Климент Охридски», Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий», Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений, Белгородский государственный университет, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Познаньский университет имени Адама Мицкевича и Немецкий археологический институт (Франкфурт-на-Майне). На симпозиуме было заслушано около двадцати докладов, посвященных истории, материальной и духовной культуре древних народов Северного Причерноморья и фракийских земель во II тыс. до н. э. — V в. н. э. Предлагаем вашему вниманию ряд статей, написанных на основании этих докладов.

Д. В. Ботева

Тракийските сребърни наколенници (?) и сребърният съд от Мастюгино — възможности за алтернативна интерпретация

Сред находките от подмогилните погребения в района на с. Мастюгино, Воронежка област (Югозападна Русия) [1], силно впечатление прави сребърният съд, върху който е имало изобразени три човешки лица. За съжаление артефактът е силно фрагментиран и е запазена относително по-голяма част само от едното (фиг. 1) [2]. Неговата неповторимост в много голяма степен се дължи на позлатените линии, поставени и от двете страни на лицето. До момента уникално сред известните съдове от античната епоха, това обозначено с линии човешко лице намира неочакван паралел при емблематични за тракийската култура паметници, традиционно определяни като кнемиди.

Става дума за четирите сребърни артефакта с човешко лице в горната им част: един от Враца (днешна Северозападна България), открит в богато тракийско подмогилно

@ Д. В. Ботева, 2017

Фиг. 1. Съдът от Мастюгино [8, с. 57]
Fig. 1. The vessel from Mastyugino [8, с. 57]

погребение през 1965–1966 г. в центъра на града (фиг. 2–2*а*) [3, с. 10, фиг. 3][1], двата от Аджигьол (района на Тулча, недалеч от Дунавската делта), открити в аналогичен контекст през 1931 г., но публикувани едва през 1969 г. (фиг. 3–4) [11, S. 217–219 с табл. 112–114; 12 (= 13, p. 52–55, 104–122); виж също 14, p. 542; 15][2] и наскоро откритият между селата Маломирово и Златиница недалеч от Ямбол (Югоизточна България), също в богато подмогилно погребение (фиг. 5–5*а*) [19, p. 180–181]. Последната находка потвърди впечатлението, че разглежданите паметници се откриват по един[3], въпреки

[1] След публикуването му, наколенникът от Враца многократно е обсъждан от изследователите [4, с. 59–60, 134–135; 5, p. 34, фиг. 93; 105, кат. № 248; 6, p. 21; 7, p. 159; 8; 9, с. 23–30; 10, с. 111]. Благодаря на колегата Нарцис Торбов (завеждащ отдел „Археология" на Регионалния Исторически музей, Враца) за отзивчиво направените и предоставени снимки на паметника.

[2] Наколенникът, определян като № 1 е коментиран също многократно [16, p. 96–97; 17, p. 45–46; 118, passim и мн. др.].

[3] Очевидно не е коректно определянето на двата наколенника от Аджигьол като чифт: "The chief finds at Agighiol were... a pair of silver greaves..." [17, p. 38]; "A pair of silver greaves found in 1934 in a burial at Agighiol..." [7, p. 159; виж 6, p. 21]. Изрично уточнение, че двата наколенника не са чифт виж и при V. и L. Sîrbu [14, p. 541].

Фиг. 2. Наколенникът (?) от Враца [54, с. 248]
Fig. 2. The greave (?) from Vratsa [54, с. 248]

Фиг. 2а. Наколенникът (?) от Враца при откриването му [4, с. 59]
Fig. 2a. The greave (?) from Vratsa as just discovered [4, с. 59]

логичното очакване да бъдат чифт[1]. Обстоятелството трябва задължително да се отчита, когато се правят опити за интерпретирането на четирите сребърни артефакта.

Това е и причината да съм скептична към традиционно правената аналогия между тези паметници и изображението на наколенник върху левия крак на конника от известната апликация от Летница (фиг. 6)[2]. Асоциацията е възприета без никакви уговорки на практика от всички изследователи, които са се занимавали било със сребърните наколенници, било със съкровището от Летница [13, p. 111; 8, с. 92; 29, p. 244; 7, p. 159; 25, с. 8; 6, p. 21; 5, p. 53, 77, 92–93 и мн. др.], въпреки очевидния факт, че десният крак на конника остава невидим за нас и поради това няма гаранция, че е носил само един наколенник[3]. Ако се вземе предвид подобна възможност, коректният изследователски анализ на изображението от тази апликация ще трябва да се обърне към принципно различен тип наколенници, които били правени по двойки (чифт), при това от бронз, а не от сребро. Някои от тези бронзови чифтове наколенници са украсени на мястото на коляното с изображение на горгоната Медуза или с образа на друго божество. Може би най-популярният пример за този тип паметници

[1] Венедиков [3, с. 23] изказва предположение, че във Врачанската могила наколенниците били чифт, но единият е откраднат още в античността. След последната находка подобна теза вече не би могла да се поддържа.

[2] Летница е село в Ловешка област, Централна Северна България. Там е открито едно от най-интересните тракийски съкровища [20; 21, p. 52–54, 59–66, фиг. 4/1–6 и фиг. 5/1–2; 22; 23, p. 207–209; 7, p. 160–171; 24, с. 68–140; 25; 26, p. 41–50 и мн. др.]. За алтернативно четене на някои изображенията виж Ботева [27; 28].

[3] Knauer отбелязва, че „ловецът" върху апликацията от Летница носи κνήμιδες (а не κνημίς) [29, p. 243].

Фиг. 3. Наколенник (?) № 2 от Аджигьол [12, pl. 112]
Fig. 3. The greave (?) No 2 from Agighiol [12, pl. 112]

са наколенниците от Руво в Апулия[1]. Наскоро земите на древна Тракия обогатиха знанията за древността с още един чифт бронзови наколенници, чиято горна част е украсена с образа на богинята Атина (фиг. 7). Те бяха открити през 2004 г. сред богатия инвентар на погребението в могилата Голямата Косматка край град Шипка[2]. Чифтът наколенници от Голямата Косматка потвърждава наличието на някои важни характеристики на този тип паметници, които ги отличават съществено от известните до момента четири тракийски сребърни артефакта, определяни като кнемиди.

Очевидно е, че бронзовите наколенници е трябвало да следват плътно формата на крака, за който били предназначени[3]. Поради това те на практика се отличават съществено не само от един чифт до друг; дори в рамките на един и същи чифт левият и десният наколенник се различават значително. Много показателен пример са чифт бронзови наколенници от Вергина, при които левият е с около 3.5 см по-къс от десния[4].

[1] Датирани са в периода 550/500 BC и се съхраняват в Британския музей, зала 73: www.mlahanas.de/Greeks/LX/Greaves BMGR1856_12_26_615.html (състояние към 27.04.2010).

[2] За могилата Голямата Косматка виж Kitov [30].

[3] Като пример може да се посочат бронзовите наколенници от богато погребение при Ciumeşti, Румъния [31, S. 278, 280, Abb. 6]. Knauer твърди, че "...most greaves from the early sixth century on... imitate the underlying anatomy" и обяснява този факт като "the complex idealizing message of the concept of heroic nudity" [29, p. 238].

[4] Виж Andronikos [32] и наскоро Palagia [33]. Проблемът е дискутиран подробно от Riginos [34, p. 103–104].

Фиг. 4. Наколенник (?) № 1 от Аджигьол [12, pl. 113]
Fig. 4. The greave (?) No 1 from Agighiol [12, pl. 113]

Тази най-важна за бронзовите кнемиди характеристика не се наблюдава при четирите тракийски сребърни артефакта, които очевидно не следват плътно формата на крака.

Прави впечатление също така, че при бронзовите кнемиди, които като правило се откриват като чифт, независимо дали са украсени с лице в областта на коляното (фиг. 7) или не, долният ръб се спуска почти отвесно надолу. При сребърните артефакти обаче долният ръб е извит леко навън и дори нагоре (фиг. 2*а*; 5). Този конструктивен детайл би могъл да подсказва наличието на функционални разлики между двата вида паметници.

Налице е и трета много важна особеност. При повечето от бронзовите наколенници не са оформени дупки по ръбовете на двата им вертикални края[1], поради което отдавна вече е предположено, че те не са били завързвани, а били поставяни и задържани здраво на крака „единствено чрез еластичността на метала" [36, S. 26; 37, p. 151; 38, p. 623]. От друга страна, при обсъжданите тук сребърни паметници се забелязват по четири малки дупчици, разположени в задната част в четирите ъгъла. Тази характеристика се наблюдава без никакво изключение при всичките известни до момента сребърни артефакти (фиг. 4; 5*а*)[2]. При бронзовите кнемиди подобни малки

[1] Такива липсват при наколенниците от Голямата Косматка (лична информация от Диана Димитрова, за която й благодаря; проблемът не е засегнат при Kitov [30, p. 46]); от Дервени, Северна Гърция [35, σ. 64–65, фиг. 43]; от Вергина, Северна Гърция [35, σ. 226, фиг. 128] и мн. др.

[2] Виж http://www.thracians.net/index.php?option=com_datsogallery&Itemid=76&func=detail&id=188 (състояние към 19.03.2011) за 3D представяне на наколенника от Маломирово–Златиница. За кнемидата от Аджигьол [11, p. 218–219, табл. 112–113].

Фиг. 5. Наколенникът (?) от Маломирово – Златиница [19, p. 181]

Fig. 5. The greave (?) from Malomirovo – Zlatinitsa [19, p. 181]

Фиг. 5а. Наколенникът (?) от Маломирово – Златиница, детайл [55, с. 67]

Fig. 5a. The greave (?) from Malomirovo – Zlatinitsa, a detail [55, с. 67]

дупчици се откриват много рядко, а техният брой и разположението им се различават съществено при отделните чифтове [8, с. 42, фиг. 32; 39, фиг. 216 и др]. Засега, доколкото ми е известно, само при един чифт бронзови наколенници (от Ciumeşti [31, S. 278, 280, фиг. 6]) са засвидетелствани четири дупчици, разположени така, че да дадат основание за предположението, че съответните кнемиди „били връзвани с по два ремъка над глезена и под коляното" [29, S. 290, бел. 18], каквото е традиционното мнение и за сребърните артефакти. Забелязано е все пак, че тези дупчици са прекалено фини, за да бъдат използвани за връзване[1], откъдето пък се ражда идеята, че чрез тях е била закрепвана подплата за омекотяване [41, S. 100][2]. Фактът, че при съответните сребърни паметници броят и разположението на въпросните дупчици са фиксирани, налага да се търси друг подход към тях. От гледна точка на направеното вече наблюдение за сравнително ограничения брой бронзови наколенници открити в тракийските земи, особено при сравнение с големия брой на бронзовите шлемове [6, p. 21], е невъзможно да се очаква установена тракийска традиция при производството на наколенници[3].

[1] При римските наколенници дупките са много по-големи и без съмнение били предназначени за връзващи ремъци [40].

[2] Виж също Fortenberry: "some of these holes still retain fragments of leather thongs by which the metal would have been attached to a backing of perishable material" [38, p. 623].

[3] Ognenova-Marinova (с по-ранната литература) изказва хипотезата, че един от чифтовете бронзови наколенници, открити във вътрешна Тракия, бил произведен в Месамбрия Понтика [6, p. 21].

Всичко казано дотук дава основание, според мен, да се търси друго функционално предназначение на артефактите, определяни традиционно като тракийски сребърни наколенници.

Съществена разлика между двата вида кнемиди се наблюдава и по още един показател — пропорциите в рамките на отделните паметници. Прави впечатление например, че за лицето е отделена значително по-голяма част от съответния артефакт при сребърните, отколкото при бронзовите. При всичките четири единични лицето заема между около 1/3.73 до около 1/3.88 част от паметника, докато лицето при бронзовите двойки наколенници заема едва около 1/6.25 част. Много е възможно тази особеност също да е резултат от различните функции на двата вида разглеждани артефакти.

Фиг. 6. Апликацията от Летница [3, фиг. 15]
Fig. 6. The applique from Letnitsa [3, фиг. 15]

Очевидно е, по мое мнение, че единствената обща характеристика между дефинираните тук два вида паметници — такива от сребро, засвидетелствани засега винаги само по един (фиг. 2–5), и такива от бронз, които като правило са по двойки (фиг. 7) — е съществуването на лице, изобразено върху горната им част, но дори и то като че ли подчертава повече различията, отколкото някакви прилики. Въпреки тези фундаментални отлики, по традиция изводите по отношение на бронзовите двойки наколенници автоматично се отнасят и към сребърните артефакти. Пример за подобно отношение е използването на женските лица върху бронзовите наколенници като аргумент за определяне на лицето върху така наречената Врачанска кнемида като женско [4, с. 59] — дефиниция, дадена първо от нейния откривател [3, с. 14; 10, с. 111], която впоследствие се превръща в общоприета аксиома, не очакваща и не изискваща доказване[1]. Тази дефиниция е прехвърлена и към лицето върху сребърния артефакт от Маломирово–Златиница, независимо от неговите особености.

Много въпроси възникват и по отношение на предложените интерпретации на двата разглеждани артефакта от Аджигьол. Човешкото лице на така наречения наколенник № 1 е определяно за женско (фиг. 4) [11, S. 218; 13, p. 52; 16, p. 96] заради наличието на накити [15, p. 269–270; 23, S. 294], докато лицето върху така наречения наколенник № 2 — като мъжко най-вече заради липсата на накити (фиг. 3) [11, S. 219; 13, p. 54; 15, p. 270]. Трябва все пак да се отчита обстоятелството, че за времето и територията, имащи отношение към анализирания тук проблем, нито обиците, нито огърлицата могат да бъдат решаващи за идентифицирането на пола и това стана категорично ясно благодарение на находките в Голямата гробница при Вергина [21].

При търсенето на приемлив отговор за всички тези многобройни въпроси, е необходимо — разбира се — да бъде анализирана наличната информация както от самите дискутирани артефакти, така и от античната историография. Необходимо е да се започне с най-съществения според мен факт — създаването им и тяхното функциониране само по един, а не по двойки. Разбира се, в древността е съществувала

[1] Преди време се опитах да провокирам дискусия по този въпрос [42, с. 109–118], но очевидно без успех. Въпреки съществуващата теза, че наколенник № 2 от Аджигьол изобразява мъжко лице (виж тук по-долу), традицията всичките четири лица да бъдат определяни като женски продължава [18, с. 30].

Фиг. 7. Наколениците от Голямата Косматка
(снимка Ст. Димов предоставена от Д. Димитрова)
Fig. 7. The greaves from Golyamata Kosmatka
(Photo St. Dimov, courtesy D. Dimitrova)

Фиг. 8. Наколенник от Олимпия [45, табл. 62, № 1]
Fig. 8. A greave from Olympia [45, табл. 62, № 1]

практиката да се воюва само с един наколенник, както става ясно от находките в гроб 12 при Денда[1]. Но при разглежданите сребърни паметници обяснението, че и четирите са откривани по един[2], а не на чифтове, защото били част от парадното въоръжение[3] не е убедително[4]. И ако археологическият контекст както в Аджигьол, така и във Враца е проблемен и оставя възможност за известна несигурност

[1] Fortenberry обяснява практиката да се носи наколенник само на десния крак ("the practice of wearing a greave on only the right leg") с факта, че в условия на битка щитът осигурява защита на левия крак, а дясната част на тялото остава уязвима и се нуждае от защита ("a shield would have provided protection to the left side in battle, leaving the right side of the body more vulnerable and in need of reinforcement") [38, p. 626].

[2] Според Маразов "фактът, че скъпоценните тракийски наколенници се намират в един екземпляр" означава, че "те са отбелязвали само единия крак. Това е една ритуална практика, присъща за асиметричността на воинската функция" [18, с. 7].

[3] Последно при V. и L. Sîrbu [14, p. 542] и Маразов [18, passim]. Виж също Berciu, който предлага две възможни обяснения: " Les cnémides d'argent provenant des sepultures sont des pieces de parade ou peut-être elles ont un caractère funéraire..." [13, p. 120]. Fortenberry предполага, че носенето на наколенник на десния крак символизира статут ("a single metal greave was worn on the right leg as a symbol of status or rank") [38, p. 627].

[4] Още по-неубедително според мен е обяснението, предложено от Taylor: "the objects... were used during hunting and its attendant feasting and drinking, to which the scenes on them directly relate" [43, p. 128].

[4, с. 118–124], сега, след находката от Маломирово–Златиница, проучена при редовни археологически разкопки, се отваря място за сериозно съмнение: били ли са четирите сребърни артефакта произведени и мислени като наколенници или не[1]. Поради това, когато по-долу се позовавам на тези паметници като наколенници ще си позволя да поставям и въпросителен знак[2].

Бих рискувала също така с още една констатация: разбира се, че тези четири сребърни артефакта имат в общи линии формата на наколенници, но в тях лесно може да се открие и схематична антропоморфна фигура. Затова и логично възниква въпросът дали малките дупчици, за които говорих по-горе, не са били необходими като места за гвоздеи. Това би означавало, че разглежданите паметници са покривали не нечии крак, а нещо направено от дърво. Две подобни малки дупчици са засвидетелствани при сребърната глава от Перету (Румъния) [44, S. 144–147, 162–164][3], поради което се предполага, че е била прикрепена към дървена пръчка[4]. Подобна вероятност по отношение на дискутираните от мен сребърни паметници може да се отхвърли или потвърди единствено чрез бъдещи прецизни анализи (включително химически) и наблюдения на археологическия контекст[5].

Проучването на многобройните проблеми свързани с разглежданите тук паметници минава, разбира се, и през детайлно вглеждане във всеки един от иконографските елементи върху тях. Прави впечатление например, че всичките четири артефакта са характеризирани с по две завити змии, изобразени по почти еднакъв начин точно под човешкото лице[6]. От формална гледна точка наистина е допустимо те да бъдат разглеждани като отзвук на спиралите, завършващи с противоположни волути точно под коляното на архаичен наколенник от Олимпия (фиг. 8) [45, S. 100–101, с Tab. 62, № 1][7], но в същото време е очевидно, че изразяват съвсем различна идея. Макар змията да е често използван мотив за украса на бронзовите наколенници от архаичната епоха[8], при тях тя се различава съществено от двете змии под лицето на четирите сребърни наколенника (?). Двете завити „тракийски" змии изглеждат напълно еднакви върху четирите паметника и създават впечатление за съществуването на някакъв фиксиран образ в тракийското мислене. Още по-впечатляващ е фактът, че този

---

[1] Известно съмнение е изразено вече от Маразов: "Функцията на тези кнемиди е все още недокрай изяснена (...) Изключено е да се допусне, че при едрите си мерки погребаният в Маломирово — Златиница млад цар би могъл да надене на крака си доста малката кнемида. Следователно, може да се предположи, че наколенниците са имали друг, както култов, така и чисто символичен смисъл" [18, с. 31].

[2] Апликацията от Летница (фиг. 6) тук не е релевантна, тъй като изобразеният конник може да е имал и втори наколенник — виж коментара по-горе.

[3] Определянето на този артефакт като ритон според мен не е убедително.

[4] "Der Gegenstand diente vermutlich einem getischen König als Zepter. Die beiden Löcher können von der nachträglichen Befestigung des Stücks an einen Holzstab herrühren, wodurch es zum Zepter wurde" [44, S. 162]. Също и Маразов [8, с. 52] и Farkas [17, p. 39].

[5] Fortenberry съобщава, че някои от дупчиците на кнемидата от гроб 12 при Denda "still retain fragments of leather thongs..." [38, p. 623]. Подобно изследване за съжаление не е правено на другите наколенници.

[6] Повечето автори разпознават в тези изображения змии [виж напр. 17, p. 45]. Маразов ги определя като змии, излизащи „от черупки на раменете" [18, с. 30; виж също 7, p. 159: "snail shells"].

[7] Виж също Maaß: "die Beinschiene aus dem thrakischen Schatzfund von Wratsa (sic) zeigt sowohl im Knieschmuck als auch in den Schlangengliederungen deutliche Anklänge an solche archaischen Vorbilder" [37, S. 149].

[8] За украсата на бронзовите наколенници виж Kunze [46, S. 72–75], Koenigs-Philipp [41, S. 100–101, Tab. 62, № 1, Tab. 63].

„фиксиран" тракийски образ се явява при два от четирите артефакта заедно с конен персонаж (фиг. 4; 5*а*).

Може би най-изненадващата особеност на разглежданите паметници са позлатените линии върху лицето при два от тях (фиг. 2–3), които от своя страна намират точен паралел с лицето върху сребърния съд от Мастюгино (фиг. 1), който също произхожда най-вероятно от богато подмогилно погребение[1]. Близостта между тези паметници отдавна вече е коментирана от изследователите [13, p. 118, бел. 64; 8, с. 5; 17, p. 45; 44, S. 163][2]. Липсва обаче единомислие при дефиниране на линиите: някои говорят за „татуировка"[3], други — неопределено за „линии"/„ивици"/„ленти"[4]. Съществуването на несигурност за характера на линиите върху човешките лица е показано ясно чрез въпросителния знак, поставен от Никола Теодосиев: „tattooed (?) face" [5, p. 34]. Очевидно е, че разликата не е само терминологична, а отразява принципно различно разбиране за тракийската култура, тъй като в единия случай линиите биха били перманентни, а в другия — временни, поставяни по определен (периодично повтарящ се?) повод в живота на съответната общност. Поради тази причина въпросът е с изключителна важност и изисква обоснован отговор.

Две са сведенията в античната литературна традиция, които най-вероятно имат отношение към интересуващия ни проблем[5]. Още Херодот (V, 6, 2) съобщава, че при траките „татуирането се смята за благородно, а нетатуирането — за неблагородно". Употребеният от Халикарнасеца глагол στίζω не би трябвало да създава колебание в превода[6]. Допълнение и уточнение на херодотовата информация се открива при Хезихий в коментара му към творбата на Аристофан „Вавилонци" (Aristoph. Babylon., fr. 90) [50, p. 156–157]. Така става ясно, че в античността живеещите край р. Истрос били известни с татуираните чела и пъстрите дрехи. Комбинираните сведения на Херодот и Хезихий подсказват възможен начин за интерпретиране на археологическите находки: татуировките по лицата на „благородни" представители на обитателите от района на Долен Дунав без съмнение намират паралел с татуираните лица върху двата сребърни наколенника (?) (фиг. 2–3).

Ако представените дотук аргументи са коректни, би било възможно да се предложи алтернативен „прочит" на анализираните в настоящия текст четири тракийски сребърни артефакти. Въпреки традиционно наложилото се мнение, че те изобразяват Великата Богиня Майка [18, passim; 19, p. 181; 4, с. 135; 5, p. 34; 48, с. 426–428; 8, с. 93][7], би могло да се допусне, че всеки от тях носи стилизиран образ на знатен тракиец. Подобна възможност се подкрепя от ясното оформяне на две под-групи

---

[1] За липсата на сигурност за точните обстоятелства на неговото намиране виж Манцевич [1, с. 24].

[2] В по-новите публикации по темата [14; 15] позлатените линии върху човешките лица не са анализирани.

[3] „Няма съмнение, че позлатените ивици показват татуировка" [8, с. 80]; "a tattooed face" [17, p. 45]; "Streifentätowierung" [47, S. 119; виж също 2, с. 333; 44, S. 163 и мн. др.].

[4] „Позлатени линии" [10, с. 111]; „ивици, които са позлатени" [48, с. 426]. Виж също: "Goldstreifen" [11, S. 219]; "la face porte des raies" [13, p. 54]; „...bandes horizontals dorées" [14, p. 542].

[5] Манцевич привежда сведения на античните автори за татуирането при агатирсите, тъй като обвързва съда от Мастюгино именно с това племе [2, с. 332-333].

[6] Liddell, Scott: „I. to mark with a pointed instrument, to prick...; II. to tattoo, as the Thracians used to do (Hdt 5, 6)...; 2. to brand, as a mark of disgrace (Hdt 7, 35)...; 3. merely for the purpose of marking as one's property" [49, p. 1431].

[7] Изключение от тази традиция прави единствено B. Kull, която аргументира с бръшляновия венец възможността върху Врачанския наколенник да е представен бог Дионис [23, S. 294]. В същото време тя е склонна да види в двете кнемиди изображение на "ein Paar" [Ibid.].

при четирите паметника: с нетатуирани и — съответно — с татуирани лица. Под нетатуираните лица и при двата наколенника (?) (фиг. 4–5) е изобразена огърлица от мъниста, които са почти идентични при двата паметника. Подобна огърлица липсва при кнемидите (?) с татуираните лица. Наблюдението се допълва от факта, че такава огърлица е налице и при сребърната глава от Перету [8, с. 52; 17, p. 39; 44, S. 147, 163][1]. Друга обща черта на тази под-група са сюжетните сцени, изобразени в долната част на двата паметника, като една от тези сцени е обща за двата — конник застанал пред змия. Трябва изрично да се посочи, че тази сцена е един от най-популярните сюжети в тракийския образен език през римската епоха [51, с. 15; 52, S. 78]. Налице са и някои значими различия между двата артефакта от тази подгрупа. При наколенника (?) от Маломирово–Златиница фигурите на хора, животни и митични същества са разположени и от двете страни: вляво (гледано отпред) е изобразен кентавър, който държи животно (вероятно малко козле) сякаш го предлага на змията, насочила главата си към него[2], а под тази сцена е представена граблива птица (сокол или орел), сграбчила с краката си заек [19, p. 181]; вдясно се вижда конник с ритон в ръка[3], към когото змия е насочила главата си; по-долу е изобразена седнала жена (богиня ?) [19, p. 181; 18, с. 12], с чаша и вретено в ръце, а зад трона ѝ е застанала прислужница [18, с. 12–13]. При наколенник (?) № 1 от Аджигьол сюжетните сцени са поставени единствено вляво (гледано отпред): конник с лък във вдигнатата дясна ръка застанал пред змия, а по-долу се вижда седнала мъжка фигура с граблива птица и с рог (или ритон с формата на рог)[4] в двете ръце. Дясната страна на тази кнемида (?) е без сюжетни сцени; изобразено е фантастично същество с тънко и много дълго тяло, чието идентифициране засега е невъзможно[5].

При подгрупата, в която влизат атрефактите с татуирани лица (фиг. 2–3), също се наблюдават някои важни общи характеристики: нито един от двата не включва сюжетни сцени, а доминиращи са изображенията на змии и драконоподобни същества. Забелязват се и някои различия. Реконструкцията на недобре запазената кнемида (?) № 2 от Аджигьол внушава, че нейните две страни са включвали напълно идентични иконографски елементи, но при Врачанския наколенник (?) е налице една значима разлика между картинните текстове върху двете му страни: вляво (гледано отпред), под татуираната страна на лицето, граблива птица е сграбчила с краката си драконоподобно същество, докато вдясно птицата липсва, а драконоподобното същество е с крила. Традиционно се приема, че тези „змийски елементи" върху тракийските кнемиди (?) са стилизирани мускули[6], тъй като формално са много близки със споменатия по-горе архаичен наколенник от Олимпия (фиг. 8) [37, S. 149; 45, S. 100–101 с табл. 62, № 1]. Възниква обаче логичният въпрос: защо тази стилизация на мускулите се явява двустранно единствено при онези сребърни кнемиди (?), върху които са поставени татуирани лица? И защо при сребърните наколенници (?), върху които са поставени нетатуирани лица, тя или напълно отсъства, или се явява едностранно?

---

[1] Прави впечатление, че лицето от Перету също е без татуировка.

[2] Изследователите разчитат тази сцена по принципно различни начини: Agre я интерпретира като "a centaur strangling a boar" [19, p. 181], докато Маразов вижда „кентавър, който подава заек на стоящия вдясно с ритон в ръка конник" [18, с. 11].

[3] Според Agre това е изображение на "the king drinking from a rython" [19, p. 181].

[4] Според Маразов „седящият герой" е „с орел и фиала в ръце" [18, с. 41].

[5] Farkas го описва като "a snake-headed monster" [17, p. 45], но главата на това фантастично същество със сигурност не прилича на змийска.

[6] Ognenova-Marinova: "la façon de souligner les muscles des jambs, notamment par des dragons marins"; "le monstre marin ... ketos (κήτος)" [6, p. 21]; Farkas: "the muscle stylizations are elaborated into a snake-headed monster" [17, p. 45].

Очевидно става дума за особености, които не са случайни и тяхното задълбочено проучване е наложително. Принципно важен момент по отношение на тяхното разбиране би бил опитът да се установи, дали те са създадени, за да бъдат мислени като наколенници или не. В подкрепа на един евентуално отрицателен отговор би било и тяхното място в погребалния контекст, тъй като те са откривани при главата[1]. Ако D. Berciu е прав когато твърди, че сред находките от Аджигьол някои мъниста са същите като тези, изобразени върху огърлицата на наколенник (?) № 1 [11, S. 218; 13, p. 52; 44, S. 162–163], логично възниква възможността лицето върху въпросния артефакт да представя всъщност самия покойник. Подобно предположение би могло да намери подкрепа и в лесно разпознаваемата схематична антропоморфна фигура, очертаваща се и при четирите паметника. Всички изложени дотук аргументи ми дават основание да допусна, че става дума за четири изображения на починали представители на тракийския владетелски елит, създадени за нуждите на съответните погребални церемонии[2]. В такъв случай би било по-коректно да се говори не за сребърни наколенници, а за сребърни изображения на починалите. Това би означавало, че различните иконографски елементи, включително наличието до момента на два вида татуиране, върху разглежданите паметници ще са предопределени от личностните различия по отношение на воински постижения, социален и религиозен статус на всеки един от тях.

Единствено бъдещи находки и нови задълбочени анализи, необременени от традиционно наложили се хипотези, биха показали дали така очерталите се възможности са реални. Отнесено към сребърния съд от Мастюгино, с който започна настоящето изложение, казаното дотук създава поредната алтернатива. Прави впечатление, че върху него са били изобразени три (не четири, нито две) човешки лица, но поради фрагментарното му състояние остава неясно, как са изглеждали двете, които са загубени за съвременните изследователи. Възможно е, разбира се, трите лица да са били еднакви, т. е. и трите да са били двустранно татуирани, по начина, който се вижда върху запазената част от съда. Потенциално съществува и друга възможност, която е подсказана от анализираните тук тракийски сребърни наколенници (?): трите лица да са били различни, като едното би могло да е било нетатуирано, второто — едностранно татуирано и само третото да е било с двустранна татуировка. Евентуалното бъдещо доказване на една от тези две възможни реконструкции би подсказало съответна интерпретация не само на този паметник.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Манцевич А. П.* Мастюгинские курганы. По материалам из собрания Государственного Эрмитажа // АСГЭ. — 1973. — Вып. 15.
2. *Манцевич А. П.* Серебряный сосуд Мастюгинского кургана // АА. — 1958. — Vol. 9.
3. *Венедиков И.* Новооткрито тракийско могилно погребение във Враца // Археология. — 1966. — Кн. 1.
4. *Торбов Н.* Могиланската могила във Враца. — Враца, 2005.

[1] Подобна информация е налична за Маломирово–Златиница (лично съобщение на откривателя Даниела Агре, за което ѝ благодаря) и за Враца: „при главата на покойника на ок. 60 см" [виж 3, с. 11]. Коректно е да се каже също, че в Могиланската могила във Враца шлемът [4, с. 135, табл. IX, № 10] е бил на ок. 80 см от десния крак, но при погребението той бил разтрошен на части и затрупан с камъни. При подобна ситуация не би трябвало, според мен, да се очаква присъствието му при главата на мъртвия.

[2] Погребалният характер на тракийските сребърни кнемиди (?) е предположен още от Berciu [13, p. 120].

5. *Theodosiev N.* North-Western Thrace from the Fifth to First Centuries BC (BAR International Series, 859). — Oxf., 2000.
6. *Ognenova-Marinova L.* L'armure des Thraces // Archaeologia Bulgarica. — 2000. — No. 3.
7. *Ancient* Gold. The Wealth of the Thracians. Catalog accompanying a traveling exhibition. — N. Y., 1998.
8. *Маразов И.* Наколенникът от Враца. — София, 1980.
9. *Венедиков И.* Съкровището от Враца. — София, 1975.
10. *Венедиков И., Герасимов Т.* Тракийското изкуство. — София, 1973.
11. *Berciu D.* Das thraco-getische Fürstengrab von Agighiol in Rumänien // Bericht der RGK. — 1973. — Bd. 50.
12. *Berciu D.* Arta traco-getică // Biblioteca de Arheologie. — 1969. — T. 14.
13. *Berciu D.* Contribution à l'étude de l'art thraco-gète. — Bucureşti, 1974.
14. *Sîrbu V., Sîrbu L.* L'art des Gétes — un art narrative et symbolique // Thrace in the Graeco-Roman World / A. Iakovidou (ed.). — Athens, 2007.
15. *Sîrbu V.* Agighiol — la tombe d'un basileus gète de la Dobroudja // Phosphorion. Studia in honorem Mariae Čičikova / D. Gergova (ed.). — Sofia, 2008.
16. *Alexandrescu P.* Le groupe de trésors thraces du nord des Balkans (II) // Dacia, N. S. — 1984. — T. 28.
17. *Farkas A. E.* Style and Subject Matter in Native Thracian Art // Metropolitan Museum Journal. — 1981. — Vol. 16.
18. *Маразов И.* Парадните наколенници в древна Тракия. — София, 2010.
19. *Agre D.* Royal grave from the mid-4th century BC from a tumuls near the village of Malomirovo-Zlatinitsa, Yambol region // M. Reho, P. Ilieva. Thracian Treasures from Bulgaria. — Borina Publishing House, 2006.
20. *Венедиков И., Павлов П.* Съкровището от Летница. — София, 1974.
21. *Alexandrescu P.* Le groupe de trésors thraces du nord des Balkans (I) // Dacia, N. S. — 1983. — T. 27.
22. *Венедиков И.* Тракийското съкровище от Летница. — София, 1996.
23. *Kull B.* Tod und Apotheose. Zur Ikonographie in Grab und Kunst der jüngeren Eisenzeit an der unteren Donau und ihrer Bedeutung für die Interpretation von "Prunkgräbern" // BerRGK. — 1997. — Bd. 78.
24. *Бошнаков К.* Тракийска древност. — София, 2000.
25. *Бошнакова А.* Съкровището от Летница: опит за тълкуване // Старини. — 2000. — Кн. 1.
26. *Reho M., Ilieva P.* Thracian Treasures from Bulgaria. — Borina Publishing House, 2006.
27. *Boteva D.* Bemerkungen über den Kode einer thrakischen bildlichen Erzählung // Von Domica bis Drama / V. Nikolov, K. Băčvarov (Hrsg.). — Sofia, 2004.
28. *Ботева Д.* Как „четем" посланията на тракийските торевти? // Phosphorion. Studia in honorem M. Čičikova / Д. Гергова (ред.). — София, 2008.
29. *Knauer E. R.* Knemides in the East? Some Observations on the Impact of Greek Body Armor on „Barbarian" Tribes // Nomodeiktes: Greek Studies in Honor of Martin Ostwald / R. M. Rosen, J. Farrell (eds.) — Michigan, 1993.
30. *Kitov G.* The newly discovered tomb of the Thracian ruler Seuthes III // Archaeologia Bulgarica. — 2005. — No. 2.
31. *Rusu M.* Das keltische Fürstengrab von Ciumeşti in Rumänien // BerRGK. — 1969. — Bd. 50.
32. *Andronikos M.* Vergina. The Royal Tombs and the Ancient City. — Athens, 1984.
33. *Palagia O.* The Tomb of Philip at Vergina: Which Philip? // Beazley Archive Lecture Series. — [Электронный ресурс]. Режим доступа : www.Beazley.ox.ac.uk/archive/lectures/palagia.htm.
34. *Riginos A. S.* The wounding of Philip II of Macedon: Fact and Fabrication // Journal of Hellenic Studies. — 1994. — Vol. 114.
35. Φίλιππος βασιλεύς Μακεδόνων / επιμέλεια: Λουίζα Δ. Λουκοπούλου, Μιλτιάδης Β. Χατζόπουλος. — Αθηνα, 1980.
36. *Engelmann R.* Krieger aus Dodona // Archäologische Zeitung. — 1882. — Bd. 40.

37. *Maaß M.* Review on Emil Kunze: Beinschienen. Berlin/New York: de Gruyter 1991 // Gnomon. — 1995. — Hft. 2.
38. *Fortenberry D.* Single Greaves in the Late Helladic Period // American Journal of Archaeology. — 1991. — No. 4.
39. *Piotrovsky B., Galanina L., Grach N.* Scythian Art. — Leningrad, 1986.
40. *Zerbini L.* L'armatura perduta. — Soveria Mannelli, 2009.
41. *Koenigs-Philipp H.* Waffenweihungen // Die Funde aus Olympia / A. Mallwitz, H.-V. Herrmann (Hrsg). — Athen, 1980.
42. *Ботева-Боянова Д.* Проблеми на тракийската история и култура (Нов поглед върху сведения на Херодот и Тукидид). — София, 2000.
43. *Taylor T.* Flying stags: icons and power in Thracian art // The archaeology of contextual meanings / I. Hodder (ed.). — Cambridge University Press, 1987.
44. *Moscalu E.* Das thrako-getische Fürstengrab von Peretu in Rumänien // BerRGK. — 1989. — Bd. 70.
45. *Mallwitz A., Herrmann H.-V.* Die Funde aus Olympia. Ergebnisse 100–jähriger Ausgrabungstätigkeit. — Athen, 1980.
46. *Kunze E.* Beinschienen. Olympische Forschungen 21. — B., 1991. — (non vidi).
47. *Oppermann M.* Thraker zwischen Karpatenbogen und Ägäis. — Leipzig, 1984.
48. *Фол А.* История на българските земи в древността до края на III в. пр. Хр. — София, 1997.
49. *Liddell H. G., Scott R.* A Greek-English Lexicon. Eighth edition revised throughout. — N. Y., 1897.
50. *Aristophanes.* Fragments / ed. and transl. by J. Henderson. — Harvard University Press, 2007.
51. *Ботева-Боянова Д.* За тракийския образен език и пътя към неговото «разчитане» // Образ и култ в древна Тракия. Аспекти на формирането на тракийския образен език. — Велико Търново, 2006.
52. *Boteva D.* Die Suche nach dem Kode der Weihereliefs einer schriftlosen Kultur // Zeichen in der Archäologie (Zeitschrift für Semiotik). — 2006. — Hft. 1.
53. *Kitov G.* Golyama Kosmatka Tumulus // M. Reho, P. Ilieva. Thracian Treasures from Bulgaria. — Borina Publishing House, 2006.
54. *История* на България. — София, 1979. — Т. 1.
55. *Уилямс А. Р.* Българската треска за злато // National Geographic. — България. — 2006. — Декември.

Резюме

Ботева Д. В. *Фракійські срібні поножі (?) та срібна посудина з Мастюгіна — можливості альтернативної інтерпретації*

Людське обличчя, зображення якого помітне на срібній посудині з с. Мастюгіно (Воронезька обл., Росія), вражає позолоченими лініями, що, найімовірніше, позначають татуювання. Вони близькі до зображень на виявлених в багатих фракійських курганних похованнях IV ст. до н. е. чотирьох срібних позолочених предметах, які прийнято вважати поножами. Верхні частини цих артефактів оформлені у вигляді людського обличчя, яке інтерпретується переважно як зображення Великої Богині Матері. Незважаючи на очевидну схожість, згадані предмети утворюють дві підгрупи: на двох з них людські обличчя мають татуювання, в той час як на двох інших татуювань немає. Відрізняються вони й оформленням нижньої частини — під людськими обличчями, які не відзначені золотими лініями (тобто татуюванням), зображені різні фігуративні сцени, а під татуйованими обличчями таких сцен немає. Ретельний аналіз цих виробів дозволяє засумніватися у правомірності традиційної думки про те, що вони були виготовлені в якості поножей, а також запропонувати альтернативну інтерпретацію зображених на них людських облич. Крім того, в статті запропоновано два можливих варіанти реконструкції зображень на срібній посудині з Мастюгіна.

Ключові слова: антропоморфні фігури, аплікація з Летниці, Мастюгіно, вершник, срібні поножі (?), татуйовані обличчя, «фракійські» змії.

Резюме

Ботева Д. В. *Фракийские серебряные поножи (?) и серебряный сосуд из Мастюгино — возможности альтернативной интерпретации*

Человеческое лицо, изображение которого различимо на частично сохранившемся серебряном сосуде из с. Мастюгино (Воронежская обл., Россия), впечатляет позолоченными линиями, вероятнее всего, обозначающими татуировку. Они находят близкие параллели с изображениями на обнаруженных в богатых фракийских курганных захоронениях IV в. до н. э. четырех серебряных позолоченных предметах, которые принято считать поножами. Верхние части этих артефактов оформлены в виде человеческого лица, которое интерпретируется преимущественно как изображение Великой Богини Матери. Несмотря на очевидное сходство, рассматриваемые предметы образуют две подгруппы: на двух из них человеческие лица имеют татуировки, в то время как на двух других татуировки не обозначены. Отличаются они и оформлением нижней части — под человеческими лицами, не отмеченными золотыми линиями (т. е. татуировкой), изображены различные фигуративные сцены, а под татуированными лицами такие сцены отсутствуют. Тщательный анализ этих изделий позволяет поставить под сомнение правомерность традиционного мнения о том, что они были изготовлены в качестве поножей, а также предложить альтернативную интерпретацию изображенных на них человеческих лиц. Кроме того, в статье предлагаются два возможных варианта реконструкции изображений на серебряном сосуде из Мастюгино.

Ключевые слова: антропоморфные фигуры, аппликация из Летницы, Мастюгино, всадник, серебряные поножи (?), татуированные лица, «фракийские» змеи.

Summary

D. Boteva. *The Thracian Silver Greaves (?) and the Silver Vessel from Mastyugino — Possibilities of an Alternative Interpretation*

The human face, still visible on the fragmentary preserved silver vessel from Mastyugino (Voronezh district, Russia), impresses with the gilt lines, which most probably indicate a tattoo. They find a close parallel in the Thracian silver gilt greaves dated to the 4th century B. C. The upper part of these four artifacts, all found in rich graves with tumuli, is shaped as a human face predominantly interpreted as imaging the Great Mother Goddess. Despite the obvious similarity between these four items, they form two distinctive subgroups: the human faces on two of them are tattooed (the parallel with the Mastyugino vessel is self-imposing) while the human faces on the other two are without a tattoo. Each subgroup shows a similar or almost similar decoration of the lower part of the artifacts: beneath the human faces not marked by gilt lines, i.e. by tattoos, different figural scenes are represented, while beneath the tattooed faces such figural scenes are missing. A thorough analysis of these four items puts forward the necessity of questioning the traditional opinion that they were produced and thought about as greaves and of offering an alternative interpretation of the human faces. Two possible reconstructions of the Mastyugino silver gilt vessel are offered as well.

Key words: anthropomorphic figure, appliqué from Letnitsa, Mastyugino, rider, silver greave (?), tattooed face, «Thracian» serpents.

П. Делев

Войни на север, от Филип II до Лизимах

Осъществени в сравнително кратък период от време (по-малко от 50 години), пет големи военни кампании, насочени на север към Долния Дунав и отвъд него, бележат на пръв поглед трайна насока на завоевателната политика на древните македонци през втората половина на IV и началото на III в. пр. Хр. Останали в значителна степен в сянка на по-известните военни кампании на Филип, Александър и диадохите, тези войни на север са оставили фрагментарна и далеч непълна следа в античните извори, а модерната историография в много случаи им приписва предвзети и преувеличени цели. Внимателният анализ на запазените свидетелства показва по-скоро опортюнистическия и инцидентен характер на тези военни начинания, всяко от които е имало своите конкретни и специфични причини, цели и последствия.

1. Походът на Филип II срещу скитския цар Атей (339 г. пр. Хр.)

През пролетта на 339 г. пр. Хр. Филип II вдигнал неуспешната обсада на Перинт и Византион и с цялата си армия се отправил към река Дунав. Тази кратка военна експедиция е била предшествана от по-ранни действия в земите на гетите, още по време на голямата тракийска война от 342–340 г. пр. Хр.; сведенията за тях обаче остават твърде непълни и неясни [1, с. 6–7]. Не е известно в каква връзка с тези действия стои и бракът на Филип с една гетска принцеса, дъщеря на местния владетел Котелас (Athen. 13.5, p. 557d; Jordan. Get. 10.65). От същото време датират и първите контакти на Филип със скитския цар Атей, превърнали се впоследствие в основен повод за Филиповата кампания на север [за Атей виж например 2; 3, с. 71–80; 4, с. 200–204; за монетосеченето му 5, p. 33–50].

През четиридесетте години на четвърти век скитите на Атей нахлули в района на Долния Дунав и успели да се установят на южния бряг на реката в Северна Добруджа. Някои автори предполагат, че по това време скитите били притиснати и прогонени от собствената си територия от настъпващите на запад сармати [6, p. 86]; други им приписват период на разцвет, политическа консолидация и военна експанзия [2, с. 16–18]. Възможно е настъплението на скитите да се свърже поне отчасти и със западането на одриското царство след смъртта на Котис I.

Единственото изложение на последвалите събития е запазено в Юстиновите извлечения от Помпей Трог (Justin. 9.2.1–4). Според Юстин скитският цар Атей воювал с *хистрианите* и помолил Филип за помощ; по-късно обаче, тъй като царят на хистрианите умрял, изпратената от Филип войска била върната без заплащане. Писмо на Атей до Филип и пратеници на последния при скитския цар се споменават и у Плутарх (Plut. Mor. 174 e-f). Освен това Атей воювал успешно срещу трибалите (Polyaen. Strat. 7.44.1; Frontin. Strat. 2.4.20), а един цитат на Аристокрит у Климент Александрийски

@ П. Делев, 2017

му приписва заплашително писмо до бизантийците (Clem. Al. Strom. 5.31.3); според едно предположение вместо *бизантийци* в този текст следва да се чете *бизонити* [7].

Споменаването на Аполония като посредник позволява събитието да бъде отнесено към времето на голямата тракийска война между лятото на 342 и лятото на 340 г. пр. Хр. Противниците на Атей, „*хистрианите*“ водени от своя цар, остават енигматични; предлагана е идентификацията им било с трибалите на Полиен и Фронтин, които по това време се били придвижили на изток от първоначалните си територии, било с гражданите на гръцкия град Истрия, управлявани от местен тиран или може би подпомагани от царя на трибалите, било може би с местните гети, предвождани от собствения си цар и назовани с име, производно от това на реката Истрос [8, p. 19–20].

Скитският поход е започнал през пролетта на 339 г. пр. Хр. (Aeschin. 3.128) и е продължил най-много до средата на лятото (Justin. 9.2.10–16; ср. Plut. Mor. 174f; Frontin. Strat. 2.8.14; [Ps.]Lucian. Macrob. 10). Кампанията очевидно е била решена в едно генерално сражение; смъртта на възрастния Атей и свидетелствата за многобройни пленници и плячка предполагат, че победата над скитите е била решителна и те вероятно са били трайно прогонени отвъд река Дунав. Филип незабавно поел обратно, но на връщане македонската армия била нападната от трибалите, които си поискали част от скитската плячка. В последвалата битка Филип бил ранен тежко в бедрото, конят му бил убит под него и армията му се видяла принудена да отстъпи безславно, изоставяйки целия си обоз със спорната скитска плячка в ръцете на тракийците (Justin. 9.3.1–3). Маршрутът на Филиповото завръщане и локализацията на тази неблагополучна за него битка остават еднакво неясни; нерядко се допуска възможността македонската армия да се е придвижила на запад към Софийското поле и засадата на трибалите съответно се разполага някъде около северния подход към проходите през Западния Балкан или около средното течение на реката Искър [9, с. 35; 10, с. 26].

Причините за „*скитския поход*“ на Филип през 339 г. са също толкова спорни; единственият подробен извор, Юстин, обяснява кампанията с обидата на Филип от отпращането на изпратените в помощ на Атей македонски войски без да им се заплати (Justin. 9.2.4–10), добавяйки и твърдението, че Филип се надявал да покрие разходите на една война с приходите от друга (Justin. 9.1.9). Модерните историци обикновено подозират по-сериозни скрити причини и към желанието за военна и политическа компенсация след неуспешната обсада на Перинт и Византион добавят като вероятни мотиви нуждата от предотвратяване на възможна скитска опасност за новозавладените територии в Тракия, намерения за по-нататъшно разширяване на македонската агресия в района между Хемус и Истрос или претенции за предишните одриски владения в него. Впрочем, скитите в Северна Добруджа едва ли биха могли да представляват реална заплаха за земите на юг от Балкана, а макар и откъслечните сведения за светкавичната Дунавска кампания на Филип не създават впечатление за мащабен опит за трайно завладяване на значителна територия, съпоставим в някаква степен например с предходната двугодишна кампания в Югоизточна Тракия. Би могло да се предположи също като алтернативна или допълваща хипотеза, че походът на Филип е бил предприет в подкрепа на неговия тъст Котелас, вероятно по-директно застрашен от скитската експанзия, особено след победите на Атей над хистрианите и трибалите.

2. Походът на Александър Велики срещу трибалите (335 г. пр. Хр.)

Походът на Александър Велики към Дунава бил неговото първо мащабно военно начинание след поемането на царската власт; официално той бил насочен срещу вероломните трибали [11, p. 51–65; 12]. Единственият по-подробен извор за събитията е Анабазисът на Флавий Ариан (Arr. Anab. 1.1.4–4.8; ср. Strabo 7.3.8; Diod. 17.8.1; Plut. Alex. 11.2; Curt. 9.6.20; Polyaen. Strat. 4.3.11). Неясните в неговия текст са породили много дискусии, особено във връзка с маршрута на македонската армия и местоположението

на някои географски реалии (реката Лигин, остров Певка). Тръгвайки от Амфиполис, Александър навлязъл в земите на „независимите тракийци“ и на десетия ден от пресичането на Нестос стигнал до планината Хемус. След трудно сражение с преградилите пътя му през Балкана тракийци, той навлязъл в земите на север от планината, разбил при реката Лигин някъде в днешна северна България част от войската на трибалите, но не успял да предприеме нищо съществено срещу укрилите се с добитъка и имуществото си на Дунавския остров Певка трибали и съседни тракийци начело с трибалския цар Сирмос, въпреки навременното пристигане на навлезлия от Черно море срещу течението на реката малък македонски флот. След едно демонстративно преминаване на Дунава, при което били обърнати в бягство събралите се на северния бряг гети и бил разграбен „*градът*“ им, Александър приел пратениците на трибалския цар и на останалите независими крайдунавски племена и сключил с всички тях договор за приятелство; сред другите се появили дори пратеници на поселилите се край Адриатическо море келти. След това Александър бързо се оттеглил на юг през земите на агриани и пеонци, тоест през Софийско и Кюстендилско към долината на Вардар, откъдето подхванал кампанията си срещу разбунтувалите се междувременно илирийци.

Тракийският поход започнал с настъпването на пролетта (Arr. Anab. 1.1.4); при преминаването на отвъдния бряг на Дунав високите жита служели за прикритие на войската (Arr. Anab. 1.4.1), т. е. вече сме в разгара на лятото. Ариан очевидно силно е резюмирал събития, запълнили поне няколко месеца. От обсъжданите в литературата варианти за пътя на Александър в началния етап на похода най-приемлив изглежда този през Родопите, както заради достатъчно красноречивия текст на Ариан, така и заради неоснователно пренебрегваното сведение у Светоний за Александровото жертвоприношение в родопското светилище на бесите, което едва ли може да се постави в друго време (Suet. Aug. 94.5). Гетите, срещу които Александър предприел своя демонстративен десант на левия бряг на Дунав, са най-рано засвидетелстваните в исторически извор представители на племенната група, изрично локализирани на север от реката.

Походът на Александър Велики срещу трибалите едва ли е имал приписваната му често с лека ръка свръхзадача да превърне река Дунав в „*стратегическа граница*“ на македонската държава от типа на римския Дунавски лимес [13, p. 46–47; 14, p. 25–30.]. Ако целите на похода са включвали подчиняването и присъединяването към македонската държава на териториите и племената между Стара планина и Дунав, то те очевидно са останали неосъществени. Според Ариан впрочем Александър желаел само да усмири войнствените си съседи преди похода на изток (Arr. Anab. 1.1.4); лесно е да се допусне също желанието за реванш след поражението на Филип от трибалите през 339 г. пр. Хр., на което младият Александър може би е бил непосредствен свидетел (Justin. 9.1.8).

Данните за участието на тракийски контингенти в армията на Александър Велики по време на източните войни, систематизирани у Хелмут Берве [15, Bd. 1, S. 133–139], потвърждават казаното по-горе за ограничения обхват на македонските завоевания в Северна Тракия. Очевидният дисбаланс в присъствието на северните и южните тракийски племена в Александровата армия изглежда отразява пряко различията в статута на тракийските територии на север и на юг от Балкана по отношение на македонската държава.

3. Походът на Зопирион (332/325 г. пр. Хр.)

Подчинената на македонците част на Тракия била организирана като самостоятелна административна област, поставена под управлението на специален „*стратег на Тракия*“ (Diod. 17.62.5; Arr. Anab. 1.25.2) [15, Bd. 1, S. 228; 16, S. 39–40; 17]. Като „*стратег на Европа*“ и пълномощен представител на Александър, Антипатър би следвало

да е разполагал след 334 г. пр. Хр. и с върховната власт над Тракия и „*стратегът на Тракия*“ да му е бил подчинен [15, Bd. 1, S. 227–228; 16, S. 38–45]. Твърде допустимо е да се мисли, обаче, че от самото начало статутът и взаимната субординация на двамата стратези не са били достатъчно стриктно определени.

Поименно са известни трима стратези на Тракия от времето на Александър Велики — линкестиецът Александър, син на Аероп, Мемнон и Зопирион. Александър бил стратег на Тракия от 336 до 334 т. пр. Хр., когато придружил царя си при преминаването в Азия, след като вероятно лично е ръководил набирането на тракийските контингенти за неговата армия [15, Bd. 2, S. 17–19, № 37; 18]. Оскъдните сведения за стратега Мемнон [15, Bd. 2, S. 254, № 499; 19, Sp. 653–654] са свързани основно с неговия бунт срещу Антипатър в края на тридесетте години; събитията, споменати в същия пасаж у Диодор, са консулството на Гней Домиций Калвин и Авл Корнелий Кос Арвина в Рим (332 г. пр. Хр.), архонтството на Аристофонт в Атина (330/329 г. пр. Хр.), битката при Арбела (Гавгамела) през есента на 331 г. и въстанието на гърците начело със спартанския цар Агис III, което изглежда е започнало още през 332 г. и е завършило с битката при Мегалополис през лятото или есента на 331 г. (Diod. 17.62.1–63.1) [15, Bd. 2, S. 8–9, № 15]. От хронологическата бъркотия у Диодор може да се извлече като указание за датата на Мемноновия бунт единствено връзката със събитията в Пелопонес: Антипатър прекратил набързо войната в Тракия, за да предприеме спешни действия срещу Агис вероятно през 331 г. пр. Хр. В литературата е наложена хипотезата, че бунтът на Мемнон е бил насочен само срещу наместника на Александър Антипатър и произтичал от неуредените взаимоотношения между двамата стратези; Карл Белох дори го окачествява като „*предшественик на борбите между диадохите*“ [20, S. 647].

Диодор, който единствен разказва за бунта на Мемнон, за съжаление не споменава нищо за другия стратег на Тракия, Зопирион [21], а сведенията за него у Юстин и Курций Руф са хронологически несъвместими. Според Юстин, Александър научил за злополучния поход на Зопирион „*в Скития*“ от писмо на Антипатър, което получил след смъртта на Дарий III (лятото на 330 г. пр. Хр.) и което съдържало също сведения за войната на Антипатър срещу спартанския цар Агис (331 г. пр. Хр.) и за похода на епирския цар Александър в Италия (330 г. пр. Хр.) (Justin. 12.1.4–5). Прологът към 12 книга на Помпей Трог (Trog. Prol. 12) поставя разказа за гибелта на Зопирион „в Понта“ в голямо отстъпление за дейността на Антипатър в Европа, съдържащо сведения, освен за походите на епирския цар Александър и на Зопирион, и за този на спартанския цар Архидам в Италия (343–338 г. пр. Хр.), към което била добавена и най-старата история на италийските племена. Курций Руф също говори за писмо, получено от Александър, само че много по-късно — през зимата на 325/324 г. пр. Хр., след завръщането на Александър в Персия; то съдържало сведения за събитията, станали в Европа и Азия по време на покоряването на Индия, т. е. през 327–325 г. пр. Хр. (Curt. 10.1.43–45). Според един пасаж у Макробий пък Зопирион обсаждал Бористенес (Олбия), но градът успял да се спаси, прибягвайки до крайни мерки — робите били освободени, чужденците получили граждански права, всички държавни дългове били опростени (Macrob. Saturn. 1.11.33).

В научната книжнина са предлагани три алтернативни варианта за реконструкция на тези събития. Според единия, който отдава предпочитание на версията на Юстин, Зопирион е станал стратег на Тракия вероятно още през 334 г., а Мемнон го е наследил на този пост при заминаването му на север или чак след смъртта му; походът на Зопирион се поставя в 332–331 г. пр. Хр., а бунтът на Мемнон се свързва със споменатото от Курций Руф надигане на одрисеца Севт [22, с. 43; 23]. Вторият вариант възприема идеята, че Мемнон и Зопирион са заемали едновременно различни длъжности, единият като стратег на Тракия, другият като „*префект на Понта*“ според формулата на Юстин; и двамата в такъв случай може да са били поставени на длъжност

от самия Александър през 334 г. пр. Хр., а гибелта на Зопирион и бунтът на Мемнон се отнасят, все по Юстин, отново към 332–331 г. пр. Хр. [24, S. 392]. Третият и най-често поддържан вариант поставя Зопирион след Мемнон като стратег на Тракия, осланяйки се на сведението на Курций Руф и пренебрегвайки Юстин; походът на Зопирион се поставя съответно било още в 329/328 г. пр. Хр. [25, p. 70–71; 26, p. 77, 204; 27, c. 189], било (с повече основания) чак в 326/325 г. пр. Хр. [15, Bd. 2, № 340; 28, S. 44–45]. И трите мнения имат своите плюсове и минуси; състоянието на изворите не позволява за съжаление въпросът да получи окончателно и сигурно решение.

Целите и характерът на похода на Зопирион остават неясни поради противоречивите сведения. Някои автори предполагат, че кампанията е била предприета по нареждане на Александър с цел свързване на европейските владения със завоеванията в Бактрия през земите на Скития, с допускане на погрешни географски представи, идентифициращи реките Танаис и Яксарт и съответно генерално подценяващи разстоянията [21, Sp. 764]. Хипотезата обаче противоречи на изричното твърдение на Юстин, че Зопирион предприел войната срещу скитите по своя лична инициатива (Justin. 12.2.16).

4. Първата гетска война на Лизимах (297 г. пр. Хр.?)

Повечето съвременни изследователи разграничават две войни на Лизимах срещу гетите; по-добре документирана от тях е втората, която се отнася към края на първото десетилетие на III в. пр. Хр. Два изворови текста лежат в основата на съществуващите опити за реконструкция на събитията от „първата“ гетска война. Единият е кратък фрагмент от 21 книга на Диодор Сицилийски, който гласи: „*Тракийците пленили Агатокъл, царския син, но го освободили с дарове както за да си осигурят убежище срещу превратностите на съдбата, така и с надеждата да получат чрез този доброжелателен акт обратно тази част от земите си, която Лизимах им бил отнел. Те вече не се надявали да победят във войната, след като всички могъщи царе се били споразумели и били в съюз помежду си.*“ (Diod. 21.11). Към този текст се добавя и следното доста объркано и неясно съобщение на Павзаний, поместено преди разказа за войната на Лизимах с Антигон в Азия през 302/301 г. пр. Хр.: „*След това Лизимах воювал със съседите си, първо с одрисите, после с гетите и Дромихет. Срещайки противници, опитни във война и превъзхождащи го по численост, самият той успял да се спаси от изключително опасно положение, но синът му Агатокъл, който участвал в поход с него за първи път, бил пленен от гетите. Лизимах претърпял и други поражения и, отдавайки голямо значение на пленяването на сина си, сключил мир с Дромихет, като отстъпил на гетския цар своите владения отвъд реката Истрос и дори се видял принуден да му даде дъщеря си за жена. Други казват, че не Агатокъл, а самият Лизимах бил взет в плен и бил освободен, когато Агатокъл сключил примирие с гетския цар от негово име. При връщането си той оженил за Агатокъл Лизандра, дъщерята на Птолемей Лаг и Евридика*“ (Paus.1.9.6). Както се вижда, Павзаний смесва сведенията за двете гетски кампании (първата, при която бил пленен Агатокъл, и втората, при която в плен попаднал самият Лизимах), смятайки ги за вариантни разкази за едно и също събитие. Той е и единственият античен автор, който във връзка с гетските войни и Дромихет предлага изрична географска локализация „*отвъд*“, тоест на север от Дунава, макар и само по повод на отстъпени от Лизимах на гетите територии.

Опитите да се съчетаят двете сведения (на Диодор и Павзаний) и да се вместят в общата картина на събитията от периода е довел до няколко алтернативни и еднакво хипотетични решения. Единият вариант датира „*първата*“ гетска война изцяло преди войната с Антигон, тоест преди 302 г. пр. Хр.; той се доверява на хронологическия ред у Павзаний и на неговото твърдение за ранната дата на брака на Агатокъл с Лизандра („*вече имали деца, когато Лизимах се оженил за Арсиное*“), пренебрегвайки хронологическите податки във фрагмента на Диодор [29, Sp. 6–7].

Втори вариант датира първата гетска кампания по време или непосредствено след войната с Антигон, тоест около 301–299 г. пр. Хр. [30, S. 58–60, 72; 31, p. 97–98]. Презумпцията е, че Агатокъл е бил оставен като наместник на баща си в Тракия при преминаването на Лизимах в Азия, а гетите са се възползвали от опразването на района от войски, за да нападнат и пленят младия принц; освобождаването му би дошло логично в светлината на нарастналия авторитет и военни възможности на Лизимах след битката при Ипсос. Трето мнение отнася кампанията към 297 г. пр. Хр. въз основа на Диодоровото твърдение за мира между всички царе [32, p. 116–119; ср. 33, p. 141–142]. Други автори отнасят същото твърдение към ситуацията, възникнала вследствие принуденото примирие между Лизимах и Деметрий след завземането на властта в Македония от последния; така целият епизод с пленяването на Агатокъл може да бъде поставен около началото на голямата гетска война [33, p. 183–184; 34, p. 61]. Някои автори пък, подобно на Павзаний, се съмняват в достоверността на сведенията за пленяването на Агатокъл, смятайки ги за дублетен вариант на основната версия с пленяването на самия Лизимах от гетите [28, S. 225; 35, p. 45–46].

Един характерен, но обикновено пренебрегван детайл позволява да бъдат изказани някои допълнителни съображения. В големия фрагмент от 21 книга на Диодор, разказващ за пленяването на самия Лизимах в хода на основната кампания срещу Дромихет в края на 90-те години, на два пъти се споменава, че гетския цар се обърнал към своя пленник с обръщението „*татко*“ (Diod. 21.12.2, 6). Контекстът на този двукратно повторен детайл е загубен заедно с останалата извън фрагмента част от разказа на Диодор. Единственото смислено обяснение идва от сведението у Павзаний за брака на гетския владетел с Лизимахова дъщеря като едно от условията на мира, осигурил освобождаването на пленения Агатокъл (Paus. 1.9.6). Отнасянето на това сведение към уреждането на отношенията след „*втората*“ война явно противоречи на обстоятелствата в Диодоровия фрагмент, където Дромихет използва обръщението „*татко*“ към току-що пленения Лизимах; очевидно за предпочитане е вариантът династическият брак да се отнесе към резултатите на „*първата*“ гетска война, какъвто е впрочем и буквалният текст на Павзаний. В такъв случай комбинацията от сведенията на Диодор и Павзаний като че ли преди всичко потвърждава оспорваната реалност на този по-ранен сблъсък, а това повишава автоматично стойността и на останалата информация у Павзаний — за пленяването на Агатокъл, „*другите поражения*“ на Лизимах и, като част от финалното уреждане, освен сватбата — отстъпването на територии. Тази реконструкция прави по-малко вероятна възможността за късно датиране на „*първата*“ гетска война; най-приемливо и удовлетворяващо фиксираните у Диодор и Павзаний обстоятелства засега продължава да изглежда предположението за датиране на „*първата*“ гетска война (или поне на заключителния ѝ етап) около 297 г. пр. Хр.; то обаче задължително ще остане хипотетично поради несигурността на самите извори.

Ако сумираме това, което остава вероятно при съпоставянето на наличните сведения, изглежда, че в годините след Ипсос провокираният от офанзивни действия на гетите Лизимах лично е оглавил експедиция срещу тях, в която за пръв път бил придружаван от първородния си син Агатокъл, по това време около двадесетгодишен. По време на кампанията срещу „*опитните във война и превъзхождащи го по численост*“ гети диадохът изпаднал в критична ситуация и успял да се измъкне, но синът му Агатокъл бил пленен. Впоследствие Лизимах претърпял и други поражения от гетите. Последните обаче, като не се надявали вече да победят във войната „*след като всички могъщи царе се били споразумели и били в съюз помежду си*“ (297 г.?), се съгласили да сключат мир и освободили Агатокъл „*с дарове*“, за да получат обратно „*тази част от земите си, която Лизимах им бил отнел*“. Мирният договор бил скрепен с брака на Дромихет и неназована дъщеря на Лизимах [36, с. 204–209].

5. Втората гетска война на Лизимах (294–291 г. пр. Хр.?)

Макар и споменавана в значителен брой антични извори, в своята цялост „*втората*“ гетска война на Лизимах остава също твърде слабо позната. Едностранчивите и пръснати сведения съдържат главно отглас от куриозните събития около пленяването на Лизимах с цялата му армия и последвалото им освобождаване от гетския цар Дромихет, докато многобройни и съществени проблеми около причините, хронологията и географската локализация на войната, хода на военните действия, условията на постигнатия мир и прочие остават спорни и неясни. Най-подробното запазено антично описание се съдържа в един голям фрагмент от 21 книга на Диодор Сицилийски (Diod. 21.12), белязан от явни морализаторски тенденции.

Причините за конфликта между Лизимах и Дромихет остават неясни; възможно е те да се крият в резултатите от „*първата*“ гетска война, които вероятно не са били изгодни за Лизимах [37, S. 275]. Идеята предполага планирана и подготвена завоевателна експедиция на Лизимах в гетските земи, за каквато достатъчно определено се говори в изворите (Strabo 7.3.14, 7.3.8; Polyaen. Strat. 7.25) — но дали тя не е била ответна реакция на Лизимах след първоначални действия на гетите? Основания за това се търсят в общата политическа ситуация — между кампанията срещу малоазийските градове (296–294 г. пр. Хр.) и избухналата криза около македонското наследство от гледна точка на Лизимах едва ли би било целесъобразно да отклонява вниманието си далеч на север [30, S. 72; 29, Sp. 15]; допуска се и възможна намеса на Деметрий Полиоркет, който не би пропуснал да насърчи нападение на гетите срещу Лизимах, което му е осигурило оперативен простор в Македония [30, S. 72; 38, p. 88]. Впрочем, и този път слабото познаване на хронологията и детайлите на събитията не позволява изричност на заключенията; напълно възможно е, след приключване на малоазийската кампания и още преди събитията в Македония да вземат непредвидимия обрат, довел до установяването там на властта на Деметрий Полиоркет, Лизимах сам да се е ангажирал с вероятно отдавна отлагания конфликт с гетите. Във всеки случай, когато избухва кризата в Македония, гетската война изглежда вече е била в ход (ср. Plut. Pyrrh. 6.6; Justin. 16.1.19; Oros. 3.23.52; Porphyr. fr. 3.3 FHG = Syncell. 504).

Хронологията на „*втората*“ гетска война, макар и много по-определена в сравнение с тази на „*първата*“, остава твърде дискусионна в детайлите. Определянето на началната дата е в зависимост от цитирания вече пасаж на Юстин (повторен и у Павел Орозий), свързващ сключения между Лизимах и Деметрий Полиоркет мир с войната срещу Дромихет (Justin. 16.1.19; Oros. 3.23.52). Беглото споменаване на Порфирий Тирски (у Георги Синкел), че прогоненият от Деметрий Антипатър побягнал при тъста си Лизимах „*край Понта*“, говори практически за същото (Porphyr. fr. 3.3 FHG = Syncell. 504). Но точната дата на възцаряването на Деметрий (по-рано или по-късно в 294 г. пр. Хр.?) остава спорна; интервалът от възцаряването до прогонването на Антипатър и сключването на мира с Лизимах е с неясна дължина; от друга страна и войната между Лизимах и Дромихет е започнала може би дълго време преди фиксирания от сведението момент. Известията за активността на Лизимах в Азия до 294 г. пр. Хр. (ср. Plut. Demetr. 35.5) не позволяват началото на войната да се търси преди 294 г. и то най-често се поставя в 294 или 293 г. пр. Хр., в повечето случаи с уговорката, че основният поход на Лизимах в гетските земи и неговото пленяване от Дромихет са с една или две години по-късни [29, Sp. 15; 30, S. 72; 31, p. 133; 32, p. 154; 35, p. 45].

Достигналите до нас извори пресъздават твърде схематично развитието на събитията. В една от стратегемите на Полиен се разказва за Севт, стратег на Дромихет, който се представил за беглец и заблудил Лизимах, отвел го в неудобни места и така предопределил изхода на войната (Polyaen. Strat. 7.25). Макар и посочената у Полиен цифра 100 000 да е очевидно преувеличена, Лизимах явно е нахлул в гетските

пределите с внушителни сили. Гетите пък очевидно са се отклонили от открито сражение, примамвайки македонците в неудобни места (Polyaen. Strat. 7.25). Измъчвана от глад и жажда (Polyaen. Strat. 7.25; Diod. 21.12.1; Strabo 7.3.14; Plut. Mor. 126 e—f, 183 e, 555 d-e) и нападана от Дромихет (Polyaen. Strat. 7.25), армията на Лизимах се оказала в безнадеждно положение и той се видял принуден да се предаде в плен (Diod. 21.12.3; Trog. Prol. 16; Plut. Demetr. 39.6; Plut. Mor. 126 e-f, 183 e, 555 d—e; Strabo 7.3.8, 7.3.14; Memnon 5.1 Jacoby). Вестта за пленяването на Лизимах подбудила Деметрий Полиоркет да нахлуе в Тракия; той очаквал да намери страната беззащитна и лесно да я завладее (Plut. Demetr. 39.6). Но избухналото въстание в Беотия (Plut. Demetr. 39.6 sqq.; Diod. 21.14) и съобщението за освобождаването на Лизимах от Дромихет (Diod. 21.12.3–6; Strabo 7.3.8, 7.3.14; Plut. Demetr. 39.6, 52.6; Trog. Prol. 16; Memnon 5.1 Jacoby) го принудили да се върне обратно. Намесата на Деметрий дава още една възможност за относително уточняване на хронологията на събитията. За съжаление двете беотийски въстания срещу Деметрий, които дават хронологическите рамки на епизода, не подлежат на прецизно датиране и се поместват най-общо в интервала между възцаряването на Деметрий в Македония в 294 г. пр. Хр. и Питийските игри в 290 г. пр. Хр. (Plut. Demetr. 40.7) [39, S. 190–191]. На базата на тези изходни данни пленът на Лизимах у гетите и интервенцията на Деметрий в Тракия се поставят различно в 293 г. [29, Sp. 14], в 292 г. [31, p. 133; 33, p. 182–185; 40, S. 248; 41, p. 220] или дори в 291 г. пр. Хр. [32, p. 88; 35, p. 45]. Нахлуването на Деметрий в Тракия впрочем може би е било същинската причина гетите да освободят толкова бързо и лесно Лизимах [35, p. 45; ср. 42, p. 175–176].

Условията на мира, сключен между Лизимах и Дромихет, остават също доста неясни. Единственото сигурно документирано условие е връщането на гетските крепости, които Лизимах бил завзел (в хода на самата кампания или преди нея?) и чието местоположение е напълно неизвестно (Diod. 21.12.3, 6). Твърде вероятно изглежда гетите да са задържали заложници като гаранция за изпълнението на мирния договор; такъв ще да е бил случаят с Клеарх, синът на Амастрис, който останал в гетски плен и след освобождаването на Лизимах (Memnon 5.1 Jacoby) [30, S. 74; 31, p. 133].

В модерната историография е наложена традицията политическото обединение на Дромихет и разиграли се по време на войната с Лизимах събития да се ситуират в земите на север от Дунав [например 28, S. 225; 29, Sp. 15–16; 30, S. 2–74; 31, p. 132–135; 34, p. 31; 37, S. 275–278]. Някои изследователи ги поставят по-конкретно в Бесарабската степ между долните течения на Дунав и Днестър, с евентуално присъединяване на лесостепните райони на Молдавия, на Североизточна Мунтения или на деснобрежните райони на долния Дунав (т. е. Добруджа) [43, с. 237–238; 44, с. 83, 192]. Други защищават мнението за локализацията на ядрото на гетското царство във Влашката равнина, в Баръганската степ и околните райони на Източна Мунтения [26, p. 51–52; 45, p. 56–65] или още по-западно, около долината на река Арджеш [46, p. 97–100; 47, p. 271–274]. В противовес на преобладаващите мнения, една трета концепция преди време ситуира ядрото на Дромихетовата държава южно от Дунав, в крайдунавска Добруджа между Силистра и Тулча [27, с. 56–57; 48, с. 116]. Неотдавна настоящият автор защити една четвърта концепция, свързваща политическия център на гетското царство с археологически документирания гетски династически център край с. Свещари в Лудогорието [36, с. 218–229; 49; 50; 51, p. 15–18], чиито характеристики позволяват хипотетичната му идентификация с Дромихетовата столица (?) Хелис [52, с. 19–30; 53, с. 105–106].

ЛИТЕРАТУРА

1. *Делев П.* Филип II и Александър Велики в Северна Тракия // ИРИМ—Русе. — 2008. — Т. 12.
2. *Шелов Д. Б.* Царь Атей // НС. — 1965. — Вып. 2.

3. *Андрух С. А.* Нижнедунайская Скифия в VI — начале I в. до н. э. — Запорожье, 1995.
4. *Йорданов К.* Добруджа през I хилядолетие пр. н. е. Гети // История на Добруджа. — Велико Търново, 2011.
5. *Draganov D.* The Coinage of the Scythian Kings in the West Pontic Area. — Sofia, 2015.
6. *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. — Oxf., 1922.
7. *Iliescu V.* Le problème des rapports Scytho–Byzantins du IVe siècle av. n. è. // Historia. — 1971. — Bd. 20.
8. *Papazoglou F.* The Central Balkan Tribes in Pre–Roman Times. Triballi, Autariatae, Dardanians, Scordisci and Moesians. — Amsterdam, 1978.
9. *Кацаров Г. И.* Цар Филип II Македонски. История на Македония до 336 год. пр. Христа. — София, 1922.
10. *Геров Б.* Проучвания върху западнотракийските земи през римско време. Ч. 2 // ГСУ. Факултет по западни филологии. — 1967. — Т. 61. — Кн. 1.
11. *Bosworth A. B.* A Historical Commentary on Arrian's History of Alexander. Commentary on Books I—III. — Oxf., 1980.
12. *Йорданов К.* Походът на Александър Велики в Тракия // Thracia. — 1993. — № 10.
13. *Glotz G., Roussel P., Cohen R.* Alexandre et le démembrement de son empire. — P., 1938.
14. *Will E., Mossé Cl., Goukowsky P.* Le monde grec et l'Orient. — P., 1975. — T. 2. Le IVe siècle et l'époque hellénistique.
15. *Berve H.* Das Alexanderreich auf prosopographischer Grundlage. — München, 1926. — Bd. 1–2.
16. *Bengtson H.* Die Strategie in der hellenistischen Zeit. — München, 1937. — Bd. 1.
17. *Йорданов К.* Стратезите на Александър Велики в Тракия // История. — 1994. — Кн. 4–5.
18. *Kaerst J.* Alexandros (12) // RE. — 1894. — Bd. 1.
19. *Stahelin F.* Memnon (4) // RE. — 1931. — Bd. 15.
20. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. — Leipzig, 1922. — Bd. 3.
21. *Ziegler K.* Zopyrion (1) // RE. — 1972. — Bd. 19A.
22. *Жебелев С. А.* Северное Причерноморье. Исследования и статьи по истории Северного Причерноморья античной эпохи. — М.; *Л.*, 1953.
23. *Iliescu V.* Campania strategului Zopyrion la Dunărea-de-jos // Pontica. — 1971. — № 4.
24. *Droysen J. G.* Geschichte des Hellenismus. — Gotha, 1877. — Bd. 1^2.
25. *Tarn W. W.* Alexander the Great. — Cambridge, 1948. — Vol. 1.
26. *Pippidi D. M.* I Greci nel basso Danubio dall'età arcaica alla conquista romana. — Milano, 1971.
27. *Фол А.* Тракия и Балканите през ранноелинистическата епоха. — София, 1975.
28. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. — B.; Leipzig, 1925. — Bd. 4. — Abt. 1.
29. *Geyer F.* Lysimachus // RE. — 1928. — Bd. 14.
30. *Hünerwadel W.* Forschungen zur Geschichte des Königs Lysimachos von Thrakien. — Zürich, 1901.
31. *Possenti G. B.* Il re Lisimaco di Tracia. — Torino etc., 1901.
32. *Saitta G.* Lisimaco di Tracia // Kokalos. — 1955. — T. 1.
33. *Landucci Gattinoni F.* Lisimaco di Tracia: Un sovrano nella prospettiva del primo ellenismo. — Milano, 1992.
34. *Franco C.* Il regno di Lisimaco: strutture amministrative e raporti con le città. — Pisa, 1993.
35. *Lund H. S.* Lysimachus: A Study in Early Hellenistic Kingship. — L., 1992.
36. *Делев П.* Лизимах. — София, 2004.
37. *Droysen J. G.* Geschichte des Hellenismus. — Gotha, 1878. — Bd. 2^2.
38. *Saitta G.* Lisimaco di Tracia // Kokalos. — 1955. — T. 1.
39. *Gullath B.* Untersuchungen zur Geschichte Boiotiens in der Zeit Alexanders und der Diadochen. — Frankfurt am Main, 1982.
40. *Beloch K. J.* Griechische Geschichte. — B.; Leipzig, 1927^2. — Bd. 4. — Abt. 2.
41. *Walbank F. W.* The Hellenistic World. — L., 1981.

42. *Wehrli C.* Antigone et Démétrios. — Genève, 1968.
43. *Мелюкова А. И.* Скифия и фракийский мир. — М., 1979.
44. *Никулицэ И. Т.* Северные фракийцы в VI–I вв. до н. э. — Кишинев, 1987.
45. *Pârvan V.* Getica. O protoistorie a Daciei. — București, 1926.
46. *Daicoviciu C.* Dacica. Studii si articole privind istoria veche a pamîntului românesc. — Cluj, 1970.
47. *Trohani G., Nemoianu L.* Istorica politica a geto-dacilor in sec. VI—II î. e. n. // Revista de istorie. — 1981. — No. 2.
48. *Йорданов К.* Центрове на политически живот в гетските земи // Североизточна България — древност и съвремие. — София, 1985.
49. *Стоянов Т.* Гетската столица при Сборяново — проучвания, резултати, исторически проекции (част 1) // История. — 1996. — Кн. 5/6.
50. *Стоянов Т.* Гетската столица при Сборяново — проучвания, резултати, исторически проекции (част 2) // История. — 1997. — Кн. 1/2.
51. *Delev P.* Lysimachus, the Getae and archaeology // CQ. — 2000. — Vol. 50. — No. 1.
52. *Димитров К.* Държавата на тракийската „Свещарска" династия и нейните контакти през ранноелинистическата епоха // ИП. — 1987. — Кн. 12.
53. *Делев П.* Тракийският град при Свещари — една възможност за историческа идентификация // Terra antiqua Balcanica. — 1990. — Vol. 4.

Резюме

Делєв П. *Війни на півночі, від Філіпа II до Лісімаха*

Досить скупа на інформацію про взаємини між Балканами та Північним Причорномор'ям в античну епоху наративна традиція містить, проте, низку повідомлень про військові кампанії та конфлікти цього часу. У статті розглядаються декілька військових експедицій, проведених за порівняно короткий проміжок часу — між 339 і 291 р. до н. е., в напрямку з півдня на північ. Перша з них — проти скіфського царя Атея — відбулася в 339 р. до н. е. під керівництвом Філіпа II. Друга кампанія пройшла під керівництвом його сина Олександра Великого проти трибаллів в 335 р. до н. е. Третя, що відбулася між 332 і 325 р. до н. е., призвела до катастрофи македонського полководця Зопіріона. Ще дві кампанії, про які повідомляють джерела — це війни Лісімаха проти гетського царя Дроміхета. Наші відомості стосовно всіх п'яти конфліктів неповні й містять багато незрозумілого в хронологічному, географічному та фактологічному аспектах. Слід звернути увагу на цілі п'яти згаданих кампаній, які належать до проблем, найбільш активно обговорюваних сучасними істориками. Автор відстоює думку, що не існувало будь-якого систематичного та скоординованого македонського плану експансії на північ. Кожна з військових експедицій, що відбулися між 339 і 191 р. до н. е., мала свої особливі цілі, була спрямована на різні території, і, ймовірно, всі вони практично не були взаємопов'язаними.

Ключові слова: Македонія, Північне Причорномор'я, Дунай, Філіп II, Олександр Великий, Зопіріон, Лісімах.

Резюме

Делев П. *Войны на севере, от Филиппа II до Лисимаха*

Довольно скудная античная нарративная традиция, касаемая взаимоотношений между Балканами и Северным Причерноморьем содержит, между тем, ряд сообщений о военных кампаниях и конфликтах. В представленной статье рассматривается несколько военных экспедиций, проведенных за сравнительно короткий промежуток времени — между 339 и 291 г. до н. э., в направлении с юга на север. Первая из них — против скифского царя Атея — состоялась в 339 г. до н. э. под руководством Филиппа II. Вторая кампания прошла под руководством его сына Александра Великого против

трибаллов в 335 г. до н. э. Третья, состоявшаяся между 332 и 325 г. до н. э., привела к катастрофе македонского полководца Зопириона. Еще две кампании, о которых сообщают источники — это войны Лисимаха против гетского царя Дромихета. Наши сведения обо всех пяти конфликтах весьма неполны и содержат много неясного в хронологическом, географическом и фактологическом аспектах. Следует обратить внимание на цели рассматриваемых пяти кампаний, которые относятся к числу проблем, наиболее активно обсуждаемых современными историками. Автор отстаивает мнение, что не существовало какого-либо систематического и скоординированного македонского плана экспансии на север. Каждая из военных экспедиций, состоявшихся между 339 и 191 г. до н. э., имела свои особые цели, была направлена на различные территории, и, вероятно, все они практически не были каким-либо образом взаимосвязаны.

Ключевые слова: Македония, Северное Причерноморье, Дунай, Филипп II, Александр Великий, Зопирион, Лисимах.

Summary

P. Delev. *Wars in the North, from Philip II to Lysimachus*

The rather scanty ancient literary tradition on the interrelations between the Balkans and the North Black Sea area contains many accounts of military campaigns and conflicts. The present paper discusses several military expeditions, carried out over a comparatively short period of time, between 339 and 291 B. C., all in the same direction: from south to north. The first of these was lead by Philip II against the Scythian king Atheas in 339 B. C., the second — by his son Alexander the Great against the Triballi in 335 B. C., the third brought about, at an uncertain date between 332 and 325 B. C., the disaster of the Macedonian general Zopyrion somewhere in the North, and the remaining two were the wars of Lysimachus against the Getic king Dromichaetes. Our information on all five conflicts is very incomplete and many uncertainties surround their chronological, geographical and factual aspects. Attention is drawn on the aims of these five campaigns, which are among the problems most hotly discussed by modern historians. The author defends the opinion that there was no systematic and coordinated Macedonian plan for expansion in the North; the several military expeditions between 339 and 191 B. C. had each their particular objectives, were aimed at different territories and do not seem to have been practically connected in any feasible way.

Key words: Macedonia, North Black Sea area, Danube, Philip II, Alexander the Great, Zopyrion, Lysimachus.

Ив. М. Тодоров

О происхождении названия «Филиппополь» фракийского города Пульпудева (совр. г. Пловдив — Республика Болгария)

Название современного болгарского города Пловдив чаще всего связывается с транскрибированной на фракийском языке формой Пульпудева от названия Филиппополь[1] — города фракийцев, основанного македонским царем Филиппом II (359–336 гг. до н. э.). Несмотря на то, что о его существовании говорится только после похода Филиппа II Македонского во Фракию в 342/341 г. до н. э., по археологическим материалам начало устойчивой поселенческой жизни в области Треххолмия в центральной части Фракийской равнины и среднего течения реки Марицы прослеживается уже с эпохи неолита, а с конца II — начала I тыс. до н. э. можно говорить и о наличии там характерных признаков укрепительной системы [7, с. 3–80; 8, с. 27–40; 9, с. 7–8; 10, с. 40–41].

В исторических источниках Пульпудева, как фракийское название поселения, засвидетельствовано поздним римским писателем VI в. н. э. Иорданом (*Pulpudeva:* Iord. Rom. 221; 283). В трудах авторов эллинистической и римской эпох чаще всего использовалось название Филиппополь — «Филиппов град» (*Philippopolis/Philippoupolis:* Polyb. XXIII, 8, 5–7; Liv. XXXIX, 53, 10 (12–14); Tac. Ann. III, 38, 6; Dexipp. Scyth. frg. 27; Dexipp. Chron. frg. 22; Amm. Marc. XXI, 10, 3–4; XXVII, 10–14; Procop. De aedif. IV, 11; Luk. Fug. 22–26). От римских авторов до нас дошло, как равнозначное Филиппополю, и название Тримонциум (*Trimontium = Ulpia Philippopolis:* Plin. NH. IV, 11, 41; Ptolom. III, 11, 12). Реже встречаются название одной из городских фил — Евмолпия (*Eumolpias:* Amm. Marc. XXII, 2, 2; XXVI, 10, 4; XXVII, 4, 12; XXXI, 16, 1–2; Fest. Brev. 9, 3), и название Понерополь — «Город преступников» (*Poneropolis:* Theop. Frg. 107), также идентифицируемое с Филиппополем [11, S. 41; 12, p. 41–43; 13, с. 653–658; 14, с. 87–95].

Название города, как уже было отмечено, чаще всего связывается с походом Филиппа II Македонского в 342/1 г. до н. э., и в источниках его основателем прямо называется Филипп, сын Аминты (Dexipp. Scyth. frg. 27: …κτίσμα Φιλίππου τοῦ Ἀμύντου). Однако существуют и другие мнения, а именно, что название города связано с политикой Филиппа V Македонского (220–179 гг. до н. э.) в отношении Фракии в 183 и, вероятно, в 181 г. до н. э. или же с событиями римской эпохи, относящимися к правлению «солдатского» императора Филиппа Араба (244–249 гг. н. э.). Правда, что касается последнего предположения, то в комментариях к сообщению позднеантичного писателя Иордана (Iord. Rom. 283) поясняется, что город был основан

[1] О литературе и дискуссиях на эту тему в эпоху болгарского Возрождения см. [1, с. 74–87; 2, с. 346–347; 3, с. 69; 4, Sp. 2244–2263; 5, Sp. 743–744; 6, S. 173–176].

@ Ив. М. Тодоров, 2017

Филиппом Арабом в его родной местности Трахонитис, на берегу реки Иордан, перед ее впадением в Генисаретское озеро (ныне в Израиле) [15, с. 428, 431, бел. 29; 16, Sp. 839–840].

Подчеркнутая связь названия Филиппополь с историческими личностями эллинистической и римской эпох не вызывает сомнений. Проблема, чаще всего присутствующая в дискуссии о том, кем дано название Филиппополь городу, известному и с транскрипцией на фракийском языке в виде Пульпудева, имеет временные измерения и связывается с перечисленными выше именами македонских царей и римского императора.

Языковедческий анализ названия Филиппополь также не безразличен к этимологии указанного названия [2, с. 346–347; 17, с. 81–88; 175–183; 286–289; 18, с. 93–94; 19, с. 653–658]. Его начало восходит еще к XIX в. (см. литературу в прим. 1) и, в известной мере, связано с процессами национального Возрождения в Болгарии. Внимание исследователей того времени в основном было сосредоточено на транскрипции названия Филиппополь в его фракийской форме Пульпудева и современной — Пловдив. Наряду с этим указывались и такие засвидетельствованные источниками, но реже встречающиеся топонимы, как Понерополис и Тримонциум, а также позднее название Евмолпия.

В 20-е годы прошлого века М. Апостолидис [14, с. 90–93], ссылаясь на информацию Аммиана Марцеллина, Руфа Феста и Стефана Византийского относительно более раннего названия Филиппополя — Евмолпия (*Eumolpia vetus*), высказал предположение, что фракийцы обитали до IV в. н. э. на четырех из семи холмов города. Это были отдельные села, и их название, как и наименование одной из городских фил Филиппополя в римскую эпоху, соответствует местному названию *кендрисос* (Κενδρισος) [20, S. 239]. Однако предположение В. Добруски о раннем названии города в форме Евмолпия [21, с. 118] не разделяется такими исследователями, как Д. Калопотакис и Г. Кацаров. Более того, по их мнению, это название было дано позднее греческими поселенцами и относилось только к живущим на самом западном из холмов города [12, p. 42; 13, с. 653]. Впрочем, на основании эпиграфических текстов, обнаруженных при археологических исследованиях в современном Пловдиве, могут быть восстановлены наименования и других городских фил Филиппополя. Кроме упомянутой Κενδρείσεῖς [22, S. 88–94], это также Ἀρτεμισιός [23, S. 257; 24, № 902, 903, 1445], Ἡρακλείς [23, S. 257; 24, № 894, 1036], Εὐμολπιός [23, S. 257; 24, № 1023] (Таксим тепе) и Ἀσκληπιός [23, S. 257; 24, № 904]. Из эпиграфических текстов известны и должностные лица, носившие титул филарх (φυλάρχῳ) [23, S. 257; 24, № 888, 1473].

В своем исследовании о происхождении названия города Пловдив П. Р. Славейков [17, с. 83–84] указывает, что Тит Ливий, использовавший „Всеобщую историю" Полибия, пишет название города раздельно –*Philippo polis*. В своем комментарии наш выдающийся возрожденец поясняет, что название города таким образом писали и греческие писатели. С учетом этого комментария может быть поставлен вопрос и об этимологии названия города: не только в смысле «Филиппов город», но и исходя из буквального перевода имени Филипп (Φίλιππος = φίλ-ιππος — «любящий лошадей»). Устоявшееся представление о фракийцах, воюющих на конях, о коне и всаднике как собирательном образе живущих во Фракии не является новым в нашей историографии [25, с. 22–23; 26, с. 66–67; 27, с. 185–186; 28, с. 113–144]. Вполне вероятно, что восприятие эллинизированного названия города, носящего имя македонского царя Филиппа, находится в прямой связи с этой чертой быта древних фракийцев. В известном смысле, подтверждением этой гипотезы может являться и засвидетельствованная транскрипция названия Филиппополь (Φιλιππόπόλις) — Пульпудева (Pulpudeva) на фракийском языке. По мнению Вл. Георгиева [18, с. 93–94], название Пульпудева — не старинное и дано не фракийцами, а македонцами. Суффикс -deva, означающий ранг поселения, характерен для западной части говоривших на дако-мизийских диалектах. В связи с этим, несомненно, возникает вопрос — является ли утвердившееся толкование названия города Пульпудева примером мнимого перевода [29, с. 30], бытующего в историко-описательной традиции названия Филиппополь? Мы склонны

принять, что это действительно транскрибированная форма названия Филиппополь, воспринятая в прямой связи со значением Φίλιππος = φίλ-ιππος, которое отвечает типичным чертам быта древних фракийцев, по крайней мере, имевших эллинское образование.

Практика давать новые названия городам в ходе завоевательной политики Филиппа II во Фракии началось с переименования города Крениды в Филиппы после 356 г. до н. э. (Strab. VII, frg. 34; frg. 41) [30, Sp. 742–743]. Местоположение этого города, расположенного вблизи Эгейского побережья, в ранней истории Фракии было непосредственно связано с военными и политическими амбициями племен киконов, бистонов, эдонян и мигдонов [31, с. 78–79], а также с легендарными преданиями о царе бистонов Диомеде и его кобылах, вскормленных человеческим мясом (Apollod. II, 5, 8). В данном случае примечательно то, что и здесь новое название города находится в прямой связи с историческими традициями в жизни фракийцев и их особенной любовью к лошадям. Эта очевидная связь находит свое продолжение и в дальнейшей военной политике македонского царя. Во внутренней части Фракии, там, где в 342/341 г. до н. э. был создан город Филиппополь, одним из последствий этой политики стало параллельное использование фракийского названия Пульпудева. В результате исторической преемственности, транскрибированное на фракийский лад со времен античности топонимическое название Филиппополя Пульпудева проявляет большую устойчивость и сохраняется в современном названии города Пловдив.

Источники

Письменные источники, отражающие название Филиппополь, в целом, могут быть систематизированы в следующие группы:

I. Источники, отражающие события военного и политического характера, относящиеся к Фракии.

I. 1. Самый ранний массив дошедшей до нас информации содержится в трудах Полибия (200–120 г. до н. э.) и Тита Ливия (59 г. до н. э. — 17 г. н. э.), освещающих фракийско-македонские отношения во II в. до н. э. Эти сведения относятся к походам Филиппа V Македонского в 183 и, вероятно, в 181 г. до н. э.

Филиппополь (*Philippopolis — Φιλιππόλις*).

Polyb. XXIII, 8, 5–7: ...Перерезав Фракию посередине, (Филипп V в 183 г. до н. э. — *И. Т.*) вторгся в области одрисов, бессов и денфелетов. Так он дошел до города, именуемого Филиппополем, и взял его с первого набега, потому что жители бежали в горы. Вслед за сим он с войском прошел по всей равнине и возвратился только тогда, когда разорил или покорил ее жителей, а в Филиппополе поставил гарнизон. Немного спустя гарнизон был выгнан из города одрисами, которые нарушили данные царю обязательства (*пер. Ф. Мищенко*).

Polyb. V, 100, 8: Овладев Фивами, Филипп V (в 217 г. до н. э. — *И. Т.*) продал в рабство прежних жителей, на месте их поселил македонян и переименовал город из Фив в Филиппополь (*пер. Ф. Мищенко*).

Liv. XXXIX, 53, 10 (12–14): 12. А чтобы отвлечь их от своих истинных замыслов, он (Филипп V в 183 г. до н. э. — *И. Т.*) отправился походом во внутреннюю Фракию против одрисов, дентелетов и бессов. 13. Город Филиппополь, жители которого бежали в окрестные горы, он захватил, а равнинных варваров заставил сдаться, разорив и опустошив их поля. 14. Оставив в Филиппополе свой гарнизон, который одрисы вскоре прогнали, он решил основать город в Девриопе (*пер. Э. Г. Юнца*).

I. 2. Сведения, хотя и фрагментарного характера, Корнелия Тацита (55–120 гг. н. э.), относящиеся к завоеванию Фракии, дополняют историческую информацию о создании и местоположении Филиппополя, а также о его основателе, чаще всего идентифицируемом с Филиппом (Македонцем).

Tac. Annal. III, 38, 6–39 (восстание 21 г. н. э. — *И. Т.*): Часть восставших разоряла близлежащие местности, другие перешли через Гемские горы, с намерением возмутить обитавшие вдалеке народы, а большинство, и притом наиболее боеспособное,

осадило царя в основанном Филиппом Македонским городе Филиппополе. 39. Узнав об этом, Публий Велий (он начальствовал над ближайшим войском), бросил отряды вспомогательной конницы и когорты легковооруженных на тех, которые, предаваясь грабежу или рассчитывая собрать подкрепления, переходили с места на место, а сам повел основное ядро пехоты, чтобы освбодить от осады обложенный город. Все завершилось полным успехом: грабители были уничтожены, среди осаждающих возникли раздоры, царь произвел удачную вылазку, и к нему своевременно подошел легион. Происшедшее не подобает даже назвать ни правильной битвою, ни сражением, — ведь кое-как вооруженные и разрозненные враги были перебиты без пролития нашей крови (*пер. А. С. Бобовича)*.

I. 3. Данные о Филиппополе, содержащиеся в трудах Дексиппа (III в. н. э.) и Аммиана Марцеллина (330–400 гг. н. э.), свидетельствуют о том, что во времена этих авторов название города осознанно воспринималось как его жителями, так и посторонними. Сознательно или нет, но в исторических свидетельствах содержатся ретроспекции в именном смысле названий города. Вследствие этого обнаруживается и прямая связь с эпиграфическими текстами, уточняющими и обогащающими наши представления о названии города.

Dexipp. Scyth. frg. 27: Осада Филиппова города. Город Филиппополь находится на границе между землями фракийцев и македонян и лежит у реки Гебр. Говорят, что его основателем был Филипп, сын Аминты, именем которого был назван город. Скифы (т. е. готы, жившие в это время в Скифии) напали на этот самый старый и самый большой город и осадили его (250 г.)[1].

Dexipp. Chron. frg. 22: Скифы, называемые готами, перешли во времена Деция в большом количестве реку Истр и опустошили римскую область. Они окружили бежавших в Никополь мезов. Однако Деций напал на них, как рассказывает Дексипп, и если даже и убил 30 тысяч душ, был побежден в сражении. Он потерял даже Филиппополь, который был захвачен скифами, и большое количество фракийцев было перебито (250 г.).

Amm. Marc. XXI, 10, 3: … разделяет Иллирик и Фракию, оставляя на одной стороне Внутреннюю Дакию и Сердику, а на другой — Фракию с Филиппополем.

Евмолпиада. *Amm. Marc. XXVII, 4, 12:* Первая (провинция — *И. Т.*) … называется Фракией в собственном смысле слова. Ее украшают большие города — Филиппополь, прежде именовавшийся Евмолпиадой, и Берея.

I. 4. Позднеантичные и ранневизантийские писатели Иордан Готский и Прокопий Кесарийский (VI в.).

Пульпудева (*Pulpudeva*). *Iord. Rom. 221:* … Марк Лукулл (72–71 г. до н. э. — *И. Т.*) первым воевал во Фракии против бессов, которые были лучшими по храбрости и славе, и победил их, а как только победил гемимонтийцев, поставил под римскую власть город Пульпудева, который ныне называется Филиппополем, а Ускудама — это Адрианополь; *Iord. Rom. 283:* Филипп (Араб, 244–249 гг. н. э. — *И. Т.*) захватил власть бессовестным путем и царствовал семь лет. Он сделал своего сына Филиппа соучастником в управлении и первым из всех императоров сам стал христианином. На третьем году своего правления он отметил праздник города Рима, которому исполнилось 1000 лет со дня его основания, и, отремонтировав во Фракии город Пульпудева, назвал его Филиппополь.

Iord. Get. 283: Он (император Деций — *И. Т.*) собрал войска как отсюда, так и из Ускуса (Эскуса — *И. Т.*), и приготовился к предстоящей битве. Однако Книва после долгой осады вошел в Филиппополь, взял добычу и вступил в союз с находящимся внутри полководцем Приском, который хотел воевать против Деция.

Procop. De aedif. IV, 11: Я укажу, какие укрепления он возвел в остальной Фракии и в так называемом ныне Гемимонте. Прежде всего он с большим усердием

[1] Перевод этого и последующих фрагментов на болгарский язык представлен в издании, подготовленном Д. Дечевым и Г. Кацаровым [15].

построил то, что отсутствовало или было разрушено в Филиппополе (*Φιλιππόπολις*), Берое, Адрианополе и Плотинополе.

II. 1. Данные топонимического и географического характера, приведенные Страбоном (63 г. до н. э. — 19 г. н. э.), Плинием Старшим (23/24–79 гг. н. э.) и Клавдием Птолемеем (II в. н. э.), дополняют информацию других античных авторов.

Филиппы. *Strab. VII, frg. 34:* Много золотых рудников имеется у Кренид, где ныне находится город Филиппы, близ горы Пангей; *Strab. VII, frg. 41:* Над берегом Стримонского залива от Галепса до Неста находится город Филиппы и его окрестности. Филиппы прежде назывались Кренидами, (это было) маленькое селение, которое было расширено после поражения Брута и Кассия (в 42 г. до н. э. — *И. Т.*).

Понерополь–Филиппополь–Тримонциум. *Plin. NH. IV, 11, 40–50:* Между ними течет Гебр, а у подножия Родоп находится город, который раньше назывался Понерополь, затем, по имени своего основателя — Филиппополь, а ныне из-за своего положения называется Тримонций (Trimontium).

Cl. Ptol. III, 11, 7: Филиппополь (*Φιλιππόπολις*) ...52⁰30 — 42⁰45.

III. 1. Сведения Лукиана из Самосаты (120–190 гг. н. э.) носят литературный характер и по-своему также расширяют и дополняют информацию о Филиппополе.

Luk. Fug. 22–26. Геракл. Это — Гебр, а город — это творение известного Филиппа. И мы уже под облаками и приближаемся к земле. Ступим на землю, и пусть нам повезет.

IV. 1. Эпиграфические тексты.

Надписи из Филиппополя и с его территории [1].

Военные дипломы 221 и 224 гг. н. э., в которых упоминается Ulpia Trimontium (CIL, XVI, № 139, 189).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Христемова М.* Борбата за историческото наследие: Стефан Захариев срещу Георгиос Цукалас // Стефан Захариев. Живот, дело, род. Научна сесия посветена на 200 г. от рождението му и 140 години от издаването на книгата му «Географико-историко-статистическо описание на Татар-Пазарджишката кааза». Пазарджик, 2011 / Ред. Г. Марков, Б. Хаджийски, Р. Кацарова. — Пазарджик, 2011.
2. *Бешевлиев В.* Античната топонимия като исторически извор // ИИБЕ. — София, 1954.
3. Михаилов Г. Траките. — София, 1972.
4. *Danov Chr.* Philippopolis // RE. — 1938. — Bd. 19.
5. *Danov Chr.* Philippopolis // Der kleine Pauly. — München, 1972. — Bd. 4.
6. *Velkova Ž.* Die Namens Plovdivs im Laufe Jahrhunderte // Pulpudeva. — Sofia, 1976. — Vol. 1. Semaines philippopolitaines de l'histoire et de la Culture thrace. Plovdiv, 4–19 octobre 1974.
7. *Детев П.* Материали за праисторията на Пловдив // ГПлНМ. — 1959. — Т. 3.
8. *Детев П.* Разкопки на Небеттепе в Пловдив // ГПлНМ. — 1963. — Т. 5.
9. *Детев П.* Праисторически селища в Пловдивски окръг // Археологически проучвания за историята на Пловдив и Пловдивския край. — Пловдив, 1966.
10. *Ботушарова Л.* Античният Филипопол в светлината на новите археологически разкопки // Археологически проучвания за историята на Пловдив и Пловдивския край. — Пловдив, 1966.
11. *Jireček C.* Die Heerstraße von Belgrad nach Konstantinopel und die Balkanpässe. Eine historisch-geographische Studie. — Prag, 1877.
12. *Kalopothakes D.* De Thracia provincia Romana. — Lipsiae, 1893.

[1] Во вводной статье о Филиппополе, перечисляя источники сведений об этом городе, Г. Михаилов, в частности, ссылается на информацию Феопомпа о названии основанного Филиппом города Понерополь (Theop. frg. 110 Jakoby = Plin. NH. IV, 11, 41), а также на свидетельства Плутарха (Plut. Mor. De cur. 10, p. 520B) [24, p. 19].

13. *Кацаров Г.* Бележки върху античния Пловдив // СбНУНК. — 1901. — Т. 18.
14. *Апостолидис М.* Значението на град Пловдив и неговите древни имена // ГПлНБ. — Пловдив, 1926.
15. *Дечев Д., Кацаров Г.* Извори за старата история и география на Тракия и Македония. — София, 1949.
16. *Colpe C.* Batanaia (-nea, -nis) // Der kleine Pauly. — Stuttgart, 1964. — Bd. 1.
17. *Славейков П. Р.* Няколко думи за Пловдив // Наука. Периодическо спиание. — Пловдив, 1882. — Т. 2.
18. *Георгиев Вл.* Въпроси на българската етимология. — София, 1958.
19. *Иречек К.* Пътувания по България. — София, 1974.
20. *Detschew D.* Die thrakischen Sprachreste. — Wien, 1976.
21. *Добруски В.* Материали по археологията на България // СбНУНК. — 1900. — Т. 16–17.
22. *Danov Chr.* Eine neue Inschrift aus Apolonia Pontica // AB. — 1937. — Bd. 30.
23. *Danov Chr.* Philippopolis, Serdica, Odessos. Zur Geschichte und Kultur der bedeutendsten Städte Thrakiens von Alexander d. Gr. bis Justinian // Aufstieg und Niedergang der römischen Welt. — B.; N. Y., 1979. — Bd. 2.
24. *Mihailov G.* Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae. — Serdicae, 1961. — Vol. 3. — Fasc. 1.
25. *Кацаров Г.* Битът на старите траки според класическите писатели // Сборник на Българската академия на науките. — София, 1913. — Т. 1.
26. *Кацаров Г.* Битът на старите траки според класическите писатели // Гаврил Кацаров. Избрани съчинения. — София, 2001. — Т. 1.
27. *Данов Хр.* Древна Тракия. — София, 1969.
28. *Попов Д.* Конят и колесницата в тракийската царска идеология // ИБИД. — 1986. — Т. 38.
29. *Георгиев Вл.* Траките и техният език. — София, 1977.
30. *Danov Chr.* Philippoi // Der kleine Pauly. — München, 1972. — Bd. 4.
31. *Фол Ал., Спиридонов Т.* Историческа география на тракийските племена до III в. пр. н. е. и Атлас. — София, 1983.

Резюме

Тодоров Ів. М. *Про походження назви «Філіппополь» фракійського міста Пульпудева (нині м. Пловдив — Республіка Болгарія)*

Фракійська назва сучасного болгарського міста Пловдив найчастіше пов'язується з назвою Пульпудева — містом фракійців, що мало дуже довгу історію існування. В історичних джерелах назва фракійського поселення Пульпудева засвідчена пізнім римським письменником Йорданом (Iord. Rom. 221; 283). У творах же авторів елліністичної та римської епох місто найчастіше іменується Філіппополь. Цю назву міста зазвичай пов'язують з кампанією Філіпа II Македонського у Фракії в 342/341 р. до н. е. Однак існують і інші думки, а саме про те, що назва Філіппополь може бути пов'язана з військовими експедиціями 183 і 181 рр. до н. е. Філіпа V Македонського або ж з подіями римської епохи, що належать до правління «солдатського» імператора Філіпа Араба. Зв'язок між назвою Філіппополь і історичними постатями елліністичної та римської епох не викликає сумнівів. Однак питання про те, ким саме з них була дана ця назва місту, також відомому в транскрибованій формі як Пульпудева, дослідники вирішують по-різному. Розгляду цих точок зору і присвячена значною мірою дана робота. Крім того, в ній здійснено спробу етимологічного аналізу назви фракійського міста Філіппополь.

Ключові слова: Евмолпія, Пловдив, Філіппополь, Філіппи, Пульпудева, Понерополь, Тримонціум, Фракія, Філіп.

Резюме

Тодоров Ив. М. *О происхождении названия «Филиппополь» фракийского города Пульпудева (совр. г. Пловдив — Республика Болгария)*

Фракийское название современного болгарского города Пловдив чаще всего связывается с наименованием Пульпудева — городом фракийцев, имевшим очень долгую историю существования. В исторических источниках название фракийского поселения Пульпудева засвидетельствовано поздним римским писателем Иорданом (Iord. Rom. 221; 283). В сочинениях же авторов эллинистической и римской эпох город чаще всего именуется Филиппополем. Это название обычно связывают с кампанией Филиппа II Македонского во Фракии в 342/341 г. до н. э. Однако существуют и другие мнения, а именно, что название Филиппополь может быть связано с имевшими место в 183 и 181 гг. до н. э. военными экспедициями Филиппа V Македонского или же с событиями римской эпохи, относящимися к правлению «солдатского» императора Филиппа Араба. Связь между названием Филиппополь и историческими личностями эллинистической и римской эпох не вызывает сомнений. Однако вопрос о том, кем именно из них было дано это название городу, также известному в транскрибированной форме как Пульпудева, исследователи решают по-разному. Рассмотрению этих точек зрений и посвящена в значительной мере данная работа. Кроме того, в ней предпринята попытка этимологического анализа названия фракийского города Филиппополь.

Ключевые слова: *Евмолпия, Пловдив, Филиппополь, Филиппы, Пульпудева, Понерополь, Тримонциум, Фракия, Филипп.*

Summary

I. Todorov. *On the Origin of the Name «Philippoplis» — the Name of the Thracian City Pulpudeva (Nowadays Plovdiv — Republic of Bulgaria)*

The Thracian name of the modern Bulgarian city of Plovdiv is most often associated with the name «Pulpudeva» — a city of the Thracians that has very long history of existence. In the historical sources the name «Pulpudeva» as a Thracian settlement is attested by the late Roman writer Jordan. In the works of the ancient writers of the Hellenistic and Roman eras, however, the city is known as «Philippopolis». The foundation of the city is associated with the campaign in Thrace of Philip II of Macedon, that took place in 342/341 B. C. However, there are certain statements in the historical sources that bind the name of the city with the military expeditions of Philip V of Macedon. The latter took place in 183 and 181 B. C. respectively. The city is also bound with the late restorative works related with the name of the soldier emperor Philip the Arab. The relationship between the name of the city of Philippopolis and the historical figures from the Hellenistic and the Roman eras could not be called in question. The problem that is usually present to the discussion of who has given the name of «Philippopolis» to the Thracian settlement, also known with the transcribed name «Pulpudeva», has timelines. It stands in direct connection with the names of the Macedonian kings and the Roman emperor that were mentioned above. The linguistic analysis of the names «Philippopolis» and «Pulpudeva» is also present in the scientific literature. In the proposed material apart from the exposure of the existing end-of-print theses and research, an attempt for an etymological analysis of the name of the Thracian city of Philippopolis will be made.

Key words: Evmolpia, Plovdiv, Philippopolis, Philippi, Pulpudeva, Poneropolis, Trimontium, Thrace, Philip.

G. von Bülow

Romuliana — der Palast des Kaisers Galerius bei Gamzigrad (Serbia). Ein serbisch–deutsches Forschungsprojekt

Das Dorf Gamzigrad liegt im Nordosten der Republik Serbien, an einem Zufluß zum Timok, einem in der Antike schiffbaren Nebenfluß der Donau. In spätrömischer Zeit gehörte der Platz zur Provinz Dacia Ripensis, die 283 n. Chr. erstmals genannt wird, im Hinterland des Limes an der unteren Donau (Abb. 1).

Hier existiert ein außerordentlich gut erhaltenes archäologisches Denkmal aus spätrömischer Zeit, das 2007 in die UNESCO-Welterbeliste aufgenommen worden ist.

Es handelt sich um ein etwa 200 × 200 m großes ummauertes Areal.

Die Umfassungsmauer ist stellenweise noch bis zu 15 m hoch erhalten, da dieser Platz seit dem 11. Jh. nicht mehr besiedelt ist.

Die Mauer wird durch 20 weit nach außen vorspringende Türme mit polygonalem Grundriß verstärkt und besitzt in der Mitte der Ost- und der Westseite je ein Tor.

Von den Innenbauten sind fast nur noch die Fundamente sowie einzelne Elemente der aufgehenden Architektur erhalten.

Seit 1953 führen hier serbische Archäologen systematische Ausgrabungen durch. Freigelegt wurden bisher zwei Tempel, eine Thermenanlage, ein großer Repräsentationsbau sowie weitere Gebäude.

Abb. 1. Der spätrömische Kaiserpalast Romuliana bei dem Dorf Gamzigrad in Nordostserbien
(Gamzigrad-Archiv, Frankfurt/Main)

Рис. 1. Позднеримский императорский дворец Ромулиана у деревни Гамзиград в Северо-Восточной Сербии
(Gamzigrad-Archiv, Франкфурт-на-Майне)

@ G. v. Bülow, 2017

Zu einer späteren Überbauung der Erstanlage gehören mehrere christliche Kirchen sowie einige Produktionsstätten zur Eisenherstellung und –verarbeitung.

Das Osttor bildete den Hauptzugang. Hatte der Besucher das Osttor durchschritten, erhob sich links von ihm ein großer Podiumtempel. Von diesem Tempel, der sich fast im geometrischen Mittelpunkt der ca. 4,5 ha großen Anlage befindet, ist nur der massiven Sockel erhalten. Im Bauschutt fanden sich Architekturelemente aus verschiedenfarbigem Naturstein — Säulenschäfte aus grünlichem Andesit, Gebälkteile aus rötlichem Sandstein sowie weiße Marmorteile und das opus mixtum des Podiums. Außerdem wurden in der Nähe zwei sehr unterschiedliche Köpfe gefunden: ein überlebensgroßer Iupiterkopf und ein wesentlich kleinerer Herkuleskopf — den beiden Hauptgöttern der Tetrarchen.

An der Nordseite des Weges vom Osttor erhob sich eine Säulenhalle, die die Richtung auf den Palastzugang vorgab.

Im Bauschutt der Thermen in der Südostecke des Palastgeländes wurde u.a. ein überlebensgroßer Porträtkopf aus ägyptischem rotem Porphyr geborgen, der den Kaiser Galerius (293–311 n. Chr.) darstellt. Galerius war eines der vier Mitglieder der von Kaiser Diokletian (284–305) gegründeten Tetrarchie. Er war zuständig für den Grenzschutz an der mittleren und unteren Donau und die Verwaltung der Balkanprovinzen. Sein wichtigster Regierungspalast befand sich in Thessaloniki, der Hauptstadt der Provinz Makedonien. In der Provinz Dacia ripensis soll er um 250 geboren worden sein und hier einen Ort nach seiner Mutter Romula benannt haben. Dieser Name FELIX ROMULIANA findet sich als Inschrift auf einem ehemals zum Osttor gehörenden Architekturfragment. Mit diesen beiden Funden lässt sich die Gesamtanlage als Palast dieses Kaisers identifizieren, und das Zentralgebäude als den eigentlichen kaiserlichen Repräsentationsbau.

Dieser Komplex bedeckt eine Fläche von ca. 4000 m^2 und setzt sich zusammen aus mehreren Korridoren (A, C, D), die über einen großen Peristylhof (F) zu dem großen Audienzsaal führen (G) und durch einen weiteren Peristylhof (H) einem Anbau mit kleeblattförmig angeordneten Empfangsräumen (P). Die meisten Räume und Säulenumgänge waren mit Fußbodenmosaiken und farbigem Wandschmuck ausgestattet, die Höfe selbst mit farbigen Marmorplatten ausgelegt.

Eine computergestützte Aufmessung der vorhandenen Baureste diente als Grundlage für das hier gezeigte Rekonstruktionsmodell des Palastes (Abb. 2).

Da die Umgebung des Palastes intensiv landwirtschaftlich genutzt wird, haben sich außerhalb der Ummauerung oberirdisch keine Architekturreste erhalten.

Seit 2004 wird daher im Rahmen einer deutsch-serbischen Kooperation in der Umgebung des Palastes mit einem Fluxgate-Gradiometer eine großflächige geomagnetische Prospektion durchgeführt. Der geologische Untergrund besteht im Wesentlichen aus vulkanischem Gestein, das eine außerordentlich deutliche Erkennung geomagnetischer Anomalien gestattet.

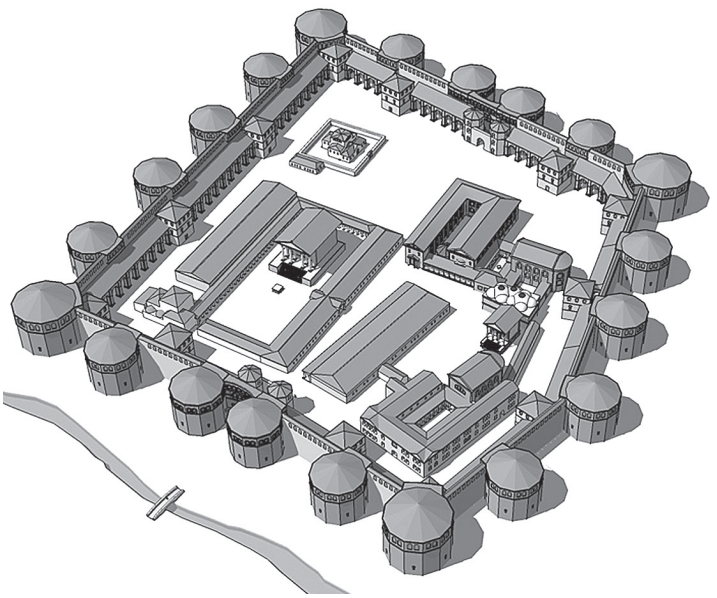


Abb. 2. Romuliana-Gamzigrad. Plan des spätrömischen Kaiserpalastes (Gamzigrad-Archiv, Frankfurt/Main)

Рис. 2. Ромулиана-Гамзиград. План позднеримского императорского дворца (Gamzigrad-Archiv, Франкфурт-на-Майне)

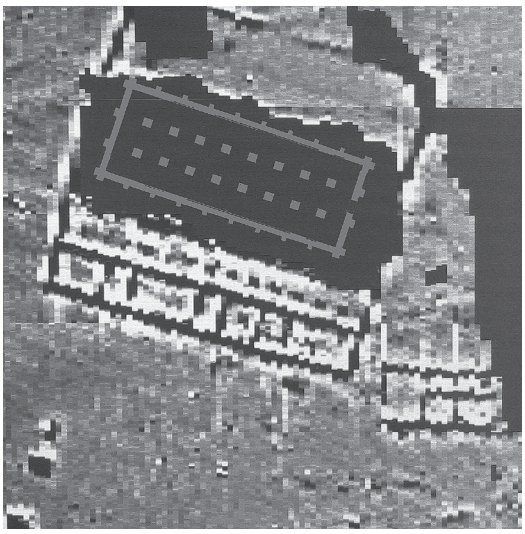


Abb. 3. Romuliana-Gamzigrad. Durch geomagnetische Prospektion festgestellte Umbauung zum Schutz eines spätrömischen Horreums (Gamzigrad-Archiv, Frankfurt/Main)

Рис. 3. Ромулиана-Гамзиград. Позднеримский horreum и обнаруженные в результате геомагнитной разведки следы его защитных сооружений (Gamzigrad-Archiv, Франкфурт-на-Майне)

Insgesamt wurden bisher eine etwa 60 ha großen Fläche geomagnetisch prospektiert und dadurch mehr als 50 neue Objekte entdeckt, die ganz neue Erkenntnisse über die Geschichte des Kaiserpalastes selber und die Besiedlungsstrukturen in seinem Umfeld liefern können.

Etwa 160 m westlich des Palastes waren bei den früheren Grabungen die Reste eines etwa 50 m langen und 18 m breiten, dreischiffigen Speicherbaues (*horreum*) untersucht worden (Abb. 3). Durch die geomagnetischen Messungen konnte vor der südlichen Langseite dieses Gebäudes eine Reihe von unterschiedlich großen Räumen entdeckt werden, die durch eine vorgelagerte Säulenhalle mit dem Horreum verbunden ist. Vor den anderen drei Seiten des Gebäudes konnte ferner eine lineare Anomalie festgestellt werden, die eine Schutzmauer für das Horreum markiert. Dieser Gesamtbefund gestattet auch ohne zusätzliche Ausgrabung interessante Einblicke in die spätantike Wirtschaftsorganisation: Der für die Versorgung der Palastbewohner mit Lebensmitteln und sonstigen Gebrauchsgütern errichtete Vorratsbau lag außerhalb der Schutzmauern des Palastgeländes und sollte daher durch eine spezielle Einfriedung gegen Plünderungen gesichert werden. In den Räumen an der Südseite des Horreums waren vermutlich Soldaten untergebracht, die die hier gelagerten Vorräte verwalteten und sie gegebenenfalls verteidigen konnten.

Archäologisch noch nicht eingehend untersucht sind auch drei christliche Kirchen westlich der ummauerten Anlage, von denen eine von einer rechteckigen Einfriedung umgeben ist. Auch wenn sie wahrscheinlich nicht alle gleichzeitig errichtet worden sind, ist zumindest ihre nachpalastzeitliche Entstehung als sicher anzunehmen.

Vor der Südwestecke der Palastumfassung wurde allein durch die Geomagnetik ein Grab mit einer gemauerten Grabeinfassung entdeckt (Abb. 4). Innerhalb dieser Einfassung fand sich eine Brandbestattung mit reichen Beigaben: einer goldenen Zwiebelknopffibel, mehrere rituell unbrauchbar gemachte Waffen. Die Fibel weist den hier Beigesetzten als hohen Offizier des römischen Militärs aus, während die beigefügten Waffenteile vermuten lassen, daß es sich um einen Germanen handelt. Durch ebenfalls gefundene Münzen ist dieses Grab mit einiger Wahrscheinlichkeit in das 3. Viertel des 3. Jh. zu datieren.

Nördlich des Kaiserpalastes Romuliana haben die geomagnetischen Prospektionsarbeiten eine etwa 250 × 300 m große, von einer Mauer umgebene Siedlungsfläche sichtbar gemacht. Dabei kam auch eine sehr ungewöhnliche Baustruktur zutage.

Eine ringförmige Anordnung von 16 Einzelstrukturen, die eine runde Zentralstruktur umgaben. Die archäologische Sondierung dieser Struktur bestätigte die geophysikalischen Befunde. Es handelt sich um einen mit einem Ziegeldach versehenen Umgang von 35 m Durchmesser, in dessen Zentrum sich ein gemauerter runder Sockel (Durchmesser 3 m) erhob, der wahrscheinlich ein Siegesdenkmal oder eine Ehrenstatue trug. Über den historischen Hintergrund für dieses Monument bei Romuliana ist bisher noch nichts bekannt.

Nordöstlich dieses Rundmonumentes wurde bei den geomagnetischen Messungen ein lang gestrecktes dreischiffiges Gebäude entdeckt. Die Sondagegrabung ergab, dass es sich bei dem Großbau wohl nicht, wie anfangs vermutet worden war, um ein weiteres *horreum* gehandelt hat, sondern eher um eine mit Mosaiken ausgestattete *Basilica civilis*, deren ungewöhnliche Größe–Länge ca. 106 m, Breite etwa 25 m — auf eine umgebende städtische Siedlung mit einer beträchtlichen Zahl von Bewohnern schließen

Abb. 4. Romuliana-Gamzigrad. Gemauerte Einfassung eines römischen Offiziersgrabes, 3. Viertel 3. Jahrhundert u. Z.
(Gamzigrad-Archiv, Frankfurt/Main)

Рис. 4. Ромулиана-Гамзиград. Каменное ограждение захоронения римского офицера
(Gamzigrad-Archiv, Франкфурт-на-Майне)

lässt. Auffallend ist an dem freigelegten Mauerabschnitt dieses Gebäudes, dass dieser samt der dazugehörigen 1 m tiefen Fundamentierung aus Bruchsteinen in solider Mörtelbindung nicht mehr senkrecht stand, sondern um ungefähr 10° nach Osten abgekippt war, ohne dass der Mauerverband selbst beschädigt ist. Sucht man nach einer Erklärung für dieses Phänomen, so bietet sich die Vermutung an, dass die *Basilica* durch eine starke Bodenbewegung zugrundegegangen ist, deren Ursche noch nicht bekannt ist.

Es ist sicher noch zu früh, um schlüssige Antworten auf die durch die geophysikalische Prospektion neu aufgeworfenen Fragen geben zu können, zumal weder die Auswertung der Grabungsbefunde noch die Bearbeitung des gesamten Fundmaterials schon abgeschlossen sind und auch die Analyse der Bodenproben noch aussteht. Aber alleine die Tatsache, dass durch die geomagnetischen Feldmessungen mehr als 50 neue Siedlungsstrukturen im Umfeld von *Romuliana* entdeckt worden sind, und zwar nicht allein aus der Palastzeit, sondern auch aus früheren und späteren Siedlungsperioden, eröffnet neue Möglichkeiten, diesen Herrschersitz des Galerius differenzierter zu erfassen und ihn in einen räumlich und zeitlich größeren Zusammenhang einzuordnen. Darüber hinaus lassen sich daraus neue Erkenntnisse auch über die sozialen und wirtschaftlichen Funktionen und Organisationsformen eines kaiserlichen Palastes am Beginn der Spätantike gewinnen.

Резюме

Фон Бюлов Г. *Ромуліана — палац імператора Галерія біля Гамзіграда (Сербія). Сербсько-німецьке археологічне співробітництво*

Римський укріплений комплекс поблизу Гамзіграда на території Заєчарського округу Сербії може бути ідентифікований як палац Ромуліана, зведений імператором Галерієм (293–311 рр. н. е.). З 2004 р. в межах спільного німецько-сербського проекту в околицях палацу були проведені геомагнітні, археологічні та архітектурні дослідження. В результаті цих робіт було виявлено більше 30 об'єктів, 15 з яких частково розкопані. До них належать, зокрема, поховання римського офіцера та велика базиліка з залишками багатоколірної мозаїки. Попередні результати дослідження показують, що історія зведення Ромуліани є більш складною, ніж вважалося раніше.

Ключові слова: римська провінція Прибережна Дакія, імператорський палац Ромуліана, світова спадщина, історія поселень, архітектура, геомагнетизм.

Резюме

Фон Бюлов Г. *Ромулиана — дворец императора Галерия возле Гамзиграда (Сербия). Сербско-немецкое археологическое сотрудничество*

Римский укрепленный комплекс вблизи Гамзиграда на территории Заечарского округа Сербии может быть идентифицирован как дворец Ромулиана, возведенный императором Галерием (293–311 гг. н. э.). С 2004 г., в рамках совместного немецко-сербского проекта, в окрестностях дворца были проведены геомагнитные, археологические и архитектурные исследования. В результате этих работ было обнаружено более 30 объектов, 15 из которых частично раскопаны. К их числу относятся, в частности, захоронение римского офицера и обширная базилика с остатками многоцветной мозаики. Предварительные результаты исследования показывают, что история возведения Ромулианы является более сложной, чем считалось ранее.

Ключевые слова: римская провинция Прибрежная Дакия, императорский дворец Ромулиана, всемирное наследие, история поселений, архитектура, геомагнетизм.

Summary

G. von Bülow. *Romuliana — the Palace of the Emperor Galerius near Gamzigrad (Serbia). A Serbian-German Archaeological Cooperation*

The Roman fortified complex near Gamzigrad, Zaječar District (North-East Serbia) can be identified as the Palace Romuliana, built by the Emperor Galerius (293–311 AD). Since 2004, as a part of the German-Serbian cooperative project, geomagnetic surveys, archaeological and architectural investigations have been conducted in the surroundings of the palace. More than 30 objects were discovered and 15 of them could be partly excavated. There are the grave of a Roman officer and an extensive basilica with remains of multi-coloured mosaics among them. Preliminary results show that the settlement history of Romuliana is more complex than was previously thought.

Key words: Roman province Dacia Ripensis, imperial palace Romuliana, world heritage, settlement history, architecture, geomagnetics.

Публикации

С. А. Задников, К. Ю. Пеляшенко

Греческий керамический импорт Циркуновского городища

Расположенное на окраине г. Харьков городище у с. Циркуны является самым северным укрепленным пунктом северскодонецкой группы лесостепных памятников скифского времени. Вместе с тем, оно привлекает внимание сравнительно большим количеством находок фрагментов импортной посуды: амфорной тары и гончарной сероглиняной керамики. Последнее указывает на особую роль памятника, выступавшего, по всей видимости, торговым и административным центром близлежащей округи.

В результате археологических исследований на Циркуновском городище (1951, 1952, 1961, 1962, 2005, 2007–2011, 2013–2015 гг.) раскрыта площадь около 1600 кв. м., изучены разные участки жилой площадки и фортификационных сооружений (рис. 1) [1]. За десять полевых сезонов раскопок на городище накопилась значительная коллекция античной керамики, которая, несмотря на свою фрагментарность, дает возможность датировать культурные отложения, установить последовательность освоения отдельных участков памятника. Античный импорт является источником реконструкции направлений торговых контактов и их интенсивности в разные исторические периоды, а также выступает надежным хронологическим индикатором. В контексте понимания общеисторической картины развития лесостепного населения скифского времени, количество привозных изделий на памятнике свидетельствует, прежде всего, о его экономическом и политическом статусе.

Основную массу импортных изделий на городище составляет амфорная тара. Всего нами учтено 277 фрагмента амфор из раскопок 2005–2015 гг., которые в большинстве своем представлены стенками (218 фрагментов). Также найдены ручки (30 обломков), венчики (27 фрагментов) и две ножки амфор[1]. Таким образом, известно более 50 обломков, определимых частей (венчики, ручки, ножки), по которым можно определить центр и дату производства. Столовая керамика представлена 6 обломками, что составляет 2,1 % от всей греческой посуды.

От общего количества глиняной посуды античная керамика составляет 1,5 %. В то же время, не на всех участках раскопанной площади картина одинакова. Наиболее насыщенные античным импортом культурные отложения находятся в южной части городища, недалеко от входа (раскоп 6). Здесь античная керамика составляет 6 % от общего количества всех фрагментов посуды. На остальных же участках памятника эти показатели колеблются в пределах 0,7–2 %. В сравнении с другими памятниками скифского времени лесостепной части бассейна Северского Донца, концентрация античной керамики в культурном слое на Циркуновском городище представляется

[1] Количественное и хронологическое распределение фрагментов амфорной тары представлено в таблицах 1–3 (на с. 291–293).

@ С. А. Задников, К. Ю. Пеляшенко, 2017

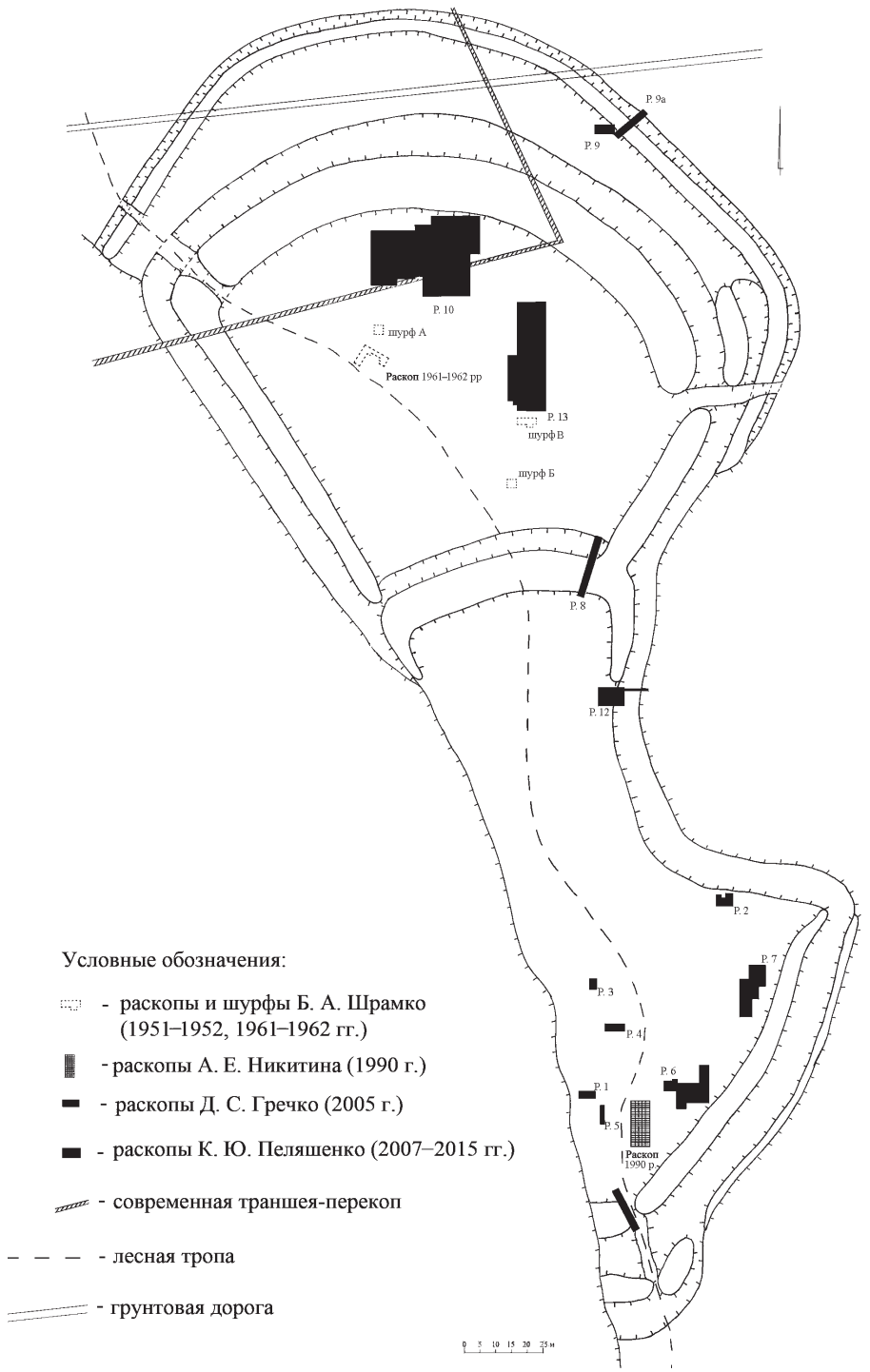


Рис. 1. План Циркуновского городища
Fig. 1. Plan Tsirkuny settlement

одной из наиболее насыщенных [2, табл. 18–21]. Так, например, на масштабно исследованном Люботинском городище, на площади более 7 тыс. кв. м, обнаружено не более 400 фрагментов античной керамики [3, с. 121]. Исключение составляет лишь городище в уроч. Городище, где на территории центрального укрепления раскопками П. Д. Либерова на площади 459 кв. м. было обнаружено 1334 фрагмента античной керамики (13 % от общего количества посуды). На остальной же площади памятника статистика встречаемости фрагментов амфорной тары сходна с данными полученными по Циркуновскому городищу [4, с. 47, 81, табл. 3; 5].

Таблица 1

Количественное распределение античной керамики на Циркуновском городище по раскопам

Номер раскопа	Количество найденных фрагментов
2	8
6	150
7	9
8	3
10	79
11	2
12	12
13	14
Всего	**277**

Таблица 2

Количественное распределение амфорной тары во второй половине V—IV вв. до н. э. на Циркуновском городище

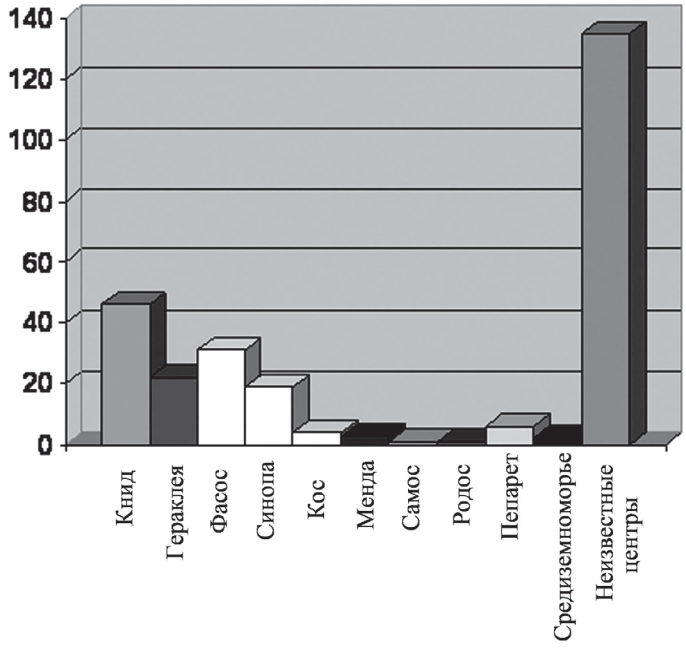


Таблица 3

Хронологическое распределение фрагментов античных амфор из раскопок Циркуновского городища

Центр производства	Дата	Общее кол-во фрагментов
Хиос	первая половина V в. до н. э.	7
Книд	IV в. до н. э.	46
Гераклея	IV в. до н. э.	22
Фасос	V—IV вв. до н. э.	31
Менда	V—IV вв. до н. э.	3
Синопа	3 четверть IV — середина III в. до н. э.	19
Пепарет	IV в. до н. э.	6
Кос	Конец IV — первая треть III в. до н. э.	4
Самос	2–3 четверть IV в. до н. э.	1
Родос	четвертая четверть IV — первая треть III вв. до н. э.	1
Средиземноморье	V—IV вв. до н. э.	2
Неизвестный центр и фрагменты, которые не поддаются точному определению	V—IV вв. до н. э.	135
Всего:		**277**

Всю коллекцию можно разделить на два основных хронологических периода. Первый относится к первой половине V в. до н. э. Нами отнесено 7 фрагментов к этому периоду, что составляет 2,5 % от всей керамики V—IV вв. до н. э. Амфоры первой половины V в. до н. э. представлены только сосудами производства о. Хиос: венчик с частью ручки (рис. 2: *2*), ножка (рис. 2: *1*), два фрагмента горла (рис. 2: *3*; 5: *2*), две ручки (рис. 2: *4–5*) и стенка. Четыре из них (рис. 2: *1–3*; 5: *2*) относятся к типу т. н. пухлогорлых сосудов (тип III по С. Ю. Монахову [6, с. 16]). Найденные на городище фрагменты относятся к варианту III-В и находят аналогии среди сосудов первой половины V в. до н. э. [6, с. 17, табл. 5, 6] (рис. 6: *1*). В целом хиосские амфоры довольно часто встречаются в этот хронологический период. Они известны практически на всех городищах бассейна Северского Донца: Люботинском, Караванском, в уроч. Городище [3, с. 121, табл. 3; 2, с. 130, табл. 19, 21], а также на селищах: Шелковом, Дементьево, Новоселовке, Червоносово III, Шевченково [7, с. 38–39; 8, с. 31; 2, с. 130, табл. 18, рис. 54: *16–19*, 55: *16*]. На Северском Донце известно всего три кургана, содержащих хиосские амфоры: к. 1 (1973) у с. Протопоповка, к. 15 у с. Черемушная и два сосуда из к. 2 у с. Коротич [9, с. 72, рис. 1: 10–12; 10, с. 12, рис. 26: 3]. Можно отметить, что по материалам Бельского городища импорт из Хиоса в первой половине V в. до н. э. занимает второе место среди всей тары [11, с. 7].

Следует упомянуть, что хиосские амфоры на Циркуновском городище обнаружены только в двух раскопах — № 6 и 12, которые расположены возле вала на первом дворе (рис. 1). В раскопе № 6 три фрагмента обнаружены в двух ямах (№ 5 и 8) (рис. 2: *1–3*). В раскопе 12 фрагмент горла хиосской амфоры (рис. 5: *2*)

выявлен в заполнении выемки, которая была создана при строительстве первых фортификационных сооружений. Данный факт говорит о том, что уже в первой половине V в. до н. э. на этом месте было поселение, обнесенное валом. Это же подтверждается и исследованием вала возле «южного» входа на городище (раскоп 11). Основу вала составлял золистый грунт, насыщенный материальными остатками (фрагментами лепной керамики, обмазки, костей животных). Это указывает на то, что для насыпки этого сооружения использовался культурных слой. Среди фрагментов керамики можно отметить венчики горшков, украшенных налепным валиком с пальцевыми вдавлениями, которые также обнаружены в наиболее ранних культурных отложениях городища. Прямо под валом фиксировался ров первого строительного периода, который преднамеренно снивелировали, а над ним возвели другие фортификационные сооружения [12].

Вторая группа нами отнесена ко второй половине V—IV в. до н. э. Можно отметить, что некоторые фрагменты датируются концом IV — началом III вв. до н. э. Всего нами отнесено к этому периоду 276 обломков (97,5 % от всей керамики). Столовая посуда (6 фрагментов) составляет 2,5 % по отношению к тарной.

Среди всей античной керамики, которая поддается определению, в этот период наиболее часто встречаются сосуды производства Книда, Фасоса и Гераклеи.

Амфоры Книда составляют 17 % от всех тарных сосудов этого периода и представлены шестью разными обломками венчиков, четырьмя ручками и 29 стенками. Сосуды имеют грибовидный венчик с диаметром от 10 до 18 см (рис. 3: *1*, *2*; 4: *1–4*; 6: *6*). Ручки овальные в сечении (рис. 3: *3*; 5: *1*). Обломки книдских сосудов известны во всех раскопах на городище (табл. 4) [13, с. 323]. На Северском Донце известно два погребальных комплекса, содержащих амфоры типа Солоха–I: курган 18 у с. Песочин и курган 3 группы III у с. Старый Мерчик [9, с. 75; 14, с. 147, рис. 1: 1]. Известны находки и на городищах — в уроч. Городище, Люботинском [5, с. 49–53; 3, с. 73, рис. 45: 5].

Второе место составляют амфоры производства Фасос (11,5 %) и представлены одним венчиком, тремя ручками и 27 стенками. Единственный венчик обнаружен на глубине 0,4 м в раскопе № 6 и имеет диаметр 12 см (рис. 2: *10*; 6: *4*). Судя по профилировке, он ближе всего к амфорам, которые имеют хождение во второй половине V в. до н. э. Амфоры Фасоса известны на городищах в уроч. Городище и Люботинском [2, с. 130, табл. 20–21], а также в погребальных комплексах [9, с. 75; 14, с. 147, рис. *1–2*].

Амфоры Гераклеи по количеству фрагментов занимают третье место и составляют 7,9 %. Они представлены одним венчиком, двумя ручками и 19 стенками. Венчик обнаружен в раскопе № 6 (рис. 2: *8*). Данный фрагмент небольшой и точную дату определить трудно, поэтому мы относим его в целом к IV в. до н. э., хотя некоторые комплексы с такими амфорами известны и в первой трети III в. до н. э., например, яма 1966 г. из Нимфея [15, с. 465, табл, 200: *6*]. В раскопе № 10 на глубине 0,5 м обнаружен неполный развал тулова амфоры с коническим туловом (сохранившаяся высота — немного более 35 см) (рис. 4: 5). Подобные амфоры с коническим туловом С. Ю. Монаховым выделены в отдельный тип II гераклейских амфор, а небольшие размеры позволяют относить к типу II-А-2 или II-А-3 (объем сосудов составляет 3,5–4,5 л), которые характерны для конца IV — начала III вв. до н. э. [6, с. 134, 137–139]. Фрагменты амфор производства Гераклеи довольно часто встречаются на поселениях Днепровского лесостепного Левобережья и Правобережья. Они обнаружены на Люботинском, Басовском, Кнышовском, Куколевском городищах, на поселениях Пищальники, Селище, Грищенцы, Зарубинцы, Лихачевка, Буды, Новоселовка [3, с. 122; 16, с. 14; 17, с. 135; 2, с. 131, табл. 21; 18, с. 110, № 590–593; 19, с. 20; 20, с. 134; 21, с. 376]. Некоторые из них имеют клейма (поселение у ж/д станции Шпаковка) [22, с. 292]. На Бельском городище гераклейские амфоры занимают первое место среди всей известной керамики этого времени [23, с. 10].

Таблица 4

Количественное распределение фрагментов амфорной тары по центрам производства

Центр производства	Дата	Раскопы, в которых зафиксированы фрагменты и их количество	Общее количество фрагментов
Хиос	первая половина V в. до н. э.	Раскоп 6 — 6 Раскоп 12 — 1	7
Книд	IV в. до н. э.	Раскоп 2 — 4 Раскоп 6 — 21 (8 фр-тов от одной амфоры) Раскоп 7 — 1 Раскоп 10 — 17 Раскоп 11 — 1 Раскоп 12 — 1 Раскоп 13 — 1	46
Гераклея	IV в. до н. э.	Раскоп 6 — 6 Раскоп 10 — 15 Раскоп 13 — 1	22
Фасос	V—IV вв. до н. э.	Раскоп 6 — 9 Раскоп 7 — 2 Раскоп 8 — 2 Раскоп 10 — 9 Раскоп 11 — 1 Раскоп 13 — 8	31
Менда	V—IV вв. до н. э.	Раскоп 6 — 3	3
Синопа	третья четверть IV — середина III вв. до н. э.	Раскоп 6 — 19 (одна амфора)	19
Пепарет	IV в. до н. э.	Раскоп 6 — 5 (одна амфора) Раскоп 10 — 1	6
Кос	конец IV — первая треть III вв. до н. э.	Раскоп 6 — 3 Раскоп 10 — 1	4
Самос	2–3 четверть IV в. до н. э.	Раскоп 6 — 1	1
Родос	четвертая четверть IV — первая треть III вв. до н. э.	Раскоп 10 — 1	1
Средиземноморье	V—IV вв. до н. э.	Раскоп 6 — 2	2
Неизвестный центр и фрагменты, которые не поддаются точному определению	V—IV вв. до н. э.	Раскоп 2 — 4 Раскоп 6 — 75 Раскоп 7 — 6 Раскоп 8 — 1 Раскоп 10 — 35 Раскоп 12 — 10 Раскоп 13 — 4	135
Всего:			**277**

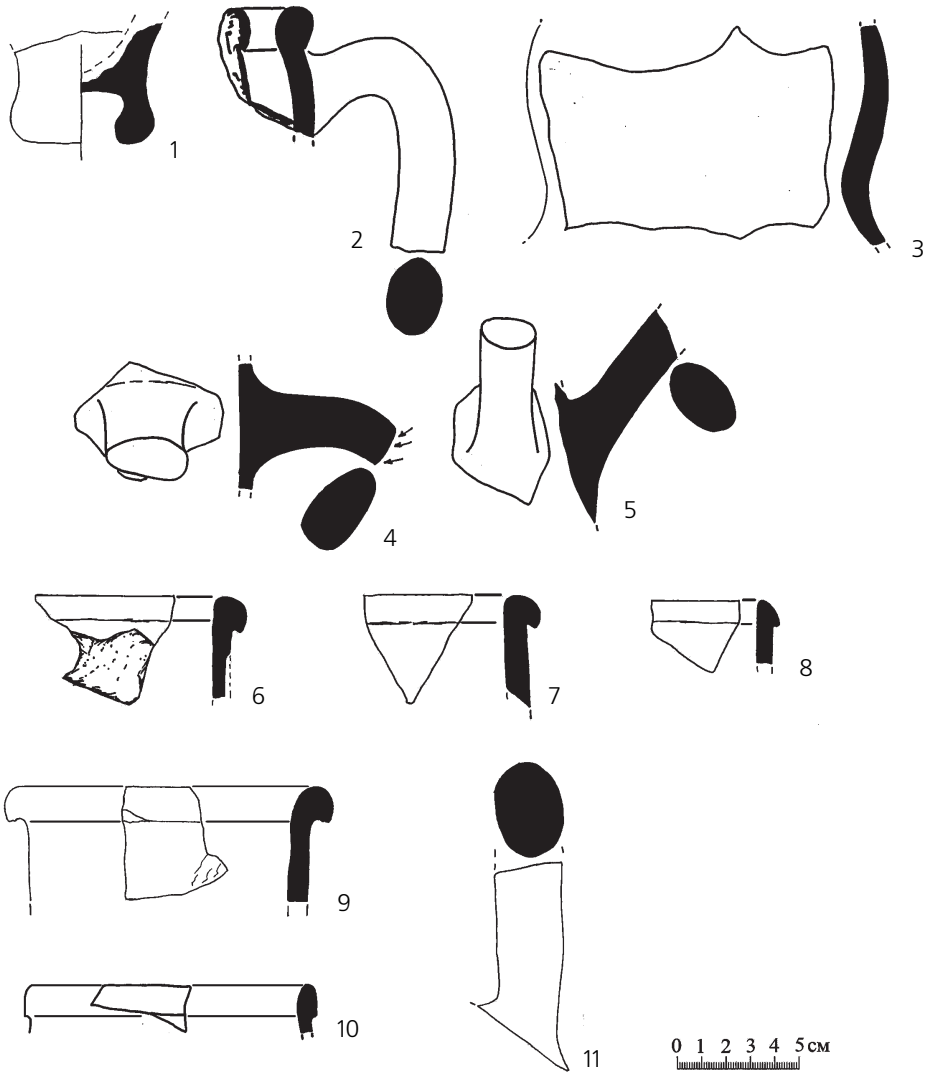


Рис. 2. Находки античных амфор из раскопа № 6 городища Циркуны:
1–5 – Хиос, *6–7* – Синопа, *8* – Гераклея, *9, 11* –Пепарет, *10* – Фасос; *1* – яма 5, *2–3* – яма 8, *6* – яма 7, остальное – культурный слой

Fig. 2. Findings of the antique amphorae from the excavation № 6 Tsirkuny settlement:
1–5 – Chain, *6–7* – Sinopa, *8* – Heraclea, *9, 11* – Peparet, 10 – Thasos; 1 – pit № 5, 2–3 – pit № 8, 6 – pit № 7, another – the cultural layer

В гораздо меньшем количестве представлены Кос, Пепарет, Самос, Родос, Менда и Синопа. Керамика из этих центров составляет не более 1,5 % (табл. 4). Во многом это связано с тем, что здесь мы имеем только определимые части — венчик или ручка. Амфоры Коса представлены двумя венчиками (рис. 3: *4, 5*), стенкой из раскопа № 6 и одной ручкой из раскопа № 10 (рис. 4: *9*). Они хорошо выделяются в силу своих характеристик: глина коричневого цвета с блестками, поверхность покрыта светлым ангобом, ручки — двуствольные (рис. 3: *3, 5;* 4: *9*), венец — грибовидный, один сосуд имеет диаметр венчика 14 см (рис. 3: *5*). Косские амфоры известны

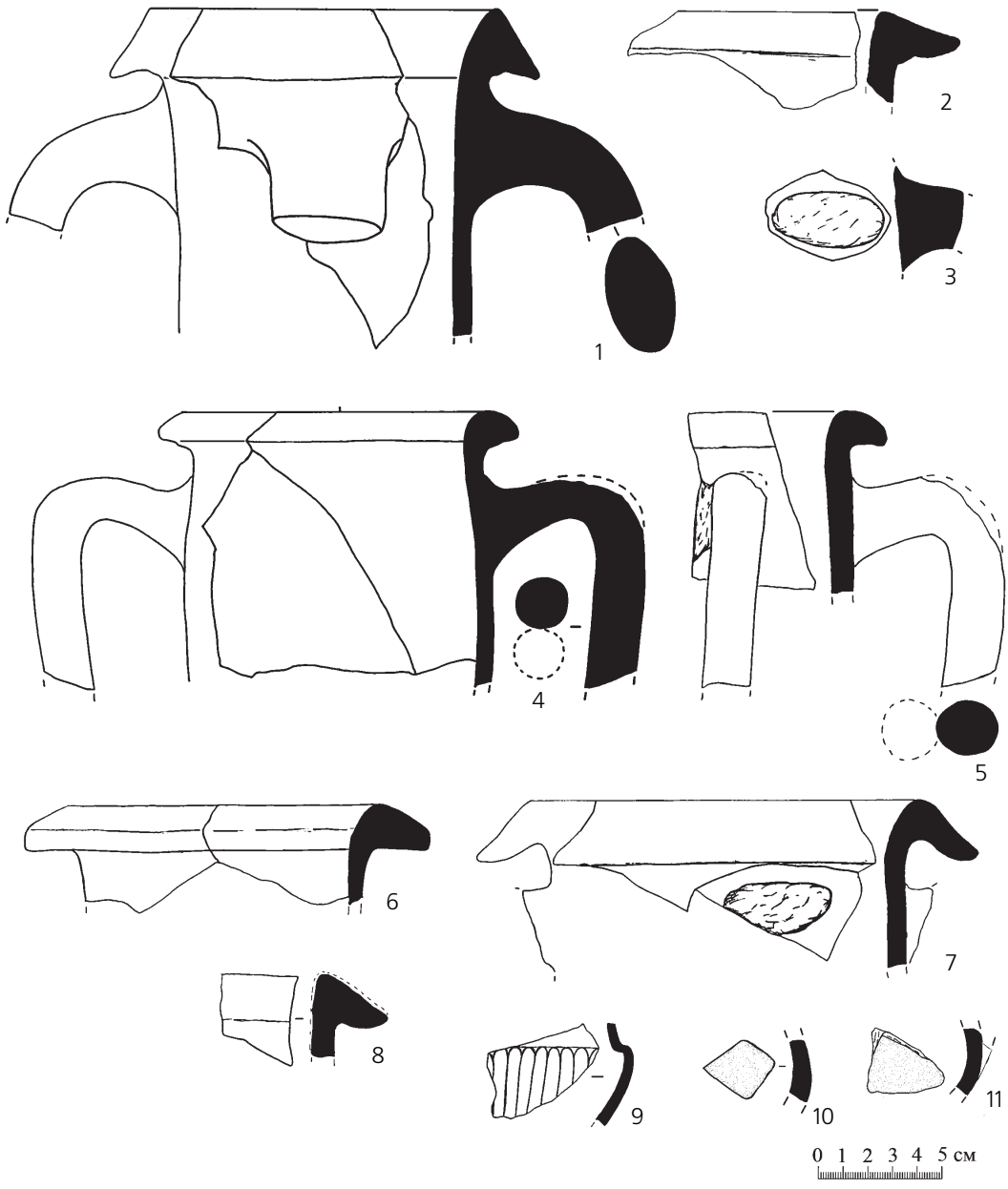


Рис. 3. Античная керамика из раскопа № 6 городища Циркуны:
1–8 – амфоры, *9* – обломок чернолакового канфара, *10–11* – столовые закрытые сосуды;
1–3 – Книд, *4–5* – Кос, *6* – Самос (?), *7–8* – неизвестный центр, *9–11* – Аттика

Fig. 3. Antique pottery from the excavations № 6 of the Tsirkuny settlement:
1–8 – amphorae, *9* – a fragment of black-lacquer kantharos, *10–11* – table closed containers;
1–3 – Knid, *4–5* – Kos, *6* – Samos (?), *7–8* – an unknown center, *9–11* – Attica

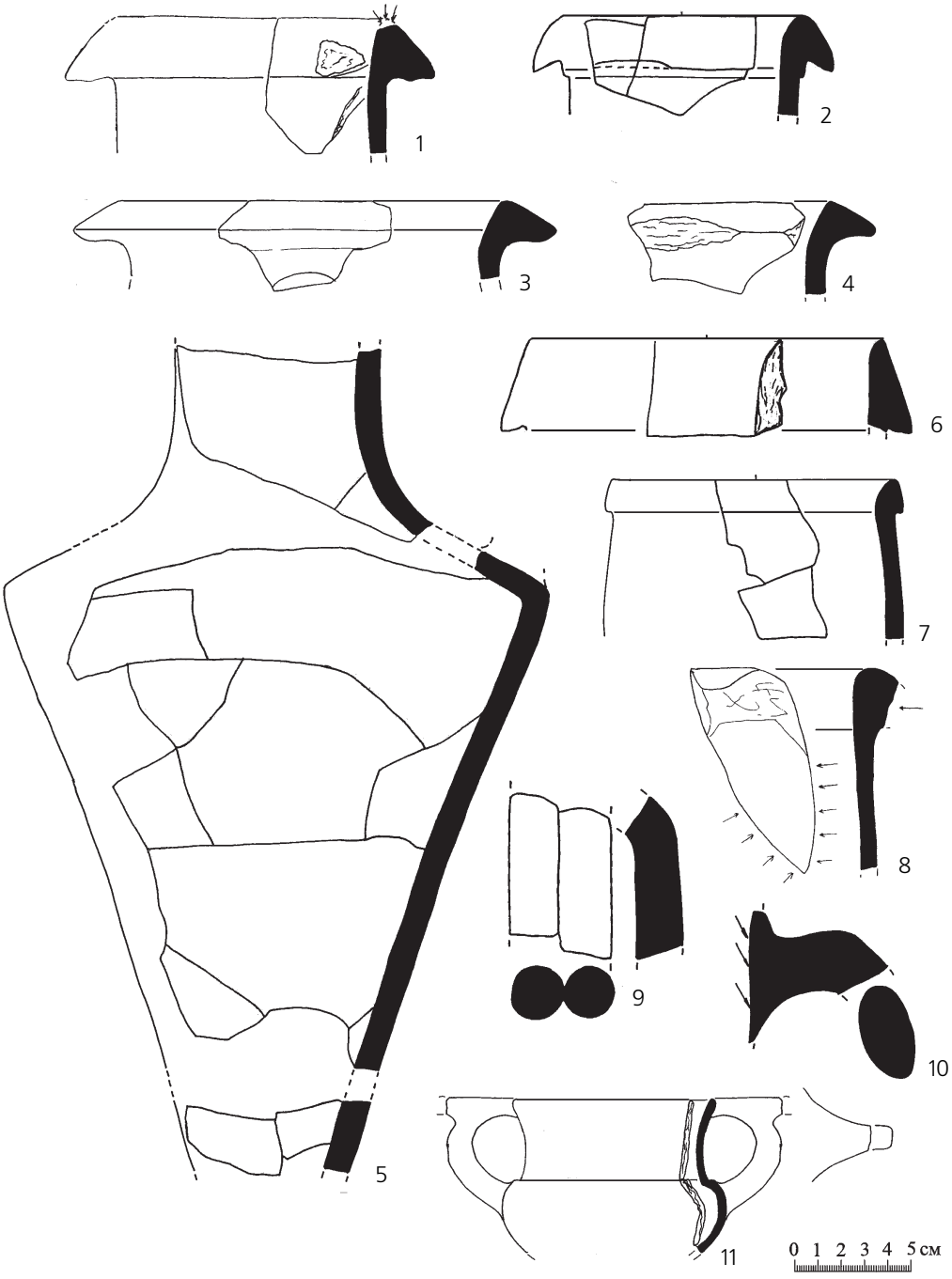


Рис. 4. Античная керамика из раскопа № 10 городища Циркуны:
1–10 – амфоры, *11* – кантар; *1–4* – Книд, *5* – Гераклея, *6* – Родос, *7* – Пепарет, *8, 10* – неизвестный центр, *9* – Кос, *11* – Аттика

Fig. 4. Antique pottery from the excavations of the settlement № 10 of the Tsirkuny settlement:
1–10 – amphorae, *11* – kantharos; *1–4* – Knid, *5* – Heraclea, *6* – Rhodes, *7* – Peparet, *8, 10* – the unknown center, *9* – Kos, *11* – Attica

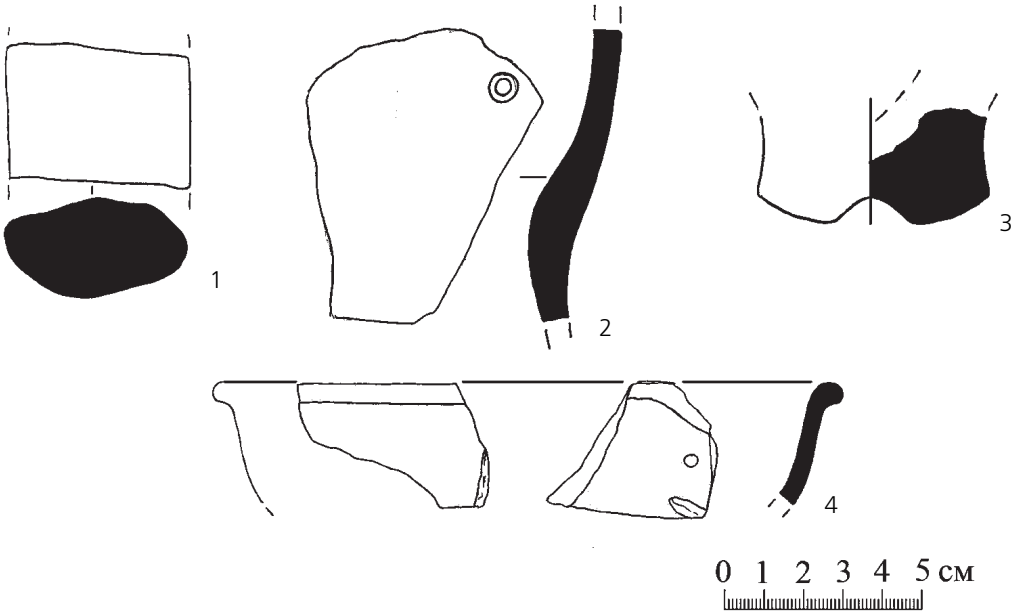


Рис. 5. Античная керамика из раскопок городища Циркуны:

1 – раскоп 2, *2–3* – раскоп 12, *4* – раскоп 13; *1–3* – амфоры, *4* – чернолаковая миска; *1* – Книд, *2* – Хиос, *3* – Менда, *4* – Аттика

Fig. 5. Antique pottery from excavations in Tsirkuny settlement:

1 – excavation 2, *2–3* – excavation 12, *4* – excavation 13; *1–3* – amphorae, *4* – black-lacquered bowl; *1* – Knid, *2* – Chain, *3* – Menda, *4* – Attica

на городищах Люботинском и в уроч. Городище [2, с. 130, табл. 20–21]. В целом грибовидный венец характерен для косских амфор конца IV в. до н. э. [15, с. 445].

Амфоры Менды представлены невыразительными фрагментами — ножкой, стенкой и ручкой. Небольшой обломок ножки имеет выемку на внутреней части (рис. 5: *3*). Амфоры с подобным оформлением ножки аналогичны некоторым сосудам первой — третьей четвертей V в. до н. э. [6, с. 89–90, табл. 59, 61]. Остальные обломки мы относим к V—IV вв. до н. э., т. е. ко времени «хождения» этих амфор в Северном Причерноморье.

Один фрагмент венчика нами условно отнесен к самосской таре (?) (рис. 3: *6*). Он имеет грибовидный венец с диаметром венчика 12 см. Нижняя площадка ровная, характеристика глины близка к самосской таре — светло-коричневая, хорошо отмученная с примесью блесток. Амфоры с подобным венцом известны в Днепровском лесостепном Правобережье: боковая могила Большого Рыжановского кургана и яма на поселении Лисовичи [24, с. 538; 25, с. 199, рис. 1; 15, с. 413, 422; 6. с. 28–29]. Кроме того, они известны в Степи (Водяна Могила) и на Нижнем Дону (Елизаветовское городище), где датируются серединой — третьей четвертью IV в. до н. э. [6, с. 28–29].

Довольно интересным и показательным является находка в верхней части культурного слоя (0,2 м) раскопа № 10 обломка родосской амфоры. Она представлена фрагментом венчика (рис. 4, 6). Диаметр — 15 см, он имеет грибовидный профиль со скошенным краем. Сосуды с подобным венчиком С. Ю. Монахов относит ко II типу (с коротким горлом или бенаки). Данный тип амфор довольно редко встречается в памятниках Лесостепной Скифии. На античных поселениях он обычен для комплексов первой трети III в. до н. э. [6, с. 121].

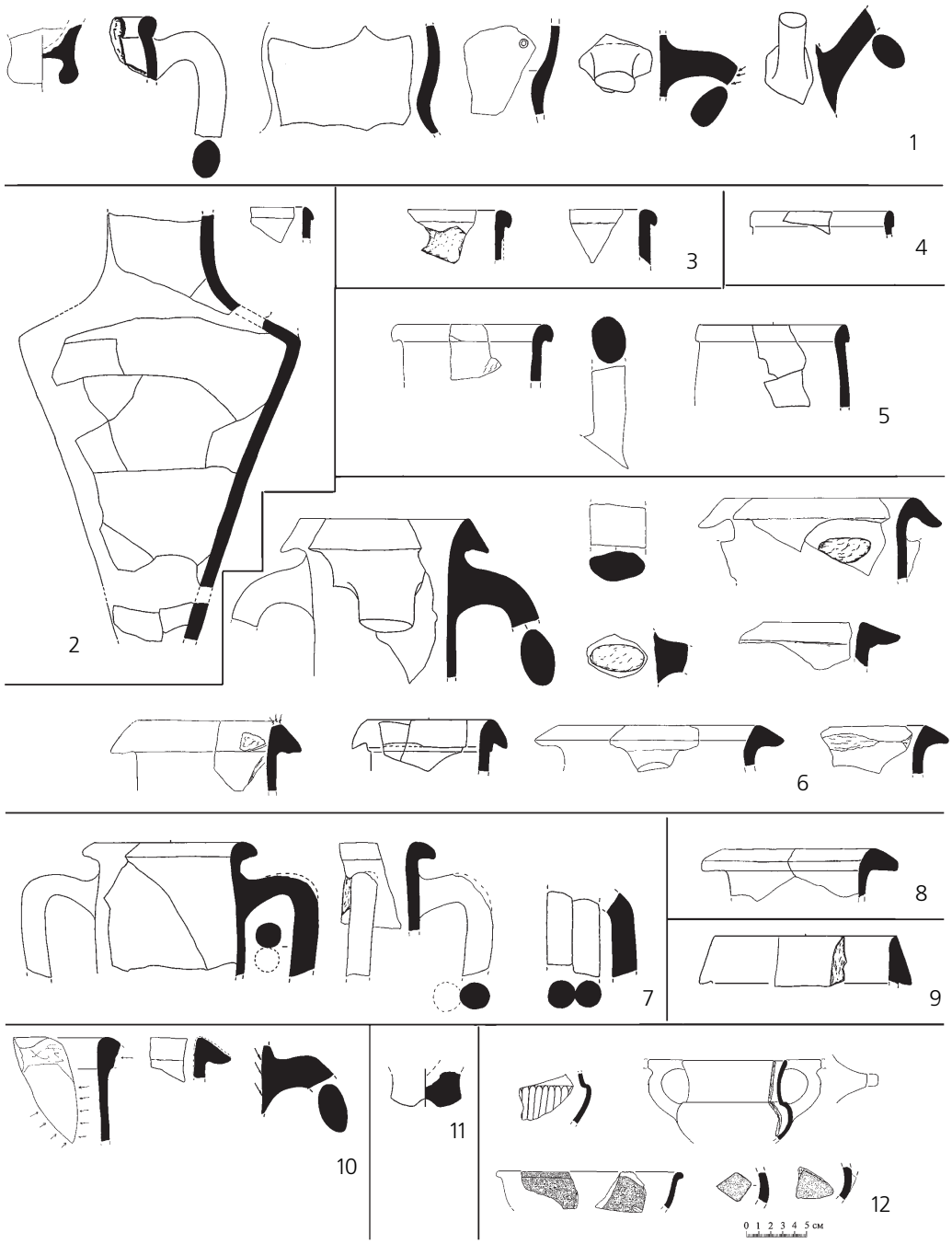


Рис. 6. Античная керамика Циркуновского городища:

1 – Хиос, *2* – Гераклея, *3* – Синопа, *4* – Фасос, *5* – Пепарет, *6* – Книд, *7* – Кос, *8* – Самос, *9* – Родос, *10* – неизвестный центр, *11* – Менда, *12* – Аттика; *1–11* – амфоры, *12* – столовая керамика

Fig. 6. Antique Ceramics Tsirkuny settlement:

1 – Chain, *2* – Heraclea, *3* – Sinopa, *4* – Thasos, *5* – Peparet, *6* – Knid, *7* – Kos, *8* – Samos, *9* – Rhodes, *10* – unknown center, *11* – Menda, *12* – Attica; *1–11* – amphorae, *12* – tableware ceramics

На Циркуновском городище только в раскопе № 6 обнаружены фрагменты амфор синопского производства. Здесь найдено два венчика, две ручки и 15 стенок. По отношению ко всей античной керамике второй половины V—IV вв. до н. э. это составляет 6,8 %, однако непосредственное изучение фрагментов показало, что в данном случае, скорее всего, мы имеем дело с развалом одного сосуда. Все стенки, ручки и венчики сходны по цвету и составу глины. Этот сосуд имел валикообразный венчик со свисающим нижним краем (рис. 2: *6, 7*). Такое оформление края мы встречаем на сосудах третьей четверти IV — середины III в. до н. э. [6, табл. 100: 7, 102: 4, 5].

Известны на городище и находки амфор Пепарета. Они встретились в двух раскопах № 6 и № 10. Из раскопа № 6 происходят обломки венчика, стенок и ручки от одной амфоры с диаметром венчика 14 см. Венчик — валикообразный, нависающий над краем, ручки овальные в сечении (рис. 2: *9, 11*). Другой сосуд происходит из раскопа № 10, и имеет диаметр 12 см (рис. 4: *7*). В целом, подобные амфоры характерны для всего IV в. до н. э. Сосуды пепаретского производства довольно редко попадаются в материалах лесостепных памятников этого периода. Они известны на Бельском городище [11, с. 9] и на городище у уроч. Городище [2, с. 131, табл. 21]. Довольно часто амфоры типа Солоха II встречаются в курганах высшей степной знати — Солоха, Гайманова Могила, Чертомлык, Толстая Могила [11, с. 9].

Довольно большое количество фрагментов (50 %) нами отнесено к производству неизвестных центров второй половины V—IV вв. до н. э. (79 фрагментов), а обломки, которые не поддаются определению, по характеристикам глины можно отнести ко второй половине V—IV вв. до н. э. (56 фрагментов). Среди этого массива керамики к неизвестному центру нами отнесено три венчика амфор. Сосуды имели грибовидный венец (рис. 3: *7, 8*). Один венчик использовался вторично — как лощило (рис. 4: 8). В настоящее время установлено, что амфоры с грибовидным венчиком выпускались на Самосе, Родосе, Наксосе, Паросе, Сицилии, Книде, в Великой Греции [15, с. 242]. На наш взгляд, амфоры, обнаруженные на Циркуновском городище, в целом, можно отнести к IV в. до н. э.

Столовая посуда греческого производства представлена единичными фрагментами чернолаковой посуды аттического производства (6 фрагментов). Больше всего обнаружено в раскопе № 6 — 3 обломка. Первый — обломок стенки чернолакового канфара с вертикальными каннелюрами (рис. 3: *9*). Подобные каннелированные канфары появляются в Аттике с середины IV в. до н. э., а большинство датируется третьей четвертью — концом IV в. до н. э. [26, p. 122, 287, № 704, 711; 18, с. 58]. По материалам Северо-Западного Крыма каннелированные канфары были наиболее популярны в конце IV — начале III вв. до н. э. [27, с. 27]. Фрагменты аналогичных канфаров имеются на Бельском и Кнышевском городищах [17, с. 218, рис. 35: 2–5], а также в курганах № 63 у с. Бобрица, № 485 у с. Капитоновка, № 22 у с. Кут, у с. Новониколаевка [18, кат. № 318, 319, 680, 683]. Два других фрагмента от закрытых сосудов. Наружная поверхность покрыта слоем бледного черного лака (рис. 3: *10, 11*). Судя по качеству лака, фрагменты можно отнести к производству Аттики второй половины IV в. до н. э.

В раскопе 10 обнаружен единственный обломок столового сосуда — чернолаковый канфар с частью ручки и прямым венчиком. Диаметр венчика 8 см (рис. 4: *11*). Для данных канфаров в настоящее время разработана четкая система датирования, основанная на измерении коэффициента — максимального диаметра тулова к высоте [27, с. 25; 28, p. 274–294; 29, p. 84–85]. Канфар из Циркуновского городища имеет коэффициент 1,2. Сосуды с коэффициентом более 1 встречались в слоях Олинфа и относились к середине IV в. до н. э. [30, p. 349–350; 31, p. 12].

В раскопе № 13 обнаружено два обломка чернолаковой миски. Такие миски имеют отогнутый наружу край, в верхней части стенки вертикальные, постепенно сужаются ко дну (рис. 5: *4*). Подобные миски в Греции были популярны только с последней четверти V в до н. э. [26, p. 128]. По материалам Афинской Агоры сосуд следует датировать в пределах второй четверти IV в. до н. э. [26, p. 128–129, № 802–806]. Аналогичные миски

происходят из Центральной гробницы Большого Рыжановского кургана, который датируется первой четвертью III в. до н. э. [24, с. 545]. Известны они также в кургане Толстая Могила (женское погребение, начало IV в. до н. э.) [32, с. 194, рис. 109], а также в кургане 3 (1908 г.) последней четверти IV в. до н. э. Елизаветовского могильника [33, № 209] и в гробнице 2 кургана 4 группы Страшной Могилы [34, с. 149, рис. 30: *3*].

Таким образом, наиболее ранние находки античного импорта позволяют предположить, что Циркуновское городище возникает в первой половине V в. до н. э. Причем жизнь протекала только на первом (южном) дворе, где найдены обломки и комплексы этого времени. Этой дате также не противоречит и остальной материал, обнаруженный при раскопках. Однако довольно интересным остается тот факт, что амфоры этого периода представлены небольшим количеством и только производства о. Хиос. Совершенно отсутствуют находки керамики из других центров, например, протофасосские, амфоры с о. Лесбос, которые были распространены в этот период. Среди находок отсутствует и столовая керамика этого периода. Видимо в начальный период существования небольшого укрепленного поселения античный импорт попадал на него спорадически.

Наибольшее количество фрагментов керамики относится к IV в. до н. э. Они представлены импортом из Книда, Фасоса, Гераклеи, Пепарета, Синопы. Керамика этого времени обнаружена во всех раскопах на городище. Преобладание греческого керамического импорта второй половины IV в. до н. э. свидетельствует о наибольшем расцвете жизни на Циркуновском городище в этот период. Подтверждением этому также может служить тот факт, что с конца V в. до н. э. площадь городища расширяется примерно вдвое, перестраиваются оборонительные укрепления [12].

Наиболее поздний античный импорт представлен единичными обломками амфор Коса и Родоса конца IV — начала III вв. до н. э. Данные фрагменты позволяют говорить о финале жизни на городище в первой четверти III в. до н. э. Однако среди материалов раскопок имеется серия фрагментов гончарной сероглиняной керамики, культурная атрибуция и хронология которой пока затруднительна. Наиболее близкие аналогии артефактам мы находим на Кубани в материалах III—II вв. до н. э. и рубежа эр.

По всей видимости, античная керамика ценилась и долго ходила в быту, об этом свидетельствуют потертости. Некоторые фрагменты амфор позже использовали как лощила. Фрагмент канфара также имеет следы потертости.

В целом же коллекция фрагментов античной керамики из Циркуновского городища позволяет расширить наши знания о тарной посуде, в которой поступала продукция на данное поселение. Следует также отметить, что это самый северный укрепленный пункт скифского периода в бассейне Северского Донца, который играл значительную роль, являясь региональным центром ближайшей округи. Импорт на городище поступал только сухопутными путями, и, вероятно, одним из таких путей являлся знаменитый Муравский Шлях.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Пеляшенко К. Ю.* Історія дослідження Циркунівського городища // Наука і освіта у краєзнавчому вимірі. — К., 2014.
2. *Гречко Д. С.* Населення скіфського часу на Сіверському Дінці. — К., 2010.
3. *Шрамко Б. А.* Люботинское городище // Люботинское городище. — Х., 1998.
4. *Либеров П. Д.* Памятники скифского времени бассейна Северного Донца // МИА. — 1962. — № 113.
5. *Окатенко В. Н.* Торговые связи жителей городища в урочище Городище с античными центрами Северного Причерноморья // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Х., 2003. — Вип. 6.
6. *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре. Каталог-определитель. — Саратов, 2003.

7. *Задников С. А., Шрамко И. Б.* Памятники скифского времени в бассейне реки Ольховатки // Проблеми історії та археології України. — Х., 2003.
8. *Шрамко И. Б., Задников С. А., Зоря А. О.* Селище скифского времени у с. Червоносово // Древности, 2004: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2004.
9. *Бандуровський А. В.* Античні амфори з курганів скіфського періоду Лівобережної Лісостепової України // Археологія. — 2001. — № 1.
10. *Буйнов Ю. В.* Отчет о раскопках памятников скифского периода в Валковском районе Харьковской области в 2002 г. // НА МАХНУ. — [2002] Ф. 1. О. 4. Д. 20.
11. *Задніков С. А.* Античний керамічний імпорт на Більському городищі скіфського часу. — Автореферат дис. … канд. істор. наук. — К., 2014.
12. *Крютченко А. А. Пеляшенко К. Ю.* Этапы фортификационного строительства на Циркуновском городище // Проблемы истории и археологии Украины. — Х., 2012.
13. *Пеляшенко К. Ю.* Розкопки на Циркунівському городищі скіфського часу у 2009 р. // АДУ 2009. — К.; Луцьк, 2010.
14. *Бабенко Л. И.* Античный импорт в погребениях Песочинского могильника // РА. — 2004. — № 3.
15. *Монахов С. Ю.* Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары. — Саратов, 1999.
16. *Болтрик Ю. В., Бунятян К. П.* Розкопки на Басівському городищі // Археологічні дослідження в Україні 1993 року. — К., 1997.
17. *Гавриш П. Я.* Племена скіфського часу в лісостепу Дніпровського Лівобережжя (за матеріалами Припсілля). — Полтава, 2000.
18. *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в IV—II вв. до н. э. // САИ. — 1970. — Вып. Д. 1–27.
19. *Моруженко А. А.* Отчет о работе лесостепной скифской экспедиции Донецкого госуниверситета в 1980 г. // НА ИА НАНУ. — 1980/98.
20. *Задников С. А.* Охранные исследования поселения скифского времени Буды, ул. Садовая в Харьковской области // АДУ 2009. — К.; Луцьк, 2010.
21. *Шрамко И. Б.* Охранные исследования поселения скифского времени у с. Новоселовка // АДУ 2010. — К.; Полтава, 2011.
22. *Колода В. В.* Находка двух новых античных амфорных клейм близ Харькова // Древности, 2009: Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2009. — Вып. 8.
23. *Задников С. А.* Античные амфоры гераклейского производства из раскопок Бельского городища // Актуальні проблеми вітчизняної та всесвітньої історії. — Х., 2013. — Вип. 16.
24. *Скорый С. А.* Античная керамическая посуда из Большого Рыжановского кургана // Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. — М., 2005.
25. *Яковенко Е. В.* Античні амфори, знайдені на Київщині // Археологія. — 1964. — Т. XVI.
26. *Sparkes B. A., Talcott L.* Black and Plain Pottery of 6th, 5th and 4th centuries B. C. // The Athenian Agora. — Princeton, 1970. — Vol. 12.
27. *Егорова Т. В.* Чернолаковая керамика IV–II вв. до н. э. с памятников Северо-Западного Крыма. — М., 2009.
28. *Robinson D. M.* Excavation at Olynthus. Part XIII: Vases found in 1934 and 1938. — Baltimore, 1950.
29. *Rotroff S. I.* Hellenistic Pottery. Athenian and Imported Wheelmade Table Ware and Related Material // The Athenian Agora. — Princeton, 1997. — Vol. XXIX.
30. *Rotroff S. I.* Spool saltcellars in the Athenian Agora // Hesperia. — 1984. — Vol. 53. — No. 1.
31. *Rotroff S. I.* Four centuries of Athenian Agora // Chronologies of thee Black Sea Area in the period c. 400–100 B. C. — Arhus, 2005.
32. *Мозолевський Б. М.* Товста Могила. — К., 1979.
33. *Брашинский И. Б.* Греческий керамический импорт на Нижнем Дону. — Л., 1980.
34. *Тереножкин А. И., Ильинская В. А., Черненко Е. В., Мозолевский Б. Н.* Скифские курганы Никопольщины // Скифские древности. — К., 1973.

Резюме

Задніков С. А., Пеляшенко К. Ю. *Грецький керамічний імпорт Циркунівського городища*

В статті розглянута колекція фрагментів античної кераміки, що виявлена під час розкопок городища скіфського часу біля с. Циркуни. Велика кількість знахідок імпортного посуду вказує на особливу роль цієї пам'ятки, як торгового та адміністративного центру найближчої округи.

Серія керамічних фрагментів складається в більшості з амфорної тари і в незначній кількості — зі зразків столового посуду. В роботі наведена статистична характеристика: розподілені фрагменти у стратиграфії та планіграфії, визначені центри виробництва і їх співвідношення, хронологічні позиції.

Ключові слова: античка кераміка, скіфський час, Лісостеп, імпорт, хронологія.

Резюме

Задников С. А., Пеляшенко К. Ю. *Греческий керамический импорт Циркуновского городища*

В статье рассматривается коллекция фрагментов античной керамики, выявленная при раскопках городища скифского времени у с. Циркуны. Значительное количество находок импортной посуды указывает на особую роль этого памятника, как торгового и административного центра близлежащей округи.

Серия керамических фрагментов состоит в большинстве своем из амфорной тары и в малом количестве — из образцов столовой посуды. В работе приведена статистическая характеристика: распределение фрагментов в стратиграфии и планиграфии, определены центры производства и их соотношение, установлены хронологические позиции.

Ключевые слова: античная керамика, скифское время, Лесостепь, импорт, хронология.

Summary

S. Zadnikov, K. Pelyashenko. *Greek Ceramics Imports from Tsirkuny Hillfort*

The article deals with a collection of fragments of antique pottery, which was found during excavations of the Scythian time settlement near the village Tsirkuny. A sizable number of findings of imported cookware indicates the special role of this monument, as the commercial and administrative center of the surrounding neighborhood.

Series of ceramic fragments consists mostly of amphorae and small amounts of samples tableware. The paper shows the statistical characteristics: distribution of the fragments in the stratigraphy and planigraphy defined centers of production and their ratio, set the chronological position.

Key words: antique ceramics, Scythian time, forest-steppe, import, chronology.

С. А. Горбаненко, М. С. Сергєєва

Палеоботанічні дослідження на Горналі

Археологічний комплекс роменсько-давньоруського часу поблизу с. Горналь в Курській обл. Суджанського р-ну (Росія) розташований на правобережній терасі р. Псел (рис. 1), який складається з хронологічно взаємопов'язаних двох городищ, великого селища, дванадцяти невеликих селищ і чотирьох курганних могильників, що існували в період з VIII по XIII ст. [1; 2, № 944–962]. У 2012–2013 рр. археологічна експедиція НДІ археології південного сходу Русі Курського державного університету (КДУ) під керівництвом В. В. Єнукова проводила дослідження поселення 1 (2012) і Великого Горнальського городища (2013) [3][1].

Під час досліджень проводився відбір біологічних зразків, з-поміж яких також були палеоботанічні[2] матеріали: антракологічні (деревне вугілля) і палеоетноботанічні. Забір палеоботанічних матеріалів проведено одним з авторів у співробітництві з м. н. с. НДІ археології південного сходу Русі КДУ М. В. Веретюшкіною. Результати частково опубліковані [4; 5], тому тут розглянуто лише дані роменського періоду. Результати дослідження деревного вугілля, зібраного з об'єктів і культурного шару, ще не публікувалися.

Матеріали і методи. Матеріал, що надійшов на визначення, отриманий трьома різними способами. 1. У результаті ретельних археологічних досліджень декілька незначних проб обгорілих макрорешток зернівок культурних рослин були відібрані безпосередньо під час розкопок. Це ями[3]: 7 (2012); 1Д, 15 (2013). 2. Проведено часткову флотацію й промивання різної кількості ґрунту з заповнення кількох археологічних об'єктів. Це ями: 2, 6, 7 (2012); 17 (2013). 3. Проведено дослідження виробів з глини з метою зняття відбитків зернівок і насіння культурних рослин і бур'янів за 2012–2013 роки.

Деревне вугілля відібране шляхом ручного відбору з ґрунту і заповнення об'єктів під час польових досліджень. Серед об'єктів ями 3 і 6 (2012); ями 1, 4, 5, 15, 17–19, 22, 23, 26, 28, 29 (2013). Далі в лабораторних умовах проведено його аналіз для визначення деревних порід. Зведені результати щодо зустрічальності палеоботанічних матеріалів наведено в табл. 1.

Палеоетноботанічні матеріали. Зведені дані щодо палеоетноботанічних матеріалів в різних об'єктів досліджень наведено в табл. 2. Матеріали з ям 7 (2012), 1Д (2013), 15 (2013) статистичної цінності не мають і надалі розглядатися не будуть. Натомість на увагу заслуговують три об'єкти дослідження: проби з фільтрації з ям 7 (2012) і 17 (2013), а також відбитки на виробах з глини. Саме ці статистичні показники та різниця між ними є цікавими для подальшого аналізу.

---

[1] Користуючись нагодою, автори висловлюють щиру вдячність В. В. Єнукову і О. М. Єнуковій.

[2] Палеоботаніка — наука, яка займається вивченням давніх (здебільшого викопних) рослин. Також містить антракологічні дослідження (вивчення викопного вугілля), і палеоетноботанічні дослідження (археологічно видобуті макрорештки або їх негативи, що засвідчують взаємозв'язок «людина—природа»).

[3] За звітною документацією, усі об'єкти початково названі «ямами».

@ С. А. Горбаненко, М. С. Сергєєва, 2017

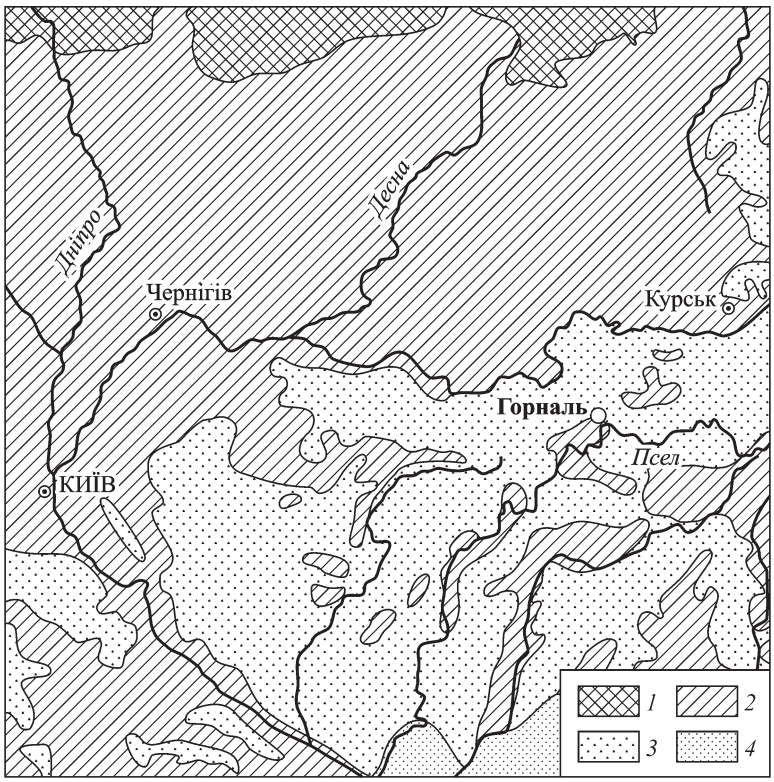


Рис. 1. Місце розташування Горнальського археологічного комплексу з реконструкцією ландшафтів на початок XIII ст. (карта на основі [16, рис. 5])

Умовні позначки: *1* – змішані (широколистяно-хвойні) ліси; *2* – широколистяні ліси; *3* – лугові степи; *4* – різнотравно-типчаково-ковилові степи

Fig. 1. Location of archaeological complex Gornal with a reconstruction of landscapes of the early 13th cent. (the map on the basis of [16, рис. 5])

Legend: *1* – mixed (deciduous-coniferous) forests; *2* – deciduous forests; *3* – grassland steppe; *4* – herb-fescue-feather grass steppes

Таблиця 1

Зустрічальність палеоботанічних макрорешток і деревного вугілля в об'єктах (ямах) роменсько-давньоруського часу

Проба	Вуглики дерев	Зернівки, насіння
1. Відібрані проби		
Яма 3 (2012)	+	—
Яма 6 (2012)	+	—
Яма 7 (2012)	—	+
Яма 1Д (2013)	+	+
Яма 4 (2013)	+	—
Яма 5 (2013)	+	—
Яма 15 (2013)	+	+

Проба	Вуглики дерев	Зернівки, насіння
Яма 17 (2013)	+	—
Яма 18а (2013)	+	—
Яма 18б (2013)	+	—
Яма 19 (2013)	+	—
Яма 22 (2013)	+	—
Яма 23 (2013)	+	—
Яма 26 (2013)	+	—
Яма 28 (2013)	+	—
Яма 29 (2013)	+	—
2. Флотація й промивання		
Яма 2 (2012)	—	+
Яма 6 (2012)	+	—
Яма 7 (2012)	—	+
Яма 17 (2013)	—	+
3. Відбитки на виробах з глини		
2012	—	+
2013	—	+

Матеріал (відбитки і обгорілі зернівки) проаналізовано завдяки його порівнянню з раніше визначеними аналогічними зразками і широкому колу публікацій на цю тему. Визначення бур'янів проведено за відповідним каталогом [6]. Репрезентативний матеріал перераховано для складання палеоетноботанічних спектрів (ПБС) [7] основних зернових культурних рослин і за кількістю зернівок (як основа для подальшої інтерпретації), і за їх масою (як метод інтерпретації). Зауважимо, що у ПБС враховано лише основні зернові культури: пшеницю, ячмінь, просо, жито, овес. ПБС не містить культури, які могли супроводжувати основні посіви, а також ті, які могли бути як польовими, так і городніми (бобові). Такий ПБС має відобразити співвідношення у вирощуванні (або вживанні в їжу) між основними злаковими культурами (див.: [4; 8; 9]).

Антракологічні матеріали. Отримані матеріали вивчають для визначення порід дерева за діагностичними ознаками мікроструктури деревини. Ці ознаки простежуються по трьох розрізах за допомогою мікроскопу. Результати порівнюють з даними визначників деревини [10; 11; 12]. У разі задовільної збереженості вугілля породу дерева визначають за родом. Деякі породи визначають за родиною, наприклад, ільмові або в'язові (ільм, в'яз, берест), мікроструктура яких майже ідентична.

Найбільший інтерес становить вугілля з об'єктів (всі — роменського часу), яке можна пов'язувати з діяльністю людини. Саме це вугілля розширює уявлення дослідника про склад основної ділової деревини, поширеної на поселенні. Особливий інтерес у цьому зв'язку становлять три об'єкти, які містили значну кількість вугілля — ями 1, 15, 22 (2013). Усі ці об'єкти є будівлями IX—X ст. З них вдалося визначити деревину, відповідно, 65, 198 і 32 зразків. Матеріали з інших об'єктів репрезентовані невеликою кількістю зразків (до 10–15) або взагалі поодинокими вугликами. Значна кількість вугілля зібрана поза ямами. Неможливість визначення часу і умов їх потрапляння до ґрунту дозволяє зарахувати таке вугілля до другорядних джерел щодо діяльності людини. Фактично їх значення обмежується наданням інформації про деревну рослинність мікрорегіону у широких хронологічних межах.

Таблиця 2

Палеоетноботанічний матеріал

Проба	Рослини																		Разом	Рис. 2, *позиція*
	Культурні												Бур'яни					Ліщина		
	Злакові									Бобові										
	Просо	Ячмінь плівчастий	Ячмінь голозерний	Пшениця двозернянка	Пшениця спельта	Пшениці м'які голозерні	Жито	Овес	Злак (не визначено)	Горох	Вика	Сочевиця	Стоколос	Підмаренник чіпкий	Березка польова	Щетинник	Бур'ян, не визначено			
1. Відібрані проби																				
Яма 7 (2012)	—	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—	—	—	16	—
Яма 1Д (2013)	—	—	—	3	—	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	7	—
Яма 15 (2013)	—	1	—	—	—	—	—	—	—	8	—	—	—	—	—	—	—	—	9	—
2. Проби з фільтрації																				
Яма 2 (2012)	12	6	—	5	—	5	6	2	17	1	—	7	2	2	—	—	—	23	88	2
Яма 7 (2012)	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3	—
Яма 17 (2013)	284	201	8	195	9	264	234	84	284	—	—	15	37	—	2	19	26	—	1662	3
3. Відбитки на виробах з глини																				
2012	27	12	—	8	—	8	13	4	—	3	5	—	1	—	—	4	3	1	89	1
2013	6	3	—	3	—	2	2	—	—	4	—	—	3	—	—	—	—	—	23	1
Разом	33	15	—	11	—	10	15	4	—	7	5	—	4	—	—	4	3	1	112*	1

Примітка.* — вказано лише суму **відбитків.**

Результати.

Палеоетноботанічні дослідження дали такі результати.

Яма 2. Роменське житло X ст. Визначено матеріали з фільтрації. На 250 дм^3 (25 відер) виявилося 65 зернівок і їх фрагментів культурних рослин і бур'янів переважно незадовільного збереження. З них 53 належать культурним злаковим (17 сильно деформованих фрагментів визначити не вдалося); 8 — бобовим; 4 — бур'янам. Серед культурних злакових зернівок переважає просо (12); другі позиції займають ячмінь туманний і жито (по 6); далі йдуть пшениці — плівчаста і м'які голозерні (по 5); овес на останньому місці (2) (рис. 2, *а*). З бобових визначено горох (1) і сочевицю (7). Також виявлено 23 фрагменти шкаралупи ліщини.

Яма 17. Роменський час. У результаті часткової фільтрації заповнення отримано значну кількість матеріалу: 1352 одиниці визначених зернівок і їх фрагментів різного ступеню збереження. Не визначено сильно зруйновані і незначні фрагменти 284 зернівок культурних рослин, а також 26 — бур'янів (рис. 2, *а*).

Вироби з глини. Оскільки за обидва сезони переглянуто матеріали роменського часу, вважаємо за можливе об'єднати отримані дані. Визначено 108 відбитків зернівок

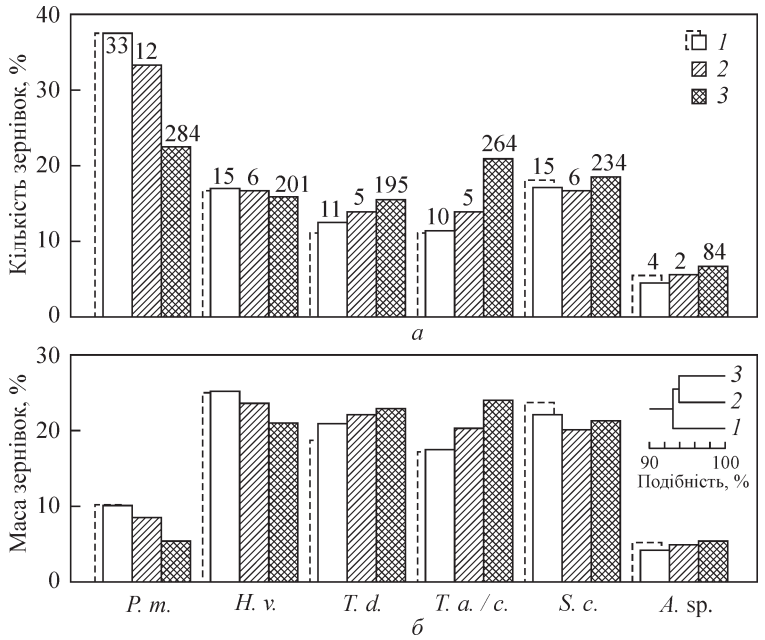


Рис. 2. Діаграма зернівок: *а* – кількість (над стовпчиками дано кількість екз.); *б* – маса

Умовні позначки: *P. m.* – *Panicum miliaceum* (просо); *H. v.* – *Hordeum vulgare* (ячмінь плівчастий); *T. d.* – *Triticum dicoccon* (пшениця двозернянка); *T. a. / c.* – *Triticum aestivum / compactum* (пшениці м'які голозерні); *S. c.* – *Secale cereale* (жито); *A.* sp. – *Avena* sp. / *Avena sativa* (овес); *1* – відбитки з роменської кераміки (пунктиром вказані дані за 2012 р.; суцільною лінією – об'єднані дані); *2* – обгорілі зернівки, яма 2; *3* – обгорілі зернівки, яма 17

Fig. 2. A diagram of grains: *а* – quantity (above the columns a number of items is given); *б* – mass

Legend: *P. m.* – *Panicum miliaceum* (millet); *H. v.* – *Hordeum vulgare* (barley); *T. d.* – *Triticum dicoccon* (emmer wheat); *T. a. / c.* – *Triticum aestivum / compactum* (common wheat); *S. c.* – *Secale cereale* (rye); *A.* sp. – *Avena* sp. / *Avena sativa* (oat); *1* – prints in ceramics of Romny culture (dotted line is for data from 2012; solid line is for consolidated data); *2* – charred grains, the pit 2; *3* – charred grains, the pit 17

(88 зернівок культурних злакових; 12 — бобових; 8 — бур'янів); не визначено — 3. Серед них найбільша кількість (33) належить просу; друге місце займають жито (15) і ячмінь плівчастий (15); слідом за ними знаходяться пшениця двозернянка (11) і пшениці м'які голозерні (10); на останньому місці серед злакових — овес (4) (рис. 2, *а*). Серед бобових — 7 відбитків гороху і 5 вики. Бур'яни представлені 4 відбитками стоколосу, 4 — підмаренника; 3 зернівки бур'яну не визначено. Також виявлено один відбиток шкаралупи ліщини.

Антракологічні дослідження. Основними деревними породами серед зразків вугілля, які вдалося визначити, є дуб (*Quercus* sp.), клен (*Acer* sp.), ясен (*Fraxinus* sp.), ільмові (Ulmaceae), тополя/осика (*Populus* sp.). Поодинокими вугликами (2 екземпляри) репрезентована також липа (*Tilia* sp.). Через незадовільний стан збереженості і дуже дрібні розміри деякої частини зразків вугілля, що надійшли для аналізу, породу їх деревини визначити не вдалося, проте однозначно можна сказати, що все вугілля належить до листяних порід. Не виявлено жодного екземпляру вугілля від дерева хвойної породи. Співвідношення різних порід дерев показано на діаграмі (рис. 3), з якої видно, що цілком переважає дуб (69,8 %), за ним з великим відривом йдуть клен (11,4 %), ясен (7,6 %), ільмові (6,1 %). Водночас ями 3 і 6 (2012), з яких визначено, відповідно, 10 і 15 зразків вугілля, містили тільки дуб. У ямі 3, крім того, виявлено багато кори. У кожній з трьох ям: 1, 15 і 22 (2013), які містили великі скупчення вугілля, дубове вугілля також складає більшість екземплярів. Співвідношення порід дерев у цих комплексах показано на діаграмі (рис. 4).

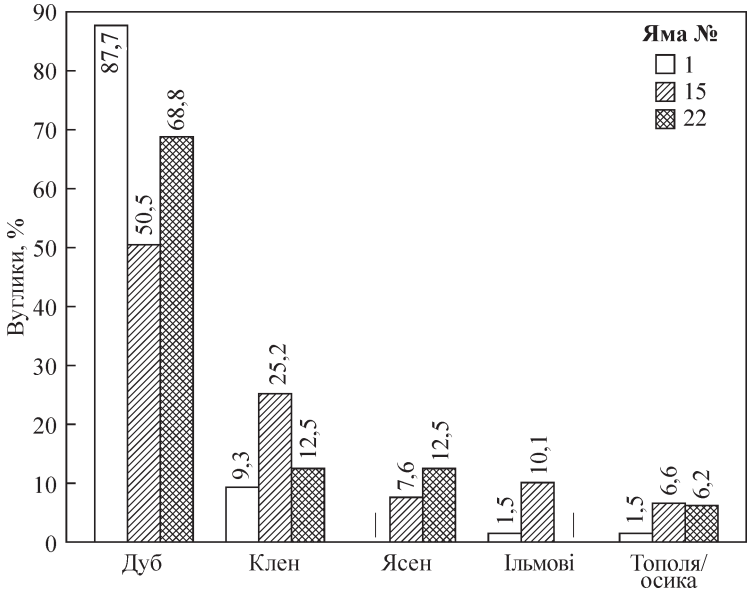


Рис. 3. Діаграма розподілу вугликів за породами дерева
Над стовпчиками дано: відсоток

Fig. 3. A diagram of charcoals distribution according to wood species
Above the columns are: percentage

Обговорення. Результатом всіх палеоетноботанічних досліджень стало отримання трьох, так би мовити, незалежних ПБС. Ці дані відрізняються один від одного за кількісними параметрами; однак, як можна переконатися з діаграми, вони цілком порівнювані між собою і позначають подібні тенденції в кількості і масовій частині окремих зернових (рис. 2). Що, на наш погляд, цілком закономірно. Спектри, отримані за допомогою зняття відбитків з глиняних виробів, а також у результаті фільтрації ґрунту з ями 2 (2012) і ями 17 (2013) демонструють аналогічні тенденції. Під час зіставлення цих даних з показниками попередніх культур (див.: [13, с. 198–199]) помітно збільшення вибагливіших, але й урожайніших злакових: жита і пшениць м'яких голозерних. Це свідчить про високий рівень розвитку землеробства у давніх поселенців Горналі загалом. Результати визначень палеоетноботанічних матеріалів, отриманих різними методами, в принципі порівнювані між собою [7], у чому можна переконатися й на нашому прикладі. В цілому, певні розбіжності між ПБС з ям 2 і 17 і відбитками

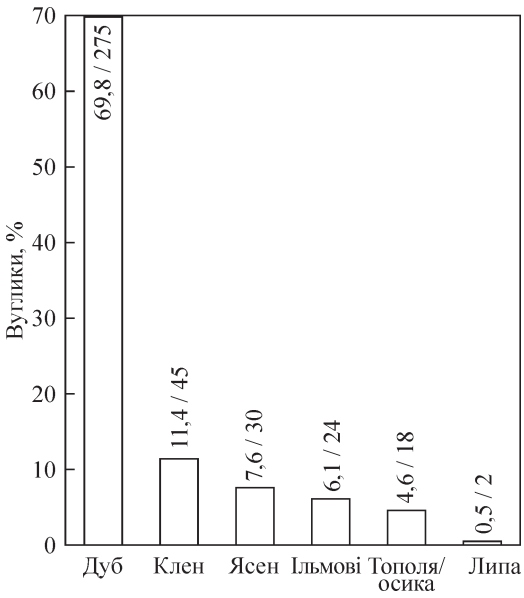


Рис. 4. Діаграма розподілу вугликів за породами дерева по ямах.
Над стовпчиками дано відсоток/кількість екз.

Fig. 4. A diagram of charcoals distribution in the pits according to wood species.
Above the columns are: percentage/a number of items

злаків пояснюються такими обставинами. Якщо інформація, отримана з виробів з глини, може бути визнана характерною для Горнальского комплексу в роменський період загалом, то дані з ям *2* і 17 характеризують лише час існування відповідних жител. Зауважимо, що розбіжність масових часток зернових за макрорештками (незважаючи на істотні відмінності в кількості проаналізованого матеріалу) не перевищує 3,7 % (для показників м'яких голозерних пшениць); інші істотно нижче. Розбіжності ж між показниками ПБС за відбитками і обгорілими макрорештками в одному випадку сягають 6,5 % — також для пшениць м'яких голозерних (рис. *2*, *б*). За кластерним аналізом подібність між пробами з Горналі становить понад 93 % (рис. *2*, *б*).

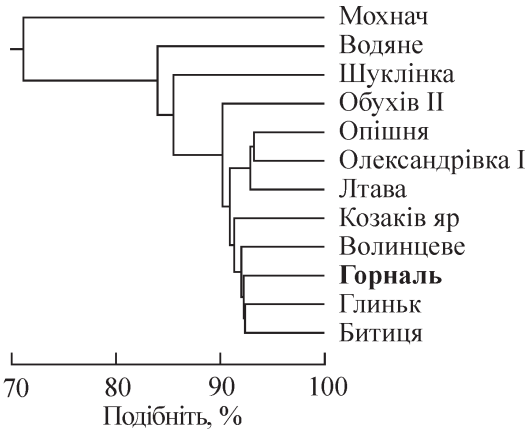


Рис. 5. Результати кластерного аналізу ПБС волинцевсько-роменських пам'яток

Fig. 5. Results of cluster analysis of palaeoethnobotanical spectrum of Volyntsevo and Romny settlements

За результатами кластерного аналізу матеріалів з волинцевсько-роменських пам'яток загалом, дані ПБС Горнальского комплексу, отримані в результаті перерахунку за масою, демонструють значну подібність (92 % і більше) з більшістю сіверянських пам'яток (рис. 5). Нині в кластерному аналізі використано статистичні дані відбитків на виробах з глини, оскільки аналогічних вибірок за обгорілими макрорештками не існує. Зауважимо, що менші показники подібності характерні для пам'яток, віддалених від центру ареалу поширення сіверян [9].

У ПБС є значна частка врожайніших, але й вимогливіших до агротехніки пшениць м'яких голозерних і жита. Також потребує уваги наявність бур'янів — засмічувачів посівів. Серед них найцікавіші дані про стоколос, обидва види якого належать до бур'янів озимих посівів (переважно — жита). Отже, інтерпретація палеоетноботанічних матеріалів вказує на високорозвинену агротехніку як таку. Також, можна говорити про застосування певних заходів для відновлення родючості ґрунту: посів озимих і ярових культур, що могло бути наслідком використання дво-, трипілля. Це дозволяє припустити існування інтенсивного способу ведення сільського господарства.

Усе досліджене вугілля належить місцевим породам, характерним для деревної рослинності цього регіону, де створений природний заповідник «Урочище Горналь». Зазначена територія є частиною долинно-річкового комплексу р. Псел. Для мікрорегіону характерним є чергування відкритих територій і вкритих лісом ділянок, наявність заплавних луків і лісів. Основним типом лісу є діброви, куди входять також ясен, осина та інші супутні породи. Водночас спостерігається слабка антропогенна трансформованість мікрорегіону [14; 15]. Це дозволяє поширювати наявну природну картину на раніші періоди. Такий висновок відповідає реконструкції ландшафту XIII ст., репрезентованій у роботі А. М. Семенової-Тянь-Шаньської [16, рис. 5], згідно з якою для ареалу, де розташована долина р. Псел характерне чергування ділянок, вкритих широколистяними лісами, з безлісими луговими степами (рис. 1). Основною лісоутворюючою породою у регіоні є дуб. Загалом на території сучасної Курської обл. дуб складає основні природні запаси деревини (від 60 до 80 %) [17, с. 121]. Отримані результати вивчення викопного вугілля підтверджують існування такої ж ситуації

принаймні у IX—X ст. При тому, що на велику перевагу дубу могли впливати його здібності створювати якісне вугілля під час горіння, певною мірою це є свідченням поширення зазначеного дерева, а отже і його важливості як ділової деревини. Сфера використання дубової деревини охоплює різні боки повсякденного життя: від будівництва і виготовлення широкого спектру виробів до використання її як палива, особливо у виробництві. Найбільшої уваги варті об'єкти, що містили великі скупчення вугілля: ями 1, 15 і 22 (2013), які є будівлями. Цілком слушно припускати, що принаймні частина виявленого вугілля належала до їх конструкцій. На користь цього може свідчити той факт, що за винятком поодиноких випадкових екземплярів гілок, зразки вугілля були рештками стиглої деревини. Це дозволяє припускати їх інтерпретацію як залишків деревообробної продукції, а не палива. Дубову деревину використовували доволі широко — від будівництва до виготовлення різноманітної продукції. Її фіксують скрізь як будівельний матеріал: з дубу робили підвалини споруд, зокрема нижні вінця зрубів, а також деякі конструктивні деталі. У цьому зв'язку викликає інтерес також яма 6 (2012), яка була господарчою спорудою і містила роменську і давньоруську кераміку. Виявлене в її заповненні дубове вугілля могло належати конструкціям, які згоріли.

У ямах 1, 15 і 22 виявлено також вугілля клену, ільмових, ясеню, тополі/осики. Дрібні розміри досліджених екземплярів вугілля не дають можливості пов'язувати їх з конкретними виробами або конструкціями, проте наявність цих порід дерева не суперечить даним про використання різних порід деревини. Вартий уваги факт, що серед матеріалів зі всіх трьох об'єктів, а також загалом з поселення друге місце за кількістю зразків посідає клен. Це може свідчити не лише про поширення цього дерева в мікрорегіоні, але й про його значення як ділової деревини, що відповідає наявним даним з деревообробки Півдня Русі, де, за попередніми спостереженнями одного з авторів, з клену виготовлено більшість столового посуду, виявленого на давньоруських поселеннях [18, с. 120], а також різноманітні дрібні деталі та деякі інші вироби [19]. Надання переваги цій породі дерева для виготовлення подібної продукції демонструють також дані досліджень Новгорода [20, табл. 1]. Частота зустрічальності й просторове розповсюдження можуть підтвердити увагу деревообробників до зазначеної породи дерева. Широко використовували також ясен, тополю/осику. Поки що немає даних про її роль як сировини і про сферу використання ільмових у середньовіччі, оскільки продукцію з цих видів дерева не виявлено на жодній з давньоруських пам'яток, звідки походять дерев'яні артефакти.

Загалом отримані дані відображають окремі аспекти біогосподарської діяльності мешканців городища, пов'язані з використанням місцевої рослинності. Комплексний міждисциплінарний підхід до опрацювання органічних залишків дозволяє розширити джерела до вивчення господарства давнього населення і використання можливостей природного оточення у господарчій і виробничій діяльності. Проаналізовані палеоетноботанічні рештки характеризують особливості місцевого землеробства, антракологічні дані важливі, з одного боку, для характеристики оточуючих ландшафтів, і для господарчо-виробничої діяльності (склад деревної сировини) — з іншою. На сучасному етапі дослідження складність їх інтерпретації полягає в тому, що проаналізовані матеріали знаходяться у різних категоріях і без додаткових досліджень не корелюють між собою. Крім того, для отримання повної картини біогосподарської діяльності місцевого населення, і виявлення співвідношення відтворюючих і привласнюючих форм господарства необхідні також інші дослідження за методами природничих наук, насамперед зоологічні. Поданий аналіз біологічних решток з Горнальського городища має значення насамперед як важлива складова подальших комплексних досліджень, які в перспективі повинні конкретизувати особливості взаємовідносин природа — людина для населення роменського і давньоруського часу в басейні р. Псел.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Кашкин А. В., Узянов А. А.* Об одном «несостоявшемся городе» на Верхнем Псле // Проблеми ранньослов'янської і давньоруської археології Посейм'я. — Білопілля, 1994.
2. *Археологическая* карта России. Курская область. — М., 2000. — Ч. 2.
3. *Енуков В. В., Енукова О. Н.* Исследования Горнальского археологического комплекса в 2012–2013 гг. // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. — Курск, 2015.
4. *Горбаненко С. А.* Археоботанические исследования материалов из археологического комплекса Горналь // КСИА. — 2014. — Вып. 234.
5. *Веретюшкина М. В., Горбаненко С. А.* Материалы по земледелию из Горнали (по результатам 2013 г.) // Суджа и суджане в отечественной и зарубежной истории и культуре. — Курск, 2015.
6. *Веселовський І. В., Лисенко А. К., Манько Ю. П.* Атлас-визначник бур'янів. — К., 1988.
7. *Кравченко Н. М., Пашкевич Г. А.* Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985.
8. *Горбаненко С. А.* Сельское хозяйство до образования Киевской Руси // Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968). — СПб., 2012.
9. *Горбаненко С. А.* Зернове господарство сіверян // Археологія. — 2014. — № 1.
10. *Сукачев В. Н.* Определитель древесных пород. — М., 1940.
11. *Гаммерман А. Ф., Никитин А. А., Николаева Т. Л.* Определитель древесин по микроскопическим признакам с альбомом микрофотографий. — М.; Л., 1946.
12. *Вихров В. Е.* Диагностические признаки древесины главнейших лесохозяйственных и лесопромышленных пород СССР. — М., 1959.
13. *Горбаненко С. А., Пашкевич Г. О.* Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). — К., 2010.
14. *Кадастровый* отчет по ООПТ памятник природы регионального значения «Урочище Горналь» [12.08.2013] [Электронный ресурс]. — Режим доступа: oopt.aari.ru/oopt/Урочище-Горналь/cadastre/pdf.
15. *Полуянов А. В., Дьяченко Г. Н., Малышева Н. С., Миронов В. И., Чертков Н. В.* Ландшафты и биоразнообразие урочища Горналь — нового памятника природы Курской области // Auditorium: электронный научный журнал Курского государственного университета. — 2014. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://auditorium.kursksu.ru/pdf/001-007.pdf.
16. *Семенова-Тянь-Шаньская А. М.* Динамика степной растительности. — М.; Л., 1966.
17. *Рубцов В. И.* Леса Центрально-Черноземного района // Леса СССР. — М., 1966. — Т. 3.
18. *Сергєєва М. С.* Дерев'яний посуд з давньоруських міст Середнього Подніпров'я // Археологія. — 1998. — № 1.
19. *Сергєєва М. С.* Сировинна база давньоруської деревообробки (за матеріалами Південної Русі) // Проблемы истории и археологии Украины: Материалы VIII Междунар. науч. конф. — Х., 2014.
20. *Колчин Б. А.* Новгородские древности. Деревянные изделия / САИ. — 1968. — Вып. Е1–55.

Резюме

Горбаненко С. А., Сергєєва М. С. *Палеоботанічні дослідження на Горналі*

Стаття присвячена аналізу палеоботанічних матеріалів з розкопок 2012–2013 рр. на Горнальскому городищі (Курська обл., Росія). Досліджено палеоетноботанічні (залишки культурних рослин і бур'янів) і антракологічні залишки (деревне вугілля).

Основним результатом палеоетноботанічних досліджень є доказ високого рівня розвитку землеробства серед жителів городища Горналь. За результатами кластерного і порівняльного аналізів, зернове господарство Горналі в цілому ідентичне господарству з інших волинцевсько-роменських пам'яток.

Дослідження деревного вугілля з роменських археологічних об'єктів дозволило визначити склад місцевої ділової деревини. Ідентифіковано дуб (*Quercus* sp.), Клен (*Acer* sp.), Ясен (*Fraxinus* sp.), Ільмові (Ulmaceae), тополя/осика *(Populus* sp.).

Поданий аналіз ботанічних залишків з Горнальского городища є важливою складовою для подальших комплексних досліджень біогосподарської діяльності населення роменського і давньоруського часу в басейні р. Псел.

Ключові слова: басейн р. Псел, городища IX—X ст., городище Горналь, роменська культура, біогосподарча діяльність, палеоетноботаніка, антракологія.

Резюме

Горбаненко С. А., Сергеева М. С. *Палеоботанические исследования на Горнали*

Статья посвящена анализу палеоботанических материалов из раскопок 2012–2013 гг. на Горнальском городище (Курская обл., Россия). Исследованы палеоэтноботанические (остатки культурных и сорных растений) и антракологические остатки (древесный уголь).

Основным результатом палеоэтноботанических исследований является доказательство высокого уровня развития земледелия среди жителей городища Горналь. По результатам кластерного и сравнительного анализов, зерновое хозяйство Горнали в целом идентично таковому с других волынцевско-роменских памятников.

Исследование древесного угля из роменских археологических объектов позволило определить состав местной деловой древесины. Идентифицированы дуб (*Quercus* sp.), клен (*Acer* sp.), ясень (*Fraxinus* sp.), ильмовые (Ulmaceae), тополь/осина (*Populus* sp.).

Представленный анализ ботанических остатков с Горнальского городища является важной составляющей для дальнейших комплексных исследований биохозяйственной деятельности населения роменского и древнерусского времени в бассейне р. Псел.

Ключевые слова: бассейн р. Псел, городища IX—X в., городище Горналь, роменская культура, биохозяйственная деятельность, палеоэтноботаника, антракология.

Summary

S. Gorbanenko, M. Sergeyeva. *Palaeobotanical Kesearches in Gornal*

The article deals with the analysis of palaeobotanical materials from archaeological excavations of 2012–2013 in Gornal hillfort (Kursk region, Russia). Palaeoethnobotanical (remains of crops and weeds), and anthracological (charcoal) remains were examined.

The main result of palaeoethnobotanical study is an evidence of the high level of development of agriculture of the inhabitants of Gornal hillfort. According to the results of cluster and comparative analyzes, a grain husbandry in Gornal was in general identical to that from other Romny and Volyntsevo culture sites.

A study of charcoal from archaeological objects of Romny culture allowed to determine a set of local work timber. Oak (*Quercus* sp.), maple (*Acer* sp.), ash (*Fraxinus* sp.), elms (Ulmaceae), poplar/aspen (*Populus* sp.) were identified.

The present analysis of botanical residues from Gornal hillfort is an important component for future comprehensive studies of bioeconomic activity of inhabitants of Psel river watershed in Romny culture and Old Rus period.

Key words: Psel river watershed, hillforts of 9th—10th cent., Gornal hillfort, Romny culture, bioeconomic activity, palaeoethnobotany, anthracology.

В. Г. Івакін

Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара (за матеріалами археологічних досліджень вишгородського гончарного посаду 2013–2015 рр.)

Археологічні дослідження Вишгорода довели, що з кінця X — до першої чверті XII ст. у місті функціонував визначний давньоруський ремісничий центр. Так, у східній частині дитинця зафіксовані залишки ковальських та ливарницьких майстерень, склоробного та ювелірного виробництва. Проте найбільш вражаючим за масштабами виробництва був вишгородський гончарний посад. Він знаходився в урочищі «Гончарі», на південь та південний захід від городища, між р. Монашка та колишньою протокою Дніпра р. Коноплянка. Відкриття археологами цієї частини міста відбулося у 1936–1937 рр., коли на схилах яру біля сучасного собору Вишгородської Богородиці було розкопано перші три гончарні горна та виявлено ще більше десятка плям випаленої глини [1, с. 72–73]. Локальні дослідження відбувалися 1947-го та 1960-го року. [2; 3]. Найбільш масштабні роботи на посаді проводились упродовж 1990–1992 рр., коли охоронними роботами кооперативу «Археолог» та Р. С. Орлова на площі близько 2000 кв. м було розкопано 50 м вулиці з розташованими обабіч садибами гончарів [3].

У 2013–2015 рр. на Старосільському провулку, 42 (центральна частина посаду, неподалік від сучасного Музею гончарства Вишгородського історико-культурного заповідника) проводилися науково-рятівні дослідження відведеної під забудову ділянки. На площі близько 500 кв. м вдалося прослідкувати залишки чотирьох садиб (однієї з них — практично повною площею) із низкою житлових, виробничих та господарських споруд кінця X — першої чверті XII ст. З культурного шару та заповнення об'єктів походить численний та різноманітний археологічний матеріал. У культурних нашаруваннях виявлені, як звичайні для давньоруських міст предмети побуту та знаряддя праці (залізні ножі, фрагмент сокири, кресало, уламок від дужки відра, риболовний гачок, фрагменти замків та ключі), так і низку неординарних речей, які підкреслюють особливе становище місцевих ремісників. Про високий соціальний статус населення посаду говорять, зокрема, яскраві та різноманітні елементи ремінної гарнітури: накладки, поясні кільця, наконечники ремінців та пряжки. У запропонованій статті ми спробуємо проаналізувати елементи костюму, знайдені за три польові сезони археологічних робіт на гончарному посаді.

Так, у похованні 1 у районі тазу небіжчика знайдено бронзову **ліроподібну пряжку**. Остання складається з овальної рамки з лілієподібним завершенням і трапецієвидним приймачем для пояса (рис. 1: *1*). Розміри 2,5 × 2,5 см. Ліроподібна частина орнаментована насічками. У 1990 р. таку саму пряжку було знайдено у культурному шарі неподалік від досліджуваної ділянки (сучасна вул. Шолуденка, 6-а) (рис. 1: *2*) [3, рис. 325: *8*]. Подібні предмети в X—XII ст. побутували на всій території давньоруської держави. Так, у Новгороді вони походять з шарів першої чверті XI — останньої

@ В. Г. Івакін, 2017

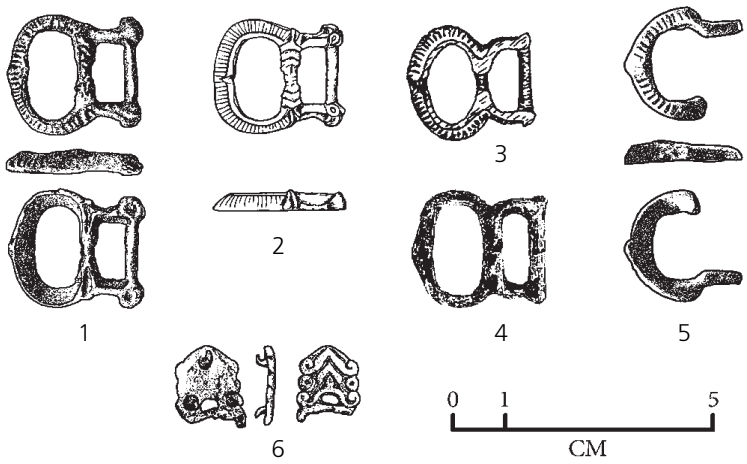


Рис. 1. Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара: пряжки

Fig. 1. Elements of clothing of Old Rus craftsman-potter: belt buckles

чверті XII ст. Знахідка, аналогічна вишгородській, відома з Бутиківського поселення на вододілі Оки і Дону (рис. 1: *3*) [4, с. 78–79, рис. 31: 2]. Схожий артефакт виявлено у ремісничій майстерні X ст. в районі с. Новосел (Болгарія) (рис. 1: *4*) [5, с. 274, табло XXXII: 210].

Фрагмент ще однієї пряжки цього типу знайдений під час досліджень 2015 р., і має значно менші розміри 2,2 × 2,2 см і характеризується браком перемички між фігурною рамкою і приймачем для ременя (рис. 1: *5*).

Від іншої, прорізної, пряжки залишився щиток розмірами 1,8 × 1,5 см. Останній має прямокутну форму з трикутним завершенням, оздоблений рослинним орнаментом, по центру невелика прорізь (рис. 1: *6*). Збереглася одна з шарнірних петель, за допомогою яких щиток сполучався з рамкою. Закріплювався на поясі за допомогою трьох дужок. Близьких аналогій цьому предмету наразі знайти не вдалось, але стилістично пряжка тяжіє до угорських старожитностей.

З культурних нашарувань походять **ремінні накладки** різних типів. Накладки першого типу, котрих на розкопі знайдено два екземпляри (рис. 2: *1*), зроблені з бронзи, спосіб кріплення — два штифти. Розміри в обох артефактів однакові — 1,4 × 1,4 см. Мають прокреслений геометричний орнамент (чотири однакові кола з невеликим трикутним виступом з однієї сторони). Аналогічні накладки знайдено на ремісничому центрі у с. Новосел (Болгарія). Відрізняються останні тільки особливістю кріплення — чотири штифти, на відміну від двох у вишгородських накладок (рис. 2: *2*). Датуються X ст. [5, с. 290; табло XLVIII: 538, 539].

Ще одна накладка — бронзова, закріплювалась трьома штифтами (рис. 2: *3*), за класифікацією В. В. Мурашової належить до класу II (відігнутий бортик, гладкий ободок, неорнаментовані), групи 1 (верхня сторона пласка), типу 1Г-2 (широкі серцевидні виступи) [6, с. 28–29]. Розміри предмету — 2,1 × 1,8 см. Аналогічні знахідки тяжіють до території Волзької Болгарії. Ідентичні екземпляри знайдено на пам'ятках, що датуються X ст.: у похованнях Каранаївських курганів (Південний Урал) [7, с. 128, рис. 60: 4, с. 22] і Дубівського могильника (марійці) (рис. 2: *4*) [8, рис. 21: 1]. Типологічно схожа накладка знайдена у Суздальскому Опіллі (Шекшово 2). Її лицьова поверхня, розмірами 18 Ч25 мм, вкрита сріблом. Опуклий малюнок, що зображує трипелюсткову квітку з каплеподібними виступами, зроблений з великою майстерністю (рис. 2: *5*) [9, с. 363–377, рис. 4: 5]. Болгарські дослідники В. Плетньов і В. Павлова відносять цей тип накладок до X ст. [10, с. 85].

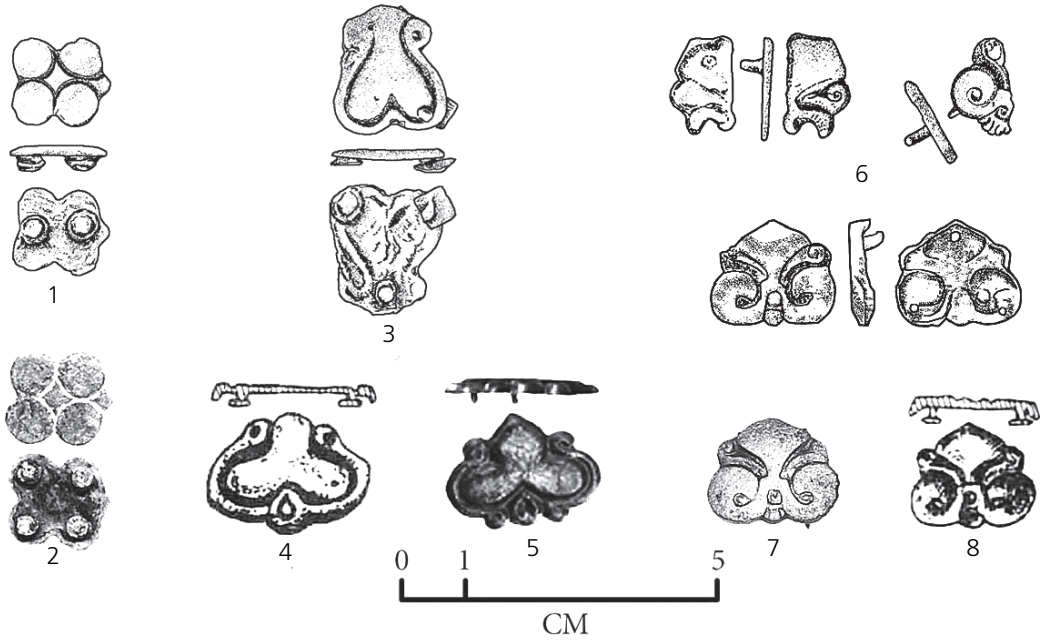


Рис. 2. Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара: поясні накладки
Fig. 2. Elements of clothing of Old Rus craftsman-potter: belt pads

Останній тип подано однією цілою накладкою і двома фрагментами, також бронзовими (рис. 2: *6*). За В. В. Мурашовою, він відноситься до класу XVIII (серцеподібної форми, 3–5-ти пелюсткова квітка, пелюстки розділені стеблами, фон заглиблений), групи 1, виду 1А (бокові пелюстки в вигляді широких стрічок загнуті вверх, розділюючі стеблі гладкі) [5, с. 41–42]. Цілий екземпляр має розміри 1,7 × 1,5 см. Аналогічна накладка знайдена в результаті археологічних досліджень городища давньоруського Іскоростеня (рис. 2: *7*) [11, с. 115]. Ідентичні знахідки зафіксовані на поселенні Болгар 1 і Семенівському селищі, датуються вони другою половиною X—XI ст. (рис. 2: *8*) [12, рис. 44: 59].

Знайдено і **ремінний наконечник** з бронзи (рис. 3: *1*). Довжина виробу — 3,1 см, ширина — 1 см, дещо звужується до кінця та має заокруглені кути. Лицьова сторона прикрашена рослинним орнаментом і ободком по периметру. Закріплювався за допомогою трьох штифтів, один з яких — на кінці.

Поясне кільце має діаметр 2,5 см, у перетині завширшки 0,3 см (рис. 3: *2*). Подібні кільця слугували для скріплення окремих частин ременя та підвішування дрібних предметів. В деяких випадках вони могли виконувати і роль пряжки.

До елементів поясної гарнітури може відноситись залізне поясне кільце і артефакт, котрий, скоріш за все, являє собою **ремінний розподілювач (фібула?)** (рис. 3: *3*). Два фрагменти з головою звіра на кожному (ведмідь, вовк?) утворюють півколо. Частини іще з двома симетричними головами немає. Тильна сторона пласка. Діаметр виробу — 5,4 см. В перетині завтовшки 0,4 см. Лиття. Матеріал — мідно-бронзовий сплав. Подібні предмети виявлені під час археологічних досліджень Новгородської землі (Південне Приладожжя), а також на поховальних пам'ятках південно-східної Прибалтики (рис. 3: *4*) [13, с. 35, рис. 2]. Однак в обох випадках предмети, хоча і композиційно схожі з вишгородським зразком, прикрашені трьома, а не чотирма, головами, і відрізняються стилістично.

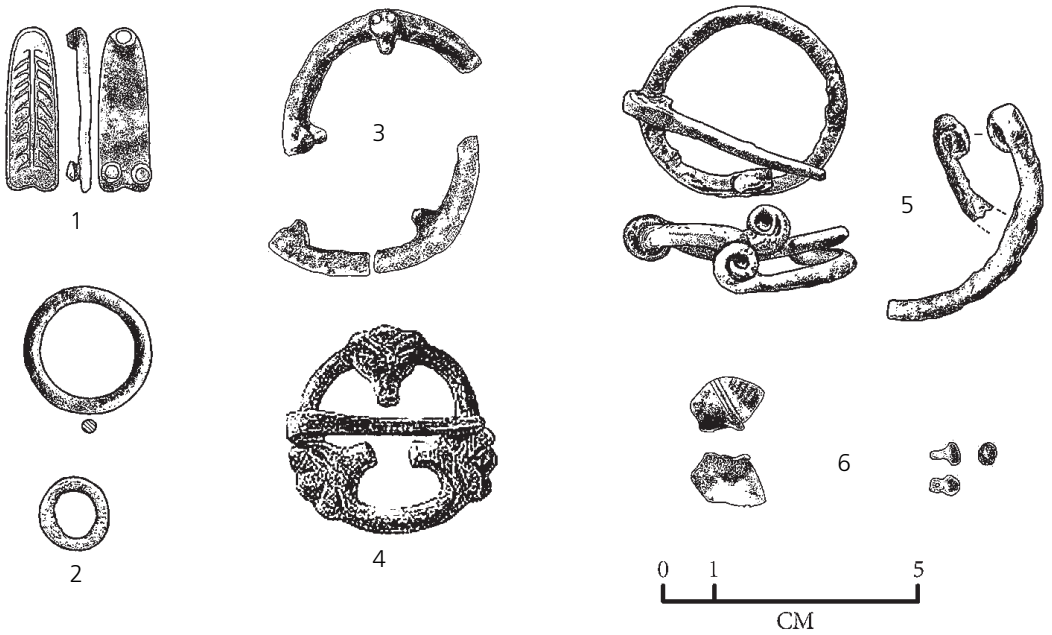


Рис. 3. Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара: фібули, ґудзики, ремінні розподілювачі

Fig. 3. Elements of clothing of Old Rus craftsman-potter: brooches, buttons, belt separators

Знайдені також інші елементи одягу — залізні **застібки-фібули** та бронзові **ґудзики** (рис. 3: *5*,*6*). Ціла підковоподібна фібула діаметром 4,2 см, а також фрагмент аналогічної застібки були виявлені у 2014 р., і належать до типу зі спіральними кінцями. Мають загнуті в трубочку кінці і круглий перетин. За класифікацією С. А. Авдусіної та Н. В. Еніосової, вони належать до застібок середнього розміру (діаметр 35–40 мм) [14, с. 94–95]. Фібули зі спіральними кінцями з дугою рівномірно круглого перетину по всій довжині, з довгою зігнутою голкою поширені в північно-західній та північно-східній Русі X—XII ст. [15, с. 152], де знайдені у Гньоздівському, Михайлівському та Тімерьовському могильниках, володимирських, приладозьких курганах. Відомі також у Прибалтиці, Фінляндії та Швеції, яка вважається їх батьківщиною. Вони зустрічаються в смоленсько-полоцьких курганах [16, с. 67], зафіксовані у культурних шарах Великого Новгорода (X—XII ст.) [17, с. 86, рис. 31: *2*, *4*]. Переважно такі предмети датуються X—XI ст., проте вони використовувалися і у XII ст. На Дніпровському Лівобережжі фібули зі спіральними кінцями зустрічаються у шарах першої половини X ст. на роменському поселенні Горбово [18, с. 33], а також у матеріалах військово-торгового поселення Шестовиця [19, с. 62, 75; рис. 8: *16*]. На правому березі Дніпра аналогії зустрічалися у курганних похованнях давньоруського Іскоростеня [11; рис. 2: *2*].

У результаті археологічних досліджень вишгородського гончарного посаду, проведених у 2013–2015 рр., були знайдені різноманітні елементи одягу, вироблені з металу. Речі походять з культурних шарів та заповнення об'єктів кінця X — першої чверті XII ст. Виявлені матеріали ілюструють побут ремісників-торговців періоду розквіту давньоруської держави: колекція поєднує як речі, характерні для археології середньовічного міста Наддніпрянщини, так і непересічні артефакти, що підкреслюють особливий статус давньоруського Вишгорода. Колекцію Вишгородського історико-культурного заповідника поповнили елементи одягу: деталі ремінного набору (поясні пряжки, наконечник, ремінний розподілювач і різні накладки-бляшки (6 од.), одна ціла підковоподібна фібула і фрагменти іншої, ґудзики різних типів.

Згадані матеріали вказують на активну участь вишгородських ремісників-гончарів у торговельному обміні, а також засвідчують їхній досить високий соціальний статус. Це пов'язано насамперед з характерними особливостями функціонування вишгородського гончарного посаду. За підрахунками дослідників на його території одночасно могло працювати 250–300 горен, тобто виготовлялася величезна кількість посуду, яка значно перевищувала місцеві потреби [20, с. 107–108]. Вочевидь, вишгородське керамічне виробництво забезпечувало потреби не лише жителів самого міста, але й інших населених пунктів Київської землі. Р. С. Орлов вважав, що це виробництво пов'язане з необхідністю виготовлення посуду, який відповідав державній системі мір у зв'язку з накопиченням натурального податку [20, с. 165–173]. Отже, цілком логічно буде припустити, що вишгородські гончарі виходили на широкий внутрішній ринок давньоруської держави. Масштабний об'єм виробництва кераміки та потреба пошуку ринків збуту для неї вказує на необхідність здійснення торгових операцій жителями гончарного осередку.

Транспортуванням та подальшим збутом кераміки, на нашу думку, займались самі ремісники. Це опосередковано підтверджується етнографічними даними та доволі значним розвитком на посаді смолокуріння (значна кількість смоли насамперед була потрібна для ремонту човнів). Наявність у портовій частині Подолу Києва складів гончарної продукції свідчить про виконання майстрами великих замовлень — продукція гончарів Вишгорода човнами по Дніпру могла постачатися до столиці давньоруської держави [21, с. 36–46].

Важлива роль Вишгорода у торгівлі підтверджується археологічними знахідками терезів і вагових гирьок (розкопки 1989, 1990, 1991, 2005 рр.), та пломб дрогичинського типу (2015) саме на території гончарного осередку. З торгівлею або обміном пов'язані численні знахідки предметів імпорту на території посаду: візантійських амфор, скляних виробів східного походження, візантійської бронзової з позолотою кінської бляхи-решми, скандинавської срібної оббивки [22, с. 50–51]. Завдяки розкопкам 2013–2015 рр. цей перелік поповнився знахідками деталей ремінної гарнітури поволзького та балканського походження. Отже, повністю підтверджується думка В. М. Зоценка про те, що предметами імпорту, окрім дружинної верстви, користувались і представники ремісничого середовища [22, с. 52].

ЛІТЕРАТУРА

1. *Довженок В. Й.* Огляд археологічного вивчення Древнього Вишгорода за 1934–1937 рр. // Археологія. — 1950. — Т. 3.
2. *Довженок В. Й.* Розкопки древнього Вишгорода // АП УРСР. — Т. 3. — 1952.
3. *Чабай В. П., Евтушенко А. И., Степанчук В. Н.* Отчет о раскопках Дорогожицкого отряда Вышгородской экспедиции НПК «Археолог» в урочище «Гончары» в г. Вышгороде в 1990 г. // НА ІА НАНУ. — 1990/67.
4. *Григорьев А. В.* Славянское население водораздела Оки и Дона. — Тула, 2005.
5. *Бонев С., Дончева С.* Старобългарски производствен център за художествен метал при с. Новосел, Шуменско. — Велико Търново, 2011.
6. *Мурашева В. В.* Древнерусские ременные наборные украшения (X—XIII вв.). — М., 2000.
7. *Мажитов Н. А.* Курганы Южного Урала VIII—XII вв. — М., 1981.
8. *Архипов Г. А.* Дубовский могильник // Новые памятники археологии Волго-Камья. — Йошкар-Ола, 1984.
9. *Зайцева И. Е.* Детали поясной и уздечной гарнитуры из материалов обследований сельских поселений Суздальского Ополья // Русь в IX—XII веках: общество, государство, культура. — М.; Вологда, 2014.
10. *Плетньов В., Павлова В.* Ранносредневековни ремечьни апликации във Варненския археологически музей // Известия на народния музей Варна. — Кн. 30–31. — Варна, 2000.

11. *Звіздецькій Б.* Давньоруські кургани на північній околиці м. Іскоростеня // Дружинні старожитності центрально-східної Європи VIII—X ст. — Чернігів, 2003.
12. *Казаков Е. П.* Булгарское село X—XIII вв. низовий Камы. — Казань, 1991.
13. *Бранденбург Н. Е.* Курганы Южного Приладожья // МАР. — № 18. — СПб., 1895.
14. *Авдусина С. А., Ениосова Н. В.* Подковообразные фибулы Гнездова // Археологический сборник. Гнездово. 125 лет исследования памятника. Труды ГИМ — Вып. 124. — М., 2001.
15. *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застежки-фибулы // Труды ГИМ. — Вып. 43: очерки по истории русской деревни. — М., 1967.
16. *Енуков В. В.* Ранние этапы формирования смоленско-полоцких кривичей. — М., 1990.
17. *Седова М. В.* Ювелирные изделия древнего Новгорода (X—XV ст.). — М., 1981.
18. *Григорьев А. В.* Некоторые замечания по поводу украшений роменской культуры // Проблемы археологии Южной Руси. — К., 1990.
19. *Коваленко В., Моця А., Сытый Ю.* Археологические исследования шестовицкого комплекса в 1998–2002 гг. — Чернігів, 2003.
20. *Дегтяр Т., Орлов Р.* Вишгород. Минуле і сучасне. — К., 2005.
21. *Калюк О. П., Сагайдак М. А.* Склад керамічної продукції XII ст. з Київського Подолу // Археологія. — 1988. — 61.
22. *Зоценко В.* Древнерусский Вышгород. Историко-археологический обзор // Борисо-Глебский сборник/Collectanea Borisoglebica. — P., 2009. — Вып. 1.

Резюме

Івакін В. Г. *Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара (за матеріалами археологічних досліджень вишгородського гончарного посаду 2013–2015 рр.)*

Археологічні дослідження стародавнього Вишгорода довели, що з кінця X — до першої чверті XII ст. у місті функціонував визначний гончарний центр давньоруської держави. Вишгородське керамічне виробництво переважно було спрямоване на імпорт до інших населених пунктів Київської землі, насамперед столиці — Києва. Транспортуванням та торговельними операціями могли займатися самі ремісники. З участю у торгівлі та обміні пов'язані численні знахідки предметів імпорту на території посаду. Завдяки розкопкам 2013–2015 рр. цей перелік поповнився знахідками деталей ремінної гарнітури поволзького, балтійського та балканського походження, а також іншими елементами одягу, які ще раз підтверджують високий соціальний статус вишгородських ремісників-гончарів.

Ключові слова: Давня Русь, ремесло, гончарне виробництво, ремінна гарнітура, імпорт.

Резюме

Ивакин В. Г. *Элементы одежды древнерусского ремесленника-гончара (по материалам археологических исследований вышгородского гончарного посада 2013–2015 гг.)*

Археологические исследования древнего Вышгорода показали, что с конца IX — до первой четверти XII в. в городе функционировал выдающийся гончарный центр древнерусского государства. Вышгородское керамическое производство в основном было направлено на импорт в другие населенные пункты Киевской земли, в первую очередь, столицы — Киева. Транспортировкой и торговыми операциями могли заниматься сами ремесленники. С участием в торговле и обмене связаны многочисленные находки предметов импорта на территории посада. Благодаря раскопкам 2013–2015 гг. этот перечень пополнился находками деталей ременной гарнитуры

поволжского, балтийского и балканского происхождения, а также других элементов одежды, которые еще раз подтверждают высокий социальный статус вышгородских ремесленников-гончаров.

Ключевые слова: Древняя Русь, ремесло, гончарное производство, ременная гарнитура, импорт.

Summary

V. Ivakin. *Elements of Clothing of Old Rus Craftsman-potter (Based on Archaeological Research Vishgorods Pottery Trading Quarter in 2013–2015)*

Archaeological research of the Old Rus Vyshgorod showed that at the end of IX — up to the first quarter of the XII centuries in the city functioned outstanding potter's center of the Kyiv Rus state. Vyshgorod ceramic production was basically aimed at imports in other settlements of the Kiev land, first of all, the capital — Kyiv. Transportation and trading operations could engage by craftsmans. With the participation in trade and exchange associated with numerous discoveries of import items at the territory of pottery trading quarter. Due to the 2013–2015 excavations, list details the findings added to the belt sets from Volga, Baltic and Balkan origin, as well as other items of clothing, which once again confirms the high social status of Vyshgorod craftsmen-potters.

Key words: Old Rus, craft, pottery, belt set, import.

История науки

С. И. Лиман

История Средних веков в творчестве А. П. Рославского-Петровского (1816–1872)

В 2016 г. исполняется 200 лет со дня рождения Александра Петровича Рославского-Петровского. Вся научно-педагогическая деятельность этого ученого связана с Харьковским университетом. Профессор кафедры всеобщей истории, многолетний декан историко-филологического факультета, ректор — вот основные вехи его биографии. Насыщенная множеством событий, взлетов и падений эта биография является красноречивым отражением реалий времени, в которое ему предстояло жить.

А. П. Рославский-Петровский известен исторической науке как специалист в области античной истории и статистики [1, с. 44; 2, с. 93]. Но в связи с тем, что узкой специализации у профессоров кафедр всеобщей истории российских университетов в середине XIX в. еще не существовало, их научно-педагогические интересы распространялись на все ее периоды, в том числе и на историю Средних веков. Сказанное целиком относится и к А. П. Рославскому-Петровскому, который посвятил изучению проблем Средневековья часть своего многогранного творчества.

Литература, посвященная А. П. Рославскому-Петровскому, имеет свои особенности. В мемориальных, мемуарных и юбилейных изданиях дореволюционного периода содержатся данные исключительно биографическо-библиографического характера [3, № 1, с. 98–101; 4, с. 5, 7–10; 5, с. 377; 6, с. 253; 7, с. 268–272]. Длительное время в научной литературе рассматривался главным образом вклад А. П. Рославского-Петровского в изучение истории древнего мира, что отражено в советском обобщающем историографическом труде В. П. Бузескула [8, с. 93–96]. В современной Украине исследователи изучают, прежде всего, историософские взгляды А. П. Рославского-Петровского. Анализ этих взглядов представлен в монографиях С. П. Стельмаха [9, с. 41–50] и В. А. Потульницкого [10, с. 271]. Обращения А. П. Рославского-Петровского к различным аспектам истории Средних веков стали рассматриваться относительно недавно [11, с. 71–72; 13], прежде всего в рамках изучения автором данной статьи вклада медиевистов Украины в изучение проблем средневековой Франции, Англии, Испании, Италии, медиевистики в Украине в целом [13, с. 150–152, 251, 269–270, 311–312, 581–582; 14, с. 45; 15, с. 51–52], а также содержания рукописного фонда Отдела редкой книги Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, как источника для изучения отечественной медиевистики [16, с. 28–31]. На сегодняшний день совершенно очевидна назревшая необходимость

Александр Петрович Рославский-Петровский

@ С. И. Лиман, 2017

издания отдельной развернутой публикации, в которой был бы представлен анализ всего творчества А. П. Рославского-Петровского как медиевиста. Таким образом, цель данной статьи — на основе привлечения самого широкого круга источников исследовать взгляды А. П. Рославского-Петровского на различные проблемы истории Средних веков в его учебных курсах и научных трудах.

Александр Петрович Рославский-Петровский родился в 1816 г. в селе Слабино Черниговской губернии в купеческой семье. После окончания в 1834 г. Нежинской гимназии высших наук, в которой незадолго до этого учился и Н. В. Гоголь, Александр поступил на историко-филологический факультет Харьковского университета [13, с. 581]. Год спустя кафедру всеобщей истории этого университета занял профессор М. М. Лунин, под влиянием которого в основном и сложились научные интересы А. П. Рославского-Петровского.

Судьба навсегда связала его с Харьковским университетом. Окончив его в 1837 г., А. П. Рославский-Петровский два года спустя защитил магистерскую диссертацию «Об истинном значении прагматической истории» (1839). Магистерская степень позволила ему получить звание адъюнкта кафедры политической экономии и статистики (1839). Но судьба молодого ученого могла сложиться и по-другому. Согласно университетскому уставу 1835 г. в российских университетах впервые создавались кафедры славянской филологии. Общеизвестно, что первым доктором славяноведения в России стал И. И. Срезневский, отправленный Харьковским университетом за границу в 1839 году. Однако, по словам его сына, первоначально предполагалось отправить в заграничную командировку не его, а А. П. Рославского-Петровского. Ситуацию изменило лишь вмешательство попечителя Харьковского учебного округа Ю. А. Головина, покровительствовавшего И. И. Срезневкому [17, с. 28].

Оставаясь адъюнктом кафедры политической экономии и статистики, А. П. Рославский-Петровский подготовил докторскую диссертацию «Опыт сравнения народонаселения в России и некоторых других европейских государствах». Ее защита состоялась в 1845 году. В связи с тем, что за несколько месяцев до этого, в октябре 1844 г., умер его учитель, профессор М. М. Лунин, А. П. Рославский-Петровский перешел на кафедру всеобщей истории.

Защита докторской позволила А. П. Рославскому стать экстраординарным (1846), а вскоре и ординарным профессором (1847) кафедры всеобщей истории. Он не был обделен и административными должностями: с перерывами в 1854–1858 и в 1866–1868 гг. А. П. Рославский-Петровский был деканом историко-филологического факультета, а в 1858–1862 гг. — ректором Харьковского университета.

О личных качествах А. П. Рославского-Петровского сохранилось немало сведений. Среди этих качеств — «честность, правдивость, глубокое отвращение ко всякой интриге» [7, с. 273]. В изображении современника А. Н. Деревицкого, он отличался «несомненным благородством», «замечательным бескорыстием и неподкупной честностью» [4, с. 9]. По мнению хорошо знавшего его М. И. Сухомлинова, А. П. Рославский «принадлежал к числу даровитейших представителей науки в Харьковском университете» [1, с. 44]. «Он не мало написал, но мог бы написать в десять раз больше, если бы не был ленив до бесконечности… — указывал М. Де-Пуле. — Все свое свободное время он убивал на карты, предаваясь игре в преферанс с несвойственным ему энтузиазмом» [3, с. 99].

Страсть А. П. Рославского к карточной игре отмечал и П. А. Лавровский. В одном из своих писем к О. М. Бодянскому он с возмущением писал о том, как некоторые его коллеги по факультету, в том числе декан А. П. Рославский-Петровский, решили провести заседание факультетского научного общества. Это заседание, — писал П. А. Лавровский, — «только предлог для собрания совершенно по иным целям». Чтение двух докладов, в том числе А. П. Рославского-Петровского, заняло по 20 минут на каждый, после чего целых четыре часа профессора предавались игре в карты [18, с. 232].

Приведем еще один отзыв Н. И. Костомарова. Он был близко знаком с А. П. Рославским, поскольку вместе с ним «проживал несколько лет на одной квартире и держал с ним общий стол» [19, с. 38]. По мнению Н. И. Костомарова, «это был человек с большой начитанностью, огромной памятью, но ленивый, рассеянный и преданный карточной игре, зато очень добросовестный и правдивый» [19, с. 38].

Ленив и азартен — вот наиболее черные краски в портрете ученика М. М. Лунина. Однако на бытующую версию о вопиющей лености А. П. Рославского-Петровского в равной степени посягает и обширный список его трудов по самым разным отраслям наук, и успешная многолетняя административная деятельность в университете. А вот другом трезвости он, скорее всего, не был. На эту мысль может навести вполне рядовой «Счет Харьковского Благородного Собрания Александру Петровичу Рославскому», датированный маем 1867 года. За шесть дней, с 22 по 27 мая, им было потрачено здесь на обеды 21 рубль 95 копеек, из них около 9 рублей (почти половина!) — на ликер, водку, мадеру, шампанское [20, л. 1]. Это был чуть ли не весь известный в то время алкогольный ассортимент...

Порывы души не мешали работе. А. П. Рославский-Петровский был умелым администратором. В качестве ректора Харьковского университета (1858–1862) он оставил ряд документов, свидетельствовавших о его прогрессивном, новаторском подходе к организации системы образования. А. П. Рославский-Петровский стремился создать условия, при которых «преподаватели получили бы возможность трудиться с большим успехом для науки» [21, л. 1], и призывал к отмене всего того, что «парализует свободу занятий студентов» [21, л. 1]. Он приветствовал введение в отечественных университетах института приват-доцентов, но настаивал на реальной конкуренции между преподавателями, на необходимости «предоставить студентам свободу выбора между лекциями профессора и приват-доцента» [22, л. 1]. Задолго до открытия на базе Нежинского лицея Историко-филологического института А. П. Рославский-Петровский выступал за реорганизацию этого лицея и Демидовского юридического лицея в Ярославле, за учреждение в них «высших курсов общих наук» [23, л. 18]. Будущее покажет прозорливость А. П. Рославского-Петровского и в вопросе об институте приват-доцентов, ставших, по сути, декоративным украшением академической жизни 1863–1884 гг. [см. напр.: 24, с. 185], и в вопросе о необходимости превращения Нежинского лицея в высшее учебное заведение.

К сожалению, новации времени, наступившие после введения прогрессивного университетского Устава 1863 г., не пощадили А. П. Рославского-Петровского. Именно он, решительно призывавший к переменам, лишился в связи с новым императорским указом 1862 г. о выборной системе своего ректорского поста, и одним из первых был оставлен за штатом уже в 1864 г. в связи с окончанием 25-летней службы. Но прошение «об оставлении» его «на службе по министерству народного просвещения» не было напрасным [25, л. 1]. В отставке А. П. Рославский пребывал менее года. Осенью того же 1864 г. историко-филологического факультет, а затем и университетский Совет положительно рассмотрел готовность А. П. Рославского возобновить чтение лекций [26, с. 18–19]. Уже в 1865 г. он вернулся в университет и даже стал деканом (1866–1868) [7, с. 270]. Ординарным профессором кафедры всеобщей истории А. П. Рославский оставался до самой смерти в 1872 году.

Историософские взгляды А. П. Рославского-Петровского отличались определенной синтетичностью, характерной для многих историков переходных эпох. В. А. Потульницкий, например, склонен считать А. П. Рославского-Петровского гегельянцем [10, с. 271]. Можно лишь отчасти согласиться с мнением А. Н. Деревицкого, что А. П. Рославский-Петровский был ученым, «по своим научным взглядам всецело примкнувшим к школе своего учителя» М. М. Лунина [4, с. 7]. В действительности А. П. Рославский обращался к историософским вопросам на протяжении всей своей научно-педагогической деятельности, а потому содержание его магистерской

диссертации «Об истинном значении прагматической истории и соответственном тому способе ее обработки» (1839) не могло не отличаться от его сочинения «Введение в курс истории цивилизаций» (1865), изданного четверть века спустя. В последнем случае он выдвигает мысль, что задача истории — в примирении различных теорий [27, с. 6, 7].

В магистерской диссертации А. П. Рославского-Петровского идейное влияние Г. Гегеля и М. М. Лунина выражено достаточно сильно. В духе своих кумиров автор высказал прогрессивную для своего времени мысль об основной задаче историка. По его мнению, историк должен «вникнуть в идею, выраженную известным народом или государством, и следить за развитием ее в различные периоды, не останавливаясь на одних только политических изменениях, но принимая во внимание состояние всего общества» [28, с. 30]. В другой своей работе «Введение в курс истории цивилизаций» (1865) А. П. Рославский-Петровский отвергал взгляд на историю как на «ряд случайностей» и настаивал на существовании законов, «управляющих судьбами человеческих обществ» [27, с. 1].

А. П. Рославский-Петровский отрицал материализм [27, с. 9]. Вместе с тем он указывал, что «экономические отношения народов должны занять место в нашем курсе независимо от того, что они были настоящей причиной если не всех, как утверждает Прудон, то, по крайней мере, весьма многих внешних войн и внутренних междоусобий...» [27, с. 15]. Однако признание значительной роли экономического фактора в истории не помешало А. П. Рославскому-Петровскому поставить идеи выше их. «Идеи управляют ходом событий», — настаивал он [27, с. 23].

Основной курс, который читал А. П. Рославский-Петровский — история Древнего мира, но наряду с ним в течение нескольких лет с середины 40-х до конца 50-х гг. ученый преподавал и историю Средних веков.

Как следует из содержания ежегодно издаваемых «Обозрений преподавания предметов» курс объявлялся им пять раз. Четырежды в «Обозрениях» курс фигурирует под названием «Средняя история» (1846/1847 уч. г.; 1848/1849 уч. г.; 1849/1850 уч. г.; 1851/1852 уч. г.), и один раз — как «История средних веков» (1858/1859 уч. г.).

В 1846/1847 учебном году А. П. Рославский-Петровский прочел его для студентов 2-го, 3-го и 4-го курсов. Количество часов в этом учебном году было максимальным за все годы преподавания им истории Средних веков: в первом полугодии — по три, во втором — по пять часов в неделю [29, с. 11].

В 1848/1849 учебном году лекции читались студентам 2-го и 3-го курса по три часа в неделю «по руководству Лоренца и собственным записям» [30, с. 10].

В 1849/1850 учебном году — А. П. Рославский-Петровский читал историю Средних веков студентам лишь 2-го курса также по три часа в неделю, «по руководству Лоренца и собственным записям» [31, с. 10].

В 1851/1852 учебном году в аудиторию А. П. Рославского-Петровского возвращается 3-й курс наряду со 2-м при сохранении прежнего количества часов в неделю — трех. В «Обозрениях преподавания предметов» нет указаний на пособия, которые использовались при подготовке лекции [32, с. 10].

Наконец, в 1858/1859 учебном году история Средних веков читалась только студентам 2-го курса в течение всего двух часов в неделю [33, с. 11].

Анализ «Обозрений преподавания предметов» позволяет установить две характерные тенденции. Первая: постепенное сокращение в два раза количества часов на чтение лекций: от трех и пяти в неделю в разные семестры 1846/1847 уч. г., (т. е. в среднегодовом исчислении с четырех часов в неделю) до двух в неделю в 1858/1859 учебном году. Вторая тенденция — это почти необратимый процесс сокращения студенческих потоков, слушавших лекции: 2, 3, 4 курсы в 1846/1847 уч. г. и 2 курс — в 1858/1859. Отметим при этом, что ученик А. П. Рославского-Петровского М. Н. Петров, читавший курс истории средних веков в 1850–1880-х гг., отводил на них не менее трех часов в неделю [34, с. 11].

Нет данных о том, что лекции А. П. Рославского-Петровского пользовались популярностью. Отзывы некоторых его слушателей свидетельствуют, что этот «требовательный и строгий» профессор [5, с. 377] «не обладал даром слова» [7, с. 271]. А. Н. Деревицкий однозначно считал А. П. Рославского-Петровского плохим оратором [4, с. 8]. «Заняв место Лунина, — писал о нем еще один выпускник Харьковского университета М. Де-Пуле, — он все время мучил нас убийственными лекциями», которые для сдачи экзамена «требовал от студентов заучивать слово в слово» [3, с. 99])». Критически относился к лекторству А. П. Рославского-Петровского и П. Вейнберг: «Не знаю почему, его считали человеком умным; знаю только, что он из года в год читал буквально одно и то же и заставлял студентов буквально «зубрить» его лекции, написанные необычайно витиеватым слогом, не отступая от них ни на одну букву…» [6 , с. 253].

С. П. Стельмах высказал предположение о том, что на форму лекций А. П. Рославского-Петровского негативно повлияли «николаевская реакция, жестокий контроль за содержанием каждой профессорской лекции со стороны университетской администрации и армии их добровольных помощников» [9, с. 41]. Отметим, однако, что эти же обстоятельства нисколько не помешали развиться ораторским талантам других харьковских медиевистов 1830–1850-х гг. — В. Ф. Цыха, М. М. Лунина, И. И. Срезневского, А. И. Палюмбецкого, Д. И. Каченовского и др. [см.: 13, с. 134]. Прибавим к этому, что в его лекциях по статистике, изданных в 1841 г., содержатся и откровенно ошибочные заявления. «В продолжении средних веков мы не встречаем ни одного примера исчисления народа по повелению правительства», — указывал А. П. Рославский-Петровский [35, с. 68]. Между тем общеизвестно содержание «Книги Страшного суда» (1086), составленной как раз по распоряжению Вильгельма I Завоевателя. В ней описаны 34 графства Англии из 38.

В Отделе рукописей ЦНБ Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина сохранилась и студенческая запись курса лекций по истории Позднего Средневековья (Раннего Нового времени), прочитанного А. П. Рославским-Петровским. Этот курс под названием «Новая история» (д. 839/с) имеет небольшой объем (112 листов) и изложен в шести тетрадях. Хронологически он охватывает XV — первую половину XVII вв. и посвящен двум большим темам — Итальянским войнам и Тридцатилетней войне. Таким образом, рукопись курса А. П. Рославского-Петровского фактически представляет собой лекции по истории международных отношений, хотя в них иногда включен материал по внутренней истории Испании и государств Апеннинского полуострова в связи с ходом Итальянских войн.

Среди этих государств А. П. Рославский-Петровский главное внимание уделял Флоренции и Венеции — наиболее влиятельным политическим образованиям Италии. Историю Флоренции он рассматривал главным образом в контексте реформаторской деятельности Савонаролы. Если в курсе М. М. Лунина оценка программы Савонаролы, по сути, сводится к утверждению о том, что он пробуждал в своих сторонниках «новые мысли и увещевал их в духе Евангелия» [36, тетрадь 13 (20), л. 12], то А. П. Рославский-Петровский представил более развернутую характеристику деятельности итальянского реформатора. По мнению ученого, деятельность проповедника была направлена не только против безнравственности католического клира, но и против «тиранства светской власти». «Борьба его была двоякая: духовная и политическая» [37, тетрадь 1, л. 9], — подчеркивал исследователь. Сравнивая Савонаролу с Лютером, харьковский профессор говорил лишь об «отдаленном сходстве» между ними, ибо итальянский реформатор стоял «гораздо ниже Лютера и по содержанию, и по форме». Но осуждая деспотизм Савонаролы, А. П. Рославский-Петровский, вместе с тем, отмечал: «Без сомнения, он искренне желал добра своему отечеству и стоял гораздо выше своих врагов, хотя и нельзя освободить его от упрека в фанатизме, которым он увлекался наравне со многими из позднейших реформаторов» [37, тетрадь 1, л. 10].

Другим влиятельным итальянским государством А. П. Рославский считал Венецию. В отличие от М. М. Лунина, признававшего огромный потенциал республики Св. Марка даже в эпоху начала Великих географических открытий [36, тетрадь 12, л. 14], А. П. Рославский-Петровский доказывал в своих лекциях, что открытие морского пути в Индию нанесло непоправимый удар по могуществу Венеции [37, тетрадь 1, л. 2]. Рассматривая ту же эпоху, что и М. М. Лунин, А. П. Рославский-Петровский отмечал, что еще до Великих географических открытий позиции Венеции ослабели в результате турецкой агрессии в Юго-Восточной Европе. Между тем ученый высоко отозвался о государственном строе Венеции, как о «мудром правлении», благодаря которому Венеция «не только одержала верх над Генуей, но и далеко распространила свои владения на чуждой земле» [37, тетрадь 1, л. 2]. Однако характеристика отдельных венецианских учреждений в курсе А. П. Рославского-Петровского полностью отсутствовала.

В лекциях А. П. Рославского-Петровского представлена целая галерея исторических портретов известных государственных и военных деятелей XVI — первой половины XVII в. (Франциск I, Карл V, Валленштейн, Густав II Адольф, Ришелье). Попытка персонифицировать эту эпоху, показать главными ее событиями международные столкновения составляют главную особенность курса. При этом причины самих столкновений состояли, по мнению ученого, прежде всего, в личных амбициях монархов. Так, он прямо заявлял, что «...четыре кровопролитные войны возгорелись в Европе вследствие соперничества между Франциском и Карлом (Франциском I и Карлом V — *С. Л.*)» [37, тетрадь 1, л. 6–7]. Ограниченность подобной трактовки вполне очевидна.

В курсе встречаются и некоторые другие противоречия. Не считая религиозный фактор приоритетным даже в реформаторской деятельности Савонаролы [37, тетрадь 1, л. 4], А. П. Рославский-Петровский называл его главным при характеристике причин Тридцатилетней войны: церковные разногласия в Чехии, по его мнению, были ее «ближайшим поводом и началом» [37, тетрадь 5, л. 5]. Даже вступление в войну Швеции А. П. Рославский-Петровский связывал не столько с политическими, сколько с религиозными целями шведского короля Густава II Адольфа. Высшей же целью его ученый считал «спасение религиозной свободы Германии» [37, тетрадь 5, л. 19].

В своем курсе А. П. Рославский-Петровский мало внимания уделял внутренней истории европейских государств. Одно из немногих исключений — подробно описанное им восстание кастильских городов «коммунерос».

А. П. Рославский-Петровский признавал закономерности и самого восстания, и его поражения. Верный своему стремлению персонифицировать историю ученый считал, что в начале правления Карл V своим «предпочтением, оказываемым нидерландским любимцам, оскорблял испанскую гордость» [37, тетрадь 3, л. 4]. Другую причину восстания А. П. Рославский-Петровский тоже связывал с личностью монарха: «Карл по прибытии в Испанию, вместо того, чтобы успокоить чины, еще более раздражал их своим высокомерием, нарушением принятых форм и несправедливыми требованиями» [37, тетрадь 3, л. 4]. При этом ученый не уточнил, какие именно требования имелись в виду, как не уточнил, какие именно «древние права» пытались сохранить города Кастилии, когда после отъезда Карла V в Германию они «соединились между собой» [37, тетрадь 3, л. 4].

В то же время в антимонархическом по форме восстании «коммунерос» А. П. Рославский-Петровский верно показал острое столкновение интересов различных социальных групп: «Юнта (Хунта — *С. Л.*)... составила план освобождения городов от притеснения *феодальной аристократии* (курсив наш. — *С. Л.*)... Теперь же демократический дух обнаружился во всей силе, но это именно обстоятельство испортило все дело. Дворянство, опасавшееся усилить демократию гораздо более, чем злоупотребления монархической власти, соединилось для защиты престола» [37, тетрадь 3, л. 5]. Эти социальные различия А. П. Рославский справедливо считал главными среди причин поражения восстания, наряду с отсутствием согласованности в действиях отдельных провинций и их «взаимной зависти». Ученый не скрывал своего

сочувствия к повстанцам, а уничтожение Карлом V в ходе репрессий древних вольностей кастильских городов считал крайне гибельным для Испании и для всей Европы. Тем самым, невзирая на реалии николаевской эпохи, А. П. Рославский-Петровский осуждал попытки абсолютных монархов ограничить любые политические права.

Эта тенденция проявилась и в рецензии А. П. Рославского-Петровского на магистерскую диссертацию его ученика М. Н. Петрова «О характере государственной деятельности Людовика XI» (1851). Несмотря на небольшой объем, рецензия вобрала в себя не только сам критический разбор монографии, но и немало высказываний А. П. Рославского-Петровского об истории Средних веков вообще и эпохе Людовика XI в частности.

Касаясь в начале своей работы характеристики феодальной системы, рецензент утверждал, что события крестовых походов и после них нанесли по ней решительный удар и «проложили путь самодержавию» [38, с. 202]. Вполне очевидно, что в духе тогдашней медиевистики А. П. Рославский-Петровский рассматривал главным образом политический аспект проблемы феодализма. Он, по сути, ставил знак равенства между феодальной системой как таковой и феодальной аристократией, противившейся ограничению своих прав и стремившейся не допустить усиления центральной власти. Во многом идентичный подход в общероссийской медиевистике демонстрировал, например, Т. Н. Грановский, когда писал о том, что Людовик XI был проникнут «ненавистью к феодализму» [39, с. 17]. Ограниченность подобной трактовки ученых середины XIX в. вполне очевидна.

Осуществляя критический разбор монографии М. Н. Петрова, А. П. Рославский-Петровский высказал собственное мнение относительно государственной деятельности Людовика XI. Так, укрепление государства, территориальное расширение Франции и разрушение гнезд феодального сепаратизма рецензент не считал достаточным оправданием «политического макиавеллизма» Людовика XI, доведенного им «до последней крайности» [38, с. 203]. Более того, ученый назвал изображенного М. Н. Петровым Людовика XI «рабом эпохи» и упрекнул своего ученика в том, что тот намеренно слагает с короля «нравственную ответственность» за его преступления [38, с. 206]. Возражением учителю мог бы стать вывод М. Н. Петрова о том, что методы и средства борьбы Людовика XI были «не хуже и не лучше тех, какими пользуются его противники» [40, с. 54].

Однако А. П. Рославский-Петровский был уверен: представленная диссертантом «характеристика XV века нисколько не объясняет противоречия между теорией и практикой государственной деятельности Людовика XI». «В этом противоречии, — доказывал рецензент, — виноват не век, а личность Людовика XI» [38, с. 206]. При этом А. П. Рославский-Петровский в этой же рецензии не только признавал, что «монархическая власть и сама не могла быть разборчивой в выборе средств» [38, с. 203], но и лично перечислил заслуги короля: «Он расширил и округлил коронные владения Франции и, подавлением могущества последних представителей феодализма, освободил государство от опасных и злейших врагов его» [38, с. 207]. А между тем именно эти задачи ставил перед собой король в начале своего правления, и, таким образом, теория и практика Людовика XI нисколько не противоречили друг другу, во всяком случае, в той мере, как это виделось рецензенту.

А. П. Рославский-Петровский был первым по времени ученым украинских земель Российской империи, который подготовил публикацию, целиком посвященную средневековой истории Англии. Ею стала статья «Несколько слов об Альфреде Великом» (1860). Статья была написана в связи с появлением труда немецкого медиевиста И. Вейса «История Альфреда Великого», однако рецензией в современном значении слова она не являлась.

В биографии англосаксонского короля Альфреда Великого А. П. Рославский-Петровский заинтересовался лишь небольшим периодом с 871 по 878 год. Харьковский ученый пытался доказать «шаткость свидетельства, на которое обычно ссылаются

в опровержение мнения, что первые годы царствования Альфреда Великого будто бы находятся в разладе с последними» [41, с. 108]. Хотя статья А. П. Рославского написана в популярном жанре, а система доказательств оставляет желать лучшего, тем не менее харьковский ученый весьма профессионально углубился в анализ важнейшего источника по истории средневековой Англии. Им стала «Биография Альфреда Великого» из сборника «Monumenta Historica Britannica». Эта «Биография» обычно приписывается хронисту Ассеру, который особенно выделял среди заслуг своего героя соглашение с норманнами в 878 г. [см.: 42, с. 318, 320]. Исследователь сумел проделать и важную источниковедческую работу. Например, он пришел к заключению, что в «Биографии» «...вместе с местами, несомненно, принадлежащими Ассеру, встречаются и такие, автором которых Ассер никак не мог быть» [41, с. 103]. Данная точка зрения во многом созвучна с мнением, высказанном впоследствии А. Д. Люблинской, которая писала: «Некоторые историки считают труд Ассера подделкой XI в., но вернее, что в то время в него были внесены некоторые вставки» [43, с. 95]. Вопрос о подлинности ассеровской «Жизни Альфреда Великого» до сих пор остается дискуссионным. В англоязычной литературе последних десятилетий эта подлинность отрицалась В. Гэлбрейтом [44] и признавалась Р. Абельсом [45].

Имя А. П. Рославского-Петровского упоминалось мемуаристами и в связи с одной почти детективной историей, имевшей прямое отношение к развитию отечественной медиевистики. Осенью 1844 г. умер его учитель профессор М. М. Лунин, который готовил к изданию первое в Российской империи авторское пособие по всеобщей истории. Оно наверняка включало и главы по истории Средних веков. По мнению А. Н. Деревицкого, из всего этого огромного труда М. М. Лунин «успел совершенно обработать лишь немногие отделы» [4, с. 7]. Другой биограф, М. Де-Пуле, отмечал: «Эти лекции по смерти Лунина взялся привести в порядок и издать один из даровитых его учеников» (А. П. Рославский-Петровский — *С. Л.*), который «по бесконечной лености так и умер, ничего не сделав и растеряв записи Лунина» [3, с. 89]. Эту же историю поведал в своей рукописи и ученик М. М. Лунина В. Пашков. И хотя он признавал, что идея И. И. Срезневского и А. О. Валицкого об издании лекций Лунина не осуществилась вовремя, главным образом, «по недостатку материальных средств», он тоже поставил в вину А. П. Рославскому-Петровскому, как лицу, назначенному Советом, невыполнение его воли: «...Рославский-Петровский не только не исполнил желания университета, читая историю лет 20, но и по смерти своей ничего не оставил у себя из превосходных лекций своего учителя» [46, л. 12].

Тот же В. Пашков категорично замечал: «Все лекции профессора Лунина погибли бесследно» [46, л. 12]. Сохранившиеся же в Отделе рукописей ЦНБ Харьковского университета имени В. Н. Каразина тетради являются студенческими записями курсов лекций М. М. Лунина и считать их разделами обобщающего труда нет ни малейших оснований [подр. см.: 13, с. 135–136; 16, с. 30–31]. Вероятно, если бы М. М. Лунин подготовил готовый труд, а не отдельные «сырые» его части, он бы наверняка получил «права гражданства» в науке если и не стараниями А. П. Рославского-Петровского, то стараниями других харьковских ученых XIX в.

Таким образом, А. П. Рославский-Петровский — типичный представитель исторической университетской науки своего времени. Будучи специалистом в области истории Древнего мира и статистики, он в то же время обращался к изучению отдельных аспектов истории Средних веков. А. П. Рославский-Петровский стал первым по времени ученым украинских земель Российской империи, который подготовил публикацию, целиком посвященную средневековой истории Англии (статья «Несколько слов об Альфреде Великом»). В своем критическом обращении к переломному в истории Франции царствованию Людовика XI А. П. Рославский-Петровский, в отличие от своего ученика М. Н. Петрова, решительно осуждал репрессивные меры французского короля. Попытки персонифицировать историю нашли свое отражение и в дошедшем до нас

учебном курсе А. П. Рославского-Петровского по истории Позднего Средневековья (Раннего Нового времени), который представляет собой главным образом характеристику международных отношений XV — первой половины XVII вв. Синтетические историософские взгляды А. П. Рославского-Петровского и его научная продуктивность соответствовали тогдашнему уровню отечественной медиевистики, а его либеральные идеи — умонастроениям образованного общества последних предреформенных лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сухомлинов М. И.* Уничтожение диссертации Костомарова в 1842 г. // Древняя и новая Россия. — 1877. — Т. 1.
2. *Харківський* національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. — Х., 2004.
3. *Де-Пуле М.* Харьковский университет и Д. И. Каченовский // ВЕ. — 1874. — № 1; № 2.
4. *Деревицкий А.* Михаил Назарович Петров. Биографический очерк. (Страницы из истории Харьковского университета). — Х., 1887.
5. *Любарский И. В.* Воспоминания о Харьковском университете. 1850–1855 гг. // Исторический вестник. — 1891. — № 8.
6. *Вейнберг П. И.* Харьковский университет в пятидесятых годах // Русское богатство. — 1905. — № 2.
7. *Историко-филологический* факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905) / [под ред. М. Г. Халанского, Д. И. Багалея]. — Х., 1908.
8. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX — начале XX вв. — Л., 1929. — Ч. 1.
9. *Стельмах С.* Історична думка в Україні XIX — початку XX ст. — К., 1997.
10. *Потульницький В. А.* Україна і всесвітня історія: Історіософія світової та української історії XVII—XX ст. — К., 2002.
11. *Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И.* Медиевистика в Харьковском университете // ВХУ. — 1991. — № 357.
12. *Лиман С. И.* Из истории зарождения отечественной медиевистики: проф. Харьковского университета А. П. Рославский-Петровский (1816–1872) // Інформаційно-культурологічна та мистецька освіта: стан і перспективи: Матеріали міжнар. наук. конф. ХДАК, 12–13 жовтня 2004 р. — Х., 2004.
13. *Лиман С. И.* Идеи в латах: Запад или Восток? Средневековье в оценках медиевистов Украины (1804 — первая половина 1880-х гг.). — Х., 2009.
14. *Лиман С. І.* Англійська середньовічна історія та історіографія в працях медієвістів України XIX ст. // ВХДАК. — Х. , 2004. — Вип. 12–13.
15. *Лиман С. І.* Французька середньовічна історія та історіографія в працях медієвістів України в 1805–60-ті рр. XIX ст. // ВХДАК. — 2004. — Вип. 15.
16. *Лиман С. І.* Долучення матеріалів Відділу рукописів ЦНБ ХНУ як джерела для вивчення харківської медієвістики (середина 1840-х — перша половина 1880-х рр.) // ВХДАК. — 2008. — Вип. 24.
17. *Срезневский В. И.* Из первых лет научно-литературной деятельности И. И. Срезневского (1831–1839) // ЖМНП. — 1898. — № 1.
18. *Материалы* для истории Императорского Общества истории и древностей российских. Переписка гг. действительных членов общества (1833–1876) [Сообщены членом соревнователем А. А. Титовым] // Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских. — 1887. — Кн. 1.
19. *Костомаров Н. И.* Литературное наследие. — СПб., 1890.
20. Счет Харьковского Благородного Собрания Александру Петровичу Рославскому. — 1867 // ГАХО. — Ф. 1011. — Оп. 1. — Д. 20.
21. *[Рославский-Петровский А. П.]* Записка в Совет университета, подписанная ректором Рославским-Петровским, о желательности отмены курсовых испытаний. — 1859 // ОР ЦНБ ХНУ. — Д. 1122/с.

22. *Рославский-Петровский А. П.* [Записка о должности приват-доцента в Харьковском университете] // ГАХО. — Ф. 1011. — Оп. 1. — *Д.* 1.
23. *Рославский-Петровский А. П.* Рецензия на «Записки о необходимости преобразования лицеев Демидовского и князя Безбородко. — СПб., 1863 // ГАХО. — Ф. 1011. — Оп. 1. — *Д.* 2.
24. *Романович-Славатинский А. В.* Моя жизнь и академическая деятельность. 1832–1884 гг. // ВЕ. — 1903. — № 5.
25. *Прошение* Александра Петровича Рославского-Петровского [министру народного просвещения] о предоставлении ему должности в системе министерства. — 1864 // ГАХО. — Ф. 1011. — Оп. 1. — *Д.* 16.
26. *Протоколы* заседаний совета императорского Харьковского университета. — Х., 1864. — № 7.
27. *Рославский-Петровский А. П.* Введение в курс истории цивилизаций. — Х., 1865.
28. *Рославский-Петровский А. П.* Об истинном значении прагматической истории и соответственном тому способе ее обработки. — Х., 1839.
29. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1846/1847 уч. г. — Х., 1846.
30. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1848/1849 уч. г. — Х., 1848.
31. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1849/1850 уч. г. — Х., 1849.
32. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1851/1852 уч. г. — Х., 1851.
33. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1858/1859 уч. г. — Х., 1858.
34. *Обозрения* преподавания предметов в императорском Харьковском университете на 1854/1855 уч. г. — Х., 1854.
35. *Рославский-Петровский А.* Лекции статистики, читанные в Харьковском университете. — Х., 1841.
36. *Лунин М. М.* История новых времен. — ОР ЦНБ ХНУ. — № 406/с.
37. *Рославский-Петровский А. П.* Лекции по новой истории. — ОР ЦНБ ХНУ. — № 839/с.
38. *Рославский-Петровский А. П.* [Рецензия] // ЖМНП. — 1851. — № 7. — Рец. на кн.: Петров М. Н. О характере государственной деятельности Людовика XI. — Х., 1850.
39. *Грановский Т. Н.* Лекции по истории средних веков. — М., 1987.
40. *Петров М. Н.* О характере государственной деятельности Людовика XI. — Х., 1850.
41. *Рославский-Петровский А. П.* Несколько слов об Альфреде Великом // Русское слово. — 1860. — № 7.
42. *Ассерий [Ассер], епископ.* Жизнь Альфреда Великого // Стасюлевич М. История средних веков в ее писателях и исследованиях новейших ученых. — 4-е изд. — Пг., 1915. — Т. 2. Период второй.
43. *Люблинская А. Д.* Источниковедение истории средних веков. — Л., 1955.
44. *Galbraith V. N.* Who Wrote Asser's «Life of Alfred»? // Galbraith V. N. Introduction to the Study of History. — L., 1964.
45. *Abels R.* Alfred the Great: War, kingship and culture in Anglo-Saxon England. — L.; N. Y., 1998.
46. *Пашков В.* Идеализм и идеалисты 40-х гг. Воспоминания. — 1882 // ОР ЦНБ ХНУ. — *Д.* 1647/с.

Резюме

Лиман С. І. *Історія Середніх віків у творчості О. П. Рославського-Петровського (1816–1872)*

У статті розглядається вивчення професором Харківського університету О. П. Рославським-Перовським деяких проблем історії Середніх віків. Підкреслюється, що його творчості були властиві спроби персоніфікувати історію, виділяти діяльність окремих видатних

правителів. Цей підхід проявився в курсі лекцій з історії Пізнього Середньовіччя, в критичному розборі правління Людовіка XI. О. П. Рославський-Петровський був першим за часом ученим українських земель Російської імперії, який підготував публікацію, цілком присвячену середньовічній історії Англії (стаття «Декілька слів про Альфреда Великого»). Синтетичні історіософські погляди й наукова продуктивність О. П. Рославського-Петровського в цілому відповідали рівню вітчизняної медієвістики його часу.

Ключові слова: О. П. Рославський-Петровський, історія, Середні віки, історіографія, Харківський університет.

Резюме

Лиман С. И. *История Средних веков в творчестве А. П. Рославского-Петровского (1816–1872)*

В статье рассматривается изучение профессором Харьковского университета А. П. Рославским-Петровским некоторых проблем истории Средних веков. Подчеркивается, что для его творчества были характерны попытки персонифицировать историю, выделять в ней деятельность отдельных великих правителей. Этот подход проявился в курсе лекций по истории Позднего Средневековья, в критическом разборе правления Людовика XI. А. П. Рославский-Петровский стал первым по времени ученым украинских земель Российской империи, который подготовил публикацию, целиком посвященную средневековой истории Англии (статья «Несколько слов об Альфреде Великом»). Синтетические историософские взгляды и научная продуктивность А. П. Рославского-Петровского в целом соответствовали уровню отечественной медиевистики его времени.

Ключевые слова: А. П. Рославский-Петровский, история, Средние века, историография, Харьковский университет.

Summary

S. Liman. *Medieval History in Creative Works of A. P. Roslavskiy-Petrovskiy (1816–1872)*

The article dwells on the study of particular problems of medieval history by A. P Roslavskiy-Petrovskiy, Professor of Kharkov University. It is emphasized that in his works he tried to personify history, distinguish the acts of particular great rulers. Such approach was evident in his lecture course on Late Middle Ages history, in critical review of Louis XI rule. A. P. Roslavskiy-Petrovskiy became the first in time scholar of Ukrainian lands of Russian Empire who prepared a publication totally devoted to medieval history of England (article “Several Words on Alfred the Great”). Synthetic historiosophic views and research products of A. P. Roslavskiy-Petrovskiy in general met the level of Russian medievistics of his time.

Key words: A. P. Roslavskiy-Petrovskiy, history, Middle Ages, historiography, Kharkiv University.

В. В. Котенко

Дослідження археологічної кераміки в період діяльності Всеукраїнського археологічного комітету

Історія дослідження археологічної кераміки як наймасовішого матеріалу, добутого в процесі розкопок, заслуговує на особливу увагу. Адже на сучасному етапі ця категорія знахідок є головним індикатором у питаннях визначення хронології та рівня культурно-економічного розвитку поселенських структур різних епох. Питання еволюції поглядів на давню кераміку нерозривно пов'язане з історією археологічної науки, а саме з процесом формування профільних інституцій в системі сучасної Національної академії наук України.

На особливу увагу заслуговує період від середини 20-х років XX ст., який позначився в українській археології стрімким розвитком експедиційної діяльності та важливими зрушеннями у музейній справі та пам'яткоохоронній сфері. У зв'язку з цим слід нагадати, що при новоствореній Академії наук (1918 р.) було відкрито комісію зі складання археологічної карти України (1919 р.), яка через два роки була реорганізована в Археологічну комісію. Ще через два роки установа була перетворена на Археологічний комітет при Першому відділі Академії наук [1, с. 12]. Його успішна діяльність за рішенням Укрнауки мала б допомогти у вирішенні питання охорони пам'яток археології, тому Археологічному комітету з 1924 р. розширили особовий склад і повноваження, перетворюючи його у центр пам'яткознавчої діяльності при Всеукраїнській академії наук. Такі зміни стали поштовхом до затвердження влітку проекту статуту нової організації — Всеукраїнського археологічного комітету (ВУАК). На зламі 1924–1925 рр. було обрано президію ВУАКу (О. Новицького, Д. Щербаківського, М. Рудинського), і лише на початку 1926 р. остаточно затверджено його статут, де вказувалося, що Комітет має займатися організацією досліджень пам'яток, підготовкою наукових кадрів, доглядати та популяризувати пам'ятки археології [2, с. 20–21].

Видавнича діяльність ВУАКу позначилася виходом у світ збірників наукових статей, в яких переважно публікувалися результати досліджень окремих пам'яток. Серед них слід згадати такі видання як «Трипільська культура на Україні» (1926 р.), «Коротке звідомлення Всеукраїнського Археологічного Комітету» (1926, 1927 рр.), «Записки Всеукраїнського археологічного комітету» (1931), «Хроніка археології та мистецтва» (1930, 1931 рр.), а також публікації методичних рекомендацій (1925, 1927 рр.) для роботи з археологічним матеріалом, які були узгоджені з Комітетом.

Першим результатом археологічної діяльності колективу ВУАКу стало видання збірника «Трипільська культура на Україні» 1926 р. під редакцією В. Козловської та П. Курінного [3], де були зібрані матеріали переважно за попередні роки досліджень. Слід зауважити, що цей період визначається сучасними дослідниками цієї культури не інакше як «трипільські пріоритети археології Радянської України 1920–

@ В. В. Котенко, 2017

1930 рр.» [4, с. 14], тобто в ці роки масово вивчалися поселенські структури та кераміка саме трипільської культури, відкритої В. Хвойкою ще наприкінці XIX ст., і тому вихід у світ такої тематичної збірки був цілком закономірним. Особливе місце в дослідженнях науковців мала саме кераміка, адже трипільське гончарство перебувало на високому рівні, про що свідчить передусім широкий асортимент продукції з глини. Тому тема кераміки проходила червоною ниткою крізь напрацювання, що були подані у збірці.

Всю полеміку навколо трипільської кераміки доречно буде окреслити словами з передмови цієї збірки: «Особливу увагу звернула на себе кераміка Трипільської культури. Вона дала підставу для одних дослідників називати Трипільську культуру «передмікенською» і тому уважати її центрально-європейського походження, інші припускали її малоазійське або середземноморське походження, треті вказували на її автохтонізм — місцеве походження на Україні. В останній час стали вживати в Зах. Європі назву «мальована кераміка», пов'язуючи цим Трипільську кераміку з іншими видами мальованої кераміки Зах. Європи. Була також висунута гадка про те, що в Трипільській кераміці треба шукати зв'язку із Сходом (Китай, Сузи тощо)» [3, с. III][1].

На особливу увагу заслуговує робота М. Болтенка про глиняні вироби з с. Усатове, яка є ледь не єдиним дослідженням початку 20-х рр. XX ст., що повністю присвячено археологічній кераміці [5, с. 8–30]. Насамперед автор окреслив «основи студій над силою керамічного матеріялу» — розсортування з окремим вивченням частин посуду та його особливостей (орнаментації чи незвичайної техніки). Примітивна на перший погляд схема умовного розподілення кераміки заклала основу подальших методик первинної обробки матеріалу, де метою є систематизація накопичених знахідок. Копітливість роботи автора засвідчує навіть той факт, що для всіх денець був виміряний діаметр, товщина прилеглих стінок, розміри тупих кутів між дном і стінкою, спосіб приєднання денець до стінок та фізичні характеристики матеріалу [5, с. 11–12]. Найбільшу увагу автор приділив технічному походженню орнаменту, прив'язуючи оздоблення посуду до світогляду давнього населення Півдня України [5, с. 19]. Охарактеризовані М. Болтенком фрагменти антропоморфних статуеток варто віднести до найраніших спроб аналізу цієї категорії керамічного матеріалу українськими археологами, які в подальшому входили до в кола сучасних досліджень енеолітичної пластики [6, с. 82].

Вагомий внесок у дослідження трипільської кераміки зробила В. Козловська, активна діяльність якої припала саме на період створення ВУАКу. У збірнику міститься її стаття про «точки» трипільської культури [7, с. 43–64], де головні висновки дослідниці зроблені на основі аналізу кераміки. Чи не вперше на сторінках наукового видання з'являється хімічний аналіз глиняних виробів — «легкої трипільської печини», що використовувалася в будівництві [7, с. 50]. Особливе місце у статті має опис та інтерпретація глиняних «хаток» — моделей стародавнього житла. Вражає досконалий опис виробів, де є точні заміри основних параметрів. Інтерпретуючи ці вироби, В. Козловська знайшла аналогії в Давньому Єгипті, де подібні вироби слугували «гробовим даром» [7, с. 56]. На матеріалах з розкопок сушківських «точків» В. Козловською зроблена також повна характеристика «мальованого й простого посуду». Їх хімічний аналіз, який був зроблений за тими ж принципами, що й аналіз печини, показав, що цей посуд виготовлено зі звичайної «легкотопкої»

[1] Всі цитати в тексті статті наведено зі збереженням оригінальної редакції 20–30-х рр. XX ст. — *В. К.*

глини [7, с. 60–61]. Продовжуючи цю тематику, вона опублікувала окрему статтю про кераміку так званої культури А на матеріалах розкопок у с. Верем'я [8, с. 139–157], де наведено типологію трипільської кераміки з урахуванням усіх основних її характеристик: форми, складу формувальної маси, якості випалу, орнаменту, функціонального призначення окремих виробів, результатів хімічного аналізу. Дослідження В. Козловської переконливо показали, що в загальному масиві трипільських старожитностей кераміка подана різними типами, які відрізняються, перш за все, технологією виготовлення.

Перші узагальнення про трипільську кераміку містяться у статті С. Гамченка, що присвячена польовим спостереженням 1909–1913 рр. [9, с. 31–41]. Зокрема у пункті про «інвентар» С. Гамченко детально описав трипільський посуд, що поділяється на чотири типи: «фарбований, розмальований, із втиснутим орнаментом і рельєфним (часом лицьовим)» [9, с. 36]. Не менш цікавими є узагальнення С. Гамченка й про трипільську дрібну пластику: всі статуетки автор поділяє на «людські» (жіночі, рідше — чоловічі й дитячі), «кінські», «баранячі», «собачі», «пташачі» [9, с. 36]. Отже, класифікація трипільського посуду в цьому разі наведена виключно за морфологічними ознаками, що можна вважати провідною тенденцією в характеристиці кераміки середини 20-х рр. XX ст. Тому в численних назвах трипільських глиняних виробів варто вбачати спробу не стільки систематизувати масовий археологічний матеріал, скільки подати весь спектр вжиткових форм для подальших історико-археологічних реконструкцій.

Значні досягнення у вивченні трипільської кераміки середини 20-х рр. XX ст. подані також в статті Л. Чикаленка «Нарис розвитку української неолітичної мальованої кераміки» [10, с. 113–118], де є характеристика кераміки з с. Більче Золоте. У роботі на новому рівні розглянуто окремі форми глиняного посуду у зв'язку з орнаментом. Шляхом простеження еволюції орнаменту автор знаходить найраніші форми, зазначаючи, що Більче Золоте «являло собою дуже видатний культурний осередок і впливи його випромінювались у всі боки і добре можуть бути спостережені на кераміці і близьких і далеких селищ» [10, с. 115]. Отже, кераміка чи не вперше стала основою для визначення відносної хронології трипільських поселенських структур. Інформаційний потенціал кераміки як історичного джерела розкривається також у статті В. Щербаківського [11, с. 119–138], який мав на меті знайти аналогії трипільським старожитностям в матеріалах європейської археології. Наслідуючи підхід Л. Чикаленка, він намагався прослідкувати еволюцію і «дегенерацію» відповідних форм, з'ясовуючи, отже, відносну хронологію відомих на той час пам'яток.

Цілком логічно збірку завершує стаття М. Макаренка «Етюди з обсягу трипільської культури» [12, с. 165–186], присвячена здебільшого детальній характеристиці керамічних статуеток й посуду з розкопок кінця XIX ст. Однак для історії дослідження кераміки інтерес викликають зауваження автора про повільне залучення матеріалу до наукового обігу та низьку якість графічної фіксації матеріалу [12, с. 165–166].

Друковані видання ВУАКу вже мають власну історію, часом досить трагічну, коли знищувалися цілі випуски підготовлених матеріалів. Зокрема відомо, що були успішні спроби класифікувати трипільську кераміку Т. Пассек та Б. Латиніна, які мали б увійти до другого випуску «Трипільської культури на Україні», але він так і не вийшов друком [4, с. 14].

Звітні матеріали з досліджень археологічних пам'яток відобразилися у двотомнику «Коротке звідомлення Всеукраїнського Археологічного Комітету» за 1925 та

1926 рр., що вийшли відповідно у 1926 та 1927 роках. Перший випуск «Короткого звідомлення...» містив також «каталог звідомної виставки», де була подана здебільшого кераміка з відкритих поселень. Переважна більшість публікацій традиційно присвячена трипільській проблематиці, адже 1925 р. було вирішено відзначити 25-річчя з дня відкриття цієї археологічної культури. Іншим напрямком досліджень було визначено білогрудівську культуру, відкриту П. Курінним в попередні роки [13, с. 74].

Характеристика трипільської кераміки (посуду, печини, теракоти) стала основою для статей М. Макаренка, В. Козловської, П. Курінного та М. Біляшівського. В описах виробів, як і раніше, переважали художні прийоми з акцентом на орнаментацію, для підтвердження чого варто навести фрагмент зі статті про знахідки із Жолудівки М. Макаренка: «Фраґменти посуду з тонко вимішаної глини охристого коліру з відтінками, то рожеватим, то світло-охристим, то червоним, покриті рожево-охристим тлом і розписані темнокоричнявою фарбою смужками різної товщини, то середохрестними» [14, с. 37]. Аналізуючи методику роботи з керамікою, слід також згадати статтю П. Курінного, де весь матеріал розподілений на «громади», відповідно до локалізації у розкопі, а також наводяться статистичні дані про орнаментацію посудин [15, с. 55–57].

В середині 20-х рр. XX ст. розпочинається також вивчення кераміки білогрудівської культури бронзової доби з епонімної пам'ятки в Черкаській обл., яку на той час відносили до неоліту. Зважаючи на те, що матеріал такого типу був ще мало дослідженим, в характеристиці кераміки переважають статистичні підрахунки з позначенням типів орнаменту [13, с. 76].

Значно менше в період діяльності ВУАКу досліджувалися пам'ятки середньовічного часу, відповідно й відомості про кераміку цього періоду знаходимо досить уривчасті. Однак слід зазначити, що саме в цей час до кола наукових інтересів потрапляє кераміка середньовічного часу з розкопок Софії Київської та Борисполя [16, с. 88–89; 17, с. 92]. В статті В. Ляскоронського міститься зокрема інформація про цеглу XVII ст. та кахлі XVII—XIX ст., які автор описує так: «до 40 типів — ріжнокольорових, полив'яних, без поливи, з рельєфним орнаментом, гладких зелених та інш.» [16, с. 88].

Другий випуск «Коротких звідомлень...» містив статті, що хронологічно ширше охоплювали археологічні періоди. Традиційно значна частина опублікованих матеріалів, зокрема й щодо кераміки, була присвячена трипільській проблематиці (В. Козловська, П. Курінний, М. Рудинський, Д. Щербаківський). Однак варто відзначити статті С. Гамченка, М. Макаренка, П. Смолічева та Б. Безвенглінського, присвячені розкопкам так званої великокнязівської доби, черняхівських пам'яток, білогрудівської культури та античної Ольвії. У цьому випуску 1927 р. містяться переважно звітні матеріали без конкретних узагальнень, часто з інформацією про продовження досліджень попереднього року. Щодо кераміки, то їй не було присвячено жодної окремої статті, однак з наведених матеріалів можна певною мірою з'ясувати ступінь її вивчення у зазначений період.

Трипільську кераміку дослідники продовжували досить детально описувати, прикладом чого може бути фрагмент з роботи П. Курінного про розвідки на Черкащині: «Приблизна височінь [посудини] 25 снт., форми денця — не знаємо. Приденок і причеревок — круто опукла злита поверхня. Вичеревок округлий. Плечі орнаментовані вдавленнями пучкою крапками, що з двох боків окреслені не замкнутими рівчаками по чотири з кожного боку» [18, с. 67]. Характерно, що до кераміки П. Курінний відніс виключно посуд, а статуетки, глиняні прясла та «пампушки» подані окремими пунктами [19, с. 75–78].

Характеристика кераміки білогрудівської культури є в роботах П. Курінного та Б. Безвенглінського, де наведені статистичні дані щодо знахідок глиняних виробів в білогрудівському могильнику та є ілюстрації основних форм [20, с. 81; 21, с. 173].

Активно в цей час починають вводитися до наукового обігу матеріали так званої великокнязівської доби (XI—XIII ст.) і пізнішого часу. Зокрема привертає увагу докладна характеристика цегли. Наприклад, С. Гамченко на матеріалах з розкопок садиби В. Трубецького зауважує: «За матеріял для всієї цегли була спондилова глина. Сусідній цемент князівських часів (мішана вапна із битою цеглою та серацитовим лупаком) заміняється на ближчий до сучасного (мішана вапна з піском). Міцні, дзвінкі цеглини XI—XIII ст., крім своїх форм та розмірів, різко відзначаються від нетривких цеглин наступних століть» [22, с. 24]. Досить детально подано також характеристику середньовічних кахлів, які розподілялися за морфологічними ознаками та орнаментом [22, с. 24], чого не було зроблено для глиняного посуду, ймовірно через обмежену джерельну базу.

З'являються на сторінках наукового видання також дослідження слов'янської та черняхівської кераміки, де переважають загальні описи, хоча для останньої були здійснені спроби визначити місце глиняного посуду в поховальному обряді [23, с. 158].

До повноважень ВУАКу входили також розкопки Ольвії — єдиної та той час античної пам'ятки, що досліджувалася цією установою. Так, стаття М. Макаренка містить інформацію про історію дослідження поліса та про результати розкопок поточного року на території городища і некрополя. У масиві кераміки згадуються амфори, чорнолаковий посуд (з датуванням — V—IVст. до н. е.), черепиця. Окремі типи кераміки були атрибутовані («аттичного походження», «коринтського», «шматочки посуду клазоменського, та навкратійського» тощо). Цікавою є згадка М. Макаренка про ремонт посуду: «...особливу увагу звертають на себе ті фрагменти, що скріплені ще в старості олив'яним дротом після того, як посуд було розбито. [...] Вони свідчать про те, що аттичний посуд в Ольбії дуже цінували й не всяку розбиту річ викидали» [24, с. 96–97].

Отже, для досліджень археологічної кераміки у випусках «Коротких звідомлень...» характерне насамперед тематичне різноманіття. Не зважаючи на те, що середина 20-х рр. XX ст. відзначилася як період накопичення археологічних матеріалів, перші висновки стосовно керамічних комплексів пам'яток різних культур вже існували.

У період діяльності ВУАКу друком вийшло три з п'яти запланованих частин збірки «Хроніка археології та мистецтва» (1930–1931 рр.). Тематично вони були близькими до «Коротких звідомлень...», де публікувалися результати розкопок за попередні роки. Тема дослідження давньої кераміки не була пріоритетною, ця категорія матеріалу традиційно розглядалася в контексті вивчення матеріальної культури населення. Характерно, що у випусках «Хроніки...» вже не було зроблено акценту на трипільську культуру, натомість більше досліджувалася кераміка й гончарство слов'янської доби. Глиняні ж вироби доби енеоліту-бронзи стали основою для оглядових [25, с. 37] й узагальнюючих статей [26, с. 23–30], де кераміка була не лише етновизначальним, а й хронологічним маркером співставлення окремих груп посуду за формою та способом обробки поверхні. До того ж, на матеріалах цього періоду було виокремлено й детально досліджено знаряддя праці давніх гончарів. Наприклад, у замітці К. Коршака знаходимо інформацію про невеликі глиняні палички, які використовувалися для орнаментації поверхні посуду, що підтверджує факт знахідки стінки посудини з аналогічними відбитками [27, с. 65]. У його ж статті з третього випуску «Хроніки...» описаний також спосіб орнаментації глиняного посуду за допомогою мушель unio, для підтвердження чого автором був проведений спеціальний експеримент [28, с. 13–28].

З розширенням площ археологічних досліджень починає більше вивчатися матеріал черняхівської культури. Зокрема сюжети про кераміку «доби похоронних полів» з докладним описом форм і параметрів є в статті М. Семенчика, яка присвячена розвідкам біля м. Ромни [29, с. 69–71], а горщики-урни з вміщеними кістками, що були

випадково знайдені селянами, згадуються в повідомленні С. Магури [30, с. 51–52]. Тобто дослідження кераміки «культури римських впливів» були спорадичні і мали переважно описовий характер без узагальнюючих висновків.

Дослідження античної кераміки на початку 30-х рр. XX ст. на сторінках видань ВУАКу також були нечисленними, увага приділялася переважно окремим знахідкам з розкопок Ольвійського полісу, до яких були причетні члени Комітету. Так, наприклад, у короткому повідомленні С. Дложевського містилась інформація про херсонеську амфору з розкопок Ольвії, що стосувалось питань міжполісних контактів та клеймування керамічної тари [31, с. 67–68]. Відомо також, що в цей час досліджувалося поселення ольвійської хори Лузанівка, для якого добре проаналізована кераміка у вигляді амфор, ліпленого посуду, а також «сірого» та чорнолакового, на основі чого зроблений висновок про економічний розквіт Ольвійського полісу в ранньоелліністичний час [32, с. 31–32].

Окремо варто звернутися до досліджень слов'янської кераміки, яка в першій половині 1930-х рр. активно привертала увагу археологів. У першій частині «Хроніки…» міститься інформація О. Федоровського про розкопки Донецького городища, під час яких було відкрито гончарні горна й отримано значний масив глиняного посуду [33, с. 5–6]. Це неодмінно дало поштовх для подальших досліджень слов'янських старожитностей Дніпровського Лівобережжя. Іншим осередком дослідження матеріальної культури населення Середнього Подніпров'я ранньосередньовічної доби була територія Дніпрельстану, де вперше відкрито гончарні горна й досліджено кераміку канцерського типу [34, с. 19]. У коротких повідомленнях випусків «Хроніки…» міститься також унікальна інформація про давньоруську кераміку з розкопок на о. Березань та про так звану фарбовану слов'янську кераміку «часів раннього февдалізму» [35, с. 84; 36, с. 84–85], що неодмінно збільшило відомості про ареал поширення та типи цієї категорії матеріалу.

Привертає увагу також той факт, що в роботах дослідників неодноразово поставали питання термінології стосовно давньої кераміки. Так, В. Козловська констатувала розбіжності в назвах частин посуду («вінчик», «горлишко») [34, с. 19], К. Коршак відзначив полемічність назви глиняних виробів спеціального призначення — «пряслиці» або «котушки» [27, с. 59]; інші питання стосувалися тлумачення назв окремих форм (корчаги) та фізичних характеристик посуду [37, с. 51; 25, с. 37]. Таким чином, початок 30-х рр. XX ст. відзначився потужним сплеском археологічної діяльності ВУАКу, в якій значне місце вже посідали дослідження давньої кераміки окремих культур та підіймалися питання методики вивчення накопиченого матеріалу.

Заплановані четвертий і п'ятий випуски збірки «Хроніка археології та мистецтва» так і не вийшли друком, хоча нині відомий зміст цих видань [38, с. 769–773]. За час діяльності ВУАКу видано також збірник (перший том) «Записки Всеукраїнського археологічного комітету», де керамологічна тематика зустрічається у статтях С. Потапова та С. Дложевського. Політичні утиски та переслідування авторів за націоналізм перешкоджали розвитку української археології, а вже через короткий час значну кількість дослідників було розстріляно або засуджено.

Окремим аспектом діяльності ВУАКу, що пов'язаний з дослідженнями археологічної кераміки, є так звані методичні інструкції. У середині 20-х рр. XX ст. майже одночасно світ побачили дві такі роботи з опрацювання археологічного матеріалу. 1925 р. у видавництві Волинського науково-дослідного музею було надруковано працю С. Гамченка «Археологічні першоджерела, способи їх реєстрації та засоби охорони: короткий виклад» з коментарями І. Левицького [39]. На 27-ми сторінках цієї праці викладалися переважно роз'яснення щодо визначення «археологічної дисципліни» та першоджерел, а також щодо класифікації археологічних пам'яток та артефактів. Особлива цінність цієї роботи полягає у тому, що в ній вперше для української археології були визначені універсальні способи реєстрації стародавніх об'єктів, збереження рухомих артефактів

з метою подальшої музеєфікації та експонування. Основний акцент в інструкції був зроблений саме на описі методу обліку знахідок, який містив попередню реєстрацію, перереєстрацію, плановий опис археологічних першоджерел та засоби їх охорони. Опрацюванню наймасовішого матеріалу — кераміки — у роботі присвячені лише окремі підпункти. Зокрема автор зазначив, що така невід'ємна категорія матеріальної культури як посуд (частіше за все керамічний), може бути на пам'ятках різного типу і часто стає предметом колекціонування. Особливу увагу С. Гамченко приділив методиці археологічних розвідок, під час котрих необхідно проводити первісну обробку матеріалу, зокрема й кераміки. Із зазначеного можна зробити висновки, що в середині 20-х рр. XX ст. на території України часто відбувалися археологічні розвідки зі збором підйомного матеріалу, тому виникла нагальна проблема його первісного опрацювання та транспортування. Слід зауважити, що такі, на перший погляд, примітивні поради науковцю досі лишаються актуальними, адже спеціальних розробок з первісної обробки матеріалів так і не з'являлось, а екскурсії з розвідками ставали все популярнішим способом обстеження території з метою укладання єдиної археологічної карти.

У 1927 р. у Харкові світ побачила україномовна версія роботи О. Федоровського «Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних» [40]. Будучи дійсним членом ВУАКу, автор цієї праці тісно співпрацював з основними дослідниками археологічних пам'яток України, викладаючи актуальні та той час наукові дані. Під час складання програми для реєстрації та опису пам'яток автор радив наводити такі відомості про гончарні осередки: «Чи нема ознак виробу череп'яного посуду: шарів, або грудок перепаленої глини, огнищ з купами одноманітного череп'я тощо» [40, с. 98]. Значну увагу в дослідженні присвячено практичним засадам роботи з керамікою, а саме обмірам. Окремо О. Федоровский торкнувся питання фотографування та малювання як цілих пам'яток, так і окремих знахідок. У своїй роботі автор також порушив питання пакування і пересилання речей [40, с. 127].

Отже, слід зазначити, що до середини 20-х рр. XX ст. в українській археології вже існували інструкції для професіональних науковців, які орієнтували дослідника щодо роботи в полі та містили інформацію про основні засади «кабінетного» опрацювання матеріалів. Це були не шаблонні роботи попередників, а дійсно праці, де в доступній формі викладалися рекомендації, основою для яких був насамперед власний колосальний досвід світил тогочасної археологічної науки — С. Гамченка та О. Федоровського.

В якості підсумку варто зазначити, що не зважаючи на фінансові труднощі та політичну напруженість від середини 20-х рр. XX ст. до 1933 р., коли діяльність ВУАКу було припинено, в українській археологічній науці з'явилися тенденції, що стосувалися методичного вивчення давньої кераміки. Ця категорія матеріалу віднині стала розглядатися як потужне джерело інформації про ремісничі технології давніх майстрів, культурні контакти між окремими етнічними групами, економічні зв'язки, культову сферу життя та побут в межах конкретних поселенських структур та цілих ареалів. За час діяльності ВУАКу було окреслено основні тенденції розвитку української археології та керамології, які й нині спостерігаються в роботі сучасних дослідників.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Шовкопляс І. Г.* Археологічні дослідження на Україні (1917–1957). Огляд вивчення археологічних пам'яток. — К., 1957.
2. *Нестуля С.* Становлення Всеукраїнського археологічного комітету ВУАН (середина 1920-х років). — Полтава, 1997.
3. *Трипільська* культура на Україні. — К., 1926. — Вип. 1.

4. *Бурдо Н. Б.* Трипільська культура — 110 років досліджень // Археологія. — 2005. — № 4.
5. *Болтенко М.* Кераміка з Усатова // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
6. *Бурдо Н. Б.* Теракота трипільської культури // Давня кераміка України. Археологічні джерела та реконструкції. — 2002. — Ч. 1.
7. *Козловська В.* Точки Трипільської культури біля с. Сушківки на Гуманщині. (Розкопи року 1916) // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
8. *Козловська В.* Кераміка культури А. (З додатком щоденника розкопів р. 1925 у с. Верем'ї) // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
9. *Гамченко С.* Спостереження над даними дослідів Трипільської культури 1909–1913 рр. // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
10. *Чикаленко Л.* Нарис розвитку української неолітичної мальованої кераміки // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
11. *Щербаківський В.* Тілопальні точки і мальована кераміка // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
12. *Макаренко М.* Етюди з обсягу Трипільської культури // Трипільська культура на Україні. — 1926. — Вип. 1.
13. *Курінний П.* Дослідження Білогрудівського Могильника // КЗ ВУАК за археологічні досліди року 1925. — К., 1926.
14. *Макаренко М.* Халеп'є // КЗ ВУАК за археологічні досліди року 1925. — К.,1926.
15. *Курінний П.* Розкопи біля с. Томашівки // КЗ ВУАК за археологічні досліди року 1925. — К., 1926.
16. *Лясковронський В.* Розкопи в подвір'ї Софійського собору в Київі. Осінь 1925 р. // КЗ ВУАК за археологічні досліди року 1925. — К., 1926.
17. *Козловська В.* Розкопи на території стародавнього Боришпільського городка // КЗ ВУАК за археологічні досліди року 1925. — К., 1926.
18. *Курінний П.* Археологічна розвідка в околицях с. Колодистого над річкою Синицею на Гуманщині // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
19. *Курінний П.* Раєцька могила на Бардичівщині // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
20. *Курінний П.* Розкопи Білогрудівських могилоподібних горбів // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
21. *Безвенглінський Б.* Могила ч. XII Білогрудівського могильника біля м. Гумани // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
22. *Гамченко С.* Розкопи 1926 року в Київі (Давніша садиба В. П. Трубецького) // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
23. *Смолічев П.* Археологічні досліди в околицях м-ка Златополя, на Черкащині року 1926 (Коротке звідомлення за розкопи біля с. Маслової) // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
24. *Макаренко М.* Ольбія // КЗ ВУАК за 1926 рік. — К., 1927.
25. *Якимович М.* Археологічні досліди біля с. Захватівки (Червоний Кут) Тернівського р. Гуманської окр. з рр. 1925–1928 // ХрАМ. — 1930. — Ч. 1.
26. *Курінний П.* Важливі матеріяли щодо встановлення відносної хронології трипільських селищ // ХрАМ. — 1930. — Ч. 2.
27. *Коршак К.* З праці семінару при археологічному відділі Всеукраїнського історичного музею ім. Шевченка у Києві // ХрАМ. — 1930. — Ч. 1.
28. *Коршак К.* Черепашка unio як первісне ганчарське знаряддя // ХрАМ. — 1931. — Ч. 3.
29. *Семенчик М.* Випадкові археологічні знахідки на Роменщині // ХрАМ. — 1930. — 1931. — Ч. 1.
30. *Магура С.* Випадкові знахідки за р. 1927 // ХрАМ. — 1930. — Ч. 2.
31. *Дложевський С.* Ще одна ціла херсонеська амфора // ХрАМ. — 1930. — Ч. 1.
32. *Штейнванд Г.* Гелленістична оселя в Лузанівці біля Одеси // ХрАМ. — 1931. — Ч. 3.
33. *Федоровський О.* Археологічні розкопи в околицях Харкова // ХрАМ. — 1930. — Ч. 1.
34. *Козловська В.* Археологічні досліди на території Дніпрельстану // ХрАМ. — 1930. — Ч. 1.

35. *Розкопи* на острові Березані р. 1930 // ХрАМ. — 1931. — Ч. 3.
36. *Виявлення* фарбованої слов'янської кераміки // ХрАМ. — 1931. — Ч. 3.
37. *Козловська В.* Розкопи р. 1930 у Києві на горі Дитинці // ХрАМ. — 1931. — Ч. 3.
38. *Білокінь С.* Масовий терор як засіб державного управління в СРСР (1917–1941 рр.): Джерелознавче дослідження. — Т. 2. — Дрогобич, 2013.
39. *Гамченко С.* Археологічні першоджерела, способи їх реєстрації та засоби охорони: короткий виклад. — Житомир, 1925.
40. *Федоровський О. С.* Інструкції та програми для розвідок і реєстрації пам'яток археологічних. — Х., 1927.

Резюме

Котенко В. В. *Дослідження археологічної кераміки в період діяльності Всеукраїнського археологічного комітету*

У статті розглядаються основні тенденції в дослідженнях давньої кераміки в Україні в період від середини 20-х до першої третини 30-х рр. XX ст. У цей час головним науковим органом з організації археологічних розкопок і охорони пам'яток був Всеукраїнський археологічний комітет. Період його діяльності характеризується активізацією розкопок по всій території України.

ВУАКом було видано кілька збірок, де викладені основні результати археологічної діяльності цього періоду. У цих матеріалах міститься інформація також про дослідження давньої кераміки, яка є цінним історичним джерелом у питаннях давніх технологій, культури, економіки та побуту населення різних археологічних культур.

Вдалося з'ясувати, що в 20–30-ті рр. XX ст. в українській археології були закладені методичні основи роботи з масовою керамікою і з окремими глиняними виробами.

Ключові слова: історія науки, археологія, кераміка, Всеукраїнський археологічний комітет, видання.

Резюме

Котенко В. В. *Исследования археологической керамики в период деятельности Всеукраинского археологического комитета*

В статье рассматриваются основные тенденции в исследованиях древней керамики в Украине в период со средины 20-х до первой трети 30-х годов XX в. В это время главным научным органом по организации археологических раскопок и охраны памятников был Всеукраинский археологический комитет. Период его деятельности характеризуется активизацией раскопок по всей территории Украины.

ВУАКом было издано несколько сборников, где изложены основные результаты археологической деятельности данного периода. В этих материалах содержится информация также об исследованиях древней керамики, которая является ценным историческим источником в вопросах древних технологий, культуры, экономики и быта населения разных археологических культур.

Удалось выяснить, что в 20–30-е гг. XX в. в украинской археологии были заложены методические основы работы с массовой керамикой и с отдельными глиняными изделиями.

Ключевые слова: история науки, археология, керамика, Всеукраинский археологический комитет, издания.

Summary

V. Kotenko. *Researches of Archaeological Ceramics in the Period of the All-Ukrainian Archaeological Committee*

The article examines the main trends in the study of ancient ceramics in Ukraine in the period from the middle of 1920s until the first third of the 1930s. At this time, the main scientific authority on the organization of archaeological excavations and monuments protection was All-Ukrainian Archaeological Committee(VUAK). The period of his activity characterized by the activation of the excavations on the territory of Ukraine.

VUAK was published several collections, which were the main results of the archaeological activity at this time. These materials also contain information about the ancient ceramics research, which is a valuable historical source in matters of ancient technology, culture, economy and domestic life of the population of different archaeological cultures.

Found out that in the 20–30s of XX century in Ukrainian archeology was lay the methodological foundations for the work with mass ceramic and individual clay objects.

Key words: history of science, archaeology, pottery, All-Ukrainian Archaeological Committee (VUAK), editions.

Рецензии

А. Н. Домановский

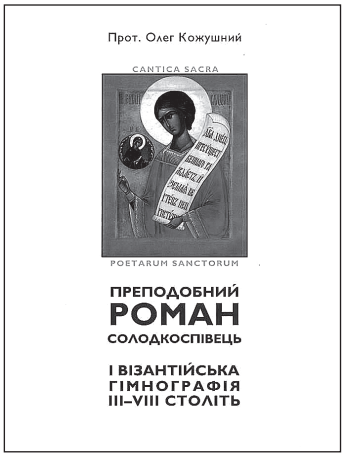
Роман Сладкопевец в окружении предшественников и последователей: украинский взгляд на византийскую гимнографию

Рецензия на книгу: *Кожушний О. В.* Преподобний Роман Солодкоспівець і візантійська гімнографія III—VIII століть. — К., 2009. — 264 с.

Византийская гимнография одинаково интересна как светским исследователям (литературоведам, филологам-классикам, византинистам, культурологам, музыковедам), так и церковным ученым (богословам-литургистам, патрологам, церковным археологам, историкам христианского искусства). Появление очередного исследования по истории византийской христианской литургической поэзии вполне закономерно и ожидаемо. Вместе с тем подобное исследование требует от ученого глубоких разносторонних знаний, прежде всего в области богословия, филологии, истории. Этим требованиям вполне отвечает протоиерей Олег Владимирович Кожушный, защитивший 14 ноября 2008 г. в Киевском национальном университете имени Тараса Шевченко диссертацию «Лексико-стилистические характеристики и жанровая наследственность византийской гимнографии III—VIII веков», представленную на соискание научной степени кандидата филологических наук. Именно на ее основе и была вскоре подготовлена рассматриваемая монография.

Несмотря на то, что работа опирается на труды многих выдающихся ученых (Ж. Б. Питри, митрополита Софрония Евстратиадиса, архиепископа Филарета Гумилевского, П. Мааса, К. Крумбахера, Г. Де Матона, В. Криста, А. Пападопуло-Керамевса, М. Н. Скабалановича, А. П. Голубцова, Е. И. Ловягина, И. А. Карабинова, А. А. Дмитриевского, Н. Д. Успенского, С. С. Аверинцева, архимандрита Киприана Керна и ряда других), малоисследованным остается творчество многих гимнографов, и немногочисленными системные исследования, в которых христианское гимнографическое наследие анализируется именно как система, а не совокупность разрозненных фактов литургической жизни. Исходя из этого О. В. Кожушный предпринял попытку комплексного (лингвистического и поэтико-богословского) компаративного исследования творчества Романа Мелода (Сладкопевца) и других гимнографов (Мефодия Патарского, Георгия Писиды, Иоанна Дамаскина).

@ А. Н. Домановский, 2017



В монографии рассмотрены шестой Пасхальний кондак, первый рождественский кондак «Мария и волхвы», первый кондак «На десять дней» Романа Мелода, «Песня десяти дев» из диалога Мефодия Патарского «Банкет», «Акафист к пресвятой Богородице» Романа Мелода — Георгия Писиды, ямбический канон на Рождество Христово преподобного Иоанна Дамаскина. Центром исследования избран жанр кондака, который объединяет гимнографические единицы разных жанров, и вокруг которого автор осуществил компаративный структурный и лексико-стилистический анализ названных произведений, определил и сравнил особенности их поэтико-богословского языка, проследил формообразующую и богословскую преемственность традиции в византийской богослужебной поэзии.

В первом разделе работы «Роман Мелод и жанр кондака как уникальное явление византийской гимнографии» прослежена история формирования жанровой системы восточнохристианской гимнографии, которая является совокупностью разнообразных песнопений, используемых в литургической практике православной церкви. Автор отмечает, что исследователи выделяют три этапа эволюции восточнохристианской гимнографии:

1) первая половина III в. — определение основных критериев нового типа богослужения, переосмысление синагогальных песнопений (псалмы, песни пророков) и первые признаки возникновения христианских жанров (антифон, светильни, славословия);
2) вторая половина III—VI вв. — интенсивный процесс жанрообразования (ектэнии, троичный, богородичный тропарь, стихира, кондак, икос);
3) начиная с VII в. — первый жанровый синтез (акафист, канон).

В процессе развития жанровой системы гимногорафии сложились пять основных групп песнопений, организованных по принципу типологически схожих признаков: 1) псалмы и происходящие от них жанры; 2) стихирно-тропарные жанры; 3) кондак, икос, акафист; 4) канон; 5) молитвословные жанры.

Исследователь рассматривает происхождение термина и жанра кондака, структуру классического кондака Романа Мелода, состоявшего из 20–30 строф (куплетов), развиваших общую тему. Кондак имел следующие составные части: вступление (иногда несколько вступлений), строфы, объединенные одинаковым метрическим строением и общим рефреном. Кроме рефрена, все произведение было объединено акростихом, состоящим из инициалов всех строф и скрывающим имя автора. Кондаки Романа Сладкопевца имели также собственный тонический размер, основанный на тонической метрике, заимствованной из сирийской поэзии того времени. Важными составляющими кондаков были также гомеотелевты, которые хотя и не стали регулярной рифмой, однако являлись основой ритмизации строфы.

Интересно наблюдение О. В. Кожушного о том, что язык произведений Романа Мелода, несмотря на мощное влияние Священного Писания и классического древнегреческого языка, оказывается «чрезвычайно близким к современным ему разговорным идиомам». «Не будет ошибкой утверждать, что Роман подает прекрасный образец литературного византийского койне периода Юстиниана».

Важным фактором поэтического языка Романа Сладкопевца являются синонимические теонимы-поэтонимы — имена собственные или синонимичные им высказывания-словосочетания, описательные конструкции. Выражались они либо одним словом, либо целым предложением. Три проанализированные О. В. Кожушным произведения содержат 59 синонимических теонимо-поэтонимов для обозначения Иисуса Христа, 14 — для обозначения Богоматери. Поэтический язык Романа Мелода богат также синонимами глаголов.

Анализ произведений Романа Сладкопевца позволил ученому выделить следующие тропы и фигуры слова и мысли, которые применял гимнограф: *гипербатон* (разъединение связанных слов, непривычный порядок слов в предложении с целью выделения отдельных его членов; впрочем, нередко он был вызван также стремлением сохраненить метрические требования), *опережение* (перестановка логической последовательности мысли), *хиазм* (хрестоподобное размещение однородных членов во взаимозависимых предложениях), *повторение*, *анафора* (вид повторения слова или выражения в начале предложения, периода или в начале колонов в рамках одного стиха), *епифора* (фигура, противоположная анафоре — повторение одинаковых слов или выражений в конце предложения, периода или в конце колонов), *охват* (схема, при которой предложение или период заканчивается тем же словом, с которого и начиналось), *полиптотон* (употребление в предложении одних и тех же слов в разных падежах), *гендиадис* (поэтический троп, при котором одно понятие мыслится как две взаимосвязанные субстанции, существующие отдельно), *перифраза* (описательный оборот, который состоит в замене явления или предмета характеристикой их признаков или особенностей), *риторический вопрос*, *восклицание* (средство выражения аффектов: удивления, гнева, радости и др.), *литота* (вариант перифразы, изображение признаков, особенностей предмета или явления в приуменьшенном виде с целью усиления признака или особенности; замена одного выражения другим, однозначным, но в форме отрицания), *оксюморон* (соединение противоположных, контрастных понятий, которое создает новый образ), *аллитерация* (повторение одинаковых согласных), *парономазия* (употребление созвучных, но разных по значению слов, игра слов), *метафора* (в произведениях Романа Мелода присутствуют метафоры из природы, общественной жизни, хозяйственной и других сфер деятельности человека), *сравнение*.

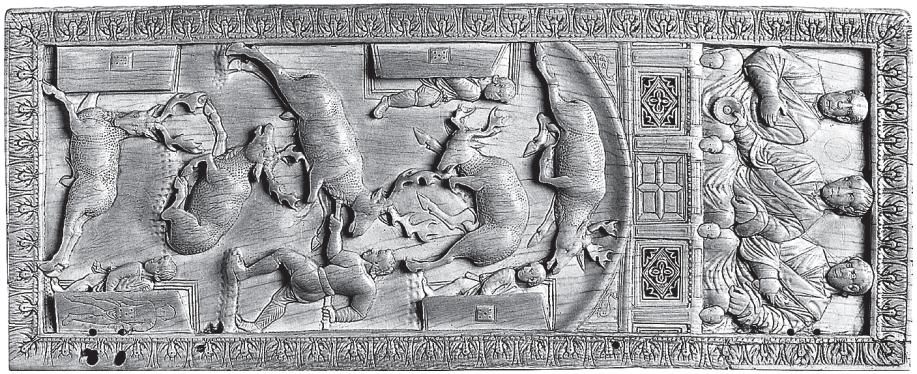
Во втором разделе «“Сирийская” и “византийская” теории происхождения жанра кондака» О. В. Кожушный осуществляет сравнительный анализ двух теорий происхождения кондаков Романа Сладкопевца. Согласно «византийской» теории архетипом для жанра кондака стала «Песнь десяти дев» из диалога писателя ранневизантийского времени Мефодия Патарского «Банкет»; согласно «сирийской» теории возникновение кондаков связано с палестинско-арамейской и сирийской гимнографической традициями, которые наиболее полно отобразились в творчестве преподобного Афрема Нисибийского, более известного как Ефрем Сирин. О. В. Кожушный считает целесообразным объединить обе теории, отдав при этом первенство «сирийской», поскольку «львиная доля «уникальности» Романа Мелода состоит именно в том, что его поэтический стиль органично соединил в себе элементы греческой поэзии и традиционных для сирийской поэзии жанров».

Исходя из этого, вначале автор осуществляет анализ творчества Ефрема Сирина в контексте сирийской поэзии, называя среди главных жанров, оказавших влияние на формирование кондака, такие: мемра (речь, стихотворный парафраз Евангелия), мадраша (многострофное богословское сочинение полемического характера, написанное в стихах с рефреном и предназначенное для сольного исполнения в сопровождении хора) и согита (стихотворение, имеющее четкую метрическую форму и состоящее из вступления, монолога или диалога, эпилога). Эти жанры плодотворно использовал в своем творчестве Ефрем Сирин. Роман Сладкопевец заимствовал от мемры связь поэмы с Евангелием, от мадраши — форму многострофной поэмы с рефреном, а от согиты — приемы драматургии. Далее исследователь рассматривает диалог «Банкет» Мефодия Патарского, осуществляя структурный и лексико-стилистический анализ «Песни десяти дев», содержащейся во 2-й главе 11-й речи этого произведения, в сравнении с жанром кондака. Это позволяет ему показать доминантное влияние творчества Мефодия Патарского на формирование жанра кондака, отметив их структурную и метрическую схожесть. К тому же, как и творчество Романа Мелода, «Песня десяти дев» богата синонимо-поэтонимами, метафорами, синонимическими рядами глаголов.

Третий раздел монографии «“Акафист к Пресвятой Богородице” как модернизированный кондак и канон как вершина эволюции гимнографии» посвящен структурному и лексико-стилистическому анализу «Акафиста к пресвятой Богородице», а также ямбического рождественского канона «Мария и волхвы» преподобного Иоанна Дамаскина. Как отмечает исследователь, анализ формы и языка «Акафиста...» свидетельствует о том, что это произведение является не только модернизированным вариантом или творческим потомком кондака Романа Сладкопевца, но и опосредованно связано с «Песней десяти дев» Мефодия Патарского, поэзией Ефрема Сирина и соответствующими жанрами сирийской народной поэзии — «вероятными архетипами кондака и акафиста». Об этом свидетельствуют как структурная преемственность, так и синонимические ряды теонимов-поэтонимов и глаголов, встречающиеся в анализируемых произведениях. Привлекает внимание схожесть заглавной надписи в канонах Иоанна Дамаскина с соответствующим элементом в кондаках Романа Сладкопевца. В целом, суммирует ученый, «ирмос вместе с тропарями канона и икосы кондака в значительной степени принадлежат к одной гимнографической традиции — сирийской».

В заключении В. О. Кожушный предлагает отказаться от сугубо хронологического либо сугубо теоретического изучения гимнографии. Он отстаивает качественно новый взгляд на проблему становления и развития восточнохристианской гимнографии с использованием музыкальной терминологии (крещендо — кульминация — диминуэндо), «где *крещендо* — это и возникновение на основе переосмысленных библейских песнопений сугубо христианских жанров (антифонов, седальных, славословия), и дальнейшее их развитие (тропарь, богородичные, стихиры, троичные); длительная *кульминация* — кондаки Романа, Акафист Богородицы (именно Акафист, а не акафисты!) и каноны первых творцов этого жанра: Андрея Критского, Косьмы Майюмского, Феофана Начертанного и Иоанна Дамаскина; *диминуэндо* — это те жанры, которые возникают со временем вследствие примата формы над содержанием и техники создания песен над богословско-поэтическим вдохновением».

Особо следует отметить наличие в работе поэтизированных переводов изученных произведений на украинский язык, которые должны привлечь внимание языковедов, литературоведов, поэтов-переводчиков, богословов-литургистов.



Научная хроника

Візантійський складник VIII Дриновських читань (Харків, 29–31 березня 2016 р.)

Продовжуючи усталену традицію, 29–31 березня 2016 р. у межах роботи Міжнародної наукової конференції VIII Дриновські читання (до 100-річчя від дня народження професора С. І. Сідельнікова та 10-річчя Центра болгаристики та балканських досліджень імені Марина Дринова) було подано доповіді з візантинознавчої тематики. Переважно вони були зосереджені у секції II «Візантія, Болгарія та Русь на роздоріжжях середньовічної історії», що працювала 30 березня 2016 р. у Центрі українських студій імені Д. І. Багалія. Керував роботою секції д-р іст. наук, професор, завідувач кафедри історії стародавнього світу та середніх віків ХНУ імені В. Н. Каразіна **С. Б. Сорочан**. Секретарські функції виконував канд. іст. наук, доцент кафедри історії стародавнього світу та середніх віків, доцент кафедри українознавства **А. М. Домановський**.

Під час роботи секції було виголошено 12 доповідей із 21 заявленої у програмі. Тематика доповідей охопила широкий спектр актуальних питань середньовічної історії Центрально-Східної Європи, відповідно до троїстої назви секції зосередившись навколо трьох головних напрямків — історії Візантії, історії Болгарії та історії Русі у їхньому поєднанні.

Переважно візантійська тематика була представлена трьома доповідями.

Олег Вус (*офіцер запасу ЗСУ, Львів*) у доповіді ***«Біля витоків Другого Риму: Підрозділи equites Dalmatae у армії Римської імперії у другій половині III—IV ст.»*** розглянув історію формування і розвитку мобільного з'єднання римської армії — Далматської кінноти. У другій половині III—IV ст. з'єднання брало активну участь у військових діях на Балканах і на Близькому Сході. На початку IV ст. кіннота Далматів увійшла до складу польової армії Константина I (306–337). З часом підрозділи equites Dalmatae були розосереджені у багатьох прикордонних гарнізонах, що дозволило суттєво зміцнити оборону Балканських провінцій Римської імперії.

У спільній доповіді ***«Античний театр і Візантія: від громадянської ідеології до християнства»*** **Оксани Ручинської** (*ХНУ імені В. Н. Каразіна*) і **Павла Михаліцина** (*викладач Харківської духовної семінарії та Київської духовної академії і семінарії*) було розглянуто трансформацію античного театру впродовж античності та раннього середньовіччя, як призвела зрештою до загибелі театру у традиційних античних формах. У Візантії театральні елементи проявилися у палацевому церемоніалі, церковній літургії, виступах мімів на іподромі, а також літургійній драмі, яка була призначена для читання, але не для постановки на сцені. Важливо зауважити, що громадянська ідеологія античного театру була знівельована у Римській імперії ще до перемоги і утвердження християнства. Саме ці позбавлені громадянського духу пізньоримські видовища, які нерідко були кривавими і/або сороміцькими, сприйняла ранньовізантійська світська культура у IV—VI ст., і саме проти них було скеровано вістря критики Отців Церкви.

@ А. М. Домановський, 2017

Доповідь ***«"Свої" та "чужі" у візантійській торгівлі: "вибіркова чесність" у соціальній етиці ромейського суспільства»*** **Андрія Домановського** було присвячено ставленню візантійців до іноземців під час торгівлі. За допомогою свідчень низки джерел середньовізантійської доби (агіографія, наративні та юридичні пам'ятки) було обґрунтовано тезу про «вибіркову чесність» у соціальній етиці ромеїв на підставі розрізнення й розділення торговельних контрагентів на «своїх» та «чужих», а також закорінення у побутову поведінку візантійців ідеалів «закритого суспільства», що, зокрема, вплинуло і на ставлення до чужоземців. Зроблено припущення, що негативне ставлення ромеїв до ксенів, етніків, варварів тощо було обумовлене широким спектром факторів, серед яких пережитки трансформованої за доби пізньої античності та раннього середньовіччя полісної свідомості, еллінське та римське зневажливо-зверхнє ставлення до варварів, державна імперська ідеологія, християнське засудження язичників, ідеали закритої християнської общини тощо.

Окремі сюжети і водночас концептуальні проблеми болгарської та давньоруської історії у тісному зв'язку з історією Візантії було розглянуто у чотирьох доповідях.

У доповіді ***«Святі князі Балкан та Русі: особливості агіографічного образу»*** **Олександра Роменського** (*«Школа мистецтв Харківської міської ради»*) було здійснено спробу порівняльної характеристики агіографічних образів Святих князів Русі і Балканських держав. Доповідач зупинився на спільному та відмінному в культах хрестителя Болгарії Св. Бориса-Михаїла, хрестителя Русі київського князя Володимира Святославича, сербського князя Іоанна-Володимира, а також страстотерпців Бориса і Гліба. Глибоко і винятково детально доповідач розглянув питання про можливий взаємовплив агіографічних топосів та традицій, час причислення представників князівських династій до сонму Святих.

Засідання секції «Візантія, Болгарія та Русь на роздоріжжях середньовічної історії»:
навколо овального столу за годинковою стрілкою: С. Б. Сорочан, О. О. Роменський, О. А. Ручинська, П. Є. Михаліцин, Т. О. Чугуй, О. Б. Козачок, А. М. Литовченко, О. О. Шевцова, М. В. Фомін, О. В. Вус

Концептуальний характер мала доповідь ***«Пошуки болгарами власної духовно-культурної ідентичності на зламі XII—XIII ст.»*** **Ігоря Шпика** (*ЛНУ імені Івана Франка*). Дослідник, зокрема, зосередив увагу на тому, що в останній чверті XII ст. болгари усвідомили значення церковно-релігійної складової для відродження власної державності. Водночас, незважаючи на ворожу позицію щодо Візантії, усе візантійське парадоксальним чином сприймалося у болгарському суспільстві як щось престижне і єдино гідне наслідування, через що болгари послідовно дотримувалися усталених візантійських цивілізаційних орієнтирів. Формат взаємодії болгар з ромеями за формулою «протистояння-симбіоз» зазнав глибокої трансформації після падіння Константинополя під ударами західноєвропейських хрестоносців 1204 р., оскільки роль духовного лідера, творця, охоронця і ретранслятора високих культурних досягнень східнохристиянської цивілізації віднині перейшла від захопленої столиці Візантії не лише до Нікеї, але й до нової столиці Болгарії — м. Тирново.

Можливі зв'язки Галицького князівства з Болгарією у останній чверті XII ст., зокрема, під час антивізантійського повстання середини 1180-х рр., було простежено у доповіді ***«Галицьке князівство і повстання болгар у середині 80-х років XII ст.»*** **Ольги Козачок** (*Інститут українознавства імені Івана Крип'якевича НАН України (Львів)*). Доповідачка розглянула дискусію щодо можливої участі військових контингентів з Русі у повстанні в Парістріоні, починаючи від праць Ф. І. Успенського і закінчуючи сучасними дослідниками (Л. В. Войтович). Твердження про допомогу Галицького князівства Болгарії під час подій 80-х рр. XII ст. засноване на кількох аргументах: географічна близькість, перебування у Галичі Івана Асеня II і порівняння даних візантійських хронік зі свідченнями «Слова о полку Ігоревім». Дослідниця звернула увагу на бідність і суперечливість наявної джерельної бази для переконливого обґрунтування будь-яких тверджень, зазначивши, що участь руських (тавроскіфів) поряд з куманськими військовими загонами на початковому етапі повстання допомогло змінити розподілення сил у Нижньому Подунав'ї на користь болгар.

Хронологічно і тематично проблематику міжнародних зв'язків західноруських князівств із Візантією і почасти Болгарією продовжила доповідь «Візантійський чинник у житті та діяльності галицько-волинського князя Романа Мстиславича» ***Тараса Чугуя*** (*Центр українських студій імені Д. І. Багалія ХНУ імені В. Н. Каразіна*). Науковець детально розглянув свідчення різноманітних джерел про усі можливі зв'язки Романа Мстиславича з Візантією, наголосивши на суттєвому значенні візантійського фактора у регіоні Південно-Західної Русі у другій половині XII — на початку XIII ст.

Окремий блок на секції склали доповіді, присвячені історії та археології візантійського Херсонеса—Херсона. Це стало цілком закономірним, оскільки у Харкові, довкола заснованої знаним істориком та археологом-античником, доктором історичних наук професором В. І. Кадєєвим кафедри історії стародавнього світу та середніх віків Харківського університету склалася наукова школа дослідників античного та середньовічного Херсонеса Таврійського. Останніми десятиліттями основний акцент її досліджень посунувся переважно до візантійської доби історії міста, що обумовлено науковими інтересами нинішнього завідувача кафедри професора **С. Б. Сорочана**, який представив на секції доповідь ***«Про характер ремесла і торгівлі візантійського Херсона VI—VII ст.»***.

У доповіді **«Про вшанування св. єп. Василея у ранньосередньовічному Херсоні» Михайла Фоміна** *(«Школа мистецтв Харківської міської ради»)* було розглянуто традицію вшанування у Херсонесі—Херсоні св. єпископа Василея, першого з семи єпископів Херсонських. З його вшануванням пов'язано кілька пам'ятників на мапі херсонеського городища: комплекс Західної базиліки, який почав формуватися довкола місця поховання святого, склеп «на землі Н. І. Тура», перебудований на меморіальну церковку на згадку про «чудо воскресіння хлопчика», описане у Житії

святого. Ще одним пам'ятником, який, на думку доповідача, може бути пов'язаний з культом святого, могла бути церква, збудована у центрі міста над місцем убивства святого і відома за джерелами як церква св. Василія.

З'ясуванню етнічного складу населення ранньосередньовічного Херсонеса—Херсона було присвячено доповідь ***«До питання про роль негрецького компонента у етнічному складі населення ранньовізантійського Херсонеса—Херсона»*** **Марії Пархоменко** (*ХНУ імені В. Н. Каразіна*). Дослідниця зазначила, що найбільший слід серед негрецького, варварського населення ранньосередньовічного Херсона залишили сармати. На початку нашої ери у етнічній картині Херсонеса з'являється єврейський компонент. Присутність інших етносів — готів, хазар і слов'ян — майже не прослідковується за археологічними матеріалами, а свідчення письмових джерел є суперечливими. Водночас дані антропології, на думку доповідачки, дозволяють припускати, що у раннє середньовіччя відбулася певна варваризація зовнішнього вигляду міських мешканців.

У проілюстрованій численними зображеннями фрагментів фресок і мозаїк доповіді ***«Монументально-образотворче мистецтво в оздобленні храму: на прикладі пам'яток візантійського Херсона VI—X ст.»*** **Анна Литовченко** (*ХНУ імені В. Н. Каразіна*) виклала узагальнене бачення системності конструктивно заданого оздоблення візантійських храмів ранньосередньовічного Херсонеса—Херсона. Ця комплексність утворювалася основними складовими монументального образотворчого мистецтва — мозаїками, фресками, скульптурними деталями. На прикладі сакральних пам'ятників візантійського Херсона VI—X ст. було здійснено спробу аналізу складників цієї цілісної системи як єдиного художнього та символічного простору. Доповідачка акцентувала увагу на особливостях взаємозв'язку та взаємодоповнюваності символів мозаїки та фрескового живопису в їхньому поєднанні з мармуровими архітектурними деталями. Окремо слід відзначити цікаву спробу прослідкувати використання світла у інтер'єрі візантійського храму.

Огляд пізньосередньовічних малих церков Херсона було здійснено у доповіді ***«Про квартальні каплиці-церкви Херсона»*** **Олександри Шевцової** (*«Школа мистецтв Харківської міської ради»*). Доповідачка звернула увагу на поширення у Херсоні XI—XIII ст. малих квартальних храмів, які в літературі традиційно називають каплицями. Наприкінці XIX — на початку XX ст. вони отримали таку назву швидше через розміри, ніж через призначення. Дослідження пам'яток переконливо доводить, що вони були квартальними церквами малих християнських общин і мали повний набір необхідних для здійснення Літургії конструктивних елементів. Ці церкви відігравали важливу роль у повсякденному житті херсонеситів.

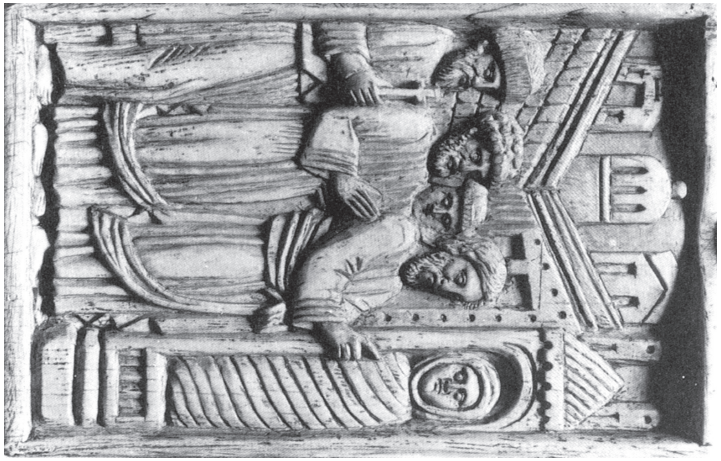
Крім доповідей у межах другої секції конференції, візантиністична проблематика була представлена також ґрунтовною доповіддю **Бориса Борисова** (*Великотирновський університет імені Св. Кирила та Мефодія*) ***«Слов'яни VI—VII ст. на території сучасної Південної Болгарії. Міф чи реальність?»***, виголошеною під час роботи першого пленарного засідання конференції 29 березня 2016 року. Науковець переконливо обґрунтував тезу про те, що масового проникнення слов'ян на південь сучасної Болгарії у VI—VII ст. не було. Їхня присутність фіксується винятково поодинокими і фрагментарними знахідками ранньослов'янської кераміки, тоді як слідів поселень чи поховань не виявлено.

У контексті дослідження протоболгарських та хозарських старожитностей до навколовізантійської тематики зверталися дослідники на секції I «Протоболгари і хозари в степах Східної Європи». Зокрема було представлено доповідь ***В'ячеслава Баранова*** (*Інститут археології НАН України*) «Між Хазарським каганатом та Візантійською імперією: праболгарські пам'ятки кінця VII — другої половини X ст. у Криму», і спільну — **Владіміра Тішина** (*Інститут сходознавства РАН*) та **Валерія Фльорова** (*Інституту археології РАН*) ***«Маяцьку фортецю спорудили***

візантійці?». Співавтори останньої доповіді, зокрема, наголошують на тому, що візантійці не брали участі у спорудженні Маяцької фортеці і припускають їхню можливу участь у спорудженні лише двох хазарських фортець — Саркела та Правобережної Цимлянської.

Нарешті, з історіографічного боку до візантиністичної проблематики звернулася в межах роботи секції VI «Історія славістики та балканістики» **Марина Домановська** (*Центр українських студій імені Д. І. Багалія ХНУ імені В. Н. Каразіна*). У доповіді «Візантія і слов'яни в навчальних курсах викладачів Харківського університету (середина XIX — початок XX ст.)» дослідниця розглянула викладацьку діяльність харківських науковців-славістів І. Срезневського, П. Лавровського, М. Дринова, Г. Ільїнського, О. Погодіна, завдяки яким курси з історії південних слов'ян, писемності і духовної культури балканських народів набули постійного статусу у навчальному процесі.

А. М. Домановський



Memoria

С. І. Посохов, І. Б. Шрамко

Погляд крізь роки

У листопаді минулого року пішов з життя **Олександр Михайлович Лєсков** — випускник історичного факультету Харківського університету, людина, що присвятила усе своє життя науці.

Олександр Михайлович народився 19 травня 1933 р. у Харкові. З першого курсу він зацікавився стародавньою історією, брав активну участь у студентському археологічному гуртку, спеціалізувався за напрямком «археологія», а дипломну роботу присвятив історії таврів. Польову археологічну практику проходив у складі експедиції під керівництвом Б. А. Шрамка. Сталий інтерес до науки та атмосфера дослідництва на факультеті сприяли остаточному визначенню майбутнього випускника. Після закінчення навчання з відзнакою 1955 р. О. М. Лєсков вступив до аспірантури Інституту археології НАН України, а 1961 р. з успіхом захистив кандидатську дисертацію на тему «Горный Крым в первом тысячелетии до нашей эры». Молодий дослідник декілька років керував розкопками на півдні України. Йому пощастило відкрити низку яскравих поховальних комплексів доби бронзи та скіфського часу. У 1972 р. він керував розкопками скіфського царського кургану Огуз. Докторську дисертацію (1975) науковець присвятив вивченню заключного етапу доби бронзи на території України.

Окремим напрямком діяльності вченого — з 1981 р. — було керівництво Відділом історії матеріальної культури та стародавнього мистецтва Державного Музею мистецтва народів Сходу у Москві. З 1981 по 1988 р. О. М. Лєсков очолював Північно-Кавказьку археологічну експедицію, здійснював розкопки відомих ульських курганів в Адигеї. Серед його учнів такий знаний спеціаліст-археолог, як д-р іст. наук А. Р. Ерліх, який вже багато років досліджує культури раннього залізного віку Кавказу.

Другу половину свого життя О. М. Лєсков працював за кордоном, він був професором Пінсельванського університету, аналізував скіфські старожитності, що зберігаються у різних європейських музеях, був науковим консультантом різних університетів. Двічі, завдяки Фонду Фулбрайта, відвідав Харківський університет, де читав лекції та здійснював наукові консультації.

Протягом усього життя Олександр Михайлович підтримував зв'язок із рідним факультетом, цікавився проблемами кафедри історіографії, джерелознавства

@ С. І. Посохов, І. Б. Шрамко, 2017

О. М. Лєсков перед читанням лекції. Харків, 2006 р.

О. М. Лєсков та С. І. Посохов. Харків, 2011 р.

Виступ О. М. Лєскова на вечорі
з нагоди його 80-річчя. Москва, 2013 р.

та археології, запропонував багато ідей щодо наукової концепції нової майбутньої постійної експозиції Музею археології університету. Він бачив Музей сучасним закладом, у якому повинні бути представлені найяскравіші знахідки університетських експедицій.

З особливим почуттям поваги ставився Олександр Михайлович до своїх вчителів. Саме зі слів щирої подяки університетським викладачам та науковцям, які сформували у ньому дослідника, розпочав він свій виступ на святкуванні свого 80-річчя у Музеї мистецтва народів Сходу у травні 2013 р. та презентував монографію «Меоты Закубанья IV—III вв. до н. э. Некрополи у аула Уляп. Святилища и ритуальне комплексы» (М., 2013), підготовлену разом із співробітниками музею.

Останні роки Олександр Михайлович працював над книгою спогадів про цікаві, найбільш важливі та яскраві події, зустрічі, відкриття, знахідки — про усі ті здобутки, що накопичуються протягом життя науковця... Книга залишилась незавершеним рукописом, проте ми впевнені, що згодом вона побачить свого читача. До речі, його коротка автобіографія і спогади про навчання на історичному факультеті та початок шляху у науці були опубліковані у «Харківському історіографічному збірнику» (2013, Вип. 12; 2014, Вип. 13).

Сьогодні згадуючи Олександра Михайловича, ми впевнено можемо казати, що він залишив вагомий, яскравий слід у археологічній науці, підготував талановитих вчених. Він назавжди запам'ятається як цільна, послідовна, поважна та відкрита людина, яка вміла визначати найважливіші стратегічні напрямки розвитку науки та реалізовувати їх.

Список сокращений

АА	—	Археологический альманах, Донецк
АВУ	—	Археологічні відкриття в Україні, К.
АДУ	—	Археологічні дослідження в Україні, К.
АЛЛУ	—	Археологічний літопис Лівобережної України, Полтава
АМСУ	—	Академія митної служби України, Дніпропетровськ
АН СССР	—	Академия наук СССР, М.
АН УРСР	—	Академія наук УРСР, К.
АО	—	Археологические открытия, М.
АОН	—	Археологические открытия на новостройках, М.
АП УРСР	—	Археологічні пам'ятки УРСР, К.
АСГЭ	—	Археологический сборник Государственного Эрмитажа, СПб.
БАН	—	Болгарская Академия наук, София
БРЭ	—	Большая Российская энциклопедия
ВВ	—	Византийский временник, М.
ВГУ	—	Воронежский государственный университет
ВДИ	—	Вестник древней истории, М.
ВЕ	—	Вестник Европы, М.; СПб.
ВНК	—	Всероссийская нумизматическая конференция
ВУАК	—	Всеукраїнський археологічний комітет, К.
ВУАН	—	Всеукраїнська Академія наук
ВХДАК	—	Вісник Харківської державної академії культури
ВХУ	—	Вестник Харьковского университета
ВЯ	—	Вопросы языкознания, М.
ГАХО	—	Государственный архив Харьковской области
ГПлНБ	—	Годишник на Пловдивската народна библиотека, Пловдив
ГПлНМ	—	Годишник на Пловдивския Народен музей, Пловдив
ГСУ	—	Годишник на Софийския университет, София
ДГ	—	Древнейшие государства Восточной Европы, М.
ЖМНП	—	Журнал Министерства народного просвещения, СПб.
ИА НАНУ	—	Институт археологии НАН Украины
ИАК	—	Известия императорской археологической комиссии, СПб.
ИБИД	—	Известия на Българското историческо дружество, София
ИИБЕ	—	Известия на Института за български език, София
ИИИ	—	Известия на Института за история, София
ИИМК РАН РО	—	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, рукописный отдел
ИИМК РАН	—	Институт истории материальной культуры Российской Академии наук, СПб.
ИНИМ	—	Известия на Националния исторически музей, София
ИНМ–Бургас	—	Известия на Народния музей, Бургас
ИП	—	Исторически преглед, София

ИРАИК	—	Известия Русского Археологического института в Константинополе, София
ИРАИМК	—	Известия Российской Академии истории материальной культуры, СПб. (Пг.)
ИРИМ-Русе	—	Известия на Регионален исторически музей, Русе
ИТУАК	—	Известия Таврической ученой архивной комиссии, Симферополь
ІА НАНУ	—	Інститут археології НАН України
КЗ ВУАК	—	Коротке звідомлення Всеукраїнського археологічного комітету, К.
КСИА	—	Краткие сообщения Института археологии АН СССР, М.
КСИА РАН	—	Краткие сообщения Института археологии РАН, М.
КСИИМК	—	Краткие сообщения Института истории материальной культуры, М.; Л.
КСОАО	—	Краткие сообщения Одесского археологического общества
МАЭСУ	—	Музей археологии и этнографии Слободской Украины, Х.
МГГУ	—	Московский государственный гуманитарный университет
МИА	—	Материалы и исследования по археологии СССР, М.; Л.
НА ІА НАНУ	—	Науковий архів Інституту археології НАН України, К.
НА ЦОДПА	—	Науковий архів Центру охорони та досліджень пам'яток археології управління культури Полтавської облдержадміністрації, Полтава
НА	—	Научный архив
НАВ	—	Нижневолжский археологический вестник, Волгоград
НАН України	—	Національна Академія наук України, К.
НМІУ	—	Національний музей історії України, К.
НС	—	Нумизматика и сфрагистика, М.
НЭ	—	Нумизматика и эпиграфика, М.
ОНУ	—	Одеський національний університет імені І. І. Мечникова
ОР ЦНБ ХНУ	—	Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
ПСРЛ	—	Полное собрание русских летописей, М.
ПФА РАН	—	Петербургский филиал архива РАН
РА	—	Российская археология, М.
СА	—	Советская археология, М.
САИ	—	Свод археологических источников, М.; Л.
СбНУНК	—	Сборник за народни умотворения, наука и книжнина, София
СВ	—	Средние века, М.
СПФАРАН	—	Санкт-Петербургский филиал архива РАН
СумДПУ	—	Сумський державний педагогічний університет імені А. С. Макаренка
СЭ	—	Советская этнография, М.
УТОПІК	—	Українське Товариство охорони пам'яток історії та культури, К.
ХИМ	—	Харьковский исторический музей
ХрАМ	—	Хроніка археології та мистецтва, К.
ХСб	—	Херсонесский сборник, Севастополь
ЦОДПА	—	Центр охорони та досліджень пам'яток археології, Полтава
ЦП НАНУ	—	Центр пам'яткознавства НАН України і Українського Товариства охорони пам'яток історії та культури, К.
ЭСБЕ	—	Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона

AA	—	Acta Archaeologica, Copenhagen
AA	—	Archäologische Anzeiger, Berlin
AAHung.	—	Acta antiqua Academiae scientiarum Hungaricae, Budapest
AB	—	Analecta Bollandiana, Bruxellis; Paris

AB	—	Archäologische Beiblatt, Wien
AE	—	L'Année Épigraphique, Paris
AJA	—	American Jornal of Archaeology, Boston
AMM	—	Acta Militaria Mediaevalia, Krakow; Rzeszow; Sanok
BerRGK	—	Bericht der Römisch-Germanischen Kommission, Frankfurt am Main
BS	—	Byzantinoslavica, Prague
CAH	—	The Cambridge Ancient History
CHI	—	The Cambridge History of Iran
CIG	—	Corpus Inscriptionum Graecarum / ed. A. Boeckhius, Berlin
CIL	—	Corpus Inscriptionum Latinarum / ed. Th. Mommsen e. a., Berlin
CQ	—	The Classical Quarterly, Cambridge
Der kleine Pauly	—	Der kleine Pauly. Lexikon der Antike, Stuttgart; München
DOP	—	Dumbarton Oaks Papers, Washington
FHG	—	Fragmenta Historicorum Graecorum, Paris
IGBR	—	Inscriptiones graecae in Bulgaria repertae / ed. G. Mihailov. Sofia
IGRR	—	Inscriptiones graecae ad res Romanas pertinentes / ed. R. Cagnat e.a., Paris
IOSPE, I²	—	Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini: Graecae et Latinae / ed. V. V. Latyschev. — Vol. I. — ed. II. — Petropolis, 1916
IPE	—	Inscriptiones Antiquae Orae Septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae / ed. B. Latyschev, Petropolis
ISM	—	Inscripţiile din Scythia Minor greceşti şi latine / Culese D. M. Pippidi, I. Stoian, E. Doruţiu-Boilă, Bucureşti
IstMitt	—	Istanbuler Mitteilungen, Tübingen
JDAI	—	Jahrbuch des Deutschen Archaeologischen Instituts, Berlin
JHS	—	The Journal of Hellenic Studies, Cambridge
JOB	—	Jahrbuch der Österreichischen Byzantinistik, Wien
KST	—	Kazi Sonuçlari Toplantisi, Ankara
OCP	—	Orientalia Christiana Periodica, Roma
PG	—	Patrologiae cursus completus. Series graeca, accurent J.-P. Migne. Patrologiae graeca, Paris
PZ	—	Prähistorische Zeitschrift, Berlin
RE	—	Paulys Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft / Hrsg. G. Wissowa, W. Kroll, K. Mittelhaus e. a., Stuttgart; München
RRC	—	*Crawford M. H.* Roman Republican Coinage. — 2 Volumes. — Cambridge, 1974
RSC	—	*Seaby H. A.* Roman Silver Coins. — 5 Volumes. — London, 1978–1987
SCIV	—	Studii şi cercetări de istorie veche, Bucureşti
SCIVA	—	Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie, Bucureşti
SHA	—	Scriptores Historia Augustae
TAD	—	Türk Arkeoloji Dergisi, Ankara
TAPA	—	Transactions of the American Philological Association, Baltimore
TTK	—	Türk Tarih Kongresi-Tebliğler

Наши авторы

Аксёнов Виктор Степанович — Харьковский исторический музей имени М. Ф. Сумцова, заведующий отделом археологии; кандидат исторических наук; aksyonovviktor@gmail.com

Ботева Диляна Василева — Университет «Св. Климент Охридски» (г. София, Болгария), профессор исторического факультета; доктор исторических наук; dilyanaboteva@yahoo.com

Бюлов Герда фон — Германский археологический институт, Римско-Германская комиссия (г. Франкфурт-на-Майне, Германия); доктор истории; vonbuelow@rgk.dainst.de

Горбаненко Сергей Анатольевич — Институт археологии НАН Украины, отдел археологии ранних славян и региональных полевых исследований, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук; gorbanenko@gmail.com

Гречко Денис Сергеевич — Институт археологии НАН Украины, отдел археологии раннего железного века, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук; ukrspadshina@ukr.net; https://orcid.org/0000-0003-3613-795X

Делев Петр — университет «Св. Климент Охридски» (г. София, Болгария), профессор исторического факультета; доктор исторических наук; pdelev@uni-sofia.bg

Домановский Андрей Николаевич — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета; кандидат исторических наук; andriy.domanovsky@karazin.ua; http://orcid.org/0000-0001-8434-3374

Дьячков Сергей Владимирович — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета, директор Харьковского университетского лицея; кандидат исторических наук; dyachkovst@gmail.com; http://orcid.org/0000-0001-7884-2572

Задников Станислав Анатольевич — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, Музей археологии, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук; maesu@karazin.ua

Ивакин Всеволод Глебович — Институт археологии НАН Украины, отдел древнерусской и средневековой археологии, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук; wkniaz16@ukr.net

Кариков Сергей Анатольевич — Национальный университет гражданской защиты Украины, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин; кандидат исторических наук; karikov.nuczu@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-5121-4103

Котенко Виктория Владимировна — Национальный музей-заповедник украинского гончарства (Опошня), ведущий научный сотрудник; Институт керамологии — отделение Института народоведения НАН Украины (Опошня), младший научный сотрудник; кандидат исторических наук; kotenkovikt@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-9172-1062

Кройтор Роман Васильевич — Университет Экс-Марсель, Средиземноморская лаборатория предыстории Европы и Африки, Средиземноморский дом наук о человеке (Экс-ан-Прованс, Франция), ассоциированный научный исследователь; Институт зоологии Академии наук Молдовы (г. Кишинёв, Молдова), старший научный сотрудник; доктор биологии; romancroitor@europe.com; https://orcid.org/0000-0003-4224-1251

Лиман Сергей Иванович — Харьковская государственная академия культуры, профессор, заведующий кафедрой туристического бизнеса; доктор исторических наук; limans@ukr.net

Мартемьянов Алексей Павлович — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков исторического факультета; кандидат исторических наук; a.p.martemyanov@gmail.com; http://orcid.org/0000-0002-2640-9037

Пеляшенко Константин Юрьевич — Харьковский исторический музей имени М. Ф. Сумцова, старший научный сотрудник отдела археологии; кандидат исторических наук; kpelasenko@gmail.com

Петречко Олег Михайлович — Дрогобычский государственный педагогический университет имени Ивана Франко, профессор, заведующий кафедрой всемирной истории; доктор исторических наук; administrator@drohobych.net; https://orcid.org/0000-0002-5535-3730

Посохов Сергей Иванович — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, профессор, заведующий кафедрой историографии, источниковедения и археологии исторического факультета; доктор исторических наук; siposokhov@gmail.com

Ромашко Александра Владимировна — Днепропетровский национальный университет имени О. Гончара, доцент кафедры историографии, источниковедения и архивоведения; кандидат исторических наук; Romashko.a.v@gmail.com

Сергеева Марина Сергеевна — Институт археологии НАН Украины, отдел археологии Киева, старший научный сотрудник; кандидат исторических наук; mar.sergeyeva@gmail.com

Сорочан Екатерина Сергеевна — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, руководитель Украинско-Итальянского академического центра, старший преподаватель кафедры прикладной социологии и социальных коммуникаций; кандидат исторических наук; esorochan@yandex.ua; https://orcid.org/0000-0001-9392-8753

Тодоров Иван Михайлов — Университет «Св. Кирилл и Мефодий» (г. Велико Тырново, Болгария), профессор исторического факультета; доктор истории; ukim@ukim.edu.mk

Чередниченко Андрей Геннадиевич — Белгородский государственный национальный исследовательский университет, докторант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения исторического факультета; кандидат философских наук; tcherednitchenkoag@mail.ru

Шрамко Ирина Борисовна — Харьковский национальный университет имени В. Н. Каразина, директор музея археологии, доцент кафедры историографии, источниковедения и археологии исторического факультета; кандидат исторических наук; i.b.shramko@karazin.ua

Our Authors

Aksyonov V. — M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Head of Department of Archeology; Ph.D. (History); aksyonovviktor@gmail.com

Boteva D. — St. Kliment Ohridski University of Sofia (Sofia, Bulgaria), Department of Ancient History and Thracian Studies, Professor of School of History; Doctor of History; dilyanaboteva@yahoo.com

Bülow G. von — German Archaeological Institute, Roman-German Commission (Frankfurt am Main, Germany); Doctor of Sciences (History); vonbuelow@rgk.dainst.de

Cherednichenko A. — Belgorod National Research University, Doctoral Student of Department of World History and Foreign Regional Studies of School of History; Ph.D. (Philosophy); tcherednitchenkoag@mail.ru

Croitor R. — Aix-Marselle University, Laboratoire méditerranéen de préhistoire Europe Afrique (LAMPEA), Maison méditerranéenne des sciences de l'homme (MMSH) (Aix-en-Provence, France), Associated Researcher; Institute of Zoology, Academy of Sciences of Moldova (Chisinau, Moldova), Senior Researcher; Doctor of Biology; romancroitor@europe.com; https://orcid.org/0000-0003-4224-1251

Delev P. — St. Kliment Ohridski University of Sofia (Sofia, Bulgaria), Department of Ancient History and Thracian Studies, Professor of School of History; Doctor of History; pdelev@uni-sofia.bg

Domanovsky A. — V. N. Karazin National University, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History of School of History; Ph. D. (History); andriy.domanovsky@karazin.ua; http://orcid.org/0000-0001-8434-3374

Dyachkov S. — V. N. Karazin National University, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History of School of History, Director of Kharkov University Lyceum; Ph. D. (History); dyachkovst@gmail.com; http://orcid.org/0000-0001-7884-2572

Gorbanenko S. — Institute of Archaeology NAS of Ukraine, Department of Archeology of the Early Slavs and Regional Field Studies, Senior Researcher; Ph.D. (History); gorbanenko@gmail.com

Grechko D. — Institute of Archaeology NAS of Ukraine, Department of Early Iron Age, Senior Researcher; Ph. D. (History); ukrspadshina@ukr.net; https://orcid.org/0000-0003-3613-795X

Ivakin V. — Institute of Archaeology NAS of Ukraine, Department of Old Russian and Medieval Archaeology, Senior Researcher; Ph.D. (History); wkniaz16@ukr.net

Karikov S. — National University of Civil Defence of Ukraine, Associate Professor of Department of Social and Humanitarian Disciplines; Ph.D. (History); 61023, Kharkov, Chernyshevskaya St., 94; karikov.nuczu@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-5121-4103

Kotenko V. — The National Museum of Ukrainian Pottery (Opishnya, Poltava region, Ukraine) — Leading Researcher; The Ceramology Institute – the branch of the Ethnology Institute of the National Academy of Sciences of Ukraine (Opishnya, Poltava region, Ukraine) — Junior Researcher; Ph. D. (History); kotenkovikt@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-9172-1062

Liman S. — Kharkiv State Academy of Culture, Professor, Head of Department of Tourism Business; Doctor of Sciences (History); limans@ukr.net

Martemyanov A. — V. N. Karazin National University, Associate Professor of Department of the Ancient and Medieval History of School of History; Ph. D. (History); a.p.martemyanov@gmail.com; http://orcid.org/0000-0002-2640-9037

Pelyashenko K. — M. F. Sumtsov Kharkiv Historical Museum, Senior Researcher of Department of Archeology; Ph. D. (History); kpelasenko@gmail.com

Petrechko O. — Drohobych Ivan Franko State Pedagogical University, Professor, Head of Department of World History; Doctor of Sciences (History); administrator@drohobych.net; https://orcid.org/0000-0002-5535-3730

Posokhov S. — V. N. Karazin National University, Professor, Head of Department of Historiography, Source Studies and Archeology of School of History; Doctor of Sciences (History); siposokhov@gmail.com

Romashko A. — O. Honchar Dnipro National Univercity, Associate Professor of Department of Historiography, Source Studies and Archival Studies; Ph.D. (History); Romashko.a.v@gmail.com

Sergeyeva M. — Institute of Archaeology NAS of Ukraine, Department of Archaeology of Kiev, Senior Researcher; Ph.D. (History); mar.sergeyeva@gmail.com

Shramko I. — V. N. Karazin National University, Director of Museum of Archaeology, Associate Professor of Department of Historiography, Source Studies and Archeology of School of History; Ph. D. (Hisroty); i.b.shramko@karazin.ua

Sorochan K. — V. N. Karazin Kharkiv National University, Director of Ukrainian-Italian Academic Center, senior lecturer at the Department of Applied Sociology and Social Communications; Ph.D. (History); esorochan@yandex.ua; https://orcid.org/0000-0001-9392-8753

Todorov I. — St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Tarnovo, Professor of School of History; Doctor of History; ukim@ukim.edu.mk

Zadnikov S. — V. N. Karazin National University, Museum of Archaeology, Senior Researcher; Ph.D. (History); maesu@karazin.ua

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

История

Чередниченко А. Г. *(Белгород, РФ).* О направлении миграций древнейших индоевропейцев 8

Мартемьянов А. П. *(Харьков).* О сельских межевых знаках первых веков нашей эры с территории Нижней Мезии и Фракии 16

Петречко О. М. *(Дрогобич).* Релігія як інструмент політики Помпея Великого 26

Sorochan K. S. *(Kharkiv).* Byzantine Spices as a Daily Byzantine Cuisine Part 34

Кариков С. А. *(Харьков).* Конфессиональные дискуссии среди саксонских теологов в 40–70-х гг. XVI века: истоки лютеранской ортодоксии 44

Археология

Гречко Д. С. *(Киев).* Об эволюции конской узды на юге Восточной Европы в VI в. до н. э. 53

Ромашко О. В. *(Дніпро).* Металеві казани як один із хроноіндикаторів пам'яток скіфської культури 71

Croitor R. *(Chisinau, Moldova).* Horse remains from Belozerka Culture monuments of South Moldova 88

Аксенов В. С. (*Харьков).* Реконструкция костюма аланских женщин по археологическим материалам раннесредневекового катакомбного могильника у с. Верхний Салтов 99

Dyachkov S. V. *(Kharkiv).* Trebuchets of the Genoese Fortress of Cembalo (XIV—XV centuries) 110

Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху»

Ботева Д. В. *(София, Болгария).* Тракийските сребърни наколенници (?) и сребърният съд от Мастюгино — възможности за алтернативна интерпретация 127

Делев П. *(София, Болгария).* Войни на север, от Филип II до Лизимах 142

Тодоров Ив. М. *(Велико Търново, Болгария).* О происхождении названия «Филиппополь» фракийского города Пульпудева (совр. г. Пловдив — Республика Болгария) 153

Bülow G. v. *(Frankfurt am Main, Deutschland)*. Romuliana — der Palast des Kaisers Galerius bei Gamzigrad (Serbia). Ein serbisch-deutsches Forschungsprojekt 160

ПУБЛИКАЦИИ

Задников С. А., Пеляшенко К. Ю. (*Харьков*). Греческий керамический импорт Циркуновского городища 166

Горбаненко С. А., Сергєєва М. С. *(Київ)*. Палеоботанічні дослідження на Горналі 181

Івакін В. Г. *(Київ)*. Елементи одягу давньоруського ремісника-гончара (за матеріалами археологічних досліджень вишгородського гончарного посаду 2013–2015 рр.) 192

ИСТОРИЯ НАУКИ

Лиман С. И. (*Харьков*). История Средних веков в творчестве А. П. Рославского-Петровского (1816–1872) 200

Котенко В. В. (*Полтава*). Дослідження археологічної кераміки в період діяльності Всеукраїнського археологічного комітету 211

РЕЦЕНЗИИ

Домановский А. Н. (*Харьков*) Роман Сладкопевец в окружении предшественников и последователей: украинский взгляд на византийскую гимнографию. *Кожушний О. В.* Преподобний Роман Солодкоспівець і візантійська гімнографія III—VIII століть. — К., 2009. — 264 с. 222

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Візантійський складник VIII Дриновських читань (*Харків, 29–31 березня 2016 р.*) ***(Домановський А. М.** (Харків))* 228

MEMORIA

Посохов С. І., Шрамко І. Б. (*Харьков*). Погляд крізь роки 234

Список сокращений 237
Наши авторы 240
Our Authors 242

CONTENTS

ARTICLES

History

Cherednichenko A. *(Belgorod, the RF)*. On the Direction of Migrations of the Earliest Indo-Europeans 8

Martemyanov A. *(Kharkov)*. Village Landmarks of the First Centuries AD from the Territory of Lower Moesia and Thrace 16

Petrechko O. *(Drohobych)*. Religion as a Policy Instrument of Pompey the Great..... 26

Sorochan K. *(Kharkiv)*. Byzantine Spices as a Daily Byzantine Cuisine Part..... 34

Karikov S. (*Kharkov)*. Confessional Debate among Saxon Theologians in 40–70s of the XVI Century: Beginning of Lutheran Orthodoxy 44

Archeology

Grechko D. *(Kiev)*. About the Evolution of Horse Bridle in the South of East Europe in the VI c. BC..... 53

Romashko O. *(Dnipro)*. Metal Boilers are One of the Chrono-indicators of the Monuments of the Scythian Culture..... 71

Croitor R. *(Chisinau, Moldova)*. Horse Remains from Belozerka Culture Monuments of South Moldova 88

Aksyonov V. *(Kharkov)*. Reconstruction of Dress of the Alanian Women in Accordance with the Archeological Materials of the Early Middle-ages Catacombal Cemetery in Verkhnii Saltov Village 99

Dyachkov S. *(Kharkiv)*. Trebuchets of the Genoese Fortress of Cembalo (XIV—XV centuries)..... 110

International Symposium "Thracian Lands and Northern Black Sea Coast in the Ancient Period"

Boteva D. *(Sofia, Bulgaria)*. The Thracian Silver Greaves (?) and the Silver Vessel from Mastyugino — Possibilities of an Alternative Interpretation..... 127

Delev P. *(Sofia, Bulgaria)*. Wars in the North, from Philip II to Lysimachus..... 142

Todorov I. *(Veliko Tarnovo, Bulgaria)*. On the Origin of the Name «Philippoplis» — the Name of the Thracian city Pulpudeva (Nowadays Plovdiv — Republic of Bulgaria)..... 153

Bülow G. von *(Frankfurt am Main, Deutschland)*. Romuliana — the Palace of the Emperor Galerius near Gamzigrad (Serbia). A Serbian-German Archaeological Cooperation 160

PUBLICATIONS

Zadnikov S., Pelyashenko K. *(Kharkov)*. Greek Ceramics Imports from Tsirkuny Hillfort 166

Gorbanenko S., Sergeyeva M. *(Kyiv)*. Palaeobotanical Kesearches in Gornal 181

Ivakin V. *(Kyiv)*. Elements of Clothing of Old Rus Craftsman-potter (Based on Archaeological Research Vishgorods Pottery Trading Quarter in 2013–2015) 192

HISTORY OF SCIENCE

Liman S. *(Kharkov)*. Medieval History in Creative Works of A. P. Roslavskiy-Petrovskiy (1816–1872) 200

Kotenko V. *(Poltava)*. Researches of Archaeological Ceramics in the Period of the All-Ukrainian Archaeological Committee 211

REVIEWS

Domanovsky A. *(Kharkov)*. Romanos the Melodist is Surrounded by Predecessors and Followers: Ukrainian View on Byzantine Hymnography. *Kozhushnyy O. V.* Prepodobnyy Roman Solodkospivets'i Vizantiys'ka Himnohrafiya III—VIII Stolit. — K., 2009. — 264 s. 222

SCIENTIFIC CHRONICLE

Byzantine Component of the 8th Drynovsky Readings (Kharkiv, 29–31 March 2016) ***(Domanovsky A. (Kharkiv))*** 228

MEMORIA

Posokhov S., Shramko I. *(Kharkiv)*. Sight Through Time 234

List of Abbreviations 234

Our Authors 237

Наукове видання

СТАРОЖИТНОСТІ 2017

Харківський історико-археологічний щорічник

Випуск 15

Українською, російською, англійською мовами

Відповідальний за випуск *С. В. Д'ячков*
Дизайн обкладинки *С. Е. Кулинич*
Комп'ютерне верстання *Ю. І. Цитковська*
Коректор *Б. О. Хільська*

Підписано до друку 15.12.2017.
Формат 70×100/16. Папір офсетний. Друк офсетний. Гарнітура MyslC.
Обл.-вид. арк. 25,1. Ум. друк. арк. 20,15. Наклад 300 пр. Ціна договірна.

Майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022, Україна.
Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна

Видавець і виготовлювач: Харківський національний університет імені В. Н. Каразіна
майдан Свободи, 4, м. Харків, 61022
Свідоцтво суб'єкта видавничої справи ДК № 3367 від 13.01.2009 р.